

Зарубежная

фантастика

ЦВЕТ НАДЕЖД - ЗЕЛЕНый

Сборник
научно-фантастических произведений

ЦВЕТ НАДЕЖД
- ЗЕЛЕНый

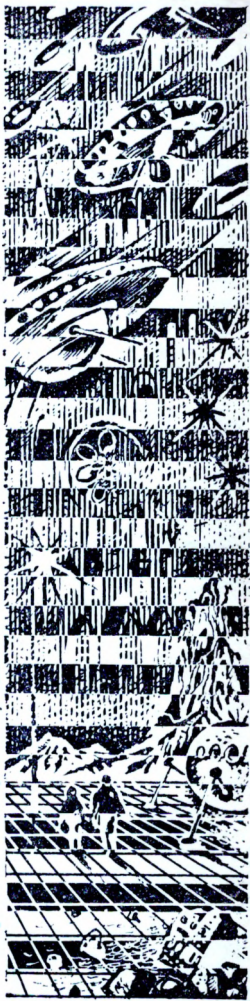
ИЗДАТЕЛЬСТВО • МИР • МОСКВА

Зарубежная

фантастика

Зарубежная

фантастика

Цвет надежд — зеленый

Сборник

научно-фантастических произведений

Перевод со шведского
Составитель Л. Жданов
Предисловие Ю. Кузнецова

МОСКВА «МИР» 1982

II (Швед)

Ц 27

Ц 27 **Цвет надежд — зеленый:** Сборник научн.-факт. произведений; Пер. со швед./Сост. Л. Жданов; Предисл. Ю. Кузнецова.— М.: Мир, 1982.— 496 с.— (Зарубежная фантастика).

В основу сборника положена одноименная повесть старейшего шведского писателя К.-Ю. Хольцхаусена. Публикуются также произведения известного шведского фантаста и издателя Сама Люндваля, рассказы Пера Линдстрёма, Фредрика Чиландера, юморески Бёрье Круны. Все произведения печатаются на русском языке впервые.

Для широкого круга любителей фантастики.

Ц $\frac{470100000-059}{041(01)-82}$ 166—82, ч. 1

ББК 84.4 (Шв)
И (Швед)

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ЦВЕТ НАДЕЖД — ЗЕЛЕНЫЙ

Ст. научный редактор И. Я. Хиденель. Мл. научный редактор М. А. Харузина. Художник Б. А. Лавров. Художественный редактор Л. Е. Безрученков. Технический редактор Г. Б. Алюлина. Корректор Н. В. Андреева

ИБ № 3061

Сдано в набор 29.12.81. Подписано к печати 20.05.82.
Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Объем 7,75 бум. л.
Усл. печ. л. 20,15. Усл. кр.-отт. 40,77. Уч.-изд. л. 20,01.
Изд. № 12/1887. Тираж 100 000 экз. Зак. 861. Цена 2 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР». Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

© Составление, перевод на русский язык, предисловие, «Мир», 1982

Мир, каким его видят шведы...

У шведского писателя-фантаста Сама Люндваля есть рассказ, где выражение «край земли» употреблено в буквальном смысле. Река срывается с обрыва — но это не простой водопад. За обрывом и далеко внизу — черная пропасть космоса, проблескивают звезды. А над обрывом собираются зеваки. Обывателям и боязно, и непонятно, и любопытно. Ведь откуда что ни день, за край земли, в неведомое уплывают, улетают — уходят люди. Те, кому невыносимо затхлое мещанское болото, бездуховное, растительное существование. Что их ждет — никто не знает. Быть может, небытие. И все же люди уходят, не оглядываясь.

Казалось бы, щемяще-печальный рассказ, но он вызывает у читателя и чувство какой-то радости, даже гордости за людей, способных на Поступки. Людей, которые могут и желают самостоятельно определять свою судьбу.

А вот другой рассказ того же автора, «Тени», вошедший в наш сборник. В нем звучит, по сути, близкая тема: обвинение обыденного, бездушного мира, тоска героев по чему-то другому, непохожему. Есть здесь и «маленький человек», от лица которого ведется повествование. Казалось бы, его функция сводится только к тому, чтобы «нажимать на кнопки», но он и ему подобные начинают попросту боять-

ся своего мира, как и исследуемых других. Они все больше отчуждаются от прочих людей, ища прибежища в здании без окон. В рассказе есть еще один персонаж: вынужденно оказавшаяся в данной действительности девушка из иной Вероятности. Она отчаянно рвется в родной мир, хотя шансов на возвращение нет никаких, а ее «действительность» обратилась «всего лишь в серый, клубящийся туман».

Эти рассказы — или лучше сказать так: проявляющийся в них подход к жизни довольно характерен для целого ряда современных шведских писателей-фантастов, для их восприятия (порой и неприятия) многих сторон нынешней западной и прежде всего шведской действительности. Они не скрывают беспокойства, а иногда и страха перед тем «обществом будущего», к которому может привести развитие некоторых тенденций и черт их общества и мира второй половины XX века.

Как известно, Швеция в силу ряда обстоятельств к середине текущего столетия оказалась в более благоприятном положении, чем многие другие государства Западной Европы. Достаточно вспомнить, что страна вот уже более полутора столетия не вела военных действий, ее миновали и две мировые войны. Шведы научились неплохо использовать свои природные ресурсы. Здесь традиционно высок уровень грамотности, местные рабочие издавна получали хорошую техническую и профессиональную подготовку, что в соединении с «северной тщательностью» в труде помогло обеспечить стране качественную, имеющую постоянный сбыт продукцию. В стране давно сложилось сильное рабочее движение, устойчивы демократические традиции. Десятилетиями у власти — не считая последних лет — почти непрерывно находилась партия социал-демократов.

Все эти факторы наряду с благоприятной эконо-

мической конъюнктурой способствовали созданию в Швеции условий относительного благополучия. Шведские трудящиеся добились определенных социально-экономических завоеваний. «Шведский уклад жизни» нес в себе черты несомненного своеобразия, проявлявшегося, в частности, в заметной тяге к поискам альтернативного капиталистическому подхода ко многим сторонам жизни, к мышлению категориями коллективизма, к усилению критического отношения к частнособственнической организации общества, настроенного на погоню за прибылью и психологию крайнего индивидуализма.

Шло время, и постепенно в стране, как и в рядах самих социал-демократов, в рабочем движении, в среде демократических сил стало проявляться все более глубокое недовольство курсом внутренней политики государственного корабля. Небезынтересно отметить два направления этого недовольства, настроений критицизма, которые нашли отражение и в произведениях настоящего сборника. С одной стороны, многим в Швеции все яснее становится непоследовательность социал-демократических правительств, их политика соглашательства с буржуазией, их фактическая порой роль чуть ли не приказчика крупного национального капитала, финансово-промышленных кругов страны.

С другой стороны, обозначилось и недовольство теми тенденциями правящих кругов, которые отражали явную тягу к увеличению роли бюрократическо-управленческого аппарата в жизни общества, к усилению контроля государства над гражданами в самых различных сферах жизни. В условиях современной Швеции это воспринималось как стремление укрепить власть горстки истинных хозяев страны, как сползание ко все более всеобъемлющей государственно-капиталистической монополии, которая опре-

деляет и контролирует не только экономическую, социальную и политическую деятельность, но и «направление мыслей» все более широких кругов народных масс.

Наш небольшой экскурс в историю социально-политического развития Швеции последних десятилетий, быть может, поможет читателю понять своеобразие того периода, которое нашло естественное отражение в творчестве многих современных шведских писателей-фантастов и столь же естественно привлекло внимание составителя сборника «Цвет надежд — зеленый». Свое название сборник получил по одноименной повести одного из старейших шведских писателей Карла-Юхана Хольцхаусена. Когда оно стоит перед «своей» повестью, мы воспринимаем его как горькую иронию, даже издевку — и над тем, как общество обошлось с героем, «маленьким человеком», обиженным судьбой и людьми, и над предложенным в рассказе «дешевым способом» решения одной из острейших социальных проблем недалекого будущего, и вообще над надеждами простого человека в обществе, которому эти надежды и заботы совершенно безразличны. Вынесенные на обложку всего сборника слова «Цвет надежд — зеленый» становятся своеобразным обобщением печальных прозрений Сама Лундвала (повесть «Мир Алисы»), сарказма Фредрика Чиландера (рассказ «Судебный процесс»), иронии Пера Линдстрёма (рассказ «Жизнь продолжается») и направленности юморесок Бёрье Круны. Все они, люди демократических или левых убеждений, не приемлют «царство чистогана», засилие монополий и крупного капитала. Они критикуют или предостерегают против проявлений бездушного, эгоистического отношения к миру и его проблемам, разоблачают так называемую «массовую» псевдокультуру, насилие рекламы над психи-

кой рядового потребителя, проявления бюрократизма и бесчеловечности и — в более широком плане — разгул порожденной социальным неравенством преступности, милитаризм, мышление категориями вульгарного дарвинизма в отношениях между народами и государствами, расами и планетами.

Разумеется, многое из перечисленного встречается и в произведениях прогрессивных представителей западной фантастики в целом. Но следует сразу подчеркнуть, что шведские мастера этого жанра, по крайней мере лучшие из них, отнюдь не эпигоны. Несмотря на стиливую и сюжетную параллельность с западной, особенно англоязычной ветвью и традициями научной фантастики, они своеобразны и самобытны — именно постольку, поскольку отражают своеобразие реалий шведской внутривнутриполитической, экономической и социальной жизни.

Строго говоря, история шведской научной фантастики ведет свое начало с последних десятилетий XIX века, но более или менее серьезные произведения этого жанра начали публиковаться в стране лишь ближе к середине текущего столетия. Как считают сами шведы (цитирую по вышедшей в 1974 г. в Швеции «Истории научной фантастики»), «своего рода вехой для развития научной фантастики в стране стал 1940 г.», когда была опубликована книга Карин Бойе «Каллокаин» (знакома советскому читателю по переводу на русский язык). Заметным явлением в фантастике стала стихотворная повесть известного шведского поэта и драматурга Харри Мартинссона «Аннара» (1956), в которой он с большой эмоциональной силой и психологизмом изобразил группу людей, улетевших к звездам и затерявшихся в безднах космоса.

В 60-х годах шведская научная фантастика разделилась на два направления. Одно из них продол-

жало линию, заимствованную из американских или английских произведений: леденящие душу видения будущего, которые лишь с натяжкой можно назвать «предостережениями», а также чисто развлекательная литература. Второе направление создали писатели, в основном молодые, которые нередко использовали форму научной фантастики, наполняя ее актуальным политическим и социальным содержанием. Из писателей этой волны советскому читателю знаком Пер Валё — по романам «Гибель 31-го отдела» и «Стальной прыжок». Можно упомянуть также Свена Нюблума, Арвида Рундберга (ему принадлежат резко сатирические повести «Последние» и «Смерть м-ра Билка»), Свена Дельбланка и особенно П. С. Ерсильда. Этот крупный шведский писатель использовал формы и мотивы научной фантастики практически во всех своих вышедших произведениях, где часто весьма резко выступал с критикой общественных порядков, бюрократии, обезчеловечивания людей, их отчужденности от себе подобных (в частности, это относится к таким произведениям, как «Увидимся в Сонгми» и «Ветеринар»).

В этом же ряду находятся и Карл-Юхан Хольцхаусен, которого сами шведы, впрочем, причисляют скорее к «моралистам» и рассказчикам, нежели к «политически zaangażированным писателям», а также Бертиль Мортенсон, Ян Лидгрэн и некоторые другие. Признанным лидером шведской фантастики последних лет — и за профессионализм, и за активность, и за последовательно демократическую, гуманистическую позицию — считается Сам Люндваль. Он долго работал в рамках жанра как переводчик, составитель антологий, редактор, а в 1972 г. издал свою первую книгу, за которой последовали и другие. Люндваль — яркая, своеобразная личность. Он принадлежит к числу людей, глубоко увлеченных науч-

ной фантастикой, ее возможностями, верит в ее влияние, много работает (в том числе в основанном им издательстве «Дельта») по сближению культур разных народов, в частности, активно способствует продвижению на шведский рынок произведений советской литературы и советской фантастики. Лучшие из вещей Люндваля в Швеции не без основания сравнивают — по духу, настроению и поэтичности — с рассказами такого «кита» фантастики, как Рэй Брэдбери. Влияние — или родство со знаменитым американским писателем-фантастом — читатель, несомненно, заметит и при ознакомлении с включенной в сборник повестью «Мир Алисы».

...Гигантская конструкция из металла и прозрачного пластика беззвучно, но чаще под бравурные звуки неоконбойской музыки, скользит в черном космосе. Вокруг нее, как правило, целый флот кораблей поменьше — в общем как испокон веку положено эскадрам в открытом море. Порой громадина даже называется «боевая звезда» или «боевая планета», чтобы подчеркнуть масштабы происходящего. Корабли носятся вдоль и поперек Млечного Пути, а то и далеко за его пределами, открывают огонь; чаще всего это «наглядные», грозно шипящие лучи лазеров или элементарные, но, конечно же, немыслимо скоростные ракеты и снаряды. Нагромождение технических чудес и трюков, головокружительные погони и столкновения и т. д. и т. п. — это реалии самых последних «завоеваний» западной фантастики на экране кино и телевидения.

«Бум» научной фантастики в кино, миллионные цифры зрителей (впервые в истории фильмы на фантастические темы вышли в самые первые ряды по посещаемости), сопутствующие спешные издания и переиздания литературных источников — все это в конце 70-х годов резко оживило на Западе интерес

к научной фантастике в целом. Впрочем, сам бум вокруг фантастических кино- и телепостановок объясняется все нарастающим в последние годы интересом публики ко всему «необычному», «удивительному», «небывалому», — к тому, что в соединении со все более утверждающейся литературной зрелостью научно-фантастического жанра открыло многим читателям возможность прикоснуться к убедительному поиску во времени и пространстве, поиску новых форм и условий не только технического прогресса, но и социального развития. К сожалению, многие (пожалуй, большинство!) из западных кино- и телеподелок на эти темы попросту спекулятивны; они переносят в космос и в будущее нравы Дикого Запада или «изысканного» имперского Востока. Но бесспорно одно: интерес к фантастике в мире усиливается.

Любопытная деталь: Джеймс Бэйен, один из, пожалуй, наиболее влиятельных западных деятелей в области современной научной фантастики, ведающий отделом научной фантастики в американском издательстве «Эйс Букс», заявил недавно, что человечеству вполне хватило бы и природных ресурсов и технических знаний, чтобы справиться с большинством сегодняшних проблем. Но, продолжает Бэйен, дело упирается в общественные интересы и соображения. И здесь, как он полагает, научная фантастика может стать средством создания «необходимой психологической атмосферы», помочь спасти «будущее рода человеческого».

С этим высказыванием американского издателя перекликается статья известного шведского писателя и критика Й.-Х. Хольмберга в одной из крупнейших шведских газет «Свенска дагбладет». По словам Хольмберга, «на пороге 80-х годов все больше людей из тех, кто работает в жанре научной фантастики,

рассматривает ее не только как развлечение, но и как инструмент воздействия на будущее... Посло распространенных в 60-е годы дефаятизма (покорность судьбе. — *Ред.*) и враждебности к технике фантастика все более подчеркнуто развивается в сторону нового и плодотворного синтеза веры в человека и реализма в подходе к науке и технике». Отражая настроения многих шведских писателей-фантастов, Хольмберг заключает: «Ранее можно было говорить о научной фантастике как о жанре, который проповедовал терпимость, предупреждал против беспокоящих черт в общественном развитии, указывал на риск неконтролируемого развития техники. Эти тенденции нашли отклик в широких кругах общества. И если сегодня можно говорить о том, что научная фантастика подобным же образом выдвигает некий „тезис” или „символ веры”, то это вера в разум, в прогресс, в то, что мы далеко еще не истощили ни человеческие, ни материальные ресурсы».

Казалось бы, ироничность слов «Цвет надежд — зеленый» находится в некотором противоречии с приведенным выше мнением. Однако необходимо напомнить, что сарказм Хольцхаусена, Чиландера, Круны и других писателей, чьи произведения вошли в сборник шведской фантастики, чаще всего направлен против античеловеческих, антигуманистических явлений, против носителей этих явлений, против их апологетов и очень часто против обывателей, страшящихся прогресса и каких-либо изменений в своей размеренной, обеспеченной жизни. А надежда — что ж, она все еще очень часто жива, даже неистребима. Она помогает авторам и их героям сохранить человечность, доброту, любовь к другим даже в среде, где власть все больше захватывают роботы и похожие на роботов люди.

Взять, например, героя или, скорее, персонажа повести Хольцхаусена — Пера Густафссона, маленького человека, почти случайного преступника. Чтобы остаться со своими близкими, не видеть над собой вместо зеленого полога леса бетонный потолок камеры, Густафссон соглашается на медицинское вмешательство, которое, по замыслу его инициаторов, должно столь же надежно, как тюрьма, держать преступника в изоляции, хотя и среди людей, одновременно сэкономив казне немалые суммы.

Правда, очень скоро Густафссон, а еще скорее изобретатель вертотона доктор Верелиус понимают, что обществу совершенно безразлично — сидит ли преступник за решеткой или выставлен на всеобщее «презрительное обозрение». По выражению доктора, «охранять-то надо не общественные интересы, а человека». В доме Густафссона на стене висит вышитая еще дедом салфетка со стихами, где, в частности, говорится: «...луг весенний — цвет надежд, а цвет надежд — зеленый». Несмотря на издевательский, по сути, характер наказания, которому подвергают Густафссона (его особым образом окрасили в зеленый цвет), слова старинного стихотворения оказываются серьезнее и сильнее предрассудков, связанных с новым положением хозяина дома. В конечном-то итоге, после ряда неожиданных поворотов в судьбе Густафссона его в сущности предоставляют самому себе; благодаря своим человеческим качествам он сохраняет и свободу и достоинство. В повести Хольцхаусена нет нарочитых фантастических эффектов, единственным фантастическим элементом текста остается медицинский эксперимент. Тем более «буднично», трезво и деловито, шаг за шагом, поворот за поворотом разоблачаются правы и порядки буржуазного «будущего» в Швеции, бессовестная игра средств информации и рекламы вокруг «необычного

Густафссона», волей обстоятельств попавшего в свет рампы.

«Мир Алисы» Сама Люндваля — литературная в буквальном смысле слова повесть. Фантазия писателя переносит нас в поистине удивительный мир, где живут герои старинных преданий, мифов, знаменитые литературные персонажи. Живут во плоти и крови, сохраняя, однако, свои сказочные атрибуты и возможности, хотя иные из них предстают перед читателем в не совсем привычном для него свете. И когда далекие потомки землян, рассудочные и сугубо практичные люди, какими их рисует Люндваль, соприкасаются с персонажами и явлениями, придуманными их предками, «здравый смысл» становится в тупик перед полетом мечты, вольного духа и игры.

И вдруг вступает мрачная фантазия. Люди попадают в город 2900-го года, где сгустились и реализовались все самые мрачные пророчества западных фантастов. «Трезвость» деловой реальности встречается здесь и смыкается с такой же, если не еще более зажатой, унылой реальностью выдуманного Мегалописа.

Новый поворот — и потомки тех, кто некогда покинул Землю, вернувшись из космоса, пытаются силой подчинить себе прародину. Война, бессмысленные сражения, милитаристский угар... Здесь с особой силой чувствуется неприятие автором безответственного бряцания оружием. Читая повесть, невольно вспоминаешь и о недавней бесславной войне, которую США вели во Вьетнаме, и о «кнопочных» стратегах Вашингтона, для которых эскалация напряженности, похоже, не что иное как шахматная партия, которую надо выиграть, не считаясь с жертвами. Возможно, Люндваль и не имел в виду таких параллелей, но если вспомнить, как осуждали шведы вьетнамскую авантюру США и как последова-

тельно этот миролюбивый народ выступает против гонки вооружений, особенно ядерных, тональность заключительных глав «Мира Алисы» представляется вполне понятной.

Справедливости ради отметим, однако, что эта повесть не однозначна. Признавая ее бесспорную гуманистическую направленность и страстную отповедь насилию и жестокости, мы вместе с тем не можем согласиться с той картиной будущего Земли, какую рисует даже такой прогрессивный шведский фантаст, как Сам Люндваль. В его повести нашли отражение безрадостные представления о будущем, характерные для современной буржуазной мысли. Не разделяя пессимистических прогнозов западных фантастов, мы глубоко убеждены, что человечество сумеет найти в себе силы, чтобы избежать тяжелых ошибок прошлого, и далекие потомки понесут к иным мирам лишь подлинные духовные богатства, накопленные за многовековую историю Земли.

Рассказы других авторов сборника — Фредрика Чиландера, Пера Линдстрёма и Бёрье Круны — перекликаются по мотивам и настроению с повестью Хольцхаусена, но еще более заостряют критику негативных сторон технического и социального развития, в частности, гипотетических, вредных для человека последствий использования «искусственного интеллекта» и робототехники. Так, в рассказе Чиландера «Судебный процесс» критика доводится до настоящего гротеска в изображении общества, где античеловеческое бездушие буквально олицетворено в судебных чиновниках-роботах, которые хладнокровно посылают людей на смерть. Здесь «общество против человека» выступает уже в самом прямом смысле.

Пер Линдстрём в рассказе «Жизнь продолжается» затрагивает довольно сложную этическую ситуа-

цию, когда человеку предлагают почти бессмертие... переводя его сознание в тело андроида. Автор явно ироничен в описании рекламно-политической кампании в США, к которой под конец «мощные силы» подключают и конгресс, чтобы одолеть сопротивление людей, не желающих становиться лишь «деталью» искусственного тела. И здесь перед читателем проходит тема «маленького человека», за которого решают, которым манипулируют и управляют сильные мира сего.

Рассказы Бёрне Круны отличает более мягкий юмор. Его сатира направлена против несуразиц современного шведского быта, гримас буржуазной коммерции, проявлений милитаризма в космосе, представлений о «межпланетной вражде». Эта последняя затрагивается, в частности, в рассказе «Вечер в Тиволи», где Круна в несколько ироническом, даже, быть может, пародийном тоне изображает столкновение на Земле представителей двух инопланетных цивилизаций — «доброй» и «злой». Человечество, по сюжету рассказа, представлено кучкой обывателей, ищущих развлечения среди аттракционов городского парка и не обращающих внимания на весьма недвусмысленное предупреждение об опасности дальнейшей гонки ядерных вооружений на Земле. А ведь именно ее пытаются использовать «злые» посланцы Проксимы Центавра, чтобы подчинить себе нашу планету. Идея рассказа, как говорится, лежит на поверхности: люди должны быть осторожнее с «военными игрушками», должны сами думать о своей судьбе, о своем будущем, не дожидаясь, что это сделает за них кто-то другой, даже очень добрый.

Любопытна также коротенькая повелла «Ящик», в которой автор в сгущенном виде излагает мысль о пеллести «безрадостного благоденствия», о том,

что человек не должен лишаться радости труда, ибо она-то и делает его человеком...

Шведов традиционно и не без причины считают народом, главные добродетели которого — миролюбие и трудолюбие. И — добрая душа, которой в нынешнем западном мире приходится опасаться бесчеловечия, обмана, насилия над достоинством личности. В наше время эта проблема волнует всех честных людей планеты. И здесь авторы сборника «Цвет надежд — зеленый» по-своему включаются в общечеловеческую борьбу за действительно светлое будущее.

Ю. Кузнецов

Карл-Юхан Хольцхаусен

Цвет надежд — зеленый

Джерри хочет морскую свинку

Цвет надежд — зеленый

1

История Швеции — это история ее королей, утверждал известный шведский историк Эрик Густав Гейер, когда, имея в виду Густава Вазу и Карла IX, писал о влиянии личности на ход истории.

В те времена так, собственно, и было.

Нынче, например, считается, что король совершил прекрасный поступок, если он, обнаружив в сугробе замерзшую девушку, помог ей добраться до дому.

Но это еще не история.

Или, например, говорят так: король был в центре внимания, когда он финишировал в ежегодном лыжном забеге Вазы — пять тысяч человек бежали впереди короля и столько же сзади.

Но ведь и это тоже еще не история.

В старину летописцы писали лишь о выдающихся личностях, оставивших свой след на извилистом пути истории. О таких, как Будда и Моисей, египетские фараоны и шведские Фолькунги, Цезарь и Соломон, но про какого-нибудь работника, слишком поздно пришедшего на работу в виноградник, в летописях не говорилось ни слова.

Нынче у нас нет недостатка в летописцах, а если вспомнить бесчисленные линзы фотоаппаратов и телеобъективов, которыми располагают средства массо-

вой информации, Аргус покажется просто слепым. Нам ежедневно преподносят разных самодовольных эстрадных певцов и певичек, кинозвезд, актеров, прославленных футболистов, юристов и преступников.

Нынешняя история Швеции — это история ее королей? Ничего подобного!

Теперь следует говорить так: история Швеции — это история ее знаменитостей.

Откуда берутся знаменитости?

Тут много возможностей. Об одной из них рассказывается в нашей истории про человека по имени Пер Густафссон.

Рядом с ним упоминается доктор Верелиус. Он тоже чуть не прославился в связи с этой историей. Но доктор однажды уже обжегся. Ему пришлось побывать в подобном переплете, и он знал, как это бывает: сначала хвалебные статьи и восторженные отзывы, восхищение и признание, потом уничтожающая критика, преследования и оскорбления. И наконец — полное забвение.

Ведь герой дня часто бывает героем только на один день.

Доктор вычеркнул случившееся из памяти. Минувало и ладно, тот эпизод, случившийся в его многолетней врачебной практике, проходившей главным образом в тюремных больницах, был давно предан забвению.

Уже третий раз за этот вечер книга выскользнула из рук доктора Верелиуса и с глухим стуком упала на коврик перед кроватью. На сей раз он не стал поднимать ее. Протянув руку к лампе, висевшей над кроватью, он погасил свет и решил спать.

Раскрывшаяся на цветной вклейке книга так и осталась лежать на полу. Она повествовала о жизни

диких животных. Красочные фотографии и минимум текста — прекрасный отдых после напряженного рабочего дня.

Сегодня доктор Верелиус долго и задумчиво смотрел на эту вклейку. Она и теперь стояла у него перед глазами: убитая косуля, снятая крупным планом. Широко открытый глаз смотрит прямо в объектив. И в этом широко открытом глазу безграничное удивление: почему? Почему это случилось со мной? И вообще, почему это случилось?

Тот же вопрос доктор прочел в глазах женщины, которая несколько часов назад сидела в его кабинете. Она неотрывно смотрела на него.

— Может, хоть вы, доктор, в силах чем-нибудь ему помочь? — спрашивала она. — Заключение убьет Пера. Он его не выдержит. Пер не может жить без общения с природой. При малейшей возможности он сразу же уезжает за город.

— Боюсь, что пока у него такой возможности не будет, — сказал доктор Верелиус.

— Его незачем изолировать. Он больше никогда не сделает ничего подобного. Он такой сдержанный, такой добрый. Это самый добрый человек на свете.

За эти четверть часа она ни разу не назвала мужа ласково — Пелле, зато не меньше десятка раз повторила Пер. На ней был темный костюм, наверно, ей казалось, что темный цвет больше соответствует ее горю.

— Один тюремщик рассказывал по радио, что его главный инструмент — ключ. Если это правда, Пер погиб.

Она была невысокая, и из-за темных волос ее бледное лицо казалось еще бледнее. Большие глаза полны отчаяния. Уже потом, после ее ухода, доктор подумал, что глаза у нее, должно быть, серые. Темно-серые. Иногда она щурилась, может, нервничала,

а может, просто хотела незаметно смахнуть слезу. Один раз у нее на реснице повисла прозрачная капля.

— Для него тюрьма хуже, чем для всех остальных, он не может жить без леса, без гор, — прибавила она.

— Да, наказание всегда неодинаково действует на заключенных, — согласился доктор Верелиус. — Закон не принимает во внимание человеческих привычек. Это может сделать только суд.

— Вы считаете, что мне следует поговорить с судьей? — тотчас спросила она.

— Это ничего не изменит. Приговор уже вынесен. Единственное, что можно сделать, это подать апелляцию, но, по мнению адвоката, это бесполезно.

— Я слышала про так называемое бесконвойное содержание заключенных. Как сделать, чтобы он попал в такое место?

— Ну, это не сразу. Может, через несколько месяцев.

— Через сколько?

— Не могу сказать, не знаю. Все будет зависеть от его поведения.

— Какое уж тут поведение... Я имею в виду, что, сидя за решеткой, Пер будет уже не самим собой, а совсем другим человеком.

Она не плакала. По крайней мере открыто. И он был благодарен ей за это. Самое неприятное, когда женщина всхлипывает и захлебывается слезами у тебя на глазах. Разговор их не имел никакого смысла, тюремный врач не в силах изменить приговор, ему пришлось несколько раз повторить ей эти слова. Через четверть часа она поднялась, пожала ему руку и поблагодарила за то, что он согласился принять ее. Она шла медленно, высоко поднимая голову.

Наказание есть наказанье. Что посеешь, то и

пожнешь. Каково сошьешь, таково и износишь. Сам накрошил, сам и выхлебай. Такова жизнь. И такой она была всегда.

Доктор хорошо помнил Пера Густафссона, в нем была какая-то упертость. Выглядел он моложе тридцати шести лет, указанных в его документах. Лицо открытое, хотя теперь, после свалившейся на него беды, он привык смотреть исподлобья. Он был немного ниже доктора Верелиуса, сантиметров сто семьдесят, не больше, хорошо сложен, гибкий и сильный; иногда во время разговора он увлекался, и тогда речь его становилась свободной и непринужденной. Но вскоре он снова переходил на односложные ответы: да, нет.

Густафссон относился к тому типу людей, у которых бывает легко на сердце, когда все обстоит благополучно, зато малейшая неудача способна повергнуть их в уныние. Наверно, он очень вспыльчив, думал доктор, но потом первый же ищет примирения. В нормальных условиях в нем должно быть что-то детское и доброе, товарищеское и азартное. Если б им довелось встретиться на равных, они наверняка стали бы друзьями. Будь они одноклассниками, они подружались бы еще в школе — только в школе, пока социальные и профессиональные условия еще не играют никакой роли, пока в жизнь не вторглись понятия «они» и «мы», можно приобрести настоящих друзей.

У доктора Верелиуса была врожденная потребность не задумываясь вступаться за слабого. Не очень удобное качество для человека, стоящего на страже интересов общества и правосудия. Доктор давно научился подавлять в себе это чувство, он держался нейтрально, его к этому вынудила

жизнь, ему пельзя было принимать сторону тех или других.

Но в молодости доктор еще не постиг этой премудрости. В университетских кругах долгое время рассказывали историю, случившуюся с Верелиусом зимой, когда он готовился к выпускным экзаменам. Он и еще двое студентов получили приглашение от своего однокурсника провести неделю в усадьбе, недавно приобретенной его отцом. Отец того студента был коммерсантом, но в свободное время душой и сердцем отдавался новой для него роли помещика.

Один из дней выдался особенно солнечным, сверкал нетронутый снег. Хозяин подал сигнал к охоте. Доктор Верелиус не был охотником. Но не воспользоваться таким случаем он не мог. Его снабдили ружьем из усадебного арсенала, и он чувствовал себя заядлым охотником, шагая со всеми через поле с ягдташем на боку и легким ружьем за спиной. Воздух был чист, нетронутый снег обновлял мир, собаки повизгивали и натягивали сворку.

Доктору случалось стрелять в тире, но охотился он впервые, ему было не по душе убивать живые существа. Он говорил себе, что его в первую очередь интересует медицина, в частности, он исследовал смертельные случаи от кровоизлияния в мозг, его интересовало, как перестает функционировать залитый кровью мозг, как отключается сознание.

На охоте доктор стоял недалеко от хозяина усадьбы и видел, как тот выстрелом сразил косулю. Она высоко подпрыгнула, порываясь бежать, но споткнулась, ноги ее подкосились и она упала совсем рядом с доктором, снег под ее лопаткой заалел от крови.

Словно загипнотизированный, доктор смотрел в глаза животного, в которых угасала жизнь. Потом он почувствовал на своем плече руку хозяина и ус-

лышал его голос:

— Видал, как их надо брать? Отличный трофей.

В тот вечер доктор вынул лишнего, он постучал по своей рюмке и произнес речь. Он благодарен, что ему позволили испытать новые ощущения. Но решительно не согласен с тем, что охота — это спорт для джентльменов. Джентльмен дерется на равных условиях, заявил доктор. Пусть с голыми руками выходит на медведя или на лося, если он что-то против них имеет. Пусть на бегу догоняет косулю или зайца. Пусть камнем убивает на лету куропатку или вальдшнепа.

— Я поднимаю бокал, — сказал он, оглядывая заядлых охотников, сидевших за столом, — седовласых старцев и самоуверенных юнцов, — но я поднимаю его не за вас, а за робких детей леса, которые не могут оказать вам сопротивления. Дай бог им жизни. Они этого заслужили. Не велик подвиг убивать их. Нажать на курок может любой коммерсант.

А, как вы помните, хозяин усадьбы и был коммерсантом.

Больше доктора туда не приглашали.

Он зевнул и почувствовал, что медленно погружается в царство сна. Но в его подсознании одно за другим снова стали всплывать воспоминания. Глаза косули и глаза женщины. Удивление и покорность: почему это случилось с нами?

Пер Густафссон был осужден за грабеж. Прокурор требовал дать ему два года, защитник же считал, что даже один год был бы слишком суровым наказанием, и ходатайствовал, чтобы срок был дан условно.

Густафссона приговорили к полутора годам тюремного заключения.

Конечно, он натворил глупостей. Тут не существовало двух мнений.

Он работал на маленькой фабрике, которая была своего рода семейным предприятием. Фабрика была небольшая, но доход приносил хороший, она выпускала косметику, кремы, лосьоны и всякую другую парфюмерную мелочь.

На таких вещах можно хорошо заработать, и потому, когда полтора десятка лет назад Густафссон пришел на фабрику, ему было ясно, что это весьма перспективное место. У хозяина, невысокого упитанного господина, не было сыновей, и, нанимая Густафссона, он несколько раз подчеркнул это обстоятельство, чтобы тот осознал, что ему будет оказано особое доверие.

Потому Густафссон никогда и не помышлял о вступлении в профсоюз. К тому же он выполнял на фабрике самую разную работу. В его ведении был склад, он отвечал за упаковку и тару, развозил товары на фабричном фургоне, а когда несколько недель были перебои с бензином, из-за которых остановилась торговля, он сам на ручной тачке доставлял лавочникам продукцию фабрики. Вступи он в профсоюз, тамошние боссы этого не одобрили бы, такие случаи уже бывали. Об этом хозяин и сказал ему в тот роковой вечер, когда они столкнулись у сейфа. За этими словами последовал удар, и хозяин, пролетев полкомнаты, рухнул на пол. Поднялся он уже только через две недели.

Верелиус почти проснулся. Он лежал в постели, закинув руки за голову, и вспоминал историю Пера Густафссона.

Место на парфюмерной фабрике оказалось далеко не таким перспективным, как надеялся Густафссон.

Сыповей у хозяйна не было, это верно. Зато у него были дочери, одна за другой они выходили замуж, а с каждой свадьбой, как гласит старая поговорка, теряешь дочь, находишь сына.

И этот сын, конечно, являлся на фабрику, в конце концов там собрались трое таких сыновей, которые сильно потеснили Густафссона на его скромном перспективном месте.

Густафссон регулярно получал небольшую прибавку к своему жалованью каждый новый год. Он был весьма признателен хозяину за эти прибавки, хотя очень скоро неизменно выяснялось, что, несмотря на очередную прибавку, денег у него на самом деле оказывалось меньше, чем было. Это был необъяснимый фокус.

Именно эти слова Густафссон употребил в беседе со своим приятелем по военной службе. Они давно не встречались и потому оба обрадовались, столкнувшись на улице однажды февральским вечером. Беседовать на улице было холодно. И приятель предложил зайти к нему выпить кофе, коньяк у него тоже был дома. Они выпили за старые воспоминания и за новые времена, и Густафссон, без сомнения, выпил на одну рюмку больше, чем ему требовалось.

Из-за этого он и пожаловался приятелю, что чем больше денег он получает, тем меньше их оказывается на деле: чтобы прожить на эти деньги, надо быть фокусником. Приятель расхохотался. Но потом, сделавшись серьезным, достал бумагу, карандаш и доказал Густафссону, что если десять лет назад он получал в месяц тысячу двести крон, то теперь за ту же работу должен получать в четыре раза больше.

Со знанием дела приятель толковал о реальной и мнимой заработной плате, об инфляции и росте

ден. Накануне он как раз заполнил налоговую декларацию и теперь достал ее вместе с прошлогодней. С их помощью он наглядно показал, что его заработная плата повышается год от года. Десять лет назад они оба получали примерно одинаково. Теперь же Густафссон получал тридцать пять тысяч в год, а его приятель — пятьдесят девять. Правда, на то были особые причины, как сказал приятель, наполнив рюмки. Но сорок четыре или сорок восемь тысяч Густафссон должен получать при любых обстоятельствах. Тогда бы он не отставал от постоянно растущей кривой всеобщего благосостояния. Одним словом, эти цифры означали, что Густафссона обманывали каждый месяц на тысячу крон. Даже если считать, что не на тысячу, а на пятьсот, и то это составило бы шесть тысяч в год. В прошлом году сумма была бы, конечно, меньше, чем в нынешнем, а в позапрошлом — меньше, чем в прошлом. Но бесспорно одно — за десять лет заработная плата Густафссона выросла бы на пятнадцать тысяч крон... если б он состоял в профсоюзе.

— На пятнадцать тысяч? — переспросил Густафссон, икнув от удивления. — На целых пятнадцать тысяч?

— Да, примерно, — ответил приятель. — Думаю, что не меньше.

— Пятнадцать тысяч, — повторил Густафссон.

Войдя в его сознание, эта сумма выросла в гору кредиток, занявшую весь стол. У Густафссона было двое детей, они с женой и детьми тряслись над каждой кроной, пусть половина этих денег ушла бы на налоги, о чем он, правда, даже не подумал, другая-то половина осталась бы все-таки у него. Каждый месяц из дохода фабрики девять тысяч забирает себе хозяин, потом идут его зятя, потом — дочери, которым тоже перепадает из этой кормушки, и са-

мым последним — Густафссон. «Но это же несправедливо», — подумал он про себя.

— Так всегда бывает, если человек не состоит в профсоюзе. — В этом приятель не сомневался. — Теперь нет ни одного текстильщика, учителя, портового рабочего, пастора или генерала, вообще ни одного человека, который не состоял бы в профсоюзе. Понимаешь, надо непременно быть членом профсоюза. Иначе ты будешь болтаться в воздухе между работодателем и... — приятель не сразу нашел подходящее слово, — и нами.

— Пятнадцать тысяч, — повторил Густафссон.

Когда он собрался уходить, на часах было уже около одиннадцати.

— Будь здоров! — сказал ему приятель на прощанье. — И помни, если ты не добьешься своего права, разрыв между твоей заработной платой и тем, что тебе следует получать, будет расти с каждым годом. Я бы на твоём месте завтра же заявил об этом во весь голос.

— Пятнадцать тысяч, — опять повторил Густафссон.

Он стоял на автобусной остановке, дул холодный северный ветер, мелкий снег ледяными иголками колот лицо. Густафссону пришлось ждать автобуса четверть часа, а будь у него эти пятнадцать тысяч, он мог бы взять такси и приехать домой, как барин.

Подошел автобус. Было скользко, заднее колесо осторожно прижалось к кромке тротуара. Густафссон уже взялся за поручни и хотел вскочить на ступеньку, как вдруг передумал и отступил в сторону.

— Вы едете или нет? — спросил кондуктор.

— Нет, я передумал.

— Жаль, что так поздно. Мы могли бы не оста-

навливаясь. И так запаздываем.

Он махнул водителю, и Густафссон увидел, как автобус скрылся в метели. Вдали показался автобус, идущий в противоположном направлении. На другой стороне улицы его ждали несколько человек. Густафссон быстро пересек улицу, последний пассажир уже стоял на ступеньке. Густафссон поднялся за ним.

Вот он сидит в автобусе. Поднятый воротник, упрямый взгляд. Этот человек может постоять за себя.

На маленькой фабрике темно. При свете уличного фонаря Густафссон отыскивает в связке ключей ключ от склада, оттуда он проходит прямо в контору.

Он знает, где хранится запасной ключ от сейфа. Надо снять с полки бухгалтерскую книгу и отодвинуть маленький черный клапан, приделанный к черной стенке книжной полки, под ним в углублении и висит нужный ключ. Ни Густафссон, ни зятья хозяина не смеют касаться сейфа, лишь старшая дочь иногда открывает его — ей отец доверяет. Много раз Густафссон видел, как она доставала ключ, когда приходили счета. Густафссону, разумеется, никогда и в голову не приходило пользоваться этим ключом, в его честности никто не сомневался. Густафссон — надежный работник, свой человек, на нем все держится. «Но ведь и надежный работник должен получать то, что ему действительно причитается», — думает Густафссон, снимая ключ.

Он проходит в кабинет хозяина, зажигает настольную лампу, и, повернув пузатый абажур, направляет свет лампы на сейф.

В сейфе лежит больше семи тысяч. Вообще-то ему причитается пятнадцать, но он не из тех, кто отступает с полдороги. Письменного контракта с на-

нимателем у него не было и нет. Он не сможет доказать, что эти деньги принадлежат ему, хотя, с другой стороны, и хозяин не сможет доказать, что они Густафссону не принадлежат. Завтра утром он придет к хозяину с цифрами и объяснит ему, сколько он получает и сколько должен получать. А потом скажет:

— Ладно, я не мелочный и не злопамятный, давайте забудем об этом, фабрику я не брошу, но мне должны платить не меньше, чем остальным.

На разных людей алкоголь действует по-разному. Одни становятся сильными, другие — смелыми, третьи начинают безудержно хвастаться, в одних он пробуждает похоть, в других — откровенность, в третьих — лживость, одни впадают в пессимизм, другие, наоборот, все видят в розовом свете.

Густафссон находился в самом что ни на есть радужном состоянии духа. С точки зрения закоренелых пьяниц, он выпил сущий пустяк, но для него этого оказалось достаточно, чтобы он мог внушить себе, что действует правильно. Просто хозяин не следит за всеобщим повышением заработной платы, рассудил Густафссон, ведь и он тоже не входит в союз работодателей, он поймет, что Густафссон хочет получить лишь то, что ему положено, ни больше ни меньше. Фабрика процветает. Такой расход хозяину вполне по карману.

А Густафссону эти деньги необходимы. Чтобы Ингрид перестала считать каждую крону, чтобы Грета и Уве получали на карманные расходы не меньше, чем их сверстники, да и ему самому уже давно требуется новый костюм. В следующем месяце хозяину стукнет шестьдесят. Густафссону предстоит указать в списке сумму, какую он внесет ему на

подарок. Придется раскошелиться на пятьдесят крон. Нет, на целую сотню, пусть все видят, что он не скряга.

Чем дальше Густафссон рассуждает об этом деле, тем больше чувствует свою правоту. Все это он рассказал на суде, наверно, именно так он и думал. Но ему никто не поверил. Ни прокурор, ни судья, ни присяжные заседатели, разве что защитник, так по крайней мере казалось, когда он пытался убедить суд, будто Густафссон свято верил в свою правоту.

И конечно, все обошлось бы, если б Густафссон, как собирался, на утро пришел бы к своему хозяину с повинной и объяснил, почему ему пришла в голову мысль взять эти деньги. По зрелом размышлении он наверняка осознал бы свою ошибку.

Но такой возможности ему не представилось.

Он стоит в кабинете хозяина, он уже захлопнул сейф, повесил на место ключ и погасил настольную лампу. Сейчас он уйдет. Неожиданно во всем здании вспыхнули неоновые лампы и на пороге показался сам хозяин.

— Что вы здесь делаете, Густафссон? — грубо закричал он.

— Я? — Густафссон на мгновение растерялся. Но только на мгновение. Тон хозяина разозлил его. Сперва тот обманул его на пятнадцать тысяч, теперь орет на него. Густафссон не сомневался в своей правоте.

— Взял то, что мне причитается.

— Что вам тут причитается?

— А то вы сами не знаете! Вы платили мне меньше, чем полагалось. На всех солидных предприятиях люди теперь получают на двадцать процентов больше, чем я, хотя десять лет назад мы с ними

получали поровну. У них заработная плата росла быстрее, чем у меня, потому что они состоят в профсоюзе. Так тянулось год за годом, а ведь сначала между нами не было никакой разницы...

— Не понимаю, о чем вы толкуете. Поговорим, когда вы протрезвеете.

Конечно, Густафссон выражал свои мысли не совсем четко. Но его точка зрения была ясна. Он чувствует, что с ним обошлись несправедливо. Его заработная плата, как образно выразился на суде защитник, шла по лестнице пешком, тогда как заработная плата других поднималась на лифте, пусть даже порой этот лифт и барахлил.

Но хозяину наплевать на доводы Густафссона. Он сердито глядит на него и вдруг замечает у него в руке деньги.

— Что это за деньги?

— Мои. Семь тысяч, чуть больше. Но это еще меньше половины того, что мне с вас причитается...

— Вы посмели взять деньги из сейфа? Немедленно положите их на место!

Хозяин достает связку ключей и делает шаг в комнату. Но Густафссон твердо уверен в своей правоте.

— Послушайте, хозяин, — говорит он, — я проработал у вас пятнадцать лет, а получаю всего тридцать пять тысяч в год, тогда как...

— Это не так уж мало. Когда я начинал, мне платили двести крон в месяц.

Ловкий работодатель любит сравнивать ежегодную зарплату своих рабочих со своим месячным заработком, который он, как новичок, получал сорок лет назад. Но Густафссон уже давно не новичок.

— Пятнадцать лет, хозяин. У всех моих приятелей заработная плата за это время выросла гораздо больше, чем у меня. Вот, посмотрите.

Он наклоняется к письменному столу, берет карандаш и тянется за бумагой.

— Что вы себе позволяете? Как вы смеете прикасаться к моему письменному столу?

— Я только хотел показать вам этот расчет на бумаге. Тогда бы вы убедились, что это действительно мои деньги.

— Немедленно положите их в сейф!

— Не положу!

Густафссон крепче сжимает в руки деньги и стискивает зубы.

— Положите их на место и уберите! И чтобы ноги вашей здесь больше не было!

— Это мои деньги, — говорит Густафссон и пытается запихнуть их в карман.

— Оставьте деньги! Или я сейчас же вызову полицию!

Густафссон похолодел. Но этот холод не имел никакого отношения к страху, просто его охватило чувство, что он сжег за собой все мосты и его ждут новые, лучшие времена. Он, точно герой фильма, осуществил акт справедливости и готов захлопнуть за собой дверь. Деньги принадлежат ему, говорить больше не о чем. Засунув их в карман, он мимо хозяина направляется к двери. Гордый и независимый.

Но все не так просто. Хозяин хватает Густафссона за плечо и пытается залезть к нему в карман.

— Только посмейте уйти с деньгами! — кричит он.

— И посмею!

Хозяин вцепляется Густафссону в воротник, чтобы удержать его. Но именно этого ему делать не следовало.

В то же мгновение Густафссон взмахнул рукой. Чтобы не потерять равновесия, скажет он потом на

суде, это не был удар. Хозяин же, напротив, будет утверждать, что это был именно удар, причем удар недозволенный, хулиганский, — левый кулак Густафссона с такой силой обрушился на челюсть хозяина, что тот растянулся на полу. На его несчастье ножки у массивного письменного стола были сделаны в виде львиных лап. Падая, он ударился лицом об одну из ножек. Он потерял сознание, челюсть у него оказалась вывихнутой и несколько зубов выбиты.

Но об этом Густафссон еще ничего не знал, он прошел через склад, спустился по лестнице и вышел на улицу. Он только отметил про себя, что хозяин замолчал, и его это обрадовало. Должно быть, понял, что Густафссон прав.

Вскоре, однако, его взяло сомнение. С каждым шагом к дому его все больше и больше охватывала тревога. Он не поехал на автобусе. Ему хотелось идти, бежать — когда человек бежит, он как бы убегает ото всех своих огорчений. Густафссон уже не раз замечал это.

По пути он сворачивает в парк, делает там несколько кругов, спускается на каток, устроенный на пруду, и начинает скользить по льду, словно решил установить новый мировой рекорд. Он похож на ребенка, который хочет идти домой, но боится.

Густафссон вдруг протрезвел. Нужно пойти домой и все рассказать Ингрид, она такая умная, все понимает, она поддержит его и уж, верно, найдет какой-нибудь выход, надо спешить. Он снова пускается бегом.

Когда Густафссон подходит к дому, у подъезда стоит полицейская машина.

Густафссона приговорили к полутора годам тюремного заключения. Ему не помогли ни чистосердечное признание, ни горькое раскаяние, ни старания защитника, представившего его образцовым супругом и отцом семейства, готовым на что угодно ради блага своих близких, отказывающимся от любых радостей и удовольствий для себя лично, здоровым, гармоничным человеком, который больше всего на свете любит общение с природой. Он, как сказал защитник, увлекается спортивным ориентированием, и это увлечение отвлекало его от всего, что должно было непосредственно его касаться. Именно поэтому он никогда не интересовался трудовыми соглашениями и профсоюзами. Его прельщала только природа. Он читал карты, как другие читают книги, — глядя на карту, он видел леса и горы, среди холмов петляли ручьи и тропинки, синели озера, долины раскрывали ему свои нежные объятия.

Так говорил защитник, с влажным блеском в глазах он рассказывал, что с самого раннего детства дети Густафссона полюбили природу, он научил их ориентироваться в любой местности, ездить на велосипеде, разбивать палатку, других летних удовольствий для этой семьи не существовало.

— Для такого человека, — говорил адвокат, — для человека, привыкшего бродить по дремучим лесам, тюремное заключение будет более тяжким, чем для любого другого, кем бы тот другой ни был.

Поэтому он просит, чтобы срок Густафссону был дан условно. Если же суд сочтет необходимым все-таки лишить Густафссона свободы, он ходатайствует, чтобы его подзащитный был отправлен в такое ме-

сто, где заключенные содержатся без конвоя, и чтобы срок приговора не превышал одного года.

Аргументы защитника оказались бумерангом, который прокурор подхватил и с завидным проворством пустил обратно.

— Для человека такого типа бесконвойное содержание будет соблазном бежать, ведь он не заблудится даже в самом глухом месте. К тому же закон не должен считаться с тем, как наказание подействует на того или иного преступника. А то каждый божий день придется приспособливать разные статьи и параграфы закона к разным преступникам. Взять, к примеру, холостяка, жениха и семейного человека: каждый из них по-своему воспримет наказание, а что касается последнего, то это наказание вообще затронет всю семью; случалось, что женам осужденных приходилось оставить работу из-за сложившейся там недружеской атмосферы. Возмущают ли нас такие факты? Безусловно! Но закон не должен принимать это во внимание. Закон суров, на то он и закон, говорили древние римляне. Параграфы не дифференцируются, мы, разумеется, можем учитывать обстоятельства, но дифференцировать параграфы мы не можем.

— Дело Густафссона совершенно ясное, — сказал прокурор и погрозил подсудимому пальцем. — Я ни минуты не верю, будто Густафссон считал себя вправе взять эти деньги, но если и так, он не имел никакого права решать этот вопрос самолично. Общество должно защищать себя от насилия. Мы должны пресекать любые попытки людей поставить себя над законом, нарушить договор. В данном случае мы имеем дело с самым обыкновенным грабежом, ибо применение насилия против человека, который пытается вернуть себе свою собственность, с точки зрения закона и есть грабеж.

Густафссон, не дрогнув, выслушал приговор. Его жена тоже не шелохнулась. Она словно застыла на своем месте. И лишь когда все покинули зал суда, она медленно, с сухими глазами поднялась со стула.

«Итак, этот маленький дом разрушен», — думал доктор Верелиус, лежа на спине со сплетенными под головой руками. Может, жене и удастся кое-что сохранить — раньше она работала в конторе полдня, теперь ей придется работать полный. Но смогут ли дети продолжать учение, она не знала, все произошло в середине учебного полугодия, и теперь учение детей зависело от того, сумеют ли они получить пособие или ссуду... Впрочем, ссуды надо возвращать, а в их семье никто не привык жить в долг.

— Старомодные предрассудки, — пробормотал доктор Верелиус себе под нос. Будучи тюремным врачом, он сумел сохранить человеколюбие, и склонность к цинизму, характерная для большинства студентов, не пустила ростков в его сердце.

Но Густафссону он ничем помочь не мог. Для него этот случай был уже перевернутой страницей. Все свершилось без его вмешательства.

Ему пора спать. Ничего не поделаешь. Он закрыл глаза и снова увидел перед собой темные глаза несчастной женщины, они были полны растерянности и недоумения, непостижимым образом они сливались с глазами убитой косули.

— Он этого не выдержит, — сказала она ему. — Пер не привык жить в заточении, не привык быть под надзором... Скажите, доктор, неужели правда, что за заключенными наблюдают с помощью телевизионных установок? За всеми их действиями?

Доктор Верелиус прекрасно понимал, что для Густафссона это будет трудное время, но тут он был бессилен. Как говорится, этот стол он не обслуживает. Вот выписать лекарство — другое дело, это его работа. Но не в его власти приказать тюремщикам предоставить Густафссону больше свободы, чем ему положено на получасовой прогулке по затянутому сеткой тюремному дворику, который заключенные прозвали куском коврижки. Доктор выписал Густафссону транквилизаторы, но тот отказался от них. Он никогда прежде не принимал лекарств и теперь тоже не намерен прибегать к их помощи.

Доктор Верелиус зажег лампу, чтобы посмотреть на будильник, в темноте он всегда путал светящиеся стрелки. Шел третий час, он провалялся без сна несколько часов, это безобразие. С возрастом его все больше и больше дожимала бессонница. Довольно, хватит с него косули, фру Густафссон и всех их вместе взятых!

Он перевернулся на другой бок, выбросил из головы все мысли, закрыл глаза и несколько раз зевнул, внушая себе, что ему очень хочется спать. Наконец он почувствовал, как медленно погружается в безмолвное царство сна.

Сперва его мозг был свободен от мыслей, а сон от сновидений. Но постепенно перед ним возникла страна грез. Доктор перенесся в давние годы своей жизни: он только что закончил учение и приехал на пасху в Копенгаген, сверкало солнце, утро было ослепительно прекрасным. Он вышел на главную улицу, там в светлых пальто и светлых платьях прогуливались светлые девушки из приличных семей. «Странно, — подумал доктор, — чем больше город, тем привлекательней в нем девушки. А может, так и

должно быть?.. Наверно, это естественно: чем больше основание у пирамиды, чем выше ее вершина, тем красивей выглядит элита».

Перед одной из витрин, заняв весь тротуар, толпился народ, Верелиус остановился с краю и напрасно тянул голову, стараясь хоть что-нибудь разглядеть из-за шляпок и шапочек.

Наконец несколько человек, стоявших перед ним, отошли и доктор увидел витрину.

Она изображала сад. В глубине стояла маленькая беседка, к которой вела песчаная тропинка, вокруг росла трава и цвели тюльпаны. И там, среди травы и тюльпанов, бродили пушистые цыплята и клевали зерно. Цыплята имели непосредственное отношение к пасхе, так что в этом смысле витрина никого не удивила. Но цвет цыплят был необыкновенным. Одни были синие, целиком синие. Синие гребешки, синие перышки, синие ноги, синие коготки, синие клювики. Другие были целиком красные, третьи — желтые, четвертые — фиолетовые.

«Наверно, их просто выкупали в краске», — подумал доктор Верелиус. Разве можно так мучить животных?

— Их выкрасили? — спросил он у стоящего рядом мужчины.

— Нет, — ответил тот. — В том-то и дело, что их не красили. Они такие и есть. Такими вылупились. Им что-то ввели, пока они были еще в зародыше. Об этом писали в газетах.

Верелиус зашел в магазин. Он купил два шоколадных яйца и марципан. Снаружи людей было больше, чем внутри, и ему представилась возможность поговорить с хозяином.

Он узнал, что цыплята и в самом деле такими родились. Хозяин магазина приобрел их в инкубаторе, где яйца особым образом обработали, зароды-

шам была сделана инъекция красящего вещества. Цыплята и внутри тоже были цветными. Даже мясо было у них синее, фиолетовое, красное и т. п. Если такой цыпленок убежит, его легко найти и вернуть владельцу. Он купил их ради оригинальной пасхальной витрины.

— Похоже, им это нисколько не мешает, — заметил Верелиус.

— Конечно, мучительством это нельзя назвать. Цыплята нормально растут и развиваются. Они ничем не отличаются от обычных, с таким же аппетитом клюют зерно и так же отлично его переваривают.

— Интересно, а сами они видят, что не такие, как все?

— Почему? В любом курятнике есть черные, белые и рябые куры. Боли окраска не причиняет. Вы же не думаете, — хозяин похлопал Верелиуса по руке, — что альбиносам причиняют боль их белые волосы и красные глаза. Если их что и мучает, так только внимание, которое они к себе привлекают. Белой вороне или белой золотой рыбке не больно от их цвета. Так и моим цыплятам. Они живут в обычном курятнике, разве что их курятник почище других.

Неожиданно хозяин магазина исчез из сна, вместе с ним исчезла песчаная тропинка, трава и тюльпаны, одно мгновение цыплята еще клевали зерно, потом их засосало вращающееся колесо всех цветов спектра, оно вращалось все быстрее и быстрее. Наконец все цвета слились в одно ослепительно белое сияние, проникшее сквозь закрытые веки доктора Верелиуса, он даже ощутил его прикосновение. Приподнявшись во сне, доктор громко произнес одно слово, потом он проснулся и снова воскликнул:

— Вертогон!

Вертогон. Обычному человеку это слово ничего не говорило, для доктора же означало юношеские мечты и великое открытие, реформу, которая должна была в корне изменить всю нашу систему правосудия. Нечто новое. Выдающееся.

Доктор окончательно пробудился. Оказывается, он уснул, не погасив лампу, и, когда повернулся на другой бок, свет ударил ему прямо в лицо.

Было около четырех. Он мог бы поспать еще несколько часов, вероятно, так и следовало поступить. Но легче сказать, чем сделать. Мысль о вертогоне завладела им без остатка. Тело его реагировало быстрее, чем сознание. Еще не приняв никакого определенного решения, он уже сел в постели, нашарил тапочки, вышел из комнаты, миновал прихожую, вызвал лифт, нажал на верхнюю кнопку и почувствовал, как этаж за этажом лифт заскользил вверх.

3

Каждое существо — это коллекционер воспоминаний. Большая часть воспоминаний хранится в бесчисленных клетках головного мозга и в подходящую, а порой и неподходящую минуту извлекается оттуда. Некоторые воспоминания хранятся в записных книжках и фотографиях, в перевязанных локонах, брелоках, кубках или тряпье. Человек смотрит на старую фотографию и заново переживает пору своей молодости, ему на глаза попадает давно забытый френч-жилет, и в красном винном пятне он вдруг видит картину неудачно закончившегося ужина; он берет в руки старую серебряную медаль и перед ним под аккомпанемент ружейного залпа его же приятелей появляются движущиеся мишени.

Но главное воспоминание доктора хранилось в большом конверте в толстой папке.

Не так уж часто доктор Верелиус заходил в свой чулан на чердаке. Он отпер дощатую дверь, стукнулся ногой о старый домкрат и сам удивился, зачем он хранит эту вещь. Сонно мигая, он глядел на гору старых кухонных табуреток, потертый чемоданчик, которым пользовался когда-то, посещая больных, и стопку иностранных журналов. Подобно большинству людей, он за свою жизнь собрал множество подобных предметов — слишком старых, чтобы ими пользоваться, и еще достаточно хороших, чтобы их просто выбросить на помойку.

Сидя на старом табурете, он просмотрел два чемодана с бумагами и наконец нашел то, что искал. Это была аккуратная связка, лежавшая между двумя большими стопками бумаги. На ней было написано: «Вертогон». Усилием воли доктор заставил себя покинуть чердак, там было слишком холодно, чтобы сидеть в халате.

Лифт все еще стоял наверху. Дом спал. Через несколько минут доктор разложил бумаги на письменном столе. Здесь было все: формулы и опыты, отзывы тюремного управления, медицинских и социальных ведомств — удивительно осторожные, словно люди, писавшие их, пытались сесть сразу на два стула от страха, что один из стульев может проломиться. И наконец решение правительства: «Утверждается... при условии, что заключенный в присутствии свидетелей выразит твердое желание... временно разрешается...»

Верелиус осторожно провел рукой по шероховатой пожелтевшей бумаге с печатями и подписями, два или три десятилетия прошло с тех пор, как он получил ее, в те времена он был еще энтузиастом.

Он нашел и свои собственные записи, касающиеся-

ся того события. Сначала казалось, будто правительство встретило в штыки его предложение, все — и премьер-министр, и референты, и все собравшиеся «фыркали и хихикали», как презрительно передал ему его доверенный. Лишь министр финансов сидел, закрыв глаза и опустив голову, будто спал. И немудрено было уснуть — выступавшие говорили вяло и монотонно.

Неожиданно министр финансов встрепенулся. Его ухо уловило несколько слов.

— Расход на содержание заключенного в настоящее время составляет двадцать пять крон в сутки или примерно десять тысяч крон в год. Расход на необходимую дозу вертотона при рациональном использовании составит всего восемь крон двадцать три эре.

— Повторите, пожалуйста, — попросил министр. Цифры повторили.

— Сколько у нас в стране заключенных?

— Две тысячи триста или немного больше.

— Если выпустить две тысячи, можно сэкономить восемнадцать миллионов, — сказал министр.

В пятидесятые годы десять тысяч крон еще считались хорошим годовым доходом. Весь годовой бюджет государства укладывался в девятизначную цифру.

Через несколько минут заседание кабинета пришло к единогласному решению: предлагалось провести опыты с вертотопом.

Однако никто не пожелал стать подопытным кроликом. Очевидно, в этом были повинны средства массовой информации. И отчасти доктор сам вызвал такую реакцию. Он согласился дать представительную пресс-конференцию, не сомневаясь, что вертотоп вызовет всеобщее одобрение.

Он просматривал свои заметки, сделанные специ-

ально для пресс-конференции. Отрицательные стороны существующей системы заключения: изоляция, половые извращения, депрессия, трудности снова приспособиться к жизни в обществе — лучшие заключенные на воле оказываются худшими, гласит старое правило. Дальше шли выгоды вертотона: для общества — сокращаются расходы на содержание заключенных, благодаря тому что многие тюрьмы можно будет просто упразднить. Для заключенного — он не будет разлучен с семьей и друзьями, сможет работать в полную силу вместо того, чтобы шить почтовые мешки и клеить конверты, сможет учиться, гулять... одним словом, сможет жить почти обычной жизнью.

На другой день в газетах появилось сообщение о пресс-конференции, которое можно было бы назвать вполне удовлетворительным, если не считать, что переврали несколько цифр и исказили фамилию врача.

А еще через день это сообщение было прокомментировано в передовицах: «Возвращение к колодкам...» «Заключенные — подопытные кролики...» «Безумный эксперимент...» «Заражение крови как способ наказания...» «„Реформа“ без гарантий...» «Такие безумные проекты приходят в голову только идеалистам...» «Остановить глупость!»

Появилась и карикатура, на которой доктор Верелиус был изображен в виде якобинца, разрушающего Бастилию.

Он пожал плечами. Тогда она очень огорчила его. Но хуже то, что он не смог продолжать своего дела. Никто не согласился подвергнуться действию вертотона. Доктор разговаривал с заключенными, совершившими самые разные преступления, говорил о выгодах и прежде всего о том, что срок заключения сокращается на треть, по желающих так и не на-

шлось. И тогда он сдался. «Может, оно и к лучшему», — думал доктор. Он выкинул из головы свою затею, постарался забыть о ней, и постепенно те воспоминания затянулись другими, накопившимися со временем.

Но то, что человек заставляет себя забыть, хранится у него в подсознании и в один прекрасный день вдруг всплывает наружу. И сплетается с другими воспоминаниями... глаза косули и Густафссон, цветные цыплята в Копенгагене и вертотон.

Наверно, это неспроста. Может, вертотону все-таки найдется применение? Теперь это еще важнее, чем раньше, — за эти годы число заключенных выросло до трех с половиной тысяч.

4

Что же такое вертотон?

Перед доктором лежал протокол пресс-конференции.

Он, помнится, показал журналистам ампулу.

— Вот мой препарат. Объем ампулы не превышает дозы, которую вы получаете при уколе у зубного врача. Одна ампула содержит пятьдесят миллиграммов красящего вещества, это растительный препарат, который я изобрел.

— Почему он называется вертотон?

— Потому что он зеленый. Если ввести его в руку, он с кровью распространится по всему телу. Красящее вещество скапливается в дерме — собственно коже — и оттуда попадает в эпидерму — верхний слой кожи. Таким образом кожа приобретает зеленый цвет. И не только кожа. Ногти и волосы тоже становятся зелеными.

— Навсегда?

— Нет, разумеется. Дерма за один раз способна усвоить лишь определенное количество препарата, как почки и другие внутренние органы. Излишек остается в крови и поглощается оттуда постепенно по мере освобождения дермы. Таким образом препарат и выводится из организма.

— Вы уже делали опыты?

— Да. На морских свинках я точно рассчитал дозу и время действия препарата.

— А на людях?

— Признаться, я испробовал этот препарат на себе. Я ввел себе небольшую дозу, рассчитав, что освобожусь от нее через две недели. Это произошло через тринадцать дней.

— У вас есть свидетели?

— Нет. Я провел этот опыт во время отпуска, специально сняв для этой цели старую заброшенную усадьбу. За все время я не видел ни одного человека.

— А теперь вы, значит, хотите, чтобы подопытными кроликами вам служили заключенные? По-вашему, им мало тюрьмы? Ведь они не смогут жить на старых заброшенных усадьбах.

— Но весь смысл в том, что заключенные и должны подвергнуться действию вертотона как раз для того, чтобы избежать тюрьмы. Принято думать, будто тюремное заключение способствует исправлению и улучшению человека. Однако, чем дольше я наблюдаю, тем больше в этом сомневаюсь. Тюремное заключение, даже самое короткое, может оказаться роковым на всю жизнь. С моим препаратом преступников не придется изолировать, а ведь преступником человек считается с той минуты, когда доказано, что он украл два десятка яиц, подделал счет, убил соперника или привез контрабандой тысячу парнейоновых чулок. Одним словом, — доктор выдержал

небольшую паузу, — одним словом, каждый, кто нарушил одиннадцатую заповедь.

— Это что же за заповедь?

— Не попадайся!

На мгновение в зале воцарилась тишина. Потом его снова начали атаковать.

— Человек, совершивший преступление, не обязательно попадает в тюрьму, — возразил кто-то. — Многие отделываются штрафом или получают условный срок.

— Но около грех тысяч все-таки попадает в тюрьму. И если кто-то из них — сперва пусть один или двое, со временем их станет больше, — согласится принять вертотон, ему не придется сидеть в тюрьме. Он сможет вернуться к семье. Нормально работать.

— Да, если найдется такой хозяин, который согласится, чтобы у него за прилавком стоял зеленый продавец.

— Зачем же идти на такую работу, где ты будешь на виду у всех. Можно найти что-нибудь другое.

— И как долго продержится краска?

— Я уже сказал, действие ее временное. Она поглощается и расходуется по мере того, как обновляется верхний слой кожи, подстригаются ногти и волосы. Можно установить, какая доза вертотона требуется для того или иного срока. Например, заключенный осужден на три года. Но его могут освободить и раньше. Это тоже будет учитываться при введении ему препарата. Дозу рассчитают на два года. К концу этого срока зеленый цвет начнет бледнеть, а вскоре и вовсе исчезнет. Это будет означать, что наказание окончено.

— И вы полагаете, что общество смирится с присутствием в нем таких цветных личностей?

— Конечно. Кто страдает от общения с неграми? Или с индийцами? Или с китайцами? Если близкие искренне привязаны к преступнику, их не смутит, что он будет выглядеть несколько необычно. Разве жена бросает мужа, когда он заболевает желтухой? Ведь человек не останется зеленым на всю жизнь. Если он приговорен к одному году заключения, он и будет зеленым только один год.

— Вот кому играть в «Ваше зеленое», — заметил некий остро слов, какие всегда находятся в любом собрании людей.

— А мне кажется, — сказал другой, — что это напоминает наказание, применяемое в варварские времена, когда преступникам отрезали носы и уши.

— Отрезанный нос не вырастает. А зеленый цвет исчезнет. Так или иначе, но, согласно закону, преступник должен понести наказание. К тому же введение вертотона совершенно безболезненно.

— Предположим. Но страх перед людьми иногда возникает и не из-за такой серьезной вещи. Ведь вы сами спрятались от людей, когда проводили на себе этот опыт.

— Только для того, чтобы сохранить все в тайне. Конечно, человеку принявшему вертотон, не захочется таким образом разглашать всем, что он совершил преступление. Он сможет работать где-нибудь в лесу или в ночную смену, сможет брать работу домой. Посещать футбольные матчи или сидеть в кабаке — не самое главное в жизни. Неужели вы серьезно думаете, что преступников, сидевших в тюрьме, не узнавали, когда они выходили на свободу?

— Но ведь человека, ставшего зеленым, могут заподозрить в более тяжком преступлении, чем то, которое он совершил? Представьте себе двух преступников, один осужден за какой-то пустяк, вто-

рой — за насилие. Где гарантия, что люди не припишут первому преступлению второго?

— Преступления можно дифференцировать цветом. Тут возможны всякие нюансы. Мне нетрудно изготовить подобные препараты красного, синего, фиолетового... всех цветов спектра. Эту группу я назвал бы «пунифер».

Ненадолго воцарилась тишина. Доктор Верелиус уже приготовился спрятать свои бумаги в портфель, когда ему задали новый вопрос:

— Уточните, пожалуйста. Если я правильно понял, цвет распространится на все тело и будет сразу бросаться в глаза?

— Да, при дневном свете и при ярком освещении. В полумраке или в сумерках он будет не так заметен.

— Гм. Но ведь преступники обычно предпочитают как раз сумерки. И еще, как такой человек будет искать себе работу? Не может же он требовать, чтобы работодатель встречался с ним по вечерам?

— Всегда были и есть люди, которые стараются помочь тем, кто вышел из заключения или получил условный срок. Не сомневаюсь, что найдутся желающие помочь и в данном случае. Собственно, цвет — это, если так можно выразиться, особый вид наказания. Заключение не будут принуждать к введению вертотона, не будут давать его тайно или обманом. Если заключенный предпочтет тюрьму, это его дело. Но если он предпочтет стать цветным и таким образом обрести свободу, он ее получит. Выбор принадлежит ему.

— Значит, и тут полная демократия, — заметил кто-то.

Обычно пресс-конференции заканчиваются словами одобрения, участники пожимают друг другу руки и расходятся. На сей раз слышались лишь отдель-

ные слова, вроде «пока», «поживем — увидим». Никто не хотел связывать себя, высказав какое-либо определенное мнение.

Определенное мнение было высказано в передовицах газет. Однако и юмористы не удержались от высказываний.

«Теперь ясно, что значит подцветить существование, — писал один. — Скоро мы будем встречаться с синими растратчиками, фиолетовыми контрабандистами и шоферами, осужденными за пьянство, у которых красным будет не только нос. Думаю, что цвет не помешал бы и некоторым вполне безобидным людям. Веселый цвет одуванчика прекрасно подошел бы моему другу Д., который всегда пытается перехватить пятерку. Тогда ему не пришлось бы всякий раз объявлять, что он сидит на мели».

Было уже восемь, когда доктор Верелиус отложил последний листок. Самое время побриться, выпить кофе и встретить новый рабочий день.

Может, он тогда что-то упустил из виду, как-нибудь глупо выразился, что вообще помешало его вертотону? Как, интересно, обстояли бы дела сегодня, добейся он тогда своего? Теперь доктору казалось, что он слишком легко сдался. Убеждая заключенных, не проявил должной настойчивости. Он возлагал надежды на двух-трех человек, но, когда дошло до дела, они тоже испугались и попросили обычное лекарство. Может, для вертотона просто еще не пришло время?

Ну, а теперь? Спустя три десятилетия после провала? Надо выяснить, действительно ли еще то временное разрешение.

Один юрист посоветовал ему обратиться непосредственно в правительство.

— Просто сослаться на старое временное разрешение нельзя — это чревато неприятностями. Но не вмешивайте в это дело другие инстанции, — посоветовал юрист. — Они уже высказали свою точку зрения, и было бы глупо дать им возможность ее изменить. К тому же медицинские и социальные ведомства теперь слились. Обратитесь непосредственно к правительству. Объясните, что речь идет лишь о том, чтобы претворить в жизнь старое решение.

Это был дельный совет, но Верелиус не мог удержаться, чтобы не привести в пользу вертотона еще один аргумент. Дело в том, что за последнее время участились побег из тюрем. По словам одной газеты, за прошедшие годы их число перевалило за четыре сотни. Доктор просмотрел годовые подшивки и присовокупил несколько вырезок:

«Заклученный, отпущенный для рождественских покупок, засыпал перцем глаза сопровождающему».

«Грузовик, словно танк, прорвался сквозь тюремные ворота. Троиим заключенным удалось скрыться».

«Заклученные взяли штурмом машину, увозившую мусор, и бежали на ней».

«Один заключенный всадил нож в горло тюремщику, забрал у него связку ключей и бежал».

В своем письме правительству доктор доказывал, что вертотон помешает подобным случаям. Зеленого человека не потребуется охранять — от цвета кожи

не убежишь. Правительство должно высказать свое мнение.

Как раз в тот день в верхах произошло нечто неожиданное. Глава одного отдаленного государства получил долгожданную возможность продемонстрировать свой демократический образ мыслей. Но в последнюю минуту, почувствовав, что насиженное место заколебалось под ним, он затрубил во все трубы, бросил за решетку пятнадцать тысяч подданных, повелел привести в готовность гильотину и приказал своим послам сообщить, что он перешел в наступление и горит нетерпением схлестнуться с нашим премьер-министром. Правительство узнало об этом в одиннадцать утра, когда все расположились, чтобы попить кофе.

Премьер-министр был изрядно смущен:

— У этого человека деликатности не больше, чем у свиноматки, — пробормотал он, прибегнув к своим излюбленным крестьянским образам. — Как, по-вашему, мне следует поступить?

— Полагаю, что начнутся стихийные демонстрации, — заметил министр юстиции.

— Что-то необходимо предпринять. — Таково было мнение министра внутренних дел.

— А не послать ли нам его к черту? — спросил министр финансов.

— Увы, это противоречит дипломатической куртуазности, — ответил министр иностранных дел. — Между мужчинами это еще допустимо, но ведь я женщина.

— Мы обсудим этот вопрос на сегодняшнем заседании, — решил премьер-министр и склонился над селектором.

Вопрос был внесен в повестку дня сегодняшнего заседания восемнадцатым, последним пунктом.

На заседании все, как сговорившись, старались

поскорей решить первые семнадцать вопросов. С быстротой, достойной восхищения, докладчики делали доклады, машинистки их перепечатывали, ответственные лица подписывали. Пункт за пунктом редел лес мелких дел. Только и слышалось «бу-бу-бу», «жу-жу-жу», «да-да-да». Вдруг министр юстиции наострил уши:

— А это еще что такое?

— Одно старое дело, которое обсуждалось в правительстве еще в середине пятидесятых годов. Какой-то врач по имени Верелиус жаждет узнать, осталось ли в силе разрешение, полученное им в то время. Речь идет об опытах с каким-то растительным препаратом, — объяснил докладчик, заглянув в бумаги. — Значительная экономия на содержании...

— Экономия? — воскликнул министр экономики. — Если этот Гиппократ получил когда-то разрешение, его, разумеется, следует оставить в силе.

— Растительный препарат? — заинтересовался министр по охране окружающей среды. — А это представляет опасность для природы?

— Похоже, что нет, — ответил докладчик, снова глянув в бумаги.

— Какое правительство дало разрешение на этот препарат?

— Затрудняюсь сразу ответить на ваш вопрос. Скорее всего, коалиционное. Или... Впрочем, я могу уточнить, если это так важно.

— Если тогда за него было большинство, никто не в силах отменить это решение, — сказал министр торговли.

— Срок действия разрешения не указан?

— Нет, указано только «впредь до...»

— В таком случае разрешение сохранило свою силу. Переходим к следующему пункту повестки дня.

Доктор Верелиус по меньшей мере раз семь прочитал полученный правительственный ответ. Сбылась его мечта тридцатилетней давности.

В ту пору он был молодым энтузиастом.

А теперь? Он больше не чувствовал себя энтузиастом.

В этот холодный вечер по дороге в тюрьму он размышлял: кто же он, идеалист, мечтающий осчастливить мир? Или человек, преследуемый навязчивой идеей?

6

«Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии и аз упокою вы».

Этими в высшей степени обнадеживающими словами в двадцатые годы приветствовала заключенных Библия, входившая в реквизит тюремной камеры. Они были выведены на титульном листе красивыми завитушками, которые свидетельствовали о том, что о заключенных думали по крайней мере двое: господь бог и тот, кто этими полными любви словами встречал появление заключенных в заведении, чье назначение, выражаясь высоким штилем, было в том, чтобы перевоспитывать и облагораживать человека.

Правосудие претерпело множество реформ, и все они были сделаны во имя гуманности. Наверно, и тот реформатор, который предложил отказаться от смертной казни и просто калечить преступников, чувствовал себя великим гуманистом. «Вор, которому отрубят руку, не сможет более прибегать к ловкости своих пальцев», — логично думал он. Правда, вор одновременно лишится и возможности стать полноценным членом общества, но это, с точки зрения

такого реформатора, было печальной необходимостью.

В Швеции смертная казнь продержалась до начала двадцатого века. Однако в восемнадцатом веке к ней прибегали гораздо чаще, она была предусмотрена для шестидесяти видов преступлений, начиная от убийства и насилия и кончая колдовством и двоеженством. Что эта мера была весьма действенной, явствует хотя бы из того, что колдовство, например, встречается теперь в нашей стране крайне редко.

Как бы там ни было, численность населения росла даже в восемнадцатом веке, и это говорит о том, что раны на людях заживают, как на собаках.

Воровство, совершенное в третий раз, также каралось смертью. Лишь Густав III в своей просвещенности заменил эту кару пожизненной каторгой. В Англии за кражу со взломом или ограбление лавки, принесшие преступнику свыше пяти шиллингов, вешали еще в начале девятнадцатого века. Рассказывают, что один двенадцатилетний мальчуган, укравший именно такую сумму, был казнен во имя справедливости.

Наказание у позорного столба было более мягким. Но любой мог ударить или как-нибудь унижить преступника, привязанного к позорному столбу. Это считалось вполне благопристойным поступком. Произвол толпы, унижения и оскорбления — таков был удел и приговоренных к смерти, когда их везли на эшафот.

Неожиданно картина изменилась. Прежде казнь была излюбленным зрелищем народа. Но вот парод исчез с арены, и казнь перестала быть зрелищем. Преступников стали содержать в строжайшей изоляции. На свет появились камеры, различные системы воздействия, например работа в тюремных

мастерских при полном молчании, или поощрения, ну и, наконец, бесконвойное содержание заключенных. Все эти мероприятия привели к современным методам содержания преступников, о которых говорится и пишется больше, чем когда бы то ни было.

«Критика этих методов всегда была очень суровой, — думал доктор. — Но это естественно, а вот защищали их формально, из чувства долга».

И когда он явился со своим проектом реформы правосудия, против него ополчились все. Доктор покорился навсегда, как он тогда полагал. Но теперь он был готов снова ринуться в бой. На свете не было и нет таких реформ, особенно тех, что касаются правосудия, которые вначале не встретили бы сопротивления, убеждал он себя. Даже когда отменили телесные наказания, многие Стражи Общественных Интересов возражали против этого.

К таким вещам следует относиться серьезно, даже если смысл слов Стражи Общественных Интересов и вызывает у тебя некоторое сомнение. Может, в их число входят прежде всего те, кто пытается оградить заведенный порядок от всяких реформаторов. Но если реформаторы достигли своей цели и установили новый порядок, уже они в свою очередь становятся Стражами Общественных Интересов. От эпохи к эпохе, от страпы к стране эти Стражи встречали и встречают в штыки любые проекты. Поэтому каждый человек имеет возможность оказаться Стражем Общественных Интересов.

Тогда как охранять надо не общественные интересы, а человека.

Так думал доктор Верелиус.

Одна вещь неизменно волнует нас, где бы мы ее ни увидели, — на экране ли кинотеатра или телевизора. Это изображение живого существа, попавшего в плен, будь то волк, пойманный в сеть, или пре-

ступник в наручниках. Именно невозможность свободно двигаться, полное пренебрежение к живому существу и его чувству собственного достоинства, являя собой картину слабости и незащитности — ведь закованный в кандалы не может бежать, — действуют на нас сильнее всего.

И тем не менее мало кто из критиков способен предложить реформу, сулящую значительные изменения. Когда читаешь их высказывания, в глаза бросается лишь отрицательная оценка существующей системы: надежда на исправление преступника — миф... Страх перед тюрьмой не останавливает преступников... Тюрьма способствует упрямству и ненависти к обществу... Тюрьма подавляет чувство человеческого достоинства...

Каждый день и каждый час, проведенный в заключении, Густафссон искал способ выбраться из него. Всем своим существом он тосковал по лесу. Там был мир, который он знал лучше всего, там солнце было ласковым, там смеялась вода в ручьях, там благоухала трава на лугах, там горизонт был чист.

Иногда он мечтал о карте, чтобы с помощью ее символов увидеть горы и долины, зеленые леса и синие озера.

Однажды, раскрыв Библию, он увидел там карты. Они были в конце книги. Правда, они изображали землю далекого прошлого, это был мир времен Старого и Нового завета.

Густафссон подолгу просиживал над этими картами, воображая, что находится в дальних краях. Перед ним были склоны, заросшие цветами, и каменные пустыни. Он мысленно спускался с горы Фавор, поднимался и спускался с холмов, пересе-

как ущелья и ложбины, переплывал реки, шел мимо чужих племен к Капернауму на берегу моря Галилейского.

На старинной карте была отмечена дорога, но он не захотел воспользоваться ею, ему было интересней пробираться по глухим тропинкам. С помощью карты было трудно выбрать наиболее удобный путь, и все-таки, поразмыслив, он нашел его и потом мысленно часто следовал им. Он проделал путешествие Павла в Тир, Амфиполь и Филиппы, в Кесарию, Сиракузы и Антиохию, он поднимался на холмы Манассии и земли Евраимской, он отдыхал, лежа на спине, среди лилий на прекрасных равнинах Сарона и шел на юг в Аскалон, что лежит на берегу Средиземного моря.

Карты городов прежде не занимали его, но теперь ему было интересно пройти по древнему Иерусалиму от дворца Ирода до Земли Горшечника, получившей горькую славу, ибо она была куплена на те тридцать сребреников, которые Иуда получил за свое предательство и которые он потом швырнул обратно фарисеям.

Но ни одна тропинка на этой карте не могла вывести его на свободу.

И вдруг до Густафссона дошло, что есть выход. Нашелся человек, который мог помочь ему выйти из тюрьмы. Это был доктор.

Памятуя о своем прошлом поражении, доктор Верлиус был крайне осторожен. Он не предлагал Густафссону так или иначе испробовать на себе его препарат, он просто рассказал ему о переживаниях своей молодости, будто рассказывал анекдот или историю — каким неисправимым оптимистом может быть человек на заре жизни, надо же та-

кое придумать: делать зелеными людей, приговоренных к тюремному заключению, разумеется, это неосуществимо.

— Я рад, что вовремя остановился, — сказал доктор, глядя на стену.

— Почему? — Густафссон раскрыл глаза от удивления. — Мне, например, зеленый цвет представляется очень красивым. Да и вам самому, я думаю, было бы неприятно гулять по лесу с серой листвой?

— Люди и деревья — разные вещи.

— Конечно! Но одна из дочерей моего хозяина, та, что ведает нашей деловой перепиской, кладет зеленый тон вокруг глаз. И это красиво, я сам видел. Однажды после какого-то праздника ей так хотелось спать, что она легла, не смыв краску, а утром торопилась на работу, так и пришлось ей ходить зеленой до самого обеда.

— Гм. Но косметика совсем другое дело. Ее можно смыть. Или стереть лосьоном. Она кладется ненадолго.

— Верно. А вот я читал про женщину с тремя подбородками, она сделала операцию, чтобы убрать два лишних. Это уже навсегда. А есть и такие, которые впускают под кожу щек парафин или переделывают носы. Это тоже навсегда. Подтягивают кожу лица, чтобы избавиться от морщин, хотя таких я, признаться, сам не видел.

— Правильно, и женщины и мужчины иногда делают себе пластические операции. Но это для того, чтобы исправить тот или иной недостаток в своей внешности.

— Что касается внешности, то тюрьма ее только портит. И вы, доктор, могли бы спасти от нее множество людей. Подумайте о них! Наверно, не меньше тысячи в год. А за все эти годы набралось бы тысяч двадцать или тридцать. К этому бы уже дав-

но привыкли. Теперь бы это воспринималось только как слова «Будь внимательней!», которые учитель пишет на полях школьного сочинения.

Доктор Верелиус усмехнулся:

— Жаль, что в свое время не вы рекламировали мой препарат. Теперь это уже все забыто, все в прошлом, да и нам пора кончать разговор.

Разговор был окончен, но для Густафссона он не пропал даром, Густафссон его не забыл. Уже на другое утро он пожелал снова встретиться с доктором.

— У вас сохранился тот препарат? — Это были его первые слова.

— Какой препарат?

— Лекарство от тюрьмы.

— Ах, вы имеете в виду ту историю, которую я вам вчера рассказал?

— Я согласен испытать его.

— Вы шутите!

— Я еще никогда не был так серьезен.

— Вы должны хорошенько все обдумать. В вашем случае зеленый цвет будет держаться целый год. И в течение этого года изменить что-либо будет невозможно.

— Если женщина переделывает себе лицо, это тоже изменить невозможно. Помните, когда у нас в стране обсуждалась проблема абортов, говорили, что женщина вправе распоряжаться собственным телом. В таком случае я тоже имею право распорядиться своей шкурой.

— Если вы настаиваете, я просмотрю свои старые записи.

— Это мое самое большое желание.

Густафссон не позволил отговорить себя. Он повторил свою просьбу и перед куратором, и перед тюремным начальством. Он не может сидеть в заключении, сказал он. Он сойдет от этого с ума. Он должен выйти отсюда. Должен работать. Должен жить со своей семьей. Так он отвечал на все доводы и увещевания.

— А вы подумали о том, какво человеку, на которого постоянно глазают?

— У меня жена и двое детей.

— Вас будут высмеивать на работе.

— У меня жена и двое детей.

— Здесь вы равный среди равных. За пределами тюрьмы вы будете... гм, единственным в своем роде.

— У меня жена и двое детей.

Он не мог больше находиться в тюрьме, это ему было ясно. Он чувствовал себя, точно зверь в клетке. И искал выход. Наконец он его нашел.

Неожиданно все стали к нему добры и внимательны. Разговаривая с ним, тюремный инспектор угостил его кофе. Куратор расспрашивал Густафссона об его интересах. Один из надзирателей принес ему домашних плюшек, другой поставил к нему в камеру горшок с крокусами. Казалось, все прощались с ним на веки вечные. Впрочем, Густафссон надеялся, что так оно и будет.

— Вот как выглядит ампула с вертономом.

— Такая маленькая? Значит, я должен буду время от времени являться к вам на уколы?

— Нет, нет. Ее действие рассчитано ровно на один год.

— Но, доктор, ведь ваш препарат черный!

— Это очень сильная концентрация. Цвет он даст зеленый.

— Каким же зеленым я буду?

— Я уже говорил, примерно, как трава.

— Да, да, помню. Ну что ж, весенняя зелень очень красива.

— Любой цвет красив, если он на своем месте. Вы будете зеленым, как молодая листва березы.

— Если не ошибаюсь, вы говорили, что пробовали его на себе?

— Да.

— И краска сошла в положенный срок?

— Вся и повсеместно. Кроме волос. У корней она исчезла, ну, а концы, естественно, дольше всего оставались зелеными. Перед отъездом домой мне пришлось постричься.

— Значит, зеленым вас не видел никто? Гм. Это было разумно с вашей стороны.

— Может, вы передумали, Густафссон? Скажите, еще не поздно.

— Нет, нет. Мое решение непреклонно.

— Понимаю. Но это такой серьезный шаг, что человек имеет право передумать.

— А что скажут люди? Наши надзиратели, кураторы — все, кто знает об этом? Сегодня ночью я лежал и думал об одной вещи. Когда я был маленьким, к нам в город приехал цирк шапито. Со своей палаткой и своим негром. В те времена негры у нас были в диковинку. Я их прежде не видел. Утром мы, мальчишки, побежали на площадь, где была разбита цирковая палатка. Вы, верно, слышали, что негры отлично мастерят воздушных змеев? У этого было две штуки. Один в виде огромного четырехугольника, другой напоминал планер. Негр запустил сразу оба змея. И веревки от них привязал к кольям,

вбитым в землю. Растянувшись рядом на траве, он время от времени дергал за веревки, не давая змеям опуститься на землю.

— Ну и что?

— Так вот, как ни странно, но в первые дни мы, мальчишки, даже не замечали этих гордо парящих в воздухе змеев. Мы глазели только на негра. Но его это нисколько не смущало. Он лишь смеялся, сверкая зубами, и давал нам подергать за веревки. Его не трогало, что кожа у него другого цвета. Через несколько дней мы уже смотрели только на змеев. А нынче негры уже никого не удивляют.

Доктор Верелиус не имел обыкновения подолгу беседовать со своими пациентами. Но в данном случае он прибегает к методу, которым любят пользоваться зубные врачи: он заговаривает больного, чтобы успокоить его, а может, и самого себя. Однако дольше медлить нельзя.

Он достает шприц.

— Ну, Густафссон, приготовьтесь. Поднимите рубашку, спустите брюки... так, хорошо. Стойте спокойно. Сейчас я вас ужаляю...

— ... сказала оса, — подхватывает Густафссон, пытаюсь подавить нервозность. Потом он умолкает и стоит неподвижно.

— Ну, вот и все, — говорит доктор. — Одевайтесь.

— Наверно, сейчас еще рано смотреться в зеркало?

— Конечно. Препарат подействует только через несколько часов. Вы очень побледнели. Вам плохо?

— Нет, нет. Просто я подумал, что назад пути уже нет.

— Да, назад пути уже нет. Завтра вы сможете вернуться домой.

— Дайте мне, пожалуйста, воды.

Наученный горьким опытом, доктор Верелиус на этот раз отказался от пресс-конференции. Он ограничился тем, что отправил небольшую заметку в Шведское телеграфное агентство. В ней он сообщал, что наконец осуществил свой проект, касающийся реформы в системе правосудия, а именно применил на практике изобретенный им препарат вертогон. Заметка кончалась призывом к согражданам, чтобы они вели себя тактично и не пялили глаза, если встретят человека необычного цвета — это не эпидемия, не болезнь, а новая форма наказания преступников.

Да, на этот раз доктор Верелиус не желает никаких обсуждений. Он просто ставит перед свершившимся фактом и общественность, и средства массовой информации. Он не собирается принимать посетителей или отвечать на телефонные звонки. Ну, а если какой-нибудь журналист и проникнет к нему, он отошлет его к своей заметке, и прежде всего к той ее части, в которой просит людей не обращать внимания, если они встретят человека необычного цвета. Не исключено, что он вознаградит настойчивость журналиста, сообщив ему, что этот необычный цвет — зеленый.

Телеграфное агентство разослало необычное сообщение во все газеты. Заведующий отделом новостей одной газеты получил его по телетайпу. Бросив на заметку беглый взгляд и обнаружив, что речь идет о каком-то медицинском препарате, он проворчал, что не станет этого печатать — незачем устраивать этому лекарству бесплатную рекламу. Если доктору угодно, пусть дает объявление в газету, заявил уважаемый редактор и выбросил сообщение в корзину для бумаг.

В другой газете секретарь редакции был занят

просмотром фотографий, сделанных на весенней демонстрации мод, когда дежурный принес ему сообщение с телетайпа. Рассеянно пробегая глазами текст, секретарь вдруг вздрогнул при слове «верто-тон» и по селектору вызвал к себе одного из сотрудников.

— Ты слышал что-нибудь о вертотоне?

— По-моему, нет. Это что, музыкальный инструмент?

— Нет. Гораздо занятнее. Если не ошибаюсь, это какой-то препарат, окрашивающий живые ткани... Может выкрасить человека со всеми его потрохами. Поройся-ка в архиве, может, найдешь какой-нибудь материал об этом.

— Где искать?

— Точно не помню.

— Ну хоть примерно, в каком году?

— Лет пятнадцать или двадцать назад. А то и все двадцать пять...

— Если так, я из архива до завтра не вылезу.

— Постарайся. Глядишь, тебе повезет. Но сперва посмотри по энциклопедиям. Не в одной, так в другой должно быть об этом хоть две строчки.

Но энциклопедии не помогли.

— Может, просмотреть ежегодные справочники?

— За некоторые годы справочники конфискованы. Может, в старых календарях что-нибудь упоминалось?

Но и тут они ничего не обнаружили.

— Покажи-ка мне еще раз телеграмму!

— Пожалуйста.

— Господи, где были мои глаза! Ведь здесь черным по белому написано, что фамилия этого врача Верелиус.

— Немудрено, если у человека перед носом столько фотографий хорошеньких девушек.

— Запомним: Верелиус.

Они направились в фотоархив. На обратной стороне клише, как правило, значилась дата, когда была сделана фотография. Вскоре они нашли фотографию Верелиуса.

— Снимок сделан четыре года назад во время какого-то интервью. Это нам не нужно, интервью брали по поводу его пятидесятилетия. Надо порыться в более старых годах. Ага, смотри! Вот его первая фотография в нашей газете, тут есть и дата, и название статьи.

— Значит, она должна быть в архиве?

— В те годы архив велся не так скрупулезно. Но поглядеть стоит.

Вскоре микропленка с газетами за прошлые годы была вставлена в аппарат, и страница за страницей заскользили у них перед глазами.

— Как интересно смотреть это теперь! Октябрьские номера. Двадцать третье. Стоп! Вот он!

— Господи, сколько о нем написано.

— Это еще цветочки, ягодки будут впереди. Если память мне не изменяет, материал шел как роман с продолжением много дней подряд — интервью, передовицы, письма читателей. Изучи все, что тогда писали, постарайся встретиться с доктором Верелиусом и, может, с кем-нибудь из тюремного начальства... Но главное, постарайся узнать, о каком именно заключенном теперь идет речь.

8

Жилище — это рама, в которой мы видим человека. В старых романах эта рама часто бывала роскошной — людям хотелось видеть героя своих фан-

тазий на фоне тисненой кожи под хрустальной люстрой или у рояля в богато обставленной гостиной.

Потом шел, так сказать, биографический период, когда писатели спорили друг с другом, чье детство прошло в более бедной обстановке, состоявшей из черной закопченной печки, раскладного дивана с вылезшими пружинами, проросшего картофеля, хранившегося под кухонным столом, ночного горшка под колченогим умывальником и сопливых ребятшек в каждом углу.

Жилище Густафссона не было похоже ни на первое, ни на второе. Краснея от смущения, мы вынуждены признаться, что это была самая банальная квартира, обставленная скромно, но уютно. Она состояла из большой кухни, в которой стоял и обеденный стол, гостиной, спальни и двух небольших комнаток для детей, потому что право на собственный угол, за дверью которого можно уединиться со всеми своими неприятностями и печальями, считалось у Густафссонов основным правом человека.

Ингрид Густафссон огляделась в последний раз, она стояла в гостиной под лампой, скрытой плоским стеклянным плафоном. Теперь она была рада, что не поддавалась первому паническому желанию и не поменяла квартиру на меньшую. В гостиной было очень уютно: книжные полки, телевизор, кресло с высокой спинкой, располагающее к чтению, угловая тахта с журнальным столиком, накрытым для кофе, и на стенах три пейзажа, изображающих лес.

Над тахтой висела зеленая вышитая салфеточка. Эта салфетка сопутствовала Густафссонам столько, сколько они были женаты. Ее вышил дедушка Густафссона — он ушел на пенсию, когда они поженились, и на старости лет увлекся вышивкой. На салфетке серебряными нитками было вышито маленькое стихотворение:

Зима шлет снег, а лето — зной,
а осень — мзду за труд бессонный.
Но луг весенний — цвет надежд,
а цвет надежд — зеленый *.

Весь день Ингрид размышляла, не снять ли ей эту салфетку. Вышивка была сделана небезупречно, и кое-кто из гостей, возможно, кривил рот в улыбке, прочтя это незатейливое стихотворение, но Густафссон любил эту салфетку, да и дедушка был у них частым гостем. Он бы обиделся, увидев, что плод его трудов вдруг исчез со стены.

Но теперь-то все было по-другому. Любой намек на цвет, и прежде всего на зеленый, мог нечаянно ранить Пера. А Ингрид хотелось избежать этого. Однако, если она уберет салфетку, он непременно спросит о ней, поймет, почему ее сняли, и все равно обидится.

Она вздохнула. Все стало таким сложным.

Ингрид услышала, что дверь в комнату Греты отворилась. Светловолосая шестнадцатилетняя девушка в джинсах и свитере вошла в гостиную. Вдох облегчения означал, что на сегодня с уроками покончено. Взяв книгу, Грета уселась боком на кресло и свесила ноги с подлокотника.

— Ты убрала у себя в комнате?

— Конечно, — Грета кивнула, не отрывая глаз от книги.

— Ты не забыла, что сегодня...

Хлопнула входная дверь, и Ингрид умолкла. Это пришел Уве. Ему было пятнадцать, это был крепкий парень, он уже явно вырос из своего костюма. В руках у него была раскрытая книга. Уве кивнул матери, не переставая бормотать вполголоса: «Пло-

* Здесь и далее стихи в переводе Ю. Вронского.

щадь боковой поверхности усеченного конуса равна площади боковой поверхности прямого цилиндра, высота которого равна образующей этого усеченного конуса и...»

— Ты всю дорогу так шел? — Грета нарушила его сосредоточенность.

— Нет, только половину. Ну вот, из-за тебя я сбился, никак не запомню, что такое образующая.

— Небось, все думают, что ты чокнутый!

— Не твое дело. Ну-ка скажи мне, что такое образующая?

— Во всяком случае, пичего интересного. Как, ты сказал, это называется?

— Видишь? Это недоступно твоему скромному соображению.

— Ну и что? Плевать я на это хотела.

— Теперь тебе ясно, насколько это сложнее всего, что ты проходишь в своей дурацкой торговой школе?

— Сложнее? А ты умеешь подводить баланс? Или закрывать счет? Или заказать шестьсот тюков кофе «Сантос»? ФОБ *. Рио-де-Жанейро. По-английски. Впрочем, ФОБ — это недоступно твоему скромному соображению.

— Ничего подобного. Просто мне это неинтересно. Я собираюсь стать химиком.

— В прошлом году ты хотел стать летчиком. Долби свою образующую, пока не решил, кем станешь.

Из кухни вернулась Ингрид, она приготовила все для кофе.

— Вы что, ссоритесь?

* Отправка товара с оплатой расходов по погрузке фрахтователей. — *Здесь и далее прим. перев.*

Уве стоял посреди комнаты. Теперь он подошел и сел у журнального столика.

— Это все Грета со своими глупостями, — сказал он. — Она, видите ли, уже знает, кем будет. Думаю, самое меньшее, на что она согласна, это на пост генерального консула, директора или главного управляющего.

— А вот захочу и стану. Это раньше такие посты могли занимать только мужчины. Теперь все иначе. А ты радуйся, если тебе удастся получить какую-нибудь секретарскую должность.

— И когда ты намерена стать генеральным консулом? К пасхе?

— Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Все генеральные консулы старые и седые.

— Тогда у тебя в запасе есть еще годика два!

Одно мгновение казалось, что Грета сейчас швырнет в него диванной подушкой. Но мать помешала ей.

— Пожалуйста, перестаньте. Вы забыли, что сегодня папа возвращается домой?

— Не волнуйся, мы ничего не забыли.

— У вас в школе говорят об этом?

— Конечно. Ведь об этом писали в газетах.

— Но имя там не указывалось.

— Ну и что! Не так уж трудно и догадаться. И ребятам и учителям. Правда, наш воспитатель ничего не сказал. Но был сегодня добрей, чем обычно. Да и ребята тоже. Все, кроме Вилли. Он обозвал меня Зеленым побегом. Если бы переменка не кончилась, я бы ему задал.

— Да нет, Уве. Он просто хотел сострить. Тебе и Грете придется теперь запастись терпением. Бог терпел да и нам велел, как говорит дедушка. Если кто-нибудь станет вас дразнить, не отвечайте. Сделайте вид, будто ничего не слышали, и они отстанут.

— Мне-то никто ничего не скажет, — заявила Грета. — У нас все достаточно взрослые и тактичные люди.

Уве фыркнул.

— Тактичные! Просто это означает, что они чешут языки у тебя за спиной.

На мгновение Ингрид охватило чувство безысходности. Теперь вся затея казалась ей не просто трудной, но и безнадежной. Если даже дети не могут между собой договориться, если даже они препираются друг с другом... Да и сама она уже вчера чувствовала себя то больной и подавленной, то веселой и бодрой — такое чувство, будто ни тело, ни душа не понимают, чего им хочется.

Но отступать некуда. Им всем предстояло пережить то, что суждено.

— Перестаньте! — вдруг вырвалось у нее. — Не надо говорить об этом ни со мной, ни с другими.

— Но ведь об этом пишут газеты.

— Фамилия там не указана!

— А днем об этом передавали по радио.

— Без фамилии!

— А вечером это наверняка покажут по телевизору в последних известиях.

Брат и сестра произнесли эту фразу почти одновременно. Ингрид попыталась истолковать это к лучшему.

— Конечно, покажут. Как раз для того, чтобы люди не делали изумленных лиц и не задавали ненужных вопросов. Мы должны относиться к этому как к самой естественной вещи. Делать вид, будто ничего особенного не происходит. Если кто-нибудь будет смотреть на вас с любопытством или начнет дразнить, не обращайтесь на них внимания.

— Легко сказать.

— Почему? Вы всегда должны помнить: он сде-

лал это ради нас. Чтобы не разлучаться с нами. Ему надо помочь.

Она умолкла. Грета выглядит смущенной. Уве делает вид, что с головой ушел в учебник.

Тишину нарушает звонок в дверь.

— Это он. Надо погасить лишний свет.

Ингрид в последний раз оглядывает стол, накрытый для кофе, гасит верхний свет и торшер возле кресла.

— Что ж, мы так и будем сидеть в крошечном мраке?

— Да, пожалуй, так не годится. Зажгите настольную лампу и бра над телевизором. Сиди, Грета. Я сама открою.

Ингрид выбегает в маленькую прихожую и распахивает входную дверь. Но на лестнице, освещенной слабой лампочкой, стоит вовсе не Густафссон.

— Дедушка? — Ингрид немного разочарована. — А я думала...

— А кто же еще? Где новости, там и сорока.

Дедушке, невысокому крепкому старику, трудно дать его восемьдесят лет. Он живет неподалеку и навещает к ним по особым событиям. Нынче и есть такое особое событие. «Вообще-то, хорошо, что он пришел, — думает Ингрид. — Чем больше нас будет, тем легче будет беседовать».

— Мы всегда тебе рады, — говорит она.

Дети выглядывают из гостиной и здороваются с дедушкой.

— Здорово, дед! — говорят они и снова утыкаются в свои книги.

Дедушка садится на тахту. Интересуется, когда должен приехать Пер.

— По телефону он сказал, что приедет в пять. Доктор обещал довести его до самого дома. Он такой любезный. Надеюсь, что большинство людей будут

также внимательны к Перу. Как тебе кажется, дедушка?

— В мои годы человек уже не верит ни хорошему, ни плохому. В молодости веришь в людей, а в старости — в бога. Но в случае с Пером я уж и не знаю, в кого лучше верить. Впрочем, в тебя я верю. Что скрепил бог, столяру переклеивать не придется.

Грета захлопнула книгу.

— У тебя, дедушка, на все найдется поговорка.

— Они проверены временем. Сколько раз они помогали мне не падать духом! Дольше хранится та пища, что посолена слезами. Вспомни эти слова, когда тебе придется туго.

— У Пера большой выбор, — говорит Ингрид. — Сегодня утром звонили и предлагали ему место ночного сторожа на какой-то фабрике. Я записала номер телефона.

— По-моему, это как раз то, что нужно.

— Куратор тоже так считает, он заходил сюда днем. Но он говорит, что Пер уже дал согласие работать в мебельной мастерской.

— А это еще лучше, я всегда был за это. И его отец, и я были столярами, если б он захотел, то в любой день мог бы начать работать вместе с нами. Если не ошибаюсь, он и на косметической фабрике начинал столяром?

— Вообще-то да. Он подрядился, чтобы оборудовать у них контору, а потом они предложили ему остаться и посулили хорошее будущее.

— Ничего себе будущее, — буркнул дедушка. — Когда же он начнет работать, завтра утром?

— Нет. Он будет работать в вечернюю смену. В вечерней смене всего шесть человек. — объясняет Ингрид, напряженно прислушиваясь. Вдруг она поднимает руку:

— Пришел! Я слышу его шаги.

Она бежит к двери и распахивает ее, как раз когда Густафссон останавливается на темной площадке. Свет на площадке почему-то погас. А может, и вовсе не горел. Густафссон входит в переднюю. Тут тоже темно.

— Ну вот я и дома... какой ни на есть.

Похоже, он заранее приготовил эти слова.

— А мы тебя уже ждем! — Ингрид берет его за руку и тут же спохватывается: — А где же доктор? Я думала, он зайдет с тобой?

— Нет. Он привез меня и сразу уехал. Куда-то спешил.

— Сейчас будет готов кофе.

— Прекрасно. Но прежде всего я отключу телефон. Доктор напоследок посоветовал. Он свой телефон тоже отключит. И еще он сказал, что нам с ним не следует принимать никаких посетителей.

Дети обняли его, дедушка пожал ему руку, его здесь действительно ждали. Никто им тут не помогает. Этот вечер семья проведет в своем узком кругу.

В гостиной царит полумрак, на столе кофе, бутерброды и торт. Густафссон ест, он блаженствует: его окружают люди, по которым он тосковал, а завтра его ждет настоящая работа.

— Я буду теперь зарабатывать гораздо больше, чем раньше, — весело говорит он. Но тут же спохватывается. — Если только у меня пойдет работа...

— И из замороженного жеребенка может вырасти отличный конь, — замечает дедушка.

— Главное — здоровье, — говорит Ингрид.

— В нашей семье на здоровье еще никто не жаловался, — говорит дедушка. — Здоровье нам посылает господь, хотя деньги за него получает врач.

— У дедушки на каждый случай найдется поговорка, — смеется Уве.

Они наслаждались этим вечером и присутствием друг друга, все пережитое исчезло, казалось, они никогда и не расставались. Время иногда делает такие скачки, глядишь, и оно уже скользит в своем пятом или шестом измерении. Встречаешь старого друга, которого не видал лет двадцать, сидишь, разговариваешь с ним, и вдруг расстояние между прошлым и настоящим начинает сжиматься, сжиматься, и вот уже кажется, будто вы только вчера расстались. Но случается и наоборот: солнечным осенним днем ты стоишь на берегу, любуешься гладким зеркалом воды, в которой отражается заросший камышом берег, и сам себе не веришь — неужели здесь два дня назад бушевал ураган,гнулись и ломались деревья, словно великан щелкал огромным кнутом, шипели и пенились волны, швыряя, точно рукавицы, привязанные к причалу лодки?

Этот феномен времени повторился теперь и дома у Густафссонов. Существовало только настоящее, горький промежуток с его тревогами, страхом и неумолимостью куда-то исчез, они знали только одно: они вместе, и им хорошо.

Но вот начинается разговор, который редко кто из отцов не заводит и который начинается словами:

— Ну, дети, как дела в школе? Как у тебя, Грета?

И Грета рассказывает, что они начали проходить статистику страхования жизни, расчеты и все прочее — это очень сложная вещь. Как раз сегодня они занимались расчетами взносов для различных возрастных групп при смешанном страховании жизни и капитала, если страховку придется выплачивать в

шестьдесят лет. Учитель сказал, что это единственные деньги, на которые могут рассчитывать его ученики, и думал, что все будут смеяться.

— Чепуха! — фыркнул Уве, когда подошел его черед рассказывать о школьных делах. — Вот над стереометрией никому бы не пришло в голову смеяться. Можешь ты, например, рассчитать площадь поверхности усеченного конуса?

Густафссон был вынужден признаться, что не может. Он не помнил, чтобы в его время проходили такие сложные вещи.

— Ты мне начерти, может, я и соображу что к чему.

— Я уже сделал чертеж. Смотри, папа!

Он берет блокнот и подходит к отцу. Но в гостиной слишком темно, чтобы разбираться в чертежах, они даже не видят линий и потому только рады, когда Грета услужливо предлагает:

— Подождите, я сейчас включу верхний свет.

Она щелкает выключателем и в комнате становится светло.

Уве смотрит на отца. Теперь, при ярком свете, он видит его зеленую кожу, у отца все зеленое — нос, веки, лоб, мочки ушей, зелень спускается на шею и исчезает под воротничком рубашки, потом она появляется из рукавов, заливает ладони и доходит до самых кончиков пальцев.

— Папа!

Застыв на мгновение, Уве отшатывается от отца. Блокнот падает на пол, и воцаряется мертвая тишина.

Обычно минутой молчания чтут память покойников. Густафссон не покойник. Но минутой молчания он был достоин.

Известны люди, которым пришлось пережить нечто подобное тому, что пережил сейчас Густафссон. Например, одна фрейлина, самая красивая и самая веселая, та, кому отдали свое сердце самые блестящие кавалеры. Эта фрейлина заболела оспой. К счастью, она не умерла, но ее кожа покрылась рубцами и потеряла блеск, брови вылезли, волосы потускнели, с пунцовых губ исчезла улыбка, и бедная девушка больше никогда не показывалась никому на глаза. Или молодой рыцарь, который вернулся с войны, принесшей славу его фельдмаршалу, оставив на поле брани половину носа. А когда несчастный рыцарь появился в замке, он потерял в придачу ко всему еще и невесту. Или человек, который попал в автомобильную катастрофу, и в результате его лицо оказалось изуродованным. Лицо-то ему зашили, однако он потерял способность улыбаться, он не мог даже сморщить нос. «На эту застывшую маску невозможно смотреть», — объясняла адвокату преданная супруга, возбудив дело о разводе.

Многие колдовали над своей кожей с помощью всевозможных средств. Что касается женщин, они начали с маленьких черных мушек и кончили поголовным гримом. Они красят волосы и ногти, даже на ногах, они капают в глаза белладонну и делают пластические операции груди, чтобы не отстать от моды.

А сколько мужчин покрывают себя татуировкой! Иногда татуировка делается на таких интимных частях тела, что бывает видна, лишь когда они раздеваются донуга.

Среди людей, покрытых татуировкой, зашпаклеванных и раскрашенных вплоть до ногтей на

ногах, всегда будет выделяться тот, кто этого не делает.

Но Густафссон один стал зеленым благодаря препарату, изобретенному доктором Верелиусом. Он отличался от нормы. И это было ужасно. Непереносимо. Никто не сказал ему ни слова, но ведь такие вещи человек чувствует и без слов.

И Густафссон почувствовал. Это обрушилось на него, как ураган. Совсем недавно с непередаваемым облегчением он захлопнул за собой двери тюрьмы и вернулся домой. Здесь все было таким привычным, любимым, естественным, казалось, теперь-то уж все пойдет как по маслу.

И вдруг этот шок. Он увидел, как все оцепенели, как отшатнулись от него дети, как на мгновение Ингрид закрыла глаза и уронила на колени руки, как дедушка грохнул чашку на блюде.

Он сидит с открытым ртом. В нем закипает горечь разочарования, ведь он слепо верил, что люди встанут на его сторону, но оказывается его испугались даже близкие.

Те, ради кого он решился на это!

Эта мысль сверлит его мозг, и он чувствует, как разочарование уступает место неукротимому гневу. «Как все несправедливо, — думает он, — дьявольски несправедливо». Подавив рыдание, он выпрямляется, поднимает лицо к свету и кричит:

— Пожалуйста! Смотрите! Глазейте, сколько влезет... Любуйтесь бесплатным зрелищем!

Он вскакивает и смотрит на них. Сын стоит, потупив глаза, дочь закрыла лицо руками, дедушка мигает за запотевшими стеклами очков, Ингрид сидит, не поднимая головы.

— Смотрите же! — кричит он. — Все смотрите, все... завтра меня увидит весь город. Я пойду и покажусь всем, буду стоять на каждом углу, на каж-

дой улице, на площадях... пусть на меня смотрят все люди.

Ингрид кладет руку ему на плечо.

— Пер, милый, — говорит она, — никто не хотел тебя обидеть. Мы все желаем тебе только добра.

— Знаю. Потому я и стал таким. Я сделал это, чтобы вернуться домой.

— И мы все радуемся твоему возвращению.

— Тогда почему же вы не смеетесь?

Он и сам понимает, что говорит не то, что он несправедлив, но остановиться уже не может.

— Перед вами восьмое чудо света. Реформа системы правосудия. Новость, сенсация экстра-класс: заключенный без тюрьмы, тюрьма без заключенных. Все очень просто. Заключенный отбывает наказание в привычной обстановке. Вот он перед вами в своей привычной обстановке. Со своими близкими. Пожалуйста, любуйтесь! Нам следовало бы пригласить к себе журналистов, чтобы они своими глазами увидели, как мне хорошо.

Он снова упал в кресло. Уве ушел в свою комнату и бросился на кровать. Грета скрылась у себя. Там она опустила на стул и невидящим взглядом уставилась на стену.

В непривычной ситуации люди часто не знают, как себя вести. Ингрид растерялась.

— Успокойся. Пожалуйста, успокойся, — только и повторяла она. — Ведь ты еще не знаешь, как люди к этому отнесутся.

Дедушка пытается спасти положение:

— Есть такая поговорка, — говорит он, — больше чем богу угодно, человека никто не накажет. Но это помогало людям, когда они верили в бога побольше, чем теперь. Есть, правда, и другая поговорка: если

человек видит солнце и луну, ему не на что жаловаться.

— Ведь это не навсегда. — Ингрид тоже пытается утешить мужа. — Год пройдет, ты и не заметишь.

— Целый год. — Густафссон подхватывает эти слова. — Целый год. Двенадцать месяцев. Пятьдесят две недели.

— Триста шестьдесят пять дней, — заканчивает дедушка. — Это не так страшно.

— Триста шестьдесят пять дней. — Густафссон делает ударение на каждом слове. — А сколько часов? Ты не знаешь, сколько это часов? Я подсчитал нынче ночью. Восемь тысяч семьсот шестьдесят часов.

— Но два из них уже прошли. Вечер пролетит быстро, потом ночь... Пожалуй, мне пора домой.

— Ну что ж, пора, так пора. Представление окончено!

Густафссон горько смеется.

— Ложись и отдохни хорошенько, — говорит дедушка, — тебе это необходимо. И помни такие слова: лучше быть свободной птахой, чем пленным королем.

— Но я, к сожалению, не птаха. О них заботится сам господь бог, так говорится в Писании.

— Это уж точно. Ну, покойной всем ночи. Не беспокойся, Ингрид, сиди. Меня провожать не нужно.

На пороге дедушка оборачивается:

— Помни одно, Пер: не пренебрегай господом, у него длинный бич.

Дверь за дедушкой захлопывается. Они остаются одни, теперь самое время ему прижаться головой к ее плечу, ей погладить его по щеке. Но они оба молчат и не трогаются с места. А как они ждали этого дня, дня возвращения, когда бы он ни наступил!

И вот глер дома, но оказалось, что они ждали чего-то совсем другого. Между ними появилась невидимая преграда.

Наконец Ингрид встает, собирает на поднос кофейные чашки и уносит их в кухню. Вернувшись, она гасит верхний свет.

Он поднимает голову.

— Зачем? Пусть горит. Так ты скорей привыкнешь.

— Я не из-за тебя, — тихо отвечает она. — Просто я не люблю яркий свет. Очень режет глаза.

Он не отвечает. Через минуту она спрашивает:

— Когда ты начнешь работать?

— Завтра вечером. — Он вздыхает.

— Все будет в порядке, вот увидишь.

— Да, наверно. Мне приходилось встречать людей, вышедших из заключения. Один даже работал у нас на складе скобяных товаров на Ваннгатан. Многие знали, что он из тюрьмы, и он знал, что им это известно, и они знали, что он об этом знает, и так далее... однако никто никогда и виду не подал. Понимаешь, они даже не думали об этом. Надеюсь, что и теперь будет так же. Что никто и виду не подаст. Хотя они знают, а это все равно, что на тебе печать Каина. Впрочем, так ведь оно и есть, надеюсь, ты меня понимаешь.

— Я уверена, никто и виду не подаст.

— Хорошо бы. Но ведь ты сама видела, как отшатнулись дети. Да и вы с дедушкой тоже. Не отпирайся. Вы все отшатнулись. И другие тоже отшатнутся. Это уж точно.

Она садится к нему поближе и гладит его по руке.

— Пер, не принимай все так близко к сердцу. Дети привыкли видеть тебя другим, вот они и испугались. Их поразила перемена в тебе. Люди, кото-

рые тебя раньше не знали, будут реагировать по-другому.

— Как будто им неизвестно, как должен выглядеть человек!

— Зачем бояться раньше времени... Знаешь, что, давай-ка погуляем?

Она встает и подходит к окну.

— На улице уже темно.

Он знает, что на уме у нее нет ничего плохого. Что она желает ему только добра. И все-таки его захлестывает горечь.

— Раз темно, значит, можно прогуляться? Так? В темноте тебе за меня не стыдно?

— Я об этом и не думала! — протестует Ингрид.

— Может, и так. — Он пожимает плечами. — Ну что ж, придется вести ночной образ жизни. Вроде крота, который, пока светло, не смеет носа высунуть из норы. Бояться света, как совы и змеи...

— Зачем ты так! — Ей с трудом дается веселый тон. — Ведь я не сова. Идем же...

Он встает. Мгновение колеблется, потом направляется в переднюю.

— Знаешь что, — говорит он, — я пойду без тебя. Мне хочется побыть одному.

Он видит, что его слова больно задели ее. Этого он не хотел. Голос его звучит теплее, он пробует оправдаться:

— Не обижайся... человеку иногда необходимо побыть одному. Я пойду быстрым шагом. Чтобы убежать от самого себя. А если ты будешь со мной, я убегу и от тебя. — Губы его кривятся в улыбке. — Я вернусь через два часа. Мне хочется в лес. Пробежаться. Я пробегусь по пятикилометровому маршруту. Мне надо глотнуть свежего воздуха, которым до меня еще никто не дышал.

Он уже в передней. Она все еще стоит у окна. Потом оборачивается.

— Надень куртку. По-моему, сейчас оттепель. И сапоги на рифленной подошве, чтобы не скользить.

Ингрид не любит рифленные подошвы, на них налипает столько грязи. И потому ее слова трогают Густафссона. Он возвращается в комнату.

— Прости меня, — говорит он. — Все образуется. Вот увидишь.

Она кивает:

— Иначе и быть не может.

— Год — это только год. Может, еще все будет в порядке.

— Конечно, все будет в порядке.

Она старается, чтобы ее голос звучал уверенно. Улыбается.

Но хлопает входная дверь, и улыбка сбегает с ее губ. Несколько минут она неподвижно глядит в пустоту. Потом выдержка ей изменяет, и она, всхлипнув, прижимается головой к черному стеклу.

10

Густафссон остановился у автобусной остановки. Рядом горел уличный фонарь, но он поднял воротник и надвинул шапку на глаза, лицо его скрывала темнота и потому никто не видел, какого оно цвета.

Вскоре за ним выросла небольшая очередь. Автобус ходит каждые четверть часа, это знают все. Наконец вдали показались фонари, длинный синий корпус навис над низкими автомобилями, вот он прижался к краю тротуара и остановился.

Густафссон хотел быть первым. Но, увидев яркую лампочку над местом кондуктора, его столиком с билетами и ящиком с мелочью, заколебался,

нога его замерла на ступеньке. Ему не хотелось выступать в свете этой рампы. В микрофон раздался голос:

— Пожалуйста, не задерживайте посадку.

Густафссон отпрянул в сторону, повернулся к стоявшему за ним человеку:

— Садитесь, — сказал он. — Я передумал.

И отошел в темноту. Через минуту он увидел удаляющиеся задние фары автобуса. «Вот, значит, каково это, — подумал он. — Вот, как это действует».

Ну что ж. Теперь он знает.

Он пожал плечами и зашагал прочь. Если идти быстрым шагом, можно дойти до леса минут за двадцать. Летом по утрам, когда промежутки между автобусами бывают больше, он часто ходил туда пешком.

Через полчаса он уже углубился в лес и подошел к ресторану «Фрилюфтсгорден», манившему своими приветливо освещенными окнами. Раньше он частенько заглядывал сюда в обществе какого-нибудь приятеля. Но сегодня ему было не до ресторана. Он подошел к отметке, с которой начинался пятикилометровый маршрут, ему не хотелось терять времени. В лесу было холодней, чем в городе. Так всегда. В городе начиналась оттепель, но тут еще держался мороз. От света, падавшего из окон ресторана, лес казался совершенно черным. Но под деревьями белел снег. На нем темной лентой пролегла тропинка. Однако Густафссон и без этого нашел бы дорогу. Ведь он сам помогал прокладывать этот маршрут. Он знал здесь каждую тропку и столько раз бегал по ним, что не заблудился бы даже с завязанными глазами.

Постепенно на тропинке стало светлее. Лупа была на ущербе. К ее бледному свету примечивался свет мартовских звезд да и снег еще хранил отблеск

дневного света. Слабо светились фосфоресцирующие круги, сделанные на стволах, они указывали путь. Кое-где в помощь поздним гуляющим горели фонари. Здесь почти всегда кто-нибудь гулял. Но именно в эту пору, когда зима допевала свою песню, а весна еще мешкала, людей тут почти не было.

Сперва он шел по маршруту не очень решительно, потом ускорил шаг, быстрее, быстрее и наконец побежал. Свежий зимний воздух бурлил в его легких. «Воздух — основа жизни, воздух, тепло и свет необходимы всем живым существам и растениям», — думал он. Но для него сейчас самое главное — воздух, свежий воздух свободы.

Он глядел на застывшие стволы, безмолвно обступившие тропинку, на сосульки, свисавшие со скал, на кустики брусники, кое-где пробившие снежный покров. Он видел следы лисицы и косули, здесь петлял заяц, а разбросанные перья рассказывали о разыгравшейся ночью трагедии.

У озера он остановился. Лед сверкал белизной, но во многих местах на этой белизне уже проступили темные пятна — это на льду выступила вода. Вокруг Густафссона было так тихо, что он слышал удары собственного сердца. Высокая береза у берега бросала кружевную тень, которая казалась не тенью, а лишь намеком на нее. С ветки сорвался снежный ком и с безмолвным вздохом упал на землю.

Все события последнего месяца отодвинулись вдаль, стали нереальными, должно быть, он и не жил тогда, он ожил только теперь, наконец-то он в лесу, наконец все вокруг естественно. Наконец он убежал от самого себя.

Густафссон неохотно расстался с лесом. Сейчас, когда у него под ногами была твердая тропа, без грязи, без луж, без ледяных дорожек, ему хотелось

идти и идти. Он подошел к тропе с десятикилометровой отметкой и свернул на нее.

Когда он вернулся домой, в квартире было темно. На цыпочках он прошел на кухню и увидел, что ему оставлен ужин. Поев, он шмыгнул в спальню и начал тихонько раздеваться.

Ингрид не спала. Она ждала его. Она слышала шорох одежды, когда он раздевался. Она лежала на спине, повернувшись в его сторону. «Он должен помнить, что у него есть я, — думала она, — он не должен забывать об этом».

Вот он заводит часы, потом шарит в поисках крючка, на который всегда их вешает, и не найдя его в темноте, наклоняется к тумбочке и зажигает лампу.

Свет залил его лицо. Ингрид увидела кожу, зеленую как молодая береза, здоровую, свежую кожу, это зрелище подействовало на нее, как шок.

Свет горел одно мгновение. Комната снова погрузилась в темноту, но перед глазами у Ингрид еще стояла эта зеленая кожа, она лишила ее всего — желанья, силы, страсти.

Она осторожно отвернулась от него. Услышала, как он лег и тихонько шепнул:

— Ты спишь?

Ингрид притворилась спящей. Ей хотелось протянуть к нему руку, но она не могла преодолеть себя. Она старалась дышать ровно и глубоко, как все спящие, она не виновата, завтра будет по-другому, завтра она уже привыкнет.

Она долго лежала без сна. И он тоже. Она это чувствовала. Одно из доказательств любви заключается в том, что человек, не видя, всегда знает, когда другой не спит. Но есть и другое доказатель-

ство любви: если один из любящих притворяется спящим, другой делает вид, что верит этому.

Ингрид почувствовала, что он все-таки легонько коснулся ее рукой. Это был привычный жест, он как бы соединял их, она принимала его руку и притягивала к себе.

Но сейчас она не могла этого сделать. Широко открытыми глазами она глядела в темноту и притворялась спящей.

11

Первоначально слово «дебют» означало, что человек достиг цели. С течением времени оно стало означать первое выступление: в театре, на кафедре, на балу, при дворе.

В наши дни многие вещи изменили свое значение, в том числе и слова. Теперь тактичные журналистки, выступающие по радио, называют дебютом практическое посвящение в тайпы физической любви. Это слово так часто повторяется в новом значении, что уже бросает двусмысленный блеск на молодую девушку из высшего общества, про которую говорят, что ей предстоит дебютировать при дворе. Или на певицу, сообщившую, что на ее дебюте директор театра очень веселился. Люди с фантазией легко представляют себе, как молодые дебютантки, представленные распорядителем, входят в зал и ложатся на кресла.

Дебют Густафссона был иного свойства. Он касался первой работы после инъекции ему вертотона. Дебют состоялся в столярной мастерской, где увеличение заказов на полуфабрикаты для мебели выпудило хозяина ввести вечернюю смену.

В вечерней смене работало шесть человек и мастер, который принял Густафссона за несколько ми-

нут до прихода остальных рабочих. Мастер мужественно делал вид, что его ничего не удивляет, когда приветствовал Густафссона и пожимал ему руку. Он показал Густафссону цех: механические пилы, рубанки, сверла. Ни в станках, ни в моделях не было ничего сложного.

— Как думаешь, справишься с ними?

Густафссон ответил, что хорошо знает большинство машин, правда, работать ему приходилось на станках старых образцов. Да, он работал практически на всех этих станках, вот только шипорезный станок знал плохо.

— Ну, а с этим ты знаком? — Мастер показал на сверлильный станок.

— Этот знаю. — Густафссону нравилось работать на этом станке, одно удовольствие высверливать из древесины сучки и заделывать дырки деревом.

— Тогда начинай, — сказал мастер и показал на штабель обструганных досок, лежавших рядом со станком. — На каждой есть какой-нибудь изъян. Сделаешь, что надо, а потом пройдешься фуганком.

Он ушел, и Густафссон остался один перед сверлильным станком. Работа была несложная, ему предстояло высверливать из досок сучки, вставлять в отверстие шипы, обрезать их и зачищать поверхность. В патрон можно было вставлять сверла разной величины, и если не подходило одно, Густафссон без труда заменял его другим. Сперва пальцы плохо слушались его, но вскоре чувство неуверенности прошло, работать на этом станке было просто. Звук, с которым сверло входило в дерево, казался ему музыкой, после зачистки он с трудом находил место, еще недавно испорченное сучком. Через полтора часа он справился с этой работой и мог стать за фуганок. Новые товарищи по одному подходили и здоровались с ним. Он понял, что они уже обсу-

дили между собой и его и все, что с ним случилось. Его и приняли сюда только потому, что все рабочие этого захотели.

Очевидно, они договорились поздороваться с ним, как с обычным новичком, а потом без надобности не смотреть в его сторону. Он был этому рад. Мастер одобрительно кивнул, увидев его работу, и Густафссон скоро вошел в ритм. Он работал уверенно, но если случалась заминка, кто-нибудь из рабочих подходил к нему и показывал, что делать.

12

Если бы Онан не был потомком библейских патриархов, его имя никогда не вошло бы в историю для обозначений известного порока. Это говорит о том, что культ знаменитости имеет очень древние корни, он существовал уже в те времена, когда появилась на свет Первая книга Моисея.

Однако между прежними и нынешними знаменитостями есть существенная разница. Из приведенного примера явствует, что прежде человек становился известным благодаря тому или иному поступку. Нынче же, наоборот, поступок становится известным благодаря человеку.

Густафссон сделался знаменитостью. Он прославился благодаря своему решению принять вертотон и стать зеленым. Ему это было неприятно, и он не был знаменитым в том смысле, что его имя было у всех на устах. Мало кто знал, как его зовут. О его поступке писали все газеты, но об имени виновника этих событий лишь вскользь намекнула местная газета. О нем писали, как о человеке, который согласился подвергнуться действию препарата, изобретенного доктором Верелиусом. Люди на другом кон-

те страны называли его Человеком, Который Стал Зеленым, или просто — Зеленым.

Густафссон согласился стать зеленым, чтобы выйти на свободу. Возможно, после первого столкновения с людьми, и прежде всего со своей семьей, он пожалел об этом. Но пути назад не существовало. Подобно всем людям, попавшим в беду, у Густафссона было лишь два выхода. Первый — покончить жизнь самоубийством, второй — принимать жизнь, как есть.

Густафссон никогда не относился к типу людей, готовых добровольно перейти в мир иной. Такой способ избавиться от огорчений он считал низким — нельзя перекладывать свои огорчения и невзгоды на плечи других.

Поэтому ему оставалось одно — запастись терпением и жить. Дни у него были свободны, на работу он ходил по вечерам. Утром дети отправлялись в школу, Ингрид — на работу. Он в это время еще спал, затем вставал, завтракал, прибирал квартиру, читал газеты и слушал по радио последние известия, а потом уходил в лес.

Он придумал, как ему избежать лишних любопытных взглядов. Ингрид купила ему зеленые очки в широкой оправе, зеленую шляпу и зеленый шарф. Он надвигал шляпу на лоб и почти до самых глаз закрывал лицо шарфом, незащищенная часть лица казалась зеленой от очков, шляпы и шарфа. Ходил он быстро и скоро достигал леса, в это время дня там почти никого не бывало.

Отношения с детьми сложились у Густафссона лучше, чем он ожидал после первой встречи. Сперва он с Ингрид обедал отдельно еще до прихода детей из школы. Но потом Ингрид запротестовала:

— Мы должны обедать все вместе, — заявила она. — Так делают все семьи.

— Но ведь ты сама видела, как они меня испугались.

— Это было первое впечатление. Я давно привыкла к тебе и теперь ничего не замечаю. Мы уже обсудили это с детьми...

— Если они опять испугаются, я за себя не отвечаю.

— Ты должен рискнуть.

Ею двигала не жестокость, просто она считала, что иначе невозможно. Проба прошла безболезненно. Правда, и сын и дочь не поднимали глаз от тарелок, и разговор почти не вязался. Порой они украдкой поглядывали на отца, зато когда все собрались после обеда в гостиной, чтобы попить кофе, они даже разговорились. На другой день напряженность исчезла, а на третий казалось, будто к ним вернулись старые добрые времена.

В одну из таких бесед Грета рассказала, что их фотографировали всем классом.

— Неужели еще и теперь это принято? — изумился Густафссон. — Когда я учился, к нам в школу в конце года приходил фотограф с большим аппаратом на штативе и долго-долго усаживал нас так, чтобы все попали в объектив. Он обычно залезал под черное покрывало и глядел в объектив, как получится фотография. После него к нам стал приходиться более молодой фотограф, все лицо у него заросло бородой, наверно, потому он и обходился без покрывала. И всегда кто-нибудь из ребят успевал скорчить рожу или показать нос.

— У нашего фотографа были только усы, — сообщила Грета.

— Значит, это тот же, который приходил и к нам в школу, — сказал Уве. — Только он не фото-

графировал весь класс. Он сделал несколько снимков на школьном дворе во время перемены. По-моему, я попал на все.

— Видно, этот фотограф без больших претензий, — поддела его Грета.

— Возможно, если он фотографировал и тебя, — отпарировал Уве. — Я хоть в это время гонял мяч.

— Портрет будущей звезды футбола, — улыбнулся Густафссон.

А вечером сфотографировали и его самого. Он как раз направлялся на работу. Когда он открыл дверь подъезда, вспышка осветила ему лицо, от неожиданности он отшатнулся. И тут же его сфотографировали второй раз.

Но Густафссон уже опомнился от удивления. Одним прыжком он оказался рядом с фотографом и схватил его за руку.

— Это еще что такое? Кто тебе разрешил здесь фотографировать?

— Мне понравился мотив. А что с того, если ты попал в объектив? От этого еще никто не умер.

— Умирать не умирал, но у меня нет никакого желания красоваться на твоей дурацкой фотографии.

— Чего кричать, когда все уже сделано.

— Мне следовало бы разбить твой аппарат...

— Сделай одолжение, — весело сказал фотограф. — Это обойдется тебе всего в две тысячи.

— ...или засветить пленку.

— Это тебе ничего не даст. Я щелкнул тебя еще утром. Правда, тогда на тебе были очки и шарф до самого носа. Привет, Густафссон.

Он вырвался из рук Густафссона, прыгнул в машину и дал газ.

Ага, значит, фотографу известно, кто он. И у него усы. Как у того, который фотографировал ребят. Наверно, это тот же самый. Зачем это ему понадобилось? Странно.

Густафссон вдруг остановился. Это же репортер из газеты! Один из этих проклятых писак, пронюхал, кто он, и теперь хочет состряпать материал для газеты. Как будто недостаточно статей и заметок, которые были опубликованы в тот день, когда он вышел из тюрьмы. Правда, ни имени, ни фотографий в газетах не было, хотя человек с головой легко мог догадаться, о ком идет речь. Когда Густафссона судили, его фамилия упоминалась в газетах, тогда писали, что его приговорили к полутора годам тюрьмы, что у него есть семья и он любит проводить досуг на лоне природы. Нет, тут догадаться нетрудно.

Сперва сфотографировали детей. Потом его. Осталась только Ингрид. Наверно, тот тип еще явится к ней со своими усами и аппаратом, чтобы щелкнуть и ее. Этому надо помешать.

Густафссон ускорил шаги. Придя в мастерскую, он зашел к сторожу и попросил разрешения позвонить по телефону.

Ингрид сняла трубку. Ему не хочется пугать ее, но пусть не отворяет дверь никому чужому. Она обещала не отворять.

На другой день он проглядел все газеты. Нет, очевидно, пока очередь до него еще не дошла. И Ингрид никто не тревожил. Может, все-таки эти фотографии ничего не означают? Так или иначе, но Ингрид оставили в покое. Возможно, это был не тот фотограф, который снимал детей. Кто теперь не носит усов, разве не может быть двух усатых фотографов?

Голос для диктора так же важен, как для балерины красивые ноги. Чтобы дойти до сердца зрителей, балерина машет ножкой, а диктор прибегает к модуляциям своего голоса.

Особенно в этом отношении отличался Аффе. Никто не умел так искренне радоваться и удивляться, разговаривая по телефону с какой-нибудь жительницей Корпиломболо, которая сообщала ему, что у них в январе выпал снег, или с какой-нибудь девушкой из Смоланда, рассказавшей, что она набрала полную корзинку брусники. И никто не умел придать своему голосу такую проникновенную грусть, узнав, что в Умео березы уже пожелтели.

Именно за это Аффе и называли Любимцем Всея Швеции.

На телевидении шло важное совещание. Серия субботних развлекательных передач, которая шла всю зиму, подходила к концу, осталась последняя передача. Эту серию нужно было заменить другой, желательнее более интересной. Хорошо бы, чтоб в новой программе задавались вопросы, не только «Кто?», но «Что?» и «Где?» — три больших знака вопроса, пусть зритель поломаёт себе голову.

Главный редактор сидел в окружении режиссеров, дикторов и дикторш, острословов и генераторов идей. Им до зарезу нужно было придумать хотя бы название передачи.

— Помните, название должно быть убойным, — сказал главный редактор. — Я хотел предложить «Программа — эпиграмма», но меня опередили.

— Можно назвать «Программа — телеграмма», —

предложил генератор идей. — Или «Вечерняя гимнастика».

— Гм, — главный редактор сморщил нос. — Телезрители так привыкли к «Утренней гимнастике», что поймут это буквально. Нет, нужно что-то из ряда вон выходящее, остроумное, чтобы пробуравило мозг нашим зрителям.

— «Вечерний халат»? — предложил острослов.

— Превосходное название, не будь у нас уже «Утреннего» и «Ночного халатов», — сказал главный редактор. — Придумать бы что-нибудь вроде «Флирт с покупателем», как называется информационная программа о новых товарах. Вот название от бога! Флирт! Так и видишь перед собой красивые ножки.

— Придумал! — воскликнул генератор идей. — «Субботний сплин».

Он победоносно оглядел присутствующих, его поддержали одобрительным смехом. Только острослов недовольно нахмурил лоб:

— Может, это и неплохо, — согласился он. — «Субботний сплин». Два «с». Звучит почти как стихи Гёте. Говорят, они у него очень музыкальны. Но «сплин» — опасное слово. Публика мигом обернет его против нас, а критики и без него найдут, к чему бы придраться.

Генератор идей был уязвлен.

— Никто не посмеет отрицать, что мы способствовали повышению культурного уровня в этой стране, — сказал он. — Но я не уверен, что каждый десятый швед знает смысл этого слова. Я, например, только недавно его узнал. Предлагаю решить вопрос голосованием.

— Ну что ж, — сказал главный редактор. — Проголосуем.

Половина собравшихся проголосовала «за». Но другая половина была против, в том числе и диктор-

ша, которая должна была вести эту передачу, — ей не улыбалось выступать в скучной программе. Может, все-таки обыграть как-нибудь слово «флирт»?

Главный редактор возвел глаза к потолку.

— У нас никого не зовут Титанией? — спросил он. — А то мы могли бы назвать нашу передачу «Свидание с Титанией».

Но Титании среди собравшихся не оказалось.

— А если бы был Ганс, мы бы ее назвали «О Гансе в транс», — вздохнул генератор идей.

— Почему бы в таком случае не назвать ее «Как обманули Улле»? — предложил острослов ироническим тоном. — Кого-кого, а уж Улле у нас предостаточно.

— Придумал! — закричал генератор идей, и все с удивлением обернулись в его сторону.

— «Кофе у Аффе»!

— А разве у нас есть Аффе? — удивился главный редактор.

— Конечно. В стране уже не осталось такого уголка, куда бы он ни звонил, чтобы справиться, идет ли там дождь и какая у его собеседника любимая мелодия. Даже странно, что ты этого не знаешь.

— У меня нет времени смотреть наши передачи, — мрачно ответил главный редактор.

— Аффе — это звезда, — сказала дикторша. — Он такой красивый, у него пышные бакенбарды и томный взгляд.

Главный редактор взглянул на часы. Четвертый день совещаний подходил к концу.

— Ну как? Принимаем «Кофе у Аффе»?

Единогласно. Бам! Молоток ударил по столу. Они убили сразу двух зайцев: придумали название передачи и ее главный двигатель.

— Поработали на совесть, — подвел итог главный редактор.

Еще через пять дней новая серия уже обросла плотью. Смысл всей этой затеи состоял в том, что каждую субботу на «Кофе у Аффе» рассказывалось о какой-нибудь Достопримечательности Недели, и эту достопримечательность выбирали сами телезрители в своих письмах. Иногда это были прославившиеся чем-то мужчины и женщины, а иногда и достопримечательности вроде обратной стороны Луны, вновь открытого рунического камня или чего-нибудь подобного.

Аффе оказался на месте. Новая программа имела огромный успех, каждую неделю приходили тысячи писем, предлагающих ту или иную тему для очередной передачи. Как правило, больше половины предложений совпадали, иными словами, достопримечательность действительно была достопримечательностью.

На этой неделе редакция телевидения получила более ста тысяч писем. Почти во всех говорилось об одном и том же человеке. Увидев эти письма, режиссер растерялся и отправился за советом к главному редактору.

— Знаешь, кого они хотят увидеть? — сказал он. — Человека, который под действием вертотона стал зеленым!

— Зачем?

— Чтобы выйти из тюрьмы. Неужели ты не читал об этом?

— У меня нет времени на чтение, — мрачно ответил главный редактор.

— Но теперь-то тебе ясно, о ком идет речь? Может, действительно, стоит его пригласить? Приглашаем же мы всяких знаменитостей и чудаков. А он получил голоса подавляющего большинства наших зрителей. Что будем делать?

Главный редактор возвел глаза к потолку, слов-

по пища там вдохновение. Наконец его лицо просияло.

— Надо созвать совещание, — решил он.

14

Однажды, когда Густафссон вернулся домой после работы, Ингрид сказала, что о нем справлялись с телестудии.

— Что им от меня надо? — удивился он.

— С ними разговаривала Грета, она была дома одна. Звонил сам Аффе, так что она совсем растерялась, когда он стал спрашивать у нее, какая температура на улице и не холодно ли у нас дома. А потом выяснилось, что он хочет пригласить тебя участвовать в какой-то программе.

— По мнению доктора, именно этого мне и следует избегать.

— Я с ним согласна. Но что мы ответим, когда они позвонят завтра? Грета хоть сообразила сказать, что после вечерней смены ты поздно встаешь.

— Скажете, что меня нет дома.

— А если ты будешь дома один? Или они пришлют своего человека прямо сюда?

— А я уйду на целый день в лес. Ну почему они не могут оставить человека в покое!

Богиню правосудия с ее весами часто принимали за дурочку. Но жизнь вообще не умеет распределять свои блага. Тот, кто хочет, чтобы его оставили в покое, обычно покоя не имеет. А тот, кто жаждет, чтобы его кто-нибудь навестил или хотя бы позвонил ему по телефону, как правило, не может дожидаться ни того ни другого.

Назавтра Густафссон встал в десять утра, быстро позавтракал и уже приготовился идти в лес, как в дверь позвопили.

Он замер, словно крыса, попавшая в крысоловку. Звонок повторился три раза. Наконец кто-то стал спускаться по лестнице. Густафссон выждал, чтобы посетитель ушел подальше. Потом осторожно открыл дверь и вышел на площадку, готовый при малейшей угрозе скрыться в квартире. Почувствовав себя в безопасности, он решился захлопнуть дверь.

В углу за дверью стоял человек.

Густафссон вздрогнул. Но, взглядевшись, узнал доктора Верелиуса.

— Это вы, доктор! — воскликнул он с облегчением. — А я думал...

— Да, это всего-навсего я. Помните, когда мы с вами прощались, я предупредил вас, что должен наблюдать, как на вас действует вертогон?

— Конечно, помню. Только я не думал, что вы придете так скоро.

— Я и в самом деле не собирался приезжать так скоро. Но мне хотелось бы поговорить с вами у вас дома.

Пока Густафссон открывал дверь, доктор взял в руки свой чемоданчик.

Осмотр прошел быстро, Густафссон рассказал, как его встретили и дома и на работе. Он считал, что постепенно все стало налаживаться. Хотя вначале ему было трудно.

— Но сейчас меня беспокоит другое. Я как раз собирался звонить вам по этому поводу. Меня разыскивает телевидение. И еще меня сфотографировали прямо на улице, впрочем, не знаю, может, это ничего и не значит.

— Зато я знаю, — сказал доктор. — Потому-то я к вам и пришел. Скажите, вам известен еженедельник, который называется «Ухо» или «Глаз» или еще что-то в этом роде?

— Да, есть такой. Называется «Глаз».

— Понимаете, они любят раскапывать такие вещи, которые человеку по той или иной причине не хотелось бы придавать огласке. Сейчас они задалась целью опубликовать материал о вас. Узнать вашу фамилию им было нетрудно, а потом они позвонили мне, чтобы получить комментарии специалиста. Но я попросил их подождать полгода, чтобы посмотреть, как будет развиваться наш эксперимент. Однако именно этого и не следовало делать. На некоторых журналистов подобная просьба действует, как брючина на бульдога. Они очень скоро разузнали, где вы работаете, и просили разрешения сфотографировать вас у пилы, у рубанка, во время перерыва и тому подобное, но там оказались умные люди и послали их подальше.

— Вот молодцы!

— Да. Но это не помогло. Потом я узнал, что они все-таки явились сюда и рыщут здесь. Я недвусмысленно дал им понять, что вы не хотите встречаться с представителями прессы. Тогда они побывали у ваших соседей и даже в лавках поблизости, чтобы узнать, что вы едите, и берете ли вы в кредит, сфотографировали тюрьму, где вы сидели, и даже побывали в доме напротив, в квартире, окна которой смотрят прямо на вашу, — хотели оттуда сделать снимки. А может, пытались сфотографировать кого-либо из членов вашей семьи.

— Значит, это один из них подстерег меня вчера, когда я выходил из дому. Думаю, они меня тоже сфотографировали и в лесу, и, уж конечно, это они приходили в школу, где учатся мои дети.

— Да, очевидно. Представляю себе, какие они дадут заголовки. Монопольное право. Они первые узнали, кто подвергся действию препарата вертотон. «Густафссон в свободное время». «Густафссон по пути на работу». «Мнение соседей...» Вот гадость!

— Доктор, неужели...

— Да. Мы бессильны им помешать.

За прошедшие дни Густафссон старался приспособиться к новому образу жизни. К нему даже вернулось желание жить и радоваться, он честно пытался привыкнуть к новым условиям, но теперь увидел, что карточный домик надежд зашатался и вот-вот рухнет.

— Но... но...

— Мы можем только одно, — сказал доктор. — Можем подставить им пожку. Вчера, узнав о проделках еженедельника «Глаз», я страшно огорчился. Но вечером мне позволили с телевидения...

— Одно другого не лучше, — вырвалось у Густафссона.

— Ну, не скажите, тут все дело в передаче. Вас, например, хотят представить в субботней развлекательной программе. Тут и речи не может быть о выслеживании или разнюхивании, о сенсациях, новинках, чудесах или как там еще называются их другие передачи. Если б они позвонили мне позавчера, я попросил бы их повременить. Но теперь все складывается так, что у нас нет выбора. Я представляю себе наше выступление так: сперва я рассказываю о вертотоне и его действии, потом слово предоставляется вам, и вы отвечаете на вопросы или что-нибудь в этом роде... По крайней мере Аaffe, который ведет эту передачу, показался мне достаточно тактичным.

— Значит, по-вашему, мне следует выступить по телевизору?

— Да. Чтобы покончить с этим раз и навсегда. А главное, мы наставим «Глазу» нос, — сказал доктор Верелиус.

15

Память — хрупкий инструмент. Он действует далеко не безошибочно, как правило, разные люди допускают разные промахи. Для одних непропорционально большое значение приобретают житейские неурядицы, поражения, несправедливость, другим все это кажется пустяками, зато значение звездочек на погонах или собственных подвигов вырастает до небес и пускает новые ростки. Память определяет направление всей нашей жизни, от нее зависит, будем ли мы мрачными и подавленными или веселыми и беспечными, мстительными или терпимыми, будем мы разрушать или созидать, будем честно трудиться или махнем на все рукой.

Густафссон относился к людям беззаботного типа. И потому, возвращаясь домой из столицы в одноместном купе первого класса, он был убежден, что каждую минуту прошедшего дня прожил правильно, начиная с того мгновения, когда они с доктором Верелиусом прибыли в Стокгольм, и кончая тем, когда он распрощался со своим эскортом и сел в поезд. Доктор Верелиус поджидал его у вокзала. Густафссон как раз только вышел из машины и намеревался пройти в залитый ярким светом зал ожидания. Доктор остановил его. Он считал, что Густафссону не следует расставаться с зелеными очками, шарфом и шляпой.

— Но почему же? — запротестовал Густафссон. — Теперь-то уж меня видели все, вряд ли это кого-нибудь испугает. Они сами просили, чтобы я не прятался.

— Гм, — хмыкнул доктор. — Смысл вертотона отнюдь не в этом. Полагаю, вам лучше вести уединенный образ жизни.

Доктор отдал билеты проводнику и занял купе рядом с Густафссоном.

«Хорошие люди на телевидении», — думал Густафссон, погасив свет и растянувшись на мягком диване. Колеса монотонно постукивали о рельсы, на переездах звонил звоночек, в просветах между занавесками мелькали проносящиеся мимо фонари. «Хорошие люди, — снова подумал он. — Оплатили и дорогу, и питание. Да еще обещали заплатить за выступление».

Мысленно он снова пережил этот день.

Они с доктором прибыли в столицу в полдень и завтракали в соседнем со студией ресторане в обществе известных дикторов и актеров. Все они выглядели как самые обыкновенные люди, и, если человек не знал, кто они, он мог принять их за продавцов или за столяров, вроде самого Густафссона. В зале было много молодежи, красивых девушек, в передачах они не участвовали, Густафссон слышал, что телевидению требуется очень много народу для нормальной работы, и чем больше становилось народу, тем больше его требовалось для этой нормальной работы.

Он оробел, увидев, что они направляются в большой зал, но Афффе успокоил его: все предупреждены, на него никто не станет таращиться. Так и было. Правда, порой кто-нибудь нет-нет да и бросал на него взгляд, но ведь во всех больших ресторанах люди обычно разглядывают друг друга. К тому же ему следовало привыкнуть к обществу людей. «Будем считать, что это своего рода репетиция перед вечерним выступлением», — сказал Афффе.

Они поговорили о всякой всячине, и тот, кого

называли режиссером, объяснил порядок передачи: сперва пойдут обычные номера, потом доктор Верелиус расскажет о своем замечательном препарате, и уже после него выступит Густафссон. Его представят телезрителям и Аффе задаст ему несколько вопросов — о чем, это они сейчас решат. Что делать с гримом, не знал никто, очевидно, от него следует отказаться и лишь умело использовать освещение.

— Если тебе случалось смотреть наши передачи, ты знаешь, что обычно мы просим наших знаменитых гостей спеть песенку, показать какой-нибудь фокус или сделать что-нибудь еще в этом роде. Может, ты умеешь ходить по проволоке или играть на рояле?

— Когда-то я пел под лютию, но это было давно, да у меня здесь и лютни нет.

— Значит, не о чем и говорить, — сказал режиссер и, наморщив лоб глубокими складками, спросил: — А может, ты знаешь какую-нибудь песню, в которой говорится о зеленом?

— Что-то не припомню.

— А вот я вспомнил: «Зеленые домишки летят мимо окна!» Слышал когда-нибудь эту песенку?

— Вообще-то она называется «Красные домишки», — вмешался доктор Верелиус. — Так что она вам не подойдет.

— Жаль. — Режиссер огорчился. — А я уж думал, что мы используем ее как музыкальную заставку, которая красной нитью пройдет через всю передачу. Ну что ж, трудности для того и существуют, чтобы их преодолевать. Сейчас мы призовем на помощь нашего штатного поэта. В это время он обычно бывает в ресторане.

Поэт был найден и приглашен к их столику. Дароваше у поэта было весьма скромное, по всей стране он был известен тем, что сочинял стихи схо-

ду. Не задумываясь, он выдавал строфу из четырех строчек о чем угодно — всего четыре строчки, зато рифмованные. Вообще-то говоря, это доступно большинству образованных людей, если, конечно, требования не слишком высоки. Но к поэту никто и не предъявлял больших требований.

Едва поэту объяснили, что от него требуется, как он вернулся к своему столику, отодвинул в сторону чашку с кофе, достал перо и бумагу и погрузился в творческий процесс. Вскоре он принес свое сочинение со скромным видом человека, желающего показать: быть может, это и не шедевр, но хотел бы я посмотреть, кто это сделает лучше, чем я.

Режиссер схватил бумагу и прочел:

Давно ль, забытый всеми,
в неизвестности я спал?
Но вот я стал Зеленым
и знаменитым стал.

— Блеск! — воскликнул режиссер. — Густафссон прочтет эти стихи.

Густафссон не знал, что и сказать. Если опытный человек говорит, что это хорошо, может, это и в самом деле хорошо. Он уже протянул руку за бумажкой, но тут опять вмешался доктор Верелиус:

— Нет, — сказал он.

От удивления у поэта отвисла челюсть. Такого с ним еще не случалось.

Режиссер поднял брови:

— Почему?

— Решительно не подходит, — повторил доктор. — Я не раз слышал, как вы читаете по радио свои сочинения. При всем уважении к вам, должен заметить, что ваше исполнение очень подходит к качеству ваших стихов. Но если их начнет декламировать Густафссон, это будет смешно. А именно этого мы хотим избежать. Вы согласны со мной?

Режиссер кивнул.

— К сожалению, сейчас я должен поблагодарить вас и удалиться, — продолжал доктор. — Меня ждут в нашем ведомстве. Они хотели встретиться со мной, когда ознакомились с моей докладной о вертотоне, но раньше у меня не было времени. Вот мы и решили воспользоваться моим нынешним приездом в столицу. Прощаюсь с вами до вечера.

Доктор ушел. И тут взял слово Аффе, до тех пор сидевший молча.

— Будет неинтересно, если Густафссон только покажется в нашей передаче и все, — сказал он.

— Вот и придумай что-нибудь, — предложил режиссер.

— Легче сказать, чем сделать. Послушай, Густафссон, может, ты умеешь ездить на одноколесном велосипеде?

— Или ходить на руках? — подхватил режиссер.

Густафссон не умел ни того ни другого. Вообще-то он мог бы пройтись на руках, но чувствовал, что этого делать не следует.

— Надо быстренько обучить его какому-нибудь фокусу, — сказал Аффе. — Пусть кто-нибудь из помрежей достанет необходимый реквизит. Надо выбрать что-нибудь незатейливое, вроде бумажного пакета, который превратится в букет, если его потрясти. Или воды, которая станет вином, если ее перелить в другой бокал. Или носовой платок, из которого можно достать десяток яиц.

— Стоп, стоп! — воскликнул режиссер. — Вода, которая превращается в вино. Это нам подходит. Возьмем кирасо. Зеленое кирасо — химики нам организуют. Потом ты покажешь фокус с зеленым кроликом. Все, к чему ты будешь прикасаться, будет становиться зеленым — книга, ручка, бумага...

-- Как же это получится?

— Ну, это пустяки. С одной стороны предмет будет обычным, с другой — зеленым, ты только незаметно перевернешь его. Например, книга — с одной стороны переплет будет красный, а с другой зеленый. Бумага, карандаш, диктор. Даже сам Афффе — спереди он будет белый, а сзади зеленый.

По мере того как его обуревали идеи, режиссер воодушевлялся все больше, под конец он впал в лирику и был похож на постоянного распорядителя празднеств в Шведской академии наук, составляющего меню для очередного банкета. Неожиданно он сник:

— Нет, — вздохнул он, — не пройдет. У нас в передаче уже есть один фокусник. Он свихнется, если успех достанется не ему.

Афффе снова обратился к Густафссону:

— Мне все-таки не хочется отказываться от мысли о песне. Хорошо бы только придумать что-нибудь не слишком известное.

— Мы у себя в спортивном клубе сочинили несколько песен, — сказал Густафссон. — Поем их на новогодних вечерах и вообще, когда собираемся вместе. Никто, кроме нас, их не знает. И одну из песен сочинил я.

— Ну-ка, изобрази!

Густафссон стал напевать вполголоса:

Смотри, уж начали цветы
в долине распускаться...

— Так ведь это песня про весну, про зелень! — воскликнул режиссер. — Сейчас я поговорю с концертмейстером, посмотрим, что он скажет.

Через четверть часа Густафссон уже сидел у концертмейстера. Он исполнил два куплета, и тот

тут же подобрал мелодию на рояле. Вскоре в дверь заглянул Аффё.

— Ну, как дела?

— Отлично, — ответил концертмейстер. — Сейчас я сделаю инструментовку. И мы исполним песню целиком. Должно получиться.

Он повернулся к Густафссону:

— Напиши текст в двух экземплярах. Один дай мне, а другой пусть будет у тебя, чтобы не получилось накладки.

Потом Густафссон отдыхал, потом обедал, потом пил кофе за сценой, куда доносился шум из студии. Режиссер то был похож на безумца, то был мрачнее тучи, Аффё хватался за живот и говорил, что ему не хватает только приступа язвы.

Перед началом пришел доктор Верелиус. Он предупредил, что уйдет сразу же после своего выступления — заседание в ведомстве еще не кончилось.

Густафссону дали текст музыкальной заставки, чтобы он его выучил. Наконец пробило восемь. Густафссон услышал музыкальную заставку, аплодисменты и вдруг пожалел, что согласился выступить в этой передаче.

Но еще до того они испробовали освещение. Начинаясь передача при ослепительно ярком свете, потом он постепенно тускнел, желтел, розовел и снова то желтел, то розовел... В конце концов Густафссон перестал понимать, что творится со светом. Ему хотелось лишь одного: оказаться сейчас дома. Неожиданно он услышал, что в студию пригласили доктора Верелиуса, и вот уже доктор рассказывает о своем препарате. Тело Густафссона будто налилось свинцом. Ему казалось, что он не сможет сделать ни шага, когда две ведущие передачу подошли к нему и взяли его за руки.

Многие актеры дрожат от страха перед своим первым выходом на сцену. Но и для их близких это ожидание не менее мучительно.

— Зачем он на это согласился? — уже в пятый раз за вечер спросил дедушка. — Счастлив тот, кто живет, не привлекая к себе внимания. Неужели он этого не понимает?

— Его к этому вынудили обстоятельства, — в третий раз повторила Ингрид.

— Иначе этот проклятый «Глаз» хвастался бы, что первый показал его своим читателям. Они собирались напечатать и мою фотографию, — добавила Грета.

— И мою тоже, — сказал Уве.

— А мою — нет, — засмеялся дедушка.

Они пили чай в гостиной. Поблескивал экран телевизора. Метеоролог, сообщаящий сводку погоды, водил указкой по карте.

— Это лучший метеоролог. Он всегда обещает хорошую погоду, — сказал Уве.

— Тс-с, — шикнула на него Грета.

Метеокарта стала бледнеть и тут же исчезла с экрана, уступив место рекламе детектива, который должны были показать на следующей неделе. Реклама была сделана по всем правилам искусства: семь тяжело раненных, причем четверо наверняка обречены. Но вот исчезли и они. И перед зрителями появился Аффе с двумя дикторшами, у всех в руках были чашки. Аффе дирижировал чайной ложечкой, и все трое пели, покачиваясь в такт песенке:

Спешите к нам, спешите к нам,
кто склонен к развлечениям.
Вот кофе, он уже готов,
а это торт с вареньем.

Пью кофе я, пьешь кофе ты,
и кофе пьет жена судьи.

— Почему они мажут торт в кофе, ведь, говорят, это неприлично? — удивился Уве.

— Наверно, их никто не учил хорошим манерам, — сказал дедушка и макнул в кофе сладкий сухарик. — Ну-ка, послушаем, что он там говорит.

Аффе сердечно приветствовал всех собравшихся, особенно чету из Нэттрабю, приехавшую в Стокгольм, чтобы отметить свою серебряную свадьбу. Они рассказали, что в Нэттрабю все время моросит дождь. Аффе сидел, склонив голову набок, и делал вид, что ему это чрезвычайно интересно. Потом настал черед целого класса из Нёдинге — оказалось, что у них в Нёдинге стоит теплая и сухая погода. И наконец компания рукодельниц сообщила, что у них в Кристинехамне туман. Одним словом, начало программы сулило разнообразие.

Так оно и оказалось. Сперва одна шведка пела по-немецки. Потом выступал фокусник. Потом немка пела по-английски. После нее выступал чревовещатель. Затем четверо американцев пели по-шведски.

— Когда же дойдет очередь до папы? — вздохнул Уве.

— Не нравится мне все это, — проворчал дедушка.

— Через полчаса передача закончится, — пожаловалась Грета.

— Папа будет выступать недолго. Он только покажется и все, — сказала Ингрид.

— Разбудите меня, когда он будет выступать, — попросил дедушка и закрыл глаза.

Но будить его не пришлось. Неожиданно Аффе остался на эстраде один.

— А теперь, уважаемые дамы и господа, пришло

время познакомить вас с достопримечательностью этой недели.

По давно выработанной привычке он повернулся вполоборота и приветствовал зрителей немного смущенным и очень сердечным жестом, тем самым знаменитым жестом, который сделал его Любимцем Всей Швеции. Людям, видевшим жест Афффе и слышавшим его приветствие, и в голову не приходило, что в глубине души Афффе мечтает о таблетке, успокаивающей боль в желудке, и о стакане минеральной воды.

— Сейчас будет папа! — Уве так и горел от нетерпения.

Но к Афффе подошел доктор Верелиус. Зрители, присутствующие в студии, решили, что он-то и стал зеленым, просто освещение не позволяет этого видеть. Они начали аплодировать. Афффе одобрительно кивнул:

— Правильно, друзья, доктор Верелиус заслужил ваши аплодисменты. Без него не было бы нашей сегодняшней достопримечательности. Расскажите нам, доктор, как вам это удалось?

Оказавшись в центре внимания, доктор нисколько не смутился. Он вел себя, как обычно, просто и ясно рассказал о своем вкладе в реформу правосудия, о том, как он открыл вертотон и испробовал его на себе.

— Но это было сделано в строжайшей тайне, — подхватил Афффе, сделав знак своим помощницам, чтобы они увели доктора и привели Густафссона.— И вот она — наша достопримечательность! На этой неделе мы получили, — Афффе вытащил бумажку и заглянул в нее, — сто три тысячи четыреста пятьдесят шесть писем от наших зрителей. Восемьдесят процентов из них, то есть восемьдесят одна тысяча четыреста двадцать семь, оказались единодушны в

своем желании — им хотелось увидеть Человека, который Стал Зеленым. Пожалуйста, ваше желание исполнено: перед вами Пер Густафссон!

Аффе повысил голос, и фамилия Густафссон прозвучала, как победный клич. Одновременно Аффе широко раскинул руки.

— Папа! — крикнул Уве.

Вся семья склонилась к телевизору.

Да, там в свете рампы стоит Густафссон. Зеленый цвет бьет в глаза, он виден очень отчетливо — лицо, уши, шея, даже корни волос. Но он становится еще заметней, когда Густафссон замирает, тоже раскинув руки.

— Итак, вот он! — продолжает Аффе. — Перед вами Пер Густафссон, который предпочел стать зеленым, чем просидеть полтора года в тюрьме.

При этих словах из публики слышались типичные звуки одобрения: оглушительный свист и довольный рев. Но их перебили аплодисменты.

Одновременно все в студии начало неусловно меняться. Зрители даже не заметили, в какой момент осветитель стал колдовать со своими стеклами. Зеленый цвет бледнеет и сливается с общим фоном. И вот уже зрители перестают его видеть.

Аплодисменты стихают.

— Видишь, как мы рады, что ты пришел к нам, — продолжает Аффе. — О твоей истории мы говорить не будем. Но нам хотелось бы знать, как ты себя чувствуешь после введения этого чужеродного элемента?

— Никак... Я его вообще не чувствую.

Густафссон по натуре не застенчив. Но непривычная обстановка, несмотря на старания Аффе, вызывает в нем неуверенность.

— Значит, ты в отличной форме? — с энтузиазмом подхватывает Аффе. — Но это же замечательно! Ну, а вообще? Как ты себя чувствовал первые дни?

Сценическая лихорадка начала отпускать Густафссона. Он ощущает дружеское расположение к себе всего зала. На сердце у него становится тепло. Ему хочется поблагодарить всех.

— Большинство людей были ко мне очень внимательны.

— Правда? Никто над тобой не смеялся?

— Не-ет. Этого я не могу сказать.

— Но любопытные, конечно, находились?

— Да, любопытные были.

— А теперь, как мы знаем, ты снова работаешь? Трудно было получить работу?

— Да нет. Во всяком случае я ничего такого не заметил. Работу мне устроил куратор.

— Наверно, предложений было много? Только выбирай?

— Да, предложения были. Мне, например, предлагали место почного сторожа. Но тогда я уже договорился со столярной мастерской...

— Мне шепнули, что ты работаешь по вечерам? Верно, приятно забивать гвозди, правда? Все мальчишки это любят. А теперь у меня к тебе такой вопрос: умеешь ли ты петь?

— Мы же уже говорили об этом. Да, умею.

Аффе на мгновение теряется. Но тут же находит выход из положения.

— Совершенно верно, прости, пожалуйста. Это было днем, но наша встреча была такой мимолетной. Ты еще говорил, что иногда поешь под лютню. Послушай, а не знаешь ли ты какую-нибудь песню про природу... про леса, озера? Наверно, в тюрьме тебе вспомнились именно такие песни?

Теперь Густафссон чувствует себя так же непри-

нужденно, как Аффе. У него появляется желание ответить колкостью, но он сдерживает себя:

— Ты ошибаешься, если думаешь, что в тюрьме человеку хочется петь!

— Гм... да... конечно... Но все-таки, ты ведь такой поклонник природы. Неужели ты там даже не думал о лесах и лугах? Я уверен, что ты знаешь песни о природе. Спой нам, пожалуйста. Вот, стань сюда, к микрофону.

Аффе исчез. Густафссон, залитый ярким светом, остался один.

Заиграл оркестр.

И тут вышла заминка. Густафссону вдруг показалось, что он теряет сознание. Он забыл песню, забыл слова, забыл все. Так и стоял, пока не вспомнил, что у него в руке бумажка с текстом.

Однако его родные ничего не заметили. Они воспользовались этой заминкой, чтобы обменяться мнениями.

— Как хорошо слышно, каждое слово, — сказал Уве.

— Аффе просто молодец, — заметила Грета.

— Он всегда такой веселый, — сказала Ингрид.

— Еще бы, — сказал дедушка. — Чужая беда плечи не давит. А что это с Пером? Почему он не начинает?

— Неужели забыл слова? — воскликнула Ингрид.

Заглянув в текст, Густафссон все вспомнил. Но раньше, когда он пел, аккомпанируя себе на лютне, он мог по своему желанию ускорять или замедлять темп. Здесь же темп задал оркестр, и Густафссону было трудно начать.

Оркестр терпеливо исполнил первые четыре такта раз, другой, третий, четвертый. Только на пятый раз Густафссон начал петь.

Смотри, уж начали цветы
в долине распускаться.
А тут на ринге чудаки
предпочитают драться.
Атлет толкает тяжести,
и день бредет к закату.
А я к кассиру путь держу,
чтоб получить зарплату.

Потом мы в путь пускаемся,
пускаемся, пускаемся,
чтоб лес пройти насквозь,
как поступает лось.
А то в кафе являемся,
являемся, являемся
и пьем, а кто не пьет,
пусть молча слезы льет.

А солнце жарит лес и луг,
траву, а также скалы.
Чего ж котлет оно не жарит,
ведь масло вздорожало?
Одни взмывают в небеса,
другим в воде удобно.
А кто врасплох застигнут — тот
кричит довольно злобно.

А мы поем, как скворушки,
как скворушки, как скворушки,
а не найдем свой дом
в скворешнике живем,
любujemy на перышки,
на перышки, на перышки,
на белый свет глядим
и червячков едим.

Пусть мудрый компас день и ночь
показывает север.
Однажды он покажет нам,
как жать, где ты не сеял.
Всегда покажет компас путь
на льдистую равнину.
Но лучше б он нам показал
как выиграть машину.
Башмачник делает башмак,
жестяпщик гнет жестянку.
А я, чуть утро, на плите
варю себе овсянку.

Зима, а нам ни чуточки,
ни чуточки, ни чуточки
купанья не страшны,
и мы не ждем весны,
а крикаем, как уточки,
как уточки, как уточки,
ведь кто не скажет «кря»,
в риксдаг стремится зря.

Оркестр повторил припев, но музыка звучала уже глуше. Один за другим на эстраду поднялись все участники передачи. Там собрались все, кроме доктора Верелиуса, публика аплодировала и все хором пели:

С небес спяют звездочки
всем — и большим, и малым.
И мы уж скоро захрапим
под теплым одеялом.
Мы захрапим — и я, и ты,
и захрапит жена судьи.

Нельзя отрицать, что штатный поэт все-таки внес свой вклад в эту передачу. Отпечатки его духовных пальцев узнать было нетрудно. Их любой человек узнал бы из тысячи.

Изображение на экране начало расплываться. Дольше других показывали аплодирующих зрителей. Но вот аплодисменты стихли, и появились фамилии участников, буквы становились все меньше и меньше, и вдруг весь экран заняла одна фамилия, написанная огромными буквами. Фамилия режиссера.

Ингрид с облегчением вздохнула. Слава богу, все позади.

17

Воспоминание об успехе — все равно что паке-тик с карамелью, которой можно лакомиться без конца.

Густафссон не был избалован успехом у публики. Все воскресенье он перебирал в памяти свое выступление по телевизору. Всей семьей они обсуждали, как было бы лучше ответить на тот или иной вопрос. Не слишком ли неловко он держался сначала? Не глупо ли было твердить «нет», «не-ет», когда Афффе спрашивал его, не смеялся ли кто над ним? Надо было ответить, что хороших друзей человек находит повсюду. Так же, как всюду, встречается и всякая дрянь.

При этих словах ему следовало оглядеть зал, словно он хотел сказать, что и тут найдутся и те, и другие.

Но, по мнению Ингрид и Греты, этого делать не надо было. Ингрид считала, что он отвечал правильно, а Грета добавила, что, ответь он по-другому, он только запутал бы Афффе. Нет, он отвечал правильно, не слишком кратко, но и не чересчур пространно.

— Вы все слышали, что я говорил?

— Каждое слово. Как будто ты находился в этой комнате.

Пришел дедушка с пакетом яиц и заявил, что они должны отпраздновать это событие яичным пуншем.

— От сырых яиц человек становится бодрым, — считал дедушка. — Бог сотворил яйца, а черт научил человека варить их.

— До чего же переменчива жизнь! — сказал Густафссон. — Две недели назад я и понятия не имел, что со мной будет дальше. А вот вчера цел по телевизору, совсем как Пер Грундеп, Николай Гедда, Торе Скугман и другие знаменитости. Сегодня утром я даже осмелился зайти в вокзальный ресторан и выпить там кофе.

— В ресторан? — Ингрид испуганно раскрыла глаза. — Как ты решился?

— А что? Хотел проверить свои нервы. Понимаешь? Вообще-то там никого не было, а у официантки ото сна еще слипались глаза, она на меня даже не взглянула. К тому же на мне были очки, шарф и перчатки.

Вернулся Уве, который бегал за газетами. Он купил сразу все газеты, надеясь хоть в одной найти заметку о вчерашней передаче.

— Ну как, есть там что-нибудь?

— А как же! Во всех газетах есть про папу. Слушайте: «Фокусник изумил нас своими кроликами и графинами, но Аффе превзошел его, представив нам Зеленого Густафссона». А вот что говорится в другой: «Густафссон исполнил неплохую песню». Или тут, — Уве развернул третью газету: — «Гвоздем недели оказался Человек, Который Стал Зеленым. Его зовут Пер Густафссон. Он не обманул наших ожиданий».

— Что они хотели этим сказать?

— Кто их знает! Вот еще одна газета, в ней написано побольше: «Доктор Верелнус получил возможность показать нам своего «пациента», которого выпустили на свободу. Этот пациент по имени Пер Густафссон спел песню. Слышио было очень хорошо».

— Замечательная газета, — сказал Густафссон.

— Ну, а теперь тебе, наверно, хочется отдохнуть? — сказал дедушка. — Небось устал после такой поездки?

— Устал? В спальном купе первого класса не устают. Я там расположился, что твой граф. Ты бы посмотрел, дедушка, на проводника, когда он, отдав мне честь, спросил билет. Не то, что во втором классе. Там проводник молча подходит к пассажиру и

протягивает руку. А тут я махнул ему рукой. В сторону доктора, потому что билеты были у него. А обратно я ехал в одноместном спальном купе — просторно, удобно, вешалки для одежды, теплая вода, на стенках бра. Так мне еще никогда не приходилось ездить. И к тому же мне еще заплатят. Если не ошибаюсь, они сказали, что мне причитается полторы тысячи. Тогда Ингрид сможет купить себе новое пальто.

— Нет, лучше купим тебе новый костюм, — возразила Ингрид.

— Купите что-нибудь обоим, — посоветовал дедушка. — У кого есть новые башмаки, тому нет нужды унижаться перед холодным сапожником.

Густафссон и на другой день продолжал сосать свою карамель. Проснувшись, он снова прочел в газетах о своем выступлении по телевидению. Все заметки он вырезал и сложил в конверт. А те строчки, где говорилось о нем, подчеркнул.

Когда Ингрид вернулась домой, он напевал:

Потом мы в путь пускаемся,
пускаемся, пускаемся...

Он оборвал песню.

— Тебе нравится? — спросил он.

— Конечно.

— Они написали, что меня было очень хорошо слышно. Так не про всякого напишут. Знаешь, как обычно пишут о хоккее или о футболе? Если кто-то на поле совершит ошибку, о ней тут же во всеулышание объявляют. Вы, верно, удивились, когда я стал перед микрофоном и оркестр заиграл? Дедушка небось совсем растерялся?

— Да, сперва он растерялся, но потом у него и

на этот случай нашлась присказка: петух и соловей поют на разный лад.

— Старик верен себе. Что до меня, я-то, конечно, был соловьем... Вон сколько мне за это отвалят. Питание, дорога — все бесплатно. Хорошо быть актером на телевидении! Сама подумай, полторы тысячи только за то, что ты спел в микрофон свою любимую песню. С таким голосом, как у меня, я вполне мог бы у них выступать. А новое пальто ты себе все-таки купишь. На весну.

— Накрой, пожалуйста, на стол.

— Что у нас сегодня? — Он приподнял крышку. — Рисовый пудинг.

— С мясными тефтелями.

— В Стокгольме я привык к отбивным с зеленым горошком.

— Можешь съездить и пообедать в Стокгольме.

Постепенно к ним возвращался их прежний оптимизм, они могли снова шутить и поддразнивать друг друга.

Из школы пришли дети. Уве заявил, что в такой день полагается обедать не на кухне, а в гостиной.

— Не надо, — возразила Ингрид. — В кухне, как говорится, все под рукой.

— Не хватало, чтобы и ты заговорила поговорками, — сказал Уве. — Но в кухне нет почетного места!

— А ты собирался его занять? — съязвила Грета. — За какой же подвиг, интересно знать?

— Да не я, а папа! — Он повернулся к отцу. — Сегодня в школе все только и говорили, что о тебе. Тебе подобает сидеть на почетном месте. Честь и хвала нашему папочке!

У Густафссона было легко на сердце. Впервые за все это время он шел на работу в приподнятом настроении.

В наши дни стены уборных заменяют собой рунические камни — на них отражено все, чем интересуется эпоха. Внимательное изучение этих надписей может послужить материалом для солидной докторской диссертации. В начале века стены уборных были испещрены названиями частей тела, которые редко упоминаются в приличном обществе; иногда они сопровождались весьма откровенными комментариями.

По мере изменения общественных интересов менялись и надписи. Рост сексуального просвещения заметно ослабил интерес к прежним односторонним упражнениям. Стала доминировать политика. Тот, кого это удивляет, пусть вспомнит высказывание одного известного государственного деятеля: «Все — политика!» Не удивительно, что нынешние корифеи политики все больше вторгаются в сознание поклонников рунических надписей, отражающих интересы своего времени.

Люди, расписывающие стены уборных, и по сей день демонстрируют интерес к общественным проблемам, творя свой суд над всеми политическими партиями по порядку и выказывая готовность лишить жизни их руководителей, причем самым изощренным методом.

К актуальной политике примешиваются вопросы и более общего характера. Когда в тот вечер Густафссон в мастерской зашел в уборную, он увидел стихи, написанные красным мелком:

Краснеть в смущенье девушкам
положено влюбленным.
А вот бывает, что иной
становится зеленым.
Зеленый я, зеленый ты,
зеленая жена судьи.

Кровь бросилась ему в голову и тут же отхлы-

пула, щеки похолодели. С низко опущенной головой он вернулся в цех. Никто не глядел на него и, казалось, ничего не заметил. Когда же через несколько часов он снова зашел в уборную, стишок был уже стерт.

В ту ночь он возвращался домой с чувством безысходности и отвращения, завладевшим им без остатка.

18

Утро вечера мудренее, говорят люди, полагая, что утром все беды кажутся не такими страшными; так обычно и бывает — неприятности неизбежно забываются, и человек тащит свою ношу дальше.

Но иногда сон не приносит облегчения, человек просыпается на рассвете и в серых сумерках понимает, что все осталось по-прежнему. Ему не удалось избавиться от шипов, застрявших в душе, они, несмотря на все мысли, продолжают колотиться и причинять боль. Человек ест и чувствует боль, идет по улице и чувствует боль, бежит по лесу и смотрит, как просыпается весна — мглистая дымка висит в воздухе, снег уже почти сошел, обнажились прошлогодняя трава и увядшие листья, по озеру бегут свинцовые волны, у берега тают, шурша и позванивая, тяжелые ледяные глыбы.

Тот стишок написал человек, которого он не знает. Кто-нибудь из дневной смены; когда его сменила заступила на работу, он, верно, был уже написан. Должно быть, красовался там весь день — красный мел на белоснежной кафельной стене. У того, кто его написал, было достаточно времени, чтобы придумать пародию, — все воскресенье. Целый понедельник она красовалась на стене уборной, и каж-

дый, кто туда заходил, читал ее. Делал свое дело, читал и смеялся. Скоро кто-нибудь напишет, что у него и моча зеленая.

Всегда неприятно узнать, что у тебя есть недруг. Но хуже всего — неизвестный недруг. Его ни найти, ни избежать невозможно. С ним нельзя поговорить, нельзя его умиловать или пригрозить ему взбучкой. А между тем его злоба преследует тебя повсюду.

Ингрид была дома, когда он вернулся из леса. Готовя чай, она болтала о всякой всячине. Она не умолкала ни на минуту, хорошее настроение еще не покинуло ее, но Густафссон слушал рассеянно и отвечал односложно, беседа не клеилась. Наконец Ингрид отставила чашку и подняла на него глаза. И пожелала узнать, что случилось.

— Ровным счетом ничего, — ответил он. — Все в порядке. Просто нет настроения разговаривать.

— Вчера ты был такой веселый.

— Нельзя же всегда быть веселым. Я ночью почти не спал.

— Что-нибудь на работе?

Ему не хотелось пугать ее или причинять огорчение. Помочь она все равно не в силах. Он должен переболеть в одиночку. Густафссон через силу улыбнулся.

— Почему ты вдруг так подумала? Нет, там все, как обычно — фуганки, пилы, сверла, политура, клей... Мы изготавливаем столько стульев и кресел — можно подумать, люди только и делают, что сидят, совсем ходить разучились.

Он смеется. Она улыбается ему в ответ, но глаза у нее серьезные. Она уносит в кухню поднос с чашками, он слышит, как она моет посуду, ставит

в холодильник сыр и масло, обычно она всегда напеваает при этом, но сегодня молчит, наверно, ее что-то тревожит. Вернувшись в гостиную, она спрашивает у него без обиняков:

— Кто-нибудь смеялся над тобой? Из-за той передачи...

С чистой совестью он уверяет ее, что ему никто ничего не *говорил*. Ни словечка.

— Ни словечка, — повторяет он, поняв, что не следует выделять слово *говорил*. Ингрид очень наблюдательна.

Она, стоя, смотрит в окно, он сидит в кресле, оба молчат, погруженные в свои мысли, и оба скрывают друг от друга то, о чем думают.

— Во всем виновата погода, — говорит он. — Эта серость кому угодно подействует на нервы. — Он встает и берет газету: — Пойду полежу.

Оставшись одна, Ингрид устало опускается на тахту, ей не хочется ничем заниматься, она тупо глядит в одну точку.

Звонок в дверь. Ингрид открыла. На площадке стоял неизвестный ей человек. Прикоснувшись к кепочке в знак приветствия, он шагнул ей навстречу.

— Густафссон дома?

— Да-а, — нерешительно протянула Ингрид, на площадке было темновато, и, казалось, человек лишен контуров. Ей не понравился исходивший от него запах, слабый, но все-таки ощутимый, пропитанный табачным дымом, пивным перегаром и несвежим бельем.

Незнакомец вошел в переднюю. Он протянул Ингрид руку и отвесил церемонный поклон.

— Если не ошибаюсь, вы его жена? А я, видите ли, его старинный приятель. Разрешите войти?

Он протиснулся мимо Ингрид в гостиную, остановился на пороге и огляделся.

Теперь он был хорошо виден. Ничего особенно подозрительного Ингрид в нем не заметила. Возможно, какой-нибудь знакомый по заключению.

— Мы вместе служили, — сказал он, словно угадав ее мысли. — В одной роте, в одном батальоне. Моя фамилия Фредрикссон. Но если вы просто скажете ему, что пришел Пружина, он меня сразу вспомнит.

Вон оно что, приятель по военной службе. По нему не скажешь: военная выправка, видно, давно стерлась с него. Впрочем, и служил он тоже бог знает когда. Судя по его не очень презентабельному виду, он мог быть лоточником, мелким дельцом, каким-нибудь «представителем» — словом, одним из тех неудачников, у кого полно идей, но кому лишь с трудом удается держать голову над водой. На нем были желтые грязные башмаки и непарные пиджак и брюки.

Ингрид не знала, может, Густафссон заснул. Но тут послышался его голос:

— Кто там? Дедушка?

— Нет, насколько мне известно, я еще никому не дедушка и не папа, — ответил гость. — Ну-ка, Густафссон, отгадай по голосу, кто пришел? Даю тебе три попытки.

— Не знаю. — Густафссон показался в дверях спальни. Он с удивлением уставился на гостя.

— Привет, Густафссон! Стыдно не узнавать старых друзей. Да это же я, Пружина!

Густафссон пригляделся повнимательнее. Человека, которого ты видел только в военной форме, бывает трудно признать в штатской одежде, даже если встретишь его через год, а не через пятнадцать-двадцать лет. Густафссон наморщил лоб.

— Да, да, да... кажется, помню. Ты еще занимался всякой коммерцией.

— Точно. — Пружина оглядел Густафссона с головы до ног. — Ну и зелен же ты, браток, скажу я тебе!

Густафссон уже привык к тому, что он зеленый. Но неверно было бы утверждать, что его совсем не покоробили эти слова. В ответ он только мрачно хмыкнул.

Пружина же и не подумал, что задел больное место.

— Это замечательно, понимаешь, замечательно, — с энтузиазмом говорил он. — Единственный в своем роде, *up to date**, как говорится. Замечательно, высший класс. Тебе идет. Ты искупил свою вину, вот что главное. Обсуждению не подлежит, если можно так выразиться. Прав я?

— Никто и не возражает.

Пружина прошелся по гостиной.

— Хорошо устроился! — воскликнул он. — Красиво и *up to date*, как говорится. Кресла, диваны — уют и удобство. Я, пожалуй, присяду, а? Так будет удобнее разговаривать. Если, понятно, хозяйка не возражает.

— Нет, нет, садитесь, пожалуйста, господин Фредрикссон.

Опускаясь на тахту, он сделал милостивый жест:

-- Зовите меня просто Пружина, хозяйюшка. Так меня зовут все близкие люди, и мужчины и женщины. — Он снова повернулся к Густафссону. — Итак, ты принял свое наказание как настоящий мужчина, это первое, что я сказал, увидев тебя. И повторю это кому угодно, будь то королевский

* Вполне современно (англ.).

церемониймейстер или любая другая важная шишка. Ну и зелен же ты все-таки, черт побери!

— Ты это уже говорил, — напомнил Густафссон.

Гость явно пришелся ему не по душе. Ингрид все еще стояла в дверях. Ей не хотелось оставаться в обществе этого человека, но и покинуть мужа она тоже не решалась.

— Да не переживай ты из-за этого! — беспечно продолжал Пружина. Он вытащил пачку сигарет, щелчком выбил из нее окурок и закурил. Пустив в комнату облако дыма, он обратил внимание на дедушкину вышивку: — «А цвет надежд — зеленый!» Именно так. Вот они висят на стене, эти слова, и это делает тебе честь, Густафссон, это твой ответ всем. Цвет надежд. Думаю, наша хозяйка не возражает, что это так?

— Так говорится, — ответила Ингрид. — Но в отношении нас я как-то не думала об этом.

— А я тебя видел по телевизору в субботу, — продолжал Пружина. — И веришь ли, узнал с первого взгляда. Меня так и стукнуло. Да это же мой приятель, сказал я. Этого парня я знаю, сказал я. Фамилию твою я, правда, забыл, помнил только личный номер — семьсот первый. И когда ее назвали по телевизору, из-за аплодисментов я тоже толком не разобрал, очень уж там было шумно. Вся эта публика за столиками болтает о своем, они только мешают представлению, никакой культуры. Так что твою фамилию я прочел в газете на следующий день. «Густафссон, — сказал я. — Верно, Пер Густафссон. Точно, точно. Это мой приятель. Надо его разыскать».

— Вот ты и разыскал.

— Не думай, что это было так легко, но я не из тех, кто сразу сдается. Особенно если у меня родилась гениальная идея. А я-таки кое-что придумал.

Он сделал многозначительную паузу, перевел взгляд с Густафссона на Ингрид и обратно и объявил:

— Я сделаю из тебя знаменитость!

— Что?!

— Знаменитость. Человека, о котором будут говорить все. И долго еще не перестанут говорить. Ты же выступал по телеку. Тебе ясно, что это означает? Это означает, что теперь все захотят тебя видеть!

— Милый господин Фредрикссон, их желания еще не достаточно, — вмешалась Ингрид.

— Нужно еще, чтобы и я захотел выступить, — пояснил Густафссон.

— Нет, вы только их послушайте! — В голосе Пружинины зазвучали нетерпеливые нотки. — Вспомни Юкмоккс-Юкке. Был в Норрланде самым что ни на есть простым рабочим. Пел себе свои песенки, и ни одна собака о нем не знала... Пока его не вытащили на радио и телевидение. С этого все и началось. Поклонники, автографы, пластинки, поездки от Смигехюк до Кируны. Нет такого парка, где бы он ни выступал. Или взять Снуддаса. Даже сегодня о нем помнят в любом медвежьем углу, вас, хозяйш-ка, небось еще и на свете не было, когда он дебютировал со своими песенками в старой «Карусели». С этого все и пошло, он, как лесной пожар, побежал по стране. Только и разговоров было, что о Снуддасе. Детишки, которые еще не умели читать и писать, и те распевали его шлягеры. А ведь в те времена телевизора еще не было. А ты сразу начал с много-терпеливого экрана телевизора, как про тебя написали в газете. Успех тебе обеспечен, то есть почти обеспечен. Ты без пяти минут знаменитость. Тебя нужно лишь чуточку подтолкнуть. Ясно? Столкнуть с места. Наполнить ветром паруса, если можно так выразиться. А это уж я тебе обеспечу.

— Что именно? — Густафссон смотрел на приятеля, открыв рот.

— Успех. Разве не ясно? Я вижу, хозяйюшка уже смекнула что к чему.

Ингрид промолчала. Она мысленно подыскивала подходящие слова, ей хотелось попросить его уйти — проваливал бы куда подальше. Но она лишь засмеялась, хотя смех ее был скорее похож на рыдания.

А Пружина продолжал, ничего не замечая:

— Тебя ждут деньги. Куча денег. Ведь тебя знают все. Ты знаменитость, потому что зеленый!

— Ну что ты заладил: зеленый да зеленый, — раздраженно сказал Густафссон.

— Ну и что! В этом-то все и дело. Если за тебя взяться с умом, ты будешь нарасхват. В парках, на стадионах, на больших концертах. Это я беру на себя. Без менеджера ты пропадешь. Но тут тебе повезло, я тебя не брошу. У каждого человека в жизни бывает, как говорится, свой звездный час. Сейчас он выпал на твою долю. Денег сами идут к тебе в руки. Ты только не зевай.

Ингрид потеряла дар речи. Чтобы не упасть, она оперлась о косяк двери. Ей казалось, что все это происходит во сне, настолько происходящее было нереальным — подумать только, является какой-то нечистоплотный делец и предлагает сделку, от которой за сотню метров разит жульничеством. Она с облегчением вздохнула, поняв, что ее муж остался глух к этим уговорам.

— Ты что, шутить сюда явился? — спросил он.

Пружина обиженно выпрямился.

— Шутить? Чтобы я позволил себе шутить над старым приятелем? Да никогда в жизни! Разве что самую малость. Но сейчас об этом не может быть и речи. Нет, брат, я говорю серьезно. Ты можешь стать настоящей звездой. Необходима только рекла-

ма и немного шума. Анонсы, интервью, фотографии — этим займусь я. Доверься Пружине. Он на этом деле собаку съел.

— Если ты шутишь, тебе не поздоровится.

— Да я серьезен как никогда. Хозяюшка, я взываю к вашему разуму. Взгляните на меня. Неужели я похож на легкомысленного человека? Или мое предложение — на темные махинации? Я сделал ему предложение, какое человек получает раз в жизни, а он, — Пружина показал на Густафссона, — считает, что я пришел сюда шутки шутить.

Услышав воззвание Пружины о помощи, Ингрид наконец-то поняла, что ей следует делать.

— Если вы говорите серьезно, я прошу вас покинуть наш дом. Если шутите, тем более.

Это было сказано весьма недвусмысленно. Но Пружина недаром был мелким торговцем и агентом всяких сомнительных предприятий, он привык, что ему не доверяют. Он был похож на куклу-неваляшку, повалить его было невозможно. Чтобы ни случилось, он тут же снова оказывался на ногах. И сейчас он продолжал как ни в чем не бывало:

— Да поймите вы, о чем я толкую. Деньги валяются у вас под ногами. Надо только наклониться и поднять их. Поймите, хозяйюшка, Густафссона надо слегка подтолкнуть в нужном направлении. От него всего-то и требуется, чтобы он выступил и спел песню-другую. Так же как по телевизору. Только там он пел бог весть что, а надо спеть что-нибудь чувствительное. Чтобы слеза прошибала. Я уже все обдумал.

Он вытащил из кармана исчерканный лист бумаги и запел голосом, сильным от простуды, табака и пива:

Часто я клянусь с тоской
день, когда свершил я преступленье.
Я зеленый, это жребий мой,
и, быть может, в этом искупленье.

Его голос и лицо были исполнены той же пошлой чувствительности, что и текст песни. По всему было ясно, что он писал ее кровью сердца. Но Густафссон остался равнодушным.

— Опять о зеленом? — мрачно спросил он.

— От этого никуда не денешься, как ты не понимаешь! В том-то и дело. Не мешай мне, не то я забуду мелодию:

Сквозь решетку, как известно вам,
я природу видел, истомленный.
И катились слезы по щекам,
потому что я и сам зеленый.

Он сложил бумажку и самодовольно поглядел на нее.

— Тут еще много куплетов, но и этого достаточно, чтобы ты понял: я не какой-нибудь бездарный стихоплет. Ты знаешь, что есть певцы, которые за одно несчастное выступление получают от двух до пяти тысяч? Но мы с тобой поначалу не будем жадничать. С нас хватит и тысячи. Поделим ее поровну. Сколько тебе отвалили на телевидении?

— Обещали полторы тысячи. Они учли время, потраченное на дорогу, и вообще все, что положено певцу... Это очень много. Думаешь, ты сможешь требовать за выступление, сколько захочешь, если я соглашусь выступить? Впрочем, я и не соглашусь.

— Полторы тысячи? А сколько времени ты убил на дорогу? Да они тебя просто облапошили. Будь ты со мной, я бы выжал из них вдвое больше. Представь себе, что ты выступаешь в каком-нибудь парке всего один час. И получаешь за это тысячу мо-

пет. Мы делим поровну, и у тебя остается пятьсот. Недурно получить за час пятьсот монет, а?

Ингрид не могла удержаться от смеха. Страх прошел, теперь она была совершенно спокойна. Предложение Пружины было таким нелепым, что к нему нельзя было отнестись серьезно.

— А другие пятьсот вы положите себе в карман? — спросила она.

— Это еще очень по-божески. Обычно менеджеры берут больше. Есть такие, которые забирают себе все подчистую. Ведь приходится платить за рекламу, особенно сначала, чтобы привлечь публику, задабривать прессу, устраивать дорогие обеды... суп... коньяк... сигары... разные вина... Им к каждому блюду подавай другое вино, иначе они не могут. Но все это не так страшно. С Густафссоном мне всюду откроют кредит. Я на этом деле собаку съел. Когда я был менеджером боксера Юханссона Осы, мне удавалось выколачивать для него сказочные гонорары. Восемьсот монет за один-единственный матч.

Густафссон порылся в памяти.

— Юханссон Оса? Что-то я такого не помню.

— Не помнишь и не надо. Его нокаутировали в первом раунде.

— Понимаете, господин Перина, нас это не интересует, — заявила Ингрид.

— Пружина, с вашего позволения. Я горжусь этим прозвищем. Мне дали его за то, что меня так легко не сожмешь.

— Я это уже заметил, — сказал Густафссон. — Но должен тебе сказать: меня твое предложение не привлекает.

— Но ведь ты-то будешь выступать не на ринге! Юханссон Оса срезался, верно. Его нокаутировали, едва боксеры успели пожать друг другу руки. Уда-

рил гонг, а он так и не очухался. Сам виноват. Я ему так прямо и сказал, когда он пришел в себя. Но тебя-то никто нокаутировать не собирается. Твое дело — петь и оставаться зеленым. Вот, послушай еще один куплет.

Он снова вытащил из кармана свою замусоленную бумажку.

Вдаль вперял я свой печальный взор,
камнем стен от мира отделенный.
Прочпе сидят там до сих пор.
Я ушел, свободный и зеленый.

— Ясно? — спросил он. — За это нокаутов не бывает.

Ингрид не выдержала:

— Большое спасибо и до свидания, — сказала она.

Но такой вежливый намек не пронял их толстокожего гостя.

— Как? — удивился он. — Наша хозяйка нас покидает?

— Не-ет... — Ингрид вдруг осознала свою беспомощность перед этой наглой пиявкой.

— Все ясно, — бодрым голосом сказал он. — Не обращайтесь на меня внимания, если у вас есть другие дела. Большое хозяйство — большие заботы, это и мне ясно, хоть я живу бобылем и справляюсь со всеми делами самостоятельно. Не нарушайте из-за меня своих планов, у нас с Густафссоном найдется о чем потолковать.

Итак, Ингрид почти выставляли из ее собственного дома! Но гость был настолько педальким и толстокожим, что вряд ли мог оказаться опасным. К тому же она надеялась, что ее муж проявит сообразительность и скажет, что должен идти вместе с ней. Но он этого не сказал. Уже очень давно ему не с кем было побеседовать по душам, если не счи-

тать Ингрид, но после семнадцати лет брака они и без разговоров пошпмали друг друга. Для него приход гостя был из ряда вон выходящим событием, кем бы этот гость ни оказался.

— Можете не беспокоиться, — продолжал Пружина. — Нам не вредно немного поболтать.

— Вот именно, — подхватил Густафссон. — Освежить в памяти бывшее всегда полезно. Послушай, а помнишь, я раздобыл для ребят бланки увольнительных, когда никого не выпускали из казармы? Теперь, говорят, военнослужащие приходят и уходят, когда им вздумается.

Ингрид кинула на мужа многозначительный взгляд:

— Я скоро вернусь, — сказала она. — Прощайте, господин Фредрикссон, спасибо, что зашли.

— Зовите меня просто Пружиной, — ответил он, вежливо поклонившись.

Его поклон был бы еще более вежливым, если бы Пружина дал себе труд подняться с кресла. Он молчал, пока за Ингрид не захлопнулась входная дверь.

— А теперь давай поговорим, как мужчина с женщиной, — шепотом начал он. — Что ты скажешь об этом деле? Такой случай представляется раз в тысячу лет, а?

— Это все до того глупо, что слушать противно.

— Значит, ты отказываешься от денег, которые, можно сказать, валяются у тебя под ногами?

Густафссон встал. Весь этот разговор вызвал у него одно чувство: он не испытывает ни малейшего желания показываться людям. Он предпочел бы вообще исчезнуть.

— Что-то я не вижу у себя под ногами никаких денег, — сказал он. — А теперь послушай меня. У меня есть скромная работа. Относятся ко мне

хорошо. Меня почти оставили в покое. А покой — это единственное, в чем я сейчас нуждаюсь. Да, я понимаю, — продолжал он, увидев, что Пружина открыл рот, — ты имеешь в виду мое выступление по телевидению. Но это совсем другое дело.

— Почему другое? Неужели ты не понимаешь собственной выгоды?

— Именно о ней я и пекусь. Ты вот вспоминал Снуддаса. Но ведь у Снуддаса был голос, к тому же незаурядный. Хотя мне кажется, что и к нему довольно быстро охладели.

Пружина задумался. Другой на его месте уже давно бы отступился. «Жена Густафссона не оценила моих гениальных идей», — думал он. Правда, женщины, как правило, лишены делового чутья. Хуже, что этого не понимает сам Густафссон, но Пружина сразу сообразил, какие порядки в этой семейке. Густафссон явно находится под башмаком у жены. Недаром он ей во всем поддакивает.

Но в запасе у Пружины было еще достаточно доводов. Ему не впервые приходилось заниматься уговорами и увещеваниями, а потому ничего не стоило разбить аргумент относительно Снуддаса.

— У Снуддаса оказался никудышный менеджер. И давай забудем о нем. Ты помнишь Стального Дедушку? Ну что в нем было особенного? Обыкновенный старик, который на велосипеде приехал в Юстад. Да это может любой. Даже я.

— Но, чтобы попасть в Юстад, ему пришлось проехать на велосипеде через всю Швецию, — напомнил Густафссон.

— Подумаешь, не он один проезжал Швецию на велосипеде. Нет, прославился он своей бородой. Длиннющей бородой, она развевалась по ветру, когда он ехал. Когда мы служили в армии, не было человека, который не слышал бы о нем. Люди стреми-

лись увидеть, как он едет на своем велосипеде, в шортах, с развевающейся бородой, и послушать, как он поет свою песню — всегда одну и ту же. А Пеппи Длинный Чулок? Один-единственный жалкий фильм, и уже повсюду, даже на Востоке, люди рвались, чтобы увидеть его. Или взять того янки на мотоцикле. Ну, того самого, который хотел одолеть Гранд-Каньон. Он одолел только половину, хотя у него разве что ракеты в заднем месте не было. Все газеты мира писали о нем. И он огреб тридцать миллионов. Тридцать миллионов ему выложили люди, которым хотелось поглазеть на него.

— К чему ты клонишь?

— А к тому, что все эти люди были не похожи на других. И ты тоже особенный, ты — знаменитость. Они так и сказали по телевизору и в газетах. У тебя есть нечто почище бороды и ракеты. Ты зеленый!

— Хватит об этом!

— Как хочешь. Просто, по-моему, это здорово. Оригинально. Красиво. Но у тебя есть еще один козырь. У тебя есть готовый менеджер. Вот что я тебе скажу. Ты отправляйся в эту свою мастерскую и вкалывай, будто ничего не случилось. Всю неделю. А я тем временем прощупаю рынок. Побегая, слушаю и разнохаю. — Он повел носом, как ищейка. — У меня в каждом парке свои люди, я знаком кое с кем, кто близок к правлению, связи у меня есть. На субботу я обеспечу твоё выступление. И на воскресенье тоже. Выйдешь, споешь две-три песенки, никто от этого не пострадает. И получишь свои монеты, но это уже никого не касается.

Сам Густафссон не колебался. Но если судить по его голосу, можно было подумать, что он не так уж крепок в своей вере:

— Это конечно... Но...

Пружина не дал ему досказать.

— Сейчас ты ответ не давай. Подождем, пока я все это обтяпаю, а уж тогда ты определишь к нему свое отношение, как говорят политики. Если у меня все сорвется, никто ни о чем и не узнает. Будешь ходить в свою мастерскую, как ходил.

— Я и не собираюсь что-либо менять.

— Весь риск я беру на себя. Мое дело — переговоры. Твое — загребать деньги. — Пружина опять разошелся: — Такой же порядок был заведен и у Элвиса Пресли с его менеджером. Элвис только и знал, что пел, снимался в кино да считал денежки и золотые диски, а когда он умер, дикторши на телевидении ревели так, что было слышно во всем мире. И похоронили его с такими почестями и отгрохали ему такой памятник, что любой король позавидует.

— Я пока умирать не собираюсь, — отрезал Густафссон.

— А этого от тебя и не требуется. Наоборот. Ты скажешь свое слово в этом жанре. Вспомни про АББА. Два парня и две девицы, которые продаются лучше, чем «Вольво» и «Асеа», я сам читал. Они уж и не знают, что им делать со своими деньгами. А ты?

Густафссон хотел возразить и решительно отказаться от заманчивых предложений. Но не успел. Резкий звонок в дверь сбил его мысли.

19

Что современному человеку приходится слышать чаще, чем эти электрические сигналы — будь то звонок в дверь, звон будильника или звонок телефона? Эти сигналы отрывают рассыльного от контрольной

работы для заочных курсов или от комиксов и посылают через весь город по делам начальства, они одинаково возвещают приход и долгожданной возлюбленной, и докучливого кредитора, они портят настроение, путают мысли и прерывают разговор, они, подобно гонгу на ринге, одного спасают от нокаута, а другому мешают завершить атаку.

— Звонят, — сказал Пружина. — Слышишь, звонят в дверь?

— Ну и что, — ответил Густафссон. — Я никогда не открываю, когда один дома. Вдруг это кто-нибудь из газеты или...

— Из газеты! — Пружина так и взвился. — Да это же сама судьба! И ты так спокоен! Нет, у тебя решительно не все дома.

Он выбежал в переднюю и распахнул дверь.

Близко Пружина не знал ни одного журналиста. Но не нужно было быть газетным королем Херстом, чтобы понять, что человек, стоящий за дверью, не имеет никакого отношения к прессе. Этот розовощекий, белокурый, полноватый господин явно принадлежал к разряду директоров. На нем было серое весеннее пальто, серый котелок и серые перчатки. Среднего роста, гладко выбритый и прилизанный, он благоухал дорогим мылом и свежей рубашкой, которую менял дважды в день. Одним словом, в дверях, приподняв шляпу, стояло само олицетворение жизненного успеха.

— Простите, вы господин Густафссон?

— Густафссон? — Изучив прищельца, Пружина пришел к заключению, что с ним следует познакомиться. — Нет, нет. Но прошу вас, входите. Густафссон там... в гостиной...

Он провел незнакомца в гостицу.

— Бога ради, простите, — заговорил гость. — В передней такой слабый свет, что я не разглядел вас.

Теперь-то я вижу господина Густафссона, его трудно узнать. — Он протянул Густафссону руку. — Добрый день, господин Густафссон. Очень приятно познакомиться. Чрезвычайно приятно. Моя фамилия Шабрэн. Директор Шабрэн — универмаг Шабрэна. Надеюсь, я не помешал?

— Нет, нет, пожалуйста.

— Так вот, как я уже сказал, моя фамилия Шабрэн. Мне бы хотелось поговорить с вами наедине, господин Густафссон.

Пружина расположился в угловом кресле и раскрыл газету.

— Считайте, что меня здесь нет, — изрек он.

Шабрэн сел рядом с Густафссоном.

— Разрешите присесть? Благодарю. Гм... Итак... Надеюсь, господин Густафссон, вам известен мой универмаг? Возможно, вы даже бывали в нем?

— Да, наверно.

— Тогда вы должны знать, что мы любим проводить недели. Например: Неделя домашней хозяйки. Экономная неделя. Неделя фарфора. Белая неделя... Словом, такие недели, когда мы продаем определенные товары. И стараемся, чтобы у нас был неограниченный выбор таких товаров.

— Ну и что? — Густафссон не мог взять в толк, какое он имеет к этому отношение.

— Дело в том, что мне пришла в голову мысль устроить Зеленую неделю.

Шабрэн умолк, предоставив Густафссону самостоятельно сделать вывод. Но Густафссон остался равнодушным. Зато Пружина наострил уши. Из-за газеты он с любопытством поглядывал в сторону Шабрэна. Тот продолжал:

— Надеюсь, господин Густафссон, вы понимаете, что это означает? Будут продаваться только зеленые товары. Зеленые гардины, зеленые скатерти,

зеленые обои, зеленые сервизы, зеленые лампы, зеленая одежда, зеленые галстуки... все только зеленое. Зеленое должно победить. На пороге весна. Каждому хочется приобрести что-нибудь зеленое.

— Гм, — Густафссон глянул на свои руки и нахмурился.

— Поймите меня правильно, господин Густафссон. Цель моего прихода такова: не согласились бы вы нам помочь?

— Я?

— Господин Густафссон, вы можете оказать нам неоценимую услугу. Мы определили бы вас в отдел гардинного полотна. Это так просто. Вы бы только ходили между прилавками и показывали товар. Подняли бы на руку занавеску, расправили драпировку, показали бы какую-нибудь прозрачную ткань... Наши продавцы, разумеется, помогут вам деловыми советами. Вашей обязанностью будет лишь поговорить с одним покупателем, оказать внимание другому — словом, будете вести себя примерно как писатель, дающий автографы на рождественском базаре.

Густафссон терпеливо слушал этот поток слов. Он сразу понял тайный умысел директора.

— Можете не стесняться в выражениях и прямо сказать: вы хотите, чтобы я был у вас своего рода приманкой.

Шабрэн состроил оскорбленную мину.

— Как вы могли так подумать? Наш универмаг пользуется всеобщим уважением. А вы, господин Густафссон, сейчас такая знаменитость. Наш принцип: каждому товару свое время. Это относится в равной степени ко всем товарам. Мы стараемся все продавать своевременно. Мужские сорочки. Лопаты. Рыбные тефтели. Трусы. Чемоданы. Все в свое время. Современно. Актуально. Популярно. Вы тоже популярны, господин Густафссон.

— Что-то не замечал.

— Поверьте, уж я-то разбираюсь в таких вещах. Мы приглашаем вас поработать в нашем универмаге так же, как обычно приглашаем в декабре девушку, выбранную Люцией*, демонстрировать у нас ночные сорочки. Это красиво, изысканно и пользуется огромным успехом у покупателей. На эти демонстрации приходят толпы мужчин, желающих купить своей жене рождественский подарок. Или, к примеру, прошлым летом мы пригласили победительницу конкурса на самую красивую купальщицу демонстрировать у нас купальные костюмы. Та же картина: множество мужей явились к нам, чтобы приобрести купальный костюм для своей жены.

— Но я не могу демонстрировать купальные костюмы или ночные сорочки.

— Вы все шутите, господин Густафссон. Об этом вас никто и не просит. Надо лишь чуточку подцветить жизнь. Я готов платить вам че... триста крон в день. По субботам наш универмаг открыт, так что ваш недельный заработок составит тысячу восемьсот крон.

Тут в разговор вмешался Пружина. Поднявшись с кресла, он решительным жестом сложил газету и бросил ее на журнальный столик.

— Пять тысяч и ни кропы меньше!

Директор Шабрэн смерил взглядом малопривлекательного субъекта.

— Простите, я разговариваю с господином Густафссоном.

— Знаю. Но за него отвечу я. Потому что имею честь быть его менеджером. Господин Густафссон должен получать то, чего он стóит.

* Люция — Королева Света. В Швеции принято выбирать Королеву Света в декабре — самом темном месяце года.

— Совершенно согласен. Но триста крон в день — это огромная ставка.

— Для ваших служащих, возможно, и огромная. Но Густафссон стоит дороже. Тысячу нам кто угодно заплатит. Не вы первый являетесь к нам.

— Не может быть!

— Да, да. И не второй, коли на то пошло. Я не вчера родился, господин директор. Тысяча крон в день. Вы сами знаете, что такой аттракцион стоит гораздо дороже.

От всей этой сцены Густафссон был смущен, но вместе с тем в нем закипало раздражение.

— Еще неизвестно, соглашусь ли я на это предложение! — наконец вмешался он.

— Конечно, согласишься! А почему бы тебе не согласиться?

— Вот именно! — Директор Шабрэн ринулся на помощь Пружине. — Что тут унижительного? Такая же почтенная работа, как и все остальные. Я сам начинал с этого, когда был молод и зелен...

Он осекся. Пружина фыркнул. Но в лице Густафссона не дрогнул на один мускул.

— Можете не извиняться, господин директор, — сказал он. — Я и так знаю, какого я цвета. Теперь и вы в этом убедились. И вот что я вам скажу: проваливайте-ка к чертовой матери со своими прилавками и зелеными неделями! — Он повернулся к Пружине. — А ты можешь составить ему компанию!

Шабрэн было запротестовал. Но, поразмыслив, пожал плечами и направился к двери. Пружина поспешил вмешаться.

— Нет, нет, нет! — Он замахал руками. — Садитесь, господин директор! Прошу вас, садитесь! А ты, Густафссон, не горячись. Нельзя так разговаривать с людьми, которые желают тебе добра.

— Хорошенькое добро!

— Ты бы подумал лучше о своих детях. Каково им иметь папашу, который таится от людей? Им нужны денежки, молодежи нужны денежки. И твоей жене тоже. И тебе самому. Свое наказание ты принял мужественно, о'кей, браво. И ты должен, — в голосе Пружинины послышались твердые нотки, — нести его с гордо поднятой головой.

Густафссон сник. Неожиданная вспышка гнева подействовала на него самого куда сильнее, чем на остальных. Он всегда боялся обидеть человека, был очень снисходителен и с благодарностью принимал любое поощрение.

— Да, да, — пробормотал он.

Больше он ничего не успел сказать. Пружина взял бразды правления в свои руки.

— Выше голову! Ты можешь прославиться на весь мир. О тебе будут писать книги. Пишут же о людях, которые и вполтину не так известны, как ты. Только не надо рубить сук, на котором сидишь.

— Да я ничего и не сказал, — беспомощно буркнул Густафссон.

— Если я даю тебе советы, то исключительно как друг и товарищ по военной службе. Мы оба твои друзья. Не правда ли, господин директор?

Шабрэн нерешительно вернулся в гостиную. Выступать заодно с этим сомнительным субъектом в качестве друга Густафссона у него не было никакого желания. Но поддакнуть он мог, это ему ничего не стоило.

— Да, конечно.

— Слышишь, Густафссон? — обрадовался Пружина. — Мы хотим только помочь тебе.

— Вот именно, — мягко сказал директор Шабрэн. — Помочь — это самое подходящее слово.

Густафссон, весь поникший, пристально изучал узор ковра.

— Знать бы, — бормотал он почти про себя, — если бы только знать, как все обернется... Но кто может сказать...

Слова замерли. В комнате воцарилась тишина. Пружина, казалось, исчерпал все свои доводы. Настал черед директора Шабрёна.

— Вы хотите сказать, что будущее предугадать невозможно, господин Густафссон? Но за это мы должны быть благодарны — так было написано в одной книге, которую я читал.

Пружина тут же ухватился за эту мысль.

— Совершенно верно. Именно благодарны. Надо быть благодарным. Ты должен быть благодарен нам за то, что мы хотим помочь тебе. Ты не из тех, кто отталкивает руку помощи.

— Да я и не собирался.

— Ведь совершенно очевидно, что господин Густафссон ничего не потеряет, если придет к нам, — вмешался директор. — Я готов платить ему пятьсот крон в день.

— Простите, — перебил его Пружипа, — но наша такса — тысяча.

— Об этом не может быть и речи. Пятьсот я готов дать и точка. Если вас это не устраивает, кончим разговор.

Мгновение Шабрён стоял неподвижно, потом повернулся на каблуках и пошел к двери. Пружина не на шутку испугался.

— Стоп, стоп, господин директор. Мы согласны. Согласны. — Он обернулся к Густафссону. — Пятьсот монет в день. Три тысячи в неделю. В другом месте за эти деньги ты будешь вкалывать целый месяц.

— Зеленая неделя у пас будет длиться две календарные недели, — объяснил Шабрён. — Значит, общая сумма составит шесть тысяч крон. По правде

говоря, я и не мечтал, что сумею договориться с вами на две недели.

— Но вам повезло, — гордо сказал Пружина. — Ну, соглашайся! — Он схватил руку Густафссона и вложил ее в руку Шабрэна. — Порядок! Сделка заключена.

— Итак, договорились, — сказал Шабрэн. — Вот моя визитная карточка, господин Густафссон. Ждем вас в понедельник в половине девятого, вас это устраивает?

— Да, господин директор. Я человек точный.

— Осталась маленькая деталь, — вмешался Пружина. — Нужно заключить контракт.

— Я полагал, что между джентльменами это излишне, — сказал Шабрэн. — Но если хотите, извольте. Я напишу расписку на своей визитной карточке. — Он вытащил ручку: — «Настоящим свидетельствую, что принимаю на работу господина...» Как ваше имя?

— Пер.

— Да, да. Совершенно верно. «...Пера Густафссона в качестве продавца с заработной платой пятьсот крон в день сроком на две недели начиная с восемнадцатого числа сего месяца». И подпись.

Он вывел какую-то завитушку и протянул карточку Густафссону. Пружина вытянул шею, чтобы прочесть, что там написано.

— Мне тоже надо расписаться? — поинтересовался Густафссон.

— Это не требуется. Я вам доверяю и так. А теперь благодарю вас и до встречи в понедельник.

— Положитесь на меня, господин директор. Об этом я сам позабочусь. — Пружина схватил руку директора, протянутую Густафссону, и многозначительно пожал ее. — До свидания, господин директор. Привет! Рад был познакомиться!

Пружина сам проводил директора до двери. Когда входная дверь захлопнулась, он вернулся в гостиную, довольно потирая руки.

— Вот как с ними надо разговаривать. Что скажешь? Пятьсот крон в день! Теперь тебе ясно, что значит хороший менеджер?

— Он сказал, что доверяет мне.

— Подумаешь, доверяет. Все они доверяют. Какой же ты все-таки простофиля. Это первое, что я сказал, узнав, что ты угодил за решетку. Но теперь то нас не проведешь.

Густафссон промолчал. В глубине души он уже жалел о свершившемся.

— Это событие следует отметить, — сказал Пружина. — После таких переговоров без этого нельзя. Я бился, как лев. Пошли в бар выпьем пива.

— В бар? — Густафссон покачал головой. — Не хочется.

— Тебе надо привыкать быть на людях. Идем, идем.

Пружина сделал шаг к двери. Густафссон нерешительно поднялся.

Когда они были уже в передней, отворилась входная дверь. Это вернулась Ингрид. С ней был и дедушка. Увидев, что Пружина еще не ушел, Ингрид испугалась. Но дедушка ничего не заметил.

— А вот и Пер, — сказал он. — И у него гость.

С каждой минутой Густафссон все яснее понимал, что совершил ошибку. Но, снявши голову, по волосам не плачут. И сейчас, чувствуя болезненные уколы совести, он пытался храбриться.

— Почему же ко мне не может прийти гость? — спросил он. — Не все же только шарахаются от меня.

Дедушка с удивлением поднял на него глаза.

— Ты прекрасно знаешь, что дедушка так не думает, — ответила за дедушку Ингрид.

— Я, наверно, должен представиться, — вмешался Пружина. — Фредрикссон. Но зовите меня просто Пружина, меня все так зовут.

Дедушка пожал протянутую руку и пробормотал:
— Добрый день.

— Еще раз приветствую вас, хозяйюшка, — продолжал Пружина. — И до свидания, теперь уже окончательно. Мы решили пройтись.

— Мы? — Ингрид уставилась на него.

— Ну да, мы с Густафссоном.

Он засмеялся, чтобы успокоить нечистую совесть.

— Но Пер должен обедать. Ему через два часа на работу.

— В мастерскую-то? О ней можно уже забыть.

Ингрид, которая собиралась повесить пальто, от этих слов так вздрогнула, что вешалка оборвалась. Швырнув пальто на стул, она обернулась, беспокойно глядя то на одного, то на другого.

— Что это означает?

— Как это так — забыть? — удивился дедушка.

— Его ждут более важные дела, — объяснил Пружина. — Я тут устроил ему хорошенский ангажемент.

В первую минуту Ингрид потеряла дар речи. «Кажется, я заткнул ей рот», — подумал Пружина. Но он ошибся.

— Я вас просила выкинуть из головы все ваши глупости, — с плохо скрываемым гневом сказала Ингрид. — И даже не просила, я прямо сказала, что мне это не нравится. Что вы тут натворили?

— Ничего страшного не случилось, — смущенно сказал Густафссон. — Просто мне предложили дружную работу, и я согласился.

— Какую работу? Неужели ты согласился выступать в парке?

— Нет, нет, хозяйюшка, конечно, нет, — снова вмешался Пружина. — Я же знаю, что вам это не по душе. Нет. Просто он сменит работу. Теперь он будет продавцом, ничего позорного в этом нет. Будет продавать гардины и драпировки. Ему необходимо сменить обстановку. Стоять за прилавком — совсем не то, что строгать доски в какой-то вонючей мастерской, простите за грубое слово. Вот и все.

— Вы так полагаете?

Ингрид была в ярости. Но Пружина был не из тех, кто легко сдается.

— Все, клянусь вам. И ему будут хорошо платить за это. Пятьсот крон в день. Что вы на это скажете?

— Кто это платит продавцу пятьсот крон в день?

— Лучшая фирма в городе. Универмаг Шабрэна.

Ингрид фыркнула.

— И они будут платить пятьсот крон в день? Этого не может быть. Вы лжете!

— Ни в коем случае. Это совершенно особая работа. Они организуют Зеленую неделю, она продлится четырнадцать дней.

Ингрид обернулась к мужу:

— И ты согласился быть там продавцом?

Он угрюмо кивнул.

— Но как же ты не понимаешь?... А что ты намерен делать потом?

— А потом у него будет другая работа. Ангажементы потекут рекой. Вы, хозяйюшка, можете гордиться таким мужем. Мы хотели отметить это событие... выпить в баре по кружечке пива. Вам даже трудно представить себе, как после таких переговоров человека мучит жажда.

Для пущей убедительности Пружина покашлял и с гордостью оглядел всех:

— Это только начало. Куй железо, пока горячо.

— Кто имеет дело с огнем, легко может обжечься, — заметил дедушка.

— Густафссону это не грозит. Ему вообще нечего бояться. Зачем ему тратить свою жизнь на эту мастерскую за такие жалкие гроши? Нет, от мастерской мы откажемся.

Но это не входило в планы Густафссона. Эту неделю он собирался доработать в мастерской до конца. «Не хочет подводить людей, — объяснил он. — Они к нему хорошо отнеслись. Этого забывать нельзя».

— Ну ладно, — великодушно разрешил Пружина. — Но по маленькой кружке пива мы все-таки выпьем. Я угощаю. У меня там кредит.

Дедушка слушал молча. Он мог и на этот случай найти подходящую поговорку, хотя вообще неохотно высказывал свое мнение. Он был слишком стар, чтобы ему могли нравиться все эти модные штучки: оглушающая музыка, хриплые певцы, мятые брюки, хрустящий картофель, пиво в жестянках... ему многое не нравилось. Но он видел, что другим это нравится, и порой сомневался в собственной правоте.

Однако на этот раз дедушка счел, что он должен высказать свою точку зрения.

— Послушай, Пер, — сказал он. — В мастерской у тебя честная работа. Там можно работать долго, может, всю жизнь. В труде столяра люди нуждаются от колыбели до гроба. Две недели за прилавком пролетят быстро. По-моему...

Пружина не боялся, что слова старика подействуют на Густафссона, но на всякий случай решил подавить любое сопротивление.

— Что, по-вашему, дедушка? — нахально перебил он.

— Не по душе мне эта затея.

— Оставьте. Густафссон не ребенок.

Густафссона продолжали точить угрызения совести.

— Да, да. Нечего меня опекать. Это вам нравится, а это — нет... Пусть хоть раз я сам выберу, то, что нравится мне.

Ингрид взмолилась:

— Пер, милый! Эти две недели в универмаге могут оказаться для тебя очень трудными. Разве все дело только в деньгах?

— А ты думаешь, на фабрике мне легко? Думаешь, я не вижу, как на меня глазают исподтишка! Я знаю, что говорят у меня за спиной.

— Что именно?

— Ну... я, правда, этого не слышал... но и так ясно, что они все время перемывают мне кости. И пишут на стенках всякие стишки.

Никто не успел спросить, что за стишки, как он снова заговорил:

— И кроме того, я уже дал согласие директору универмага поработать у них в отделе гардин.

Пружина сразу вспомнил о контракте. Он вытащил из кармана визитную карточку Шабрэна и помахал ею в воздухе.

— Да, да! У нас есть даже письменная договоренность.

— Директор сказал, что он полагается на меня, — добавил Густафссон.

— Он такой благородный человек, — поддержал его Пружина. — Нам и не нужен был этот контракт. Но он настоял, чтобы контракт был подписан. Вдруг с ним что случится. А сейчас, простите, нам пора.

Он подхватил Густафссона под руку, и они ушли.

Ингрид была не из тех, кто любит жаловаться. Но сейчас ей хотелось плакать, она проглотила ком, сдавивший ей горло, глубоко вздохнула и повернулась к дедушке.

— Не понимаю, как он мог согласиться. Не надо было мне уходить из дому. Будь я здесь, его никто бы не уговорил.

— Черт проповедует только тем, кто его слушает, — ответил дедушка.

Ингрид уже успела утереть слезы, когда дверь открылась и в квартиру вошла Грета.

— Где папа?

— Скоро придет. А в чем дело?

— Я принесла ему цветы. У одной девочки из нашего класса отец садовник. Я его даже не знаю, но он прислал цветы для нашего папы.

Она освободила от бумаги небольшой букет тюльпанов.

— Мама, куда бы их лучше поставить? Давай поставим возле его места... А почему у вас такой странный вид?

20

Крупный универмаг похож на общество, в нем тоже есть правящие и подчиненные, своя иерархическая лестница. Человек карабкается по ней и все время над ним кто-то есть, пока он не достигнет самой высшей ступеньки, и тут обнаруживается, что там дуют свирепые ветры, а над ним по-прежнему кто-то есть и имя этому — Общественность.

«Покупатель не всегда прав, но пусть он верит, что прав». Эти мудрые слова, начертанные на пятидесяти с лишним объявлениях, каждый служащий универмага по утрам мог видеть в своем отделе. Когда же служащие проникались этой премудростью,

как верующие проникаются «Отче наш», объявления убирала в специальные ящики, откуда их извлекали после закрытия универмага и снова ставили на видное место, дабы, придя на работу, люди первым делом увидели их.

Универмаг Шабрэна тоже был таким обществом со своей перархической лестницей, ее ступеньки были доступны всем, но чем выше по ним поднимались, тем уже они становились. Лишь один Густафссон не занимал никакой ступеньки. Он не собирался делать в универмаге карьеру, он, образно выражаясь, был подвешен в воздухе и должен был провисеть в таком положении две недели.

Густафссон стоял у прилавка в гардинном отделе. Было четыре часа. Он посмотрел в окно. Вечернее солнце бросало сноп косых лучей на большую площадь. Но картину, открывавшуюся перед ним, дробили на части большие белые буквы, которые, подобно составу, тянулись через все окно: ШАБ-РЕН. Каждый день Густафссон произносил про себя это слово, читая его так, как видел: НЕРБАШ. Оно ровно ничего не значило. При всем желании он не мог бы отыскать в нем никакого смысла.

Вообще в универмаге ему даже нравилось. Продавцы оказались приятными, доброжелательными людьми, всегда готовыми прийти ему на помощь. В свободные минуты, когда поблизости не было начальства, они весело беседовали с ним. Но стоило показаться какому-нибудь боссу, и свет будто задерживали гардиной. Смех обрывался, все дружно бросались к рулонам тюля и драпировки. Если служащий универмага, занимающий низшую ступеньку лестницы, хочет прослыть дельным работником, он должен уметь делать вид, что занят работой.

Густафссон стоял в одиночестве. В отделе только что побывал один из заместителей директора, и все

продавцы были заняты тем, что выписывали чеки, отмеряли и упаковывали ткань.

Уже четыре дня он работал у Шабрёна. Ему никто ничего не говорил, но у него было чувство, что надежды директора не оправдались. В первый день возле Густафссона толпилось множество школьников, преимущественно младших классов. Останавливались и взрослые, они щупали ткани, украдкой поглядывая в его сторону. Но покупали не так уж много, это понимал даже он.

Наконец с вечерним обходом явился и сам директор Шабрэн. Как правило, он обходил все отделы универмага, от подвала до чердака, четыре раза в день. Первый обход он начинал сразу после открытия — директор должен был самолично убедиться, что во всех отделах царят чистота и порядок, причем это касалось не только товаров. В течение дня директор приходил, когда ему вздумается. У Густафссона создалось впечатление, что цель этих обходов — следить за порядком, чтобы все служащие стояли наготове на тех постах, какие им были предписаны.

Шабрэн остановился возле Густафссона:

— Ну, как дела?

— Все в порядке. — Густафссон пожал плечами.

Шабрэн задумчиво оглядел отдел.

— Странное дело, — сказал он. — Идет вторая половина недели, а успехов что-то не видно. Я думал, что здесь с утра до вечера будут толпиться покупатели.

-- Первые два дня так и было.

— Ну, не скажите. Толкучка, правда, была. Но в основном дети. Продали совсем немного.

Густафссон смутился, как будто он был виноват. «Надо было больше стараться», — подумал он. А может, дело вовсе не в нем?

— Наверно, сейчас не сезон для гардин? — спросил он.

— Для хорошего товара всегда сезон. Надо смотреть правде в глаза. Рекламы, афиши, анонсы были сделаны, как к рождеству. Значит, мы просчитались.

— Вы хотите сказать, я просчитался?

— Нет, я. Но не будем падать духом. Все еще может измениться к лучшему. Бывает, что без всяких видимых причин торговля вдруг падает или, наоборот, взлетает на небывалую высоту. Будем продолжать, раз уж начали.

Он ушел, и Густафссон оглянулся на двух покупательниц, которые, как ему показалось, ждали ухода директора. Но и они покинули отдел вслед за ним. Вскоре Шабрэн вернулся. Ему кое-что пришло на ум.

— Послушайте, Густафссон, сделайте веселое лицо. Покупатель любит, чтобы его встречали с улыбкой. Всем должно быть ясно, что это магазин, где не бывает ни жалоб, ни недовольных с любой стороны прилавка. Улыбайтесь, Густафссон, улыбайтесь. Думайте о своих пяти сотнях в день, и вам будет очень легко улыбаться.

Он исчез и снова вернулся. Только что он побывал в отделе трикотажного белья и чулочных изделий, там-то его и осенило. Гениальная мысль. А что если Густафссон будет переходить из одного отдела универмага в другой? Гардинный отдел его присутствие все-таки оживило.

— Я с удовольствием сделаю все, что от меня зависит, — сказал Густафссон.

— Мы это еще обдумаем и, возможно, завтра же и начнем, — сказал Шабрэн и направился дальше.

Густафссон поспешил на помощь продавщице — ее почти не было видно из-за груды материалов, которые разглядывала какая-то привередливая покупа-

тельница. Когда они справились с делом, продавщица сказала:

— Там стоит человек, который, по-моему, ждет вас, господин Густафссон.

Он взглянул, куда она показала. Это был Пружина. Он пришел, чтобы, как он выразился, убедиться, что здесь жизнь бурлит и дым идет коромыслом.

— Ни того ни другого, — ответил Густафссон. — Правда, люди приходят, чтобы поглазеть на меня, и это противно. Что же касается их желаний приобрести новые гардины...

Пружина перебил его:

— Желание приобрести? Это желание должно возникать у покупателя при виде товаров. Твое дело — только притягивать их сюда, и ты это делаешь. Тебе здесь отведена та же роль, что и товарам, продающимся со скидкой в самых неожиданных местах. Например, сигаретам в магазине верхнего платья, или походным стульям на бензоколонке, или же воздушным шарикам, которые в течение недели раздают детям, пришедшим с родителями в сберегательную кассу. Вот твое назначение. Тебя показывают людям бесплатно, ну а если торговля при этом идет плохо, это уж не твоя вина. Хочешь закурить?

Он вытащил пачку сигарет и вытряхнул одну штуку. Густафссон замахал руками.

— Убери, убери! Здесь курить нельзя. Из-за противопожарной безопасности.

— Меня огонь не берет.

Пружина сунул сигарету в рот, присел за прилавок, щелкнул зажигалкой и затянулся, прикрывая сигарету ладонью на манер всех тайных курильщиков. Выпустив облако дыма в воздушные складки тюля, он продолжал:

— Слушай! А может, устроить тебе несколько пикантных интервью в газете? Для меня это плевое дело. Когда я занимался Юханссоном Осой, мне каждый день приходилось бывать в газете. Меня там просто на руках носили за то, что я подкидывал им интересный материал. Они сразу схватились за перо, когда я им рассказал, что Юханссон Оса за тридцать три секунды уложил трех спарринг-партнеров.

— А он их действительно уложил?

— Нет, конечно. Но такие вещи давят на психику. Если, к примеру, пустить слух, что ты — законодатель новой моды, все дамочки тут же начнут красить волосы в зеленый цвет. Или сказать, будто один водитель спутал тебя со светофором. Или что у любителей сенсаций твои автографы идут по три кроны за штуку.

— Но ведь это все неправда!

— Ну и что с того? Главное, поразить воображение. Слушай, а может, сообщить, что ты плачешь зелеными слезами? Вот будет потеха!

— Не болтай! Обо мне и так уж писали бог весть что.

Пружина вытащил газету. Развернув ее, он показал Густафссону рекламу, напечатанную на четырех колонках рядом с заметкой о хранении цветной капусты.

— Ты только полюбуйся на их рекламу!

И он начал читать:

ЗЕЛЕНАЯ ПЕДЕЛЯ

Гардинным отделом управляет
господин Пер Густафссон.

Универмаг Шабрэна первым предлагает своим
покупателям всевозможные новинки.

— Ну что это такое! — изрек Пружина. — Сразу видно, что им необходим опытный человек. Кто же так делает рекламу? «Пер Густафссон». Взяли твоё настоящее имя, когда даже каждый десятый не сообразит, кто ты такой и чем примечателен. Нужно было придумать тебе какой-нибудь броский псевдоним. Например, Чингоалла. Я знаю один старинный романс, который так начинался.

Густафссон скривил рот. Чингоалла. Это уж совсем ни к чему.

— Не правится? Ну и не надо. А вот еще: Зеленка! Отлично, верно? Это должно поразить их воображение!

— Вряд ли.

— Во всяком случае оно больше привлекло бы внимание читателей, чем упоминание обо всех этих тряпках. Сами виноваты, что никто не интересуется их кретонами и крестинами. Главное, чтобы ты получил свои деньги... Кстати, ты не забыл, что мы делим их поровну? Для менеджера это еще мало. Есть такие, которые забирают себе все.

— Да, да. Ты получишь свою долю.

— Нас с тобой ждут большие дела. Я тут написал в кое-какие парки и рестораны. Связался с разными союзами, обществами и клубами всяких там масонов, картежников, любителей старинных танцев, спортсменов. Ключули сразу два. Клуб «Очко» в Боллстаде приглашает тебя в субботу. А клуб «Свинг» в Фемлинге хотел бы видеть тебя через несколько дней. Танцплощадка в Блосине приглашает тебя на свой традиционный праздник Весны. Я запросил пять сотен, но эти жмоты уперлись и не желают дать больше двух. Не понимают собственной выгоды. Но погоди, придет день, когда мы, не дрогнув, будем отказываться от приглашений, дающих нам меньше двух тысяч. А сейчас приходится согла-

шаться. И мы соглашаемся. Сначала всегда надо проявлять скромность. Битва за тебя начнется позже. Вот когда к нам потекут настоящие деньги! Сказочные гонорары! По высшей ставке.

— Угу, — Густафссон глядел на проходящее мимо семейство, не спускавшее с него глаз, и почти не слушал, что ему говорил Пружина.

— Точно. Все переменится. Дай только срок! Помнишь, как зрители от восторга чуть не затоптали Ринго Старра? Парни чертыхались, девчонки выли. Представь себе, что такое же столпотворение случится и из-за тебя, а? Вот будет реклама!

— Да, да, я слушаю.

— Еще я наладил контакт с фирмой, выпускающей пластинки. Вернее, сразу с двумя. Они обещали обратиться к нам позже. Позже! Это когда я делаю им предложение! — Пружина снова нырнул под прилавок, чтобы раскурить погасшую сигарету. — Но если это будет слишком поздно, они останутся с носом. «Мы можем договориться и с третьей фирмой, — сказал я им. — И выпустим такие пластиночки, что вы позеленеете от зависти». Ха-ха!

— Так и сказал?

— Написал. Именно позеленеют. Потом я отправился на радио и предложил им сделать специальную передачу из нашего города, но они отказались. Понимаешь, у них пока нет определенных планов на будущее. Ничего, они все не так запоят, когда ты станешь звездой эстрады. Выступишь, например, в копенгагенском «Тиволи». Там в открытом театре собирается до двадцати тысяч зрителей. Или до тридцати, точно не помню. Ты умеешь ходить по канату?

— Не болтай чепухи!

— Придется научиться. Представь себе... глаза у тебя завязаны... высота двадцать метров... все

ждут, что ты вот-вот свалишься... От страха у зрителей текут слезы.

— Это меня не интересует.

— Ладно. А что тебя интересует? — Пружина вытащил из кармана бумажку. — Вот еще один куплет к песенке, которую я сочинил для тебя:

Я глядел на небо из окна,
горько укоряя злую долю.

— Если б ты только знал, до чего иногда бывает трудно найти нужную рифму. Я уж пытался повсякому: и «кролю», и «полю», но все не подходило. И вот наконец получилось само собой:

Но пришла зеленая волна,
разрешившись, вышел я на волю.

Густафссон оборвал его:

— Что, что — разрешившись? Я все-таки не женщина. Мне это не нравится.

— Мы должны считаться с тем, что нравится публике, а не тебе. Нам ее надо завоевать, парень! Вот, придумал: Зеленый театр в Лунде! Здорово, а? Как раз то, что нужно. Не в бровь, а в глаз! Местный колорит и все такое. «Зеленка в Зеленом театре». Какие можно сделать афиши! Я просто их вижу. Я...

Пружина разошелся, он был исполнен энтузиазма, его так и распирало от идей, он мог говорить о них часами. Но неожиданно к прилавку подошла женщина, которую они приняли за покупательницу.

21

С незапамятных времен мужчина считал себя охотником, а женщину — добычей, ибо она создана, чтобы покоряться. Он активен, поэтому он охотится. Ее берут в плен, потому что она ждет.

Роковая ошибка! Разве ждет только дичь? А вы видели когда-нибудь кошку, подстерегающую крысу у ее норы? А щуку, замершую в осоке?

Дама, вступившая в изобилующий товарами универмаг Шабрэна, уж никак не относилась к тому разряду людей, который можно назвать дичью. На вид ей было лет сорок. Богатая, уверенная в себе, она пребывала в постоянной охоте за знаменитостями, ибо воспоминание об одной знаменитости может быть стерто лишь встречей с другой, еще более знаменитой, — если можно так выразиться.

Вот почему во время весенней прогулки, будоражившей кровь, стройные ноги сами собой занесли эту даму в универмаг Шабрэна. Вот почему она поднялась на эскалаторе на второй этаж в гардинный отдел. Вот почему она задержалась там, рассматривая материю, которая подошла бы на портьеры для ее спальни.

Сквозь опущенные ресницы она следила, как Густафссон подошел к ней, остановился и поклонился. Повернувшись к нему, она улыбнулась и протянула руку:

— Добрый день, господин Густафссон, добрый день.

Он ответил на ее приветствие и спросил, чем может быть полезен. Она ответила, что хотела бы подобрать драпировку или портьеры и попросила показать подходящую материю.

Когда Густафссон выполнил ее просьбу, ей захотелось взглянуть на материю у окна, при дневном свете, потом в темноте — нельзя ли зайти за полки, где потемнее? Совсем не обязательно держать материю на вытянутых руках, она такая тяжелая, можно положить рулон на плечо и спустить один конец, пусть ткань падает свободно, качество превосходное, в этом нет никаких сомнений. Дама не

удержалась и погладила материю — какая мягкая, как красиво лежит...

Краем глаза Густафссон увидел проходившего мимо Шабрёна. Тот остановился и одобрительно посмотрел на Густафссона, уголки губ у него многозначительно поползли вверх, и Шабрён удалился.

Густафссон засмеялся.

— Вы правы, фрёкен, — сказал он. — Материя изумительная.

— Меня зовут фрёкен Вивандер. Вы не находите несправедливым, что продавцы могут узнать имя покупателя, тогда как сами остаются для них безымянными?

— Я не задумывался об этом.

— Очень несправедливо. Но я-то знаю, что вас зовут Пер Густафссон. Или просто Пер, правда?

Он кивнул. Она продолжала:

— По-моему, это как раз то, что мне нужно для спальни.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Какой насыщенный цвет — вечером он будет успокаивать нервы, утром — стимулировать... Надеюсь, что не наоборот!

Она засмеялась, он вежливо вторил ей.

— Беда в том, что одной мне с ними не справиться. Я живу совершенно одна. Не сможете ли вы мне их повесить?

Густафссон с удивлением уставился на нее. Такая работа не входила в его обязанности. Он сказал, что ему с этим, пожалуй, не справиться.

— Ну что вы! — воскликнула фрёкен Вивандер. — Ведь это так просто. На карнизе имеются кольца, на каждом кольце есть зажим, которым прихватывается занавеска. Надо только снять старые и повесить новые.

— Но если это так легко... я не понимаю...

Густафссон беспомощно огляделся и увидел, что к отделу приближается Пружина. Он шествовал в сопровождении двух мужчин — один совсем молодой, бородатый, без шапки, другой, постарше, в сером пальто и синем берете. Пружина о чем-то рассказывал, горячо жестикулируя. Густафссон почувствовал, что речь идет о нем. «Кто же это такие?» — подумал он.

Оказалось, это журналисты. Они остановились на почтительном расстоянии и, наблюдая за продажей, рассеянно слушали болтовню Пружины.

— Ну, господа, сами видите, какой успех! Стоит ему махнуть ручкой, и покупатель тут как тут. Сейчас, правда, в отделе не оченьлюдно. Но вообще-то покупатели, можно сказать, так и рвут товар, лишь бы хоть краешком глаза поглядеть на него. Он всех притягивает к себе. Словно магнит! А как он продает! Ему достаточно сказать всего несколько слов. Все хотят его слышать. Слышать и видеть. На эстраде успех ему обеспечен.

Фрёкен Вивандер с укоризной взглянула на Густафссона. Как можно быть таким непонятливым, когда с тобой так откровенно заигрывают.

— Ну что вы, всякому ясно, что одному тут не справиться. Не могу же я одна лезть на стремянку с карнизом и занавесками в руках. Кто-то должен мне помочь. Тогда вся работа займет несколько минут. А потом вы у меня поужинаете, мы выпьем по рюмочке.

Она прижала руку к ткани как раз в том месте, где у него было сердце, прижала и тихонько погладила.

— Жду вас сегодня в семь вечера. Договорились? — тихо прибавила она.

— Боюсь, мне не успеть.

— Да, конечно. У вас, верно, много работы и после закрытия? Тогда в половине восьмого. Вот моя визитная карточка. Пожалуйста. На ней есть имя и адрес.

Он стоял с визитной карточкой в руке, не зная, что сказать.

— Но...

— Ничего, если вы немного запоздаете. Захватите гардины, мы их вместе повесим. Не бойтесь, в этом нет ничего дурного.

— Да, я понимаю. Только...

— А-а! Ясно. Вам неловко брать пакет, который, как все знают, предназначен даме. Об этом я не подумала. Вы же не посыльный. Я сама захвачу пакет. А вы придете, как мы договорились...

К Густафссону наконец вернулся дар речи. Бывает же, что человек считает невежливым отказаться от приглашения, казалось бы совершенно безобидного. Но... В определенные минуты следует проявить твердость.

— Нет!

— Нет?

— У нас есть специальные рабочие, которые вешают портьеры покупателям. Если угодно, я приму ваш заказ.

— Гм. Но, быть может, вы все-таки придете взглянуть на результат?

— Нет, нет. Вечером меня ждет семья.

— Понятно. В таком случае... — Она сердито выхватила у него из рук свою визитную карточку. — И вообще я пока воздержусь от покупки. Прощайте.

Решительным шагом она направилась к лестнице и скрылась в толпе.

И тут же послышался голос приятеля. Дружески подхватив под руки обоих незнакомцев, Пружина подвел их к Густафссону.

— Разрешите представить вам Пера Густафссона. Пожалуйста, вот он свеженький и зелененький, как рождественская елка. Привет, Густафссон. Это пресса. Как видишь, я времени зря не теряю.

Журналисты стряхнули с себя Пружину движением, которое могло бы быть и не таким резким. Они кивнули Густафссону и справились, как ему живется.

У него еще не прошел горький осадок от встречи с фрёкен Вивандер, но приходилось терпеть.

— Не жалуюсь.

— Как покупатели, очень донимают?

— Люди как люди.

— Вы хорошо разбираетесь в мануфактуре?

— Совсем не разбираюсь. Но меня проконсультировали.

— Значит, у вас нет никаких профессиональных навыков? Вы когда-нибудь раньше стояли за прилавком.

— С той стороны, где стоят все покупатели,— вмешался Пружина, который с растущей тревогой прислушивался к разговору. — То, что он говорит, для интервью не годится. Вы лучше напишите, что скоро он начнет выступать на эстраде, помните — это его жизнь. И не забудьте, что я его менеджер. Вот как следует написать: «Вчера в обществе его менеджера, господина Фредрикссона по прозвищу Пружина, мы встретились с восходящей звездой эстрады Густафссоном Зеленкой»... Как вам нравится это имя — Густафссон Зеленка? Может, лучше Зелень? Или Зеленушка? Знаете, пусть какая-нибудь газета объявит конкурс на его сценическое имя, а потом мы устроим крестины...

— Спасибо. Мы уж сами решим, о чем нам писать, — оборвал его Берет.

— Гм... да... да, конечно, я хотел только облегчить вашу задачу, — заявил Пружина. — Сигарету? Здесь, правда, курить запрещено, но прессе всюду полная свобода.

Берет с раздражением оттолкнул протянутую ему пачку. А Пружина продолжал как ни в чем не бывало:

— Не желаете ли получить какой-нибудь презент от нашего универмага? Милости прошу, выбирайте, что душе угодно. Я договорился с директором, совершенно бесплатно.

Борода вздернул подбородок:

— Послушайте, господин Пружина, или вы сейчас же уберетесь отсюда, или уйдем мы.

— Простите, бога ради, простите, господа. Я хотел лишь немного подготовить почву. Сейчас я дам Зеленке несколько указаний и испарюсь.

— Давайте свои указания. Мы вернемся сюда немного попозже, — сказал Берет.

— Когда здесь будет чище воздух, — прибавил Борода негромко, однако так, чтобы Пружина его услышал.

Они удалились, и Пружина обратился к Густафс-сову:

— Ишь какие. Видал субчиков? Небось ждали, что им сразу преподнесут по презенту, а мы это прохлопали.

— Ты только это и собирался мне сказать?

— А с чего это ты вдруг так задрал нос? Слушай, когда они вернутся, скажи, что всю жизнь мечтал петь. Так говорят все звезды театра, кино и эстрады. И еще скажи, что у тебя есть собственный поэт, а когда они поинтересуются, кто именно, объясни, что твой менеджер и твой поэт — одно и то же

лицо. Вот увидишь, когда они узнают, что я скальд, они переменят ко мне свое отношение. И... — Подняв глаза, Пружина увидел подходившего к ним Шабрэна. — Вот черт, директор собственной персоной. Пока ничего не говори ему о прессе. Пусть это будет для него сюрприз. А то еще потребует, чтобы ты сказал в интервью, что его тряпки самые лучшие и самые дешевые во всей стране. Говори только о песнях, о культуре и об искусстве. Ну, я сматываюсь, пойду выпью пива.

Шабрэн подошел к Густафссону.

— Ну, как дела?

— По-прежнему. — Густафссон пожал плечами.

— А та нарядная дама, она оказалась выгодной покупательницей? Знаете, она сперва справилась о вас в справочном бюро. Что же она приобрела?

— Ничего.

— Как ничего? Она говорила, что ей нужны гардины и тюль.

— Возможно. Но оказалось, что они ей не подходят.

— Гм. Будем надеяться, что она вернется. Обратите внимание, вон еще покупатель.

Директор быстро отошел. Но человек, появившийся в отделе, не был покупателем. Это был доктор Верелиус.

— Здравствуйте, Густафссон. Вот, оказывается, куда вас занесло, — сказал он. — Я заходил к вам домой и узнал, что вы получили здесь работу. Меня интересует контрольный осмотр. Пожалуйста, зайдите ко мне сегодня после работы.

— Хорошо. А зачем контрольный осмотр? Что-нибудь случилось?

— Нет, все в порядке. Я же вас предупреждал, что время от времени понадобится вас осматривать. И... гм... верно, мне следует предупредить вас, что

власти имели в виду не такую работу, когда согласились на наш эксперимент. Мы не хотели, чтобы вокруг вас была такая шумиха.

Вернулся Пружина. К его удивлению, в кафетерии универсама пивом не торговали. Он услышал, что незнакомец говорит Густафссону что-то о шумихе. Помня о своих обязанностях, он шагнул вперед и хлопнул доктора по плечу:

— В чем дело? Что вам надо?

Верелиус не удостоил его ответом. Он ограничился одним взглядом, который вряд ли можно было назвать дружелюбным.

Густафссон объяснил, что это тюремный врач.

— А, понятно! Доктор собственной персоной. Поздравляю вас с удачным цветом. Отлично придумано. Вот увидите, скоро наш Густафссон будет как сыр в масле кататься.

— Да? Признаться, я все это представлял себе иначе.

— Ясно, ясно. Доктор — это только наука. А для нашего дела нужен нюх. Я рад, что с вами встретился. Знаете, артиста в один день не сделаешь. Вот я и думал, что в конце года надо бы сделать ему еще один укольчик, чтобы продлить действие вашего лекарства...

— Что вы мелете?!

— За деньгами я не постою, отвалю, сколько скажете. Врач стоит тех денег, что мы ему платим. Если вас не устроит одноразовый гонорар, договоримся о процентах с дохода, пока он зеленый, скажем, три процента с каждого выступления. Чем дольше он будет оставаться зеленым, тем дольше мы сможем загребать денежки, так что только справедливо, если изобретатель получит свои отчисления, как принято говорить в деловых кругах. Далеко не каждый менеджер стал бы с этим считаться.

— Я вовсе не это имел в виду. Вы даже не понимаете, о чем идет речь!

— Я не понимаю? А кто, позвольте вас спросить, сразу сообразил, как этим можно воспользоваться? Скажи ему, Густафссон! Вы только посмотрите на него, доктор. Здесь, в универмаге, он стоит пятьсот монет в день. Чтобы понять это, нужно чутье финансиста.

Доктор Верелиус был взбешен. Но, будучи человеком воспитанным, он не любил привлекать к себе внимание.

— Вы ничего не понимаете, — прошипел он. — До свидания, Густафссон. Жду вас вечером.

Он ушел. Пружина не на шутку испугался.

— Он что, хочет лишить тебя цвета?

— Это невозможно.

— Слава богу! Ты уже побеседовал с журналистами? Нет? Тогда я пойду и приведу их.

Не успел Пружина удалиться, как Шабрэн явился с новым обходом. Он подошел к кассе, проверил цифры и направился к Густафссону.

— Неважно, неважно, господин Густафссон. Я все обдумал, и мне кажется, что продолжать нашу неделю нет никакого смысла.

— Но...

— Нет, нет, это вопрос решенный. — Голос Шабрэна звучал категорически.

— Но ведь вы сами сказали, что прибыль начала расти?

— Ну и что? А вы представляете себе, сколько стоят объявления и анонсы? Каждый день этой кампании обходится мне в шесть тысяч крон, причем львиная доля падает на вас, господин Густафссон. Вы же продаете на тысячу, от силы две, и это все товары, которые мы приобретали по высокой цене. Не торговля, а сплошной убыток...

Густафссон похолодел. Он не был деловым человеком и не имел никакого представления о расходах на рекламу или закупочных ценах. Правда, он не считал, будто все, проданное им сверх пятисот крон, идет в карман директору, но как-то не подумал о других расходах.

— Я понимаю, — продолжал Шабрэн, — все это крайне неприятно, но...

Густафссон так и не узнал, что он хотел сказать — к ним подошел Пружина с торжествующей улыбкой на губах.

— Смотрите, господин директор! Видите, что я организовал? Интервью! Сразу для двух газет. Что вы на это скажете?

Шабрэн узнал обоих журналистов и просиял.

— Очень приятно, господа. Я от души рад. Милости прошу.

— Требуется подлить немного масла в огонь, — вмешался Пружина. — Понимаете, нужна реклама. Для бизнеса это все.

Он приосанился — ни дать ни взять главнокомандующий. Впрочем, наверно, таким он себя и чувствовал. По крайней мере пока не заговорил Берет:

— Боюсь, в этом спектакле вы отвели нам нету роль.

Пружина открыл рот от удивления.

— Спектакль? Какой спектакль? — забормотал он.

— Мы пришли только для того, — Борода делал ударение на каждом слове, — чтобы посмотреть, как господин Густафссон справляется со своей работой.

— Но это же за версту видно! — воскликнул Пружина. — Отлично справляется. Фантастически! Пятьсот крон в день.

Берет фыркнул:

— Не в этом дело, — сказал он. — Реклама нас ни капли не интересует.

Пружина оторопел.

Но Шабрѐна не так легко было сбить с толку.

Порой в человеке происходят душевные сдвиги, переоценка ценностей, ревизия всех представлений, одним словом, он делает поворот на сто восемьдесят градусов. Бывает, что такой поворот предвещает дрожь в голосе. Все вещи и события вдруг открываются человеку в ином свете, он начинает замечать оттенки. Нет, он вовсе не собирается изменять своим идеалам, отнюдь, просто другие точки зрения получают почву под ногами, и то, что прежде представлялось существенным, теперь кажется не заслуживающим внимания... Вообще-то в глубине души он всегда считал, что овца рычит, а волк блеет... Нельзя быть только пессимистом... иногда следует быть и оптимистом... Негоже всю жизнь носить один и тот же ярлык. Надо быть реалистом. При любых обстоятельствах.

Шабрѐн был реалистом. А потому его поворот произошел мгновенно. Не успел Берет сказать об их отношении к рекламе, как Шабрѐн тут же перекинулся на его сторону:

— Я тоже так считаю, — заявил он. — Реклама должна быть на положенном ей месте в газете и больше нигде. Ни в ваших статьях, ни среди наших прилавков ей делать нечего. У нас с вами должна быть информация и только информация. И поскольку кое-кто неправильно истолковал задачи, возложенные нами на господина Густафссона, мы решили прекратить эту затею.

Борода поднял брови:

— Значит, конец пяти сотням в день? Пять сотен отступного и коленом под зад?

Он вытащил свой репортерский блокнот. Шабрѐн замахал руками:

— Ради бога, я хотел бы избежать всякой ог-

ласки. Я совершил ошибку и еще раз прошу у вас прощения. Ведь это не я вас сюда заманил.

— Хоть это приятно слышать, — сухо сказал Берет. — До свидания.

«Ну, вот и конец этой истории», — спокойно подумал Густафссон. Но Пружина так легко не сдавался:

— Я вас не понял, господин директор. Вы собираетесь уволить Густафссона?

— Да. Видите ли, я несколько просчитался.

— Так, так. — Пружина на секунду задумался, подыскивая слова. — И теперь он, — Пружина с вызовом показал на Густафссона, — должен расплачиваться за ваши ошибки?

— Этого я не говорил.

— Но хотели бы. Однако у нас имеется один документ. Извольте взглянуть!

Он похлопал себя по бедру, на котором топорщился туго набитый карман. Сунув в него руку, Пружина извлек бумажник и вытащил визитную карточку Шабрэна с его распиской.

— Узнаете, господин директор? Пятьсот крон в день в течение двух недель. То есть двенадцать дней. А это значит шесть тысяч крон!

— Совершенно верно. Господин Густафссон получит свои деньги.

— Все до последнего зре! — подчеркнул Пружина.

Густафссон запротестовал. Как можно получать деньги за работу, которую ты не делал! Это противоречило его понятию о чести. Здесь он придерживался старомодных взглядов.

— Но... — начал он. — Я их не...

— Молчи, — шикнул Пружина. — Что написано пером, того не вырубишь топором.

— Пусть господин Густафссон зайдет ко мне в контору через пять минут, — холодно сказал директор.

Он ушел. Пружина с довольным видом потирал руки.

— Ловко я это обтяпал, а?

— Я не имею права брать эти деньги.

— А он? — Пружина кивнул головой в ту сторону, где скрылся директор. — Деньги наши, приятель. А это главное. Теперь у нас есть начальный капитал. Но это только цветочки, ягодки впереди.

22

В начале тридцатых годов одному человеку вздумалось изменить свою фамилию. Он хотел, чтобы отныне его называли Болванусом.

В те времена прошения подобного рода подавались на имя Его Королевского Величества. Но каким образом то прошение рассматривалось на заседании Государственного совета в перерыве между обсуждением международного положения страны и государственного бюджета, мы точно сказать не можем.

Нам ничего неизвестно и о том, отнеслись ли к этому прошению с тем же пониманием и серьезностью, как и ко всем остальным делам, рассматриваемым советом.

Единственное, что нам известно об этом эпизоде, мы узнали из пожелтевшей заметки, в которой сообщалось о перемене фамилий. Такие заметки публиковались каждую неделю. Та заметка называлась так: «Не разрешается взять фамилию Болванус».

Так что сведения наши весьма ограничены. Но

мы полагаем, что прошение это принадлежало перу одного из шутников, которых в нашей стране столько же, сколько в тридевятом царстве, в тридесятом государстве молочных рек с кисельными берегами. Этому шутнику захотелось позабавить своих сограждан. Он представил себе, с каким хохотом будут встречать его фамилию при знакомстве, как добродушно будут посмеиваться всякие столоначальники, рассматривая его прошения об уменьшении налогов, освобождении от всеобщих поборов или выдаче ссуды.

Но Его Королевское Величество оказался дальновиднее, ибо Его Королевское Величество и должно быть дальновидным. Король подумал и о потомках господина Болвануса. О том, что с самого первого класса его сыну под смех товарищей придется громко и внятно отвечать «да», когда учитель будет опрашивать присутствующих. А его окрыленная счастьем дочь услышит перед алтарем, как пастор спрашивает у ее суженого, берет ли он в жены фрёкен Болванус.

Нечто похожее, хотя и совсем в другом роде, переживала семья Густафссонов, оказавшись вдруг в центре внимания. Густафссон стал зеленым и поддался на уговоры Пружины воспользоваться этим обстоятельством, чтобы заработать побольше денег. Но это не прошло безболезненно для всей семьи.

Недалекие люди говорят иногда: «Это мое личное дело». Однако так никогда не бывает. Ты фальшиво свищишь, но слушают тебя окружающие, ты искалечишь свое тело, но ухаживать за тобой придется твоим близким, ты обанкротишься, но платить за это будут другие.

Семья Густафссона не могла одобрить тот способ зарабатывать деньги, какой Густафссону предложил Пружина. В доме царило мрачное настроение,

нервы у всех были напряжены до предела, все жили под гнетом, от которого они никак не могли освободиться.

Был субботний вечер. Вся семья собралась в гостиной. Густафссон сидел у стола перед пустой чашкой, Уве расположился на тахте, разложив вокруг себя учебники. Грета сидела в своей любимой позе, свесив ноги с подлокотника кресла. Ингрид принесла из кухни выглаженную красную рубашку.

— Когда тебе надо туда идти?

Густафссон не ответил. Она повторила свой вопрос:

— Когда ты уходишь?

Он поднял глаза:

— В семь. Я уже сто раз говорил. Чего зря болтать!

Ингрид молча пожала плечами и показала ему рубашку.

Он придирчиво осмотрел ее.

— Слава богу, успела. И что за дурацкая мысль выбрать красную рубашку?

— А при чем здесь я? Тебе известно, как я к этому отношусь.

— Знаю. Ну и что? Ты ко всему плохо относишься. Тебе не нравится, как я зарабатываю деньги, не нравится, что я не в тюрьме, я вообще тебе не нравлюсь.

— Это неправда! — запротестовала Ингрид.

— Думаешь, я ничего не чувствую? — вдруг взорвался он. — Думаешь, если у меня шкура стала зеленой, так уж и нервов нет? Да у меня каждый нерв напряжен, вот-вот лопнет!

— Папа, милый, ну перестань! — Грета с сердитым видом встала и подошла к окну.

— Еще бы не милый! Вы только посмотрите, что я сделал с собой, чтобы быть вместе с вами. А вы...

Ингрид застыла у двери. «Надо переменить тему разговора, — подумала она. — Он всегда все сводит к этому». Она повернулась к Уве:

— Ты еще не говорил, как у тебя прошла контрольная по математике.

— Думаю, хорошо. Решил восемь примеров из девяти.

— А девятый?

— Я и его решил. Но восемь-то у меня решены правильно, это уже известно. А в девятом примере такой же ответ, как у меня, еще только у двоих. Вообще все девять примеров решили семь человек из всего класса.

— Хоть бы ты решил его правильно, — с надеждой сказала Ингрид.

— Отрадно, что хоть у одного из нас такие успехи, — кисло заметил Густафссон. — Как там ребята, говорят что-нибудь про меня? — спросил он у Уве.

— Да, наверно.

— Наверно?

— Ну, говорят, если тебе так хочется.

— Ясно. Из тебя сегодня слова не вытянешь. Что же они говорят? Отвечай!

— Всего я и не знаю, — неохотно ответил Уве. — Слышал раз на физкультуре. В раздевалке. Ребята не знали, что я там. Кто-то сказал, что у тебя явно не все дома.

— А другие? Давай выкладывай!

— Что ты смешной... глупый... темная личность...

— Как ты смеешь!

— Ты сам спросил. Они смеются над тобой. Над всеми нами.

— Это неправда!

Густафссон встал. Конечно, он не думал, что люди им восхищаются, как внушал ему Пружина. Но

все-таки к нему проявляли определенный интерес. Он получал дружеские письма от совершенно незнакомых людей. Густафссон и не подозревал, что перед тем, как отдать ему почту, Ингрид отбирает злобные анонимные письма и выбрасывает их.

— Нет, правда! — сказала Грета.

Она стояла у окна, повернувшись к нему спиной. Но ему не нужно было видеть ее лицо, чтобы понять, какой безысходной безнадежности полна его дочь.

— И ты туда же! — возмутился он. — А сама уверяла меня, что никто ничего не говорит.

— Раньше и не говорили. А теперь говорят, я это чувствую. — Она всхлипнула и подошла к Ингрид. — О, мама, мамочка...

— Грета, что с тобой?

Грета не ответила. Уве поднял голову:

— Ну как ты не понимаешь, мама! Это из-за Юнте.

— Юнте — кто это? — спросил Густафссон.

— Гретин дружок.

— А что с ним?

Уве хотел ответить, но Грета перебила его:

— Замолчи!

Уве закрыл рот, но, подумав, решил пренебречь этим предупреждением. Пусть будет скандал, так даже лучше.

— Он ее бросил.

Ингрид погладила дочь по волосам.

— Бедная девочка...

— Это еще не беда. — Густафссон попытался замять разговор. — Одно потеряешь, другого найдешь...

— Да ведь я же тут ни при чем! — всхлипнула Грета. — Если б я была виновата, это не из-за меня...

— Можешь не стесняться. Говори прямо: из-за меня?

Грета кивнула.

— Вот видишь? — Уве посыпал рану солью.

Густафссон понимал, что все это правда. Но не желал этому верить. «Хотят все свалить на меня, — думал он. — Уве неправильно решил пример, Грету бросил парень, а виноват один я. Удобно иметь козла отпущения. Я-то у них всегда под рукой».

Это было так обидно, что у него сдавило горло.

— Да ведь я так поступил, чтобы не расставаться с вами! — вырвалось у него.

Уве встал:

— Мы тебя об этом не просили.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не просили так поступать. Лучше б ты там остался. Сейчас бы люди болтали о чем-нибудь другом.

— Не забывайся! — Густафссон замахнулся.

— Можешь меня ударить, пожалуйста.

С упрямым видом сын смотрел ему в глаза. Но не его взгляд заставил Густафссона опустить руку, а чувство беспросветной тоски, он сам не знал, чего хочет, и не понимал, что ему следует делать.

— Убирайся! — заорал он на Уве. — Ступай прочь! Видеть тебя не желаю. Нет, нет, не туда! — Он увидел, что Уве собрал свои книги и направился с ними на кухню. — Не хочу видеть тебя в доме, пока я не ушел!

Уве молча унес книги в свою комнату, потом они услышали, как он в передней надевает куртку. Наступило мучительное молчание.

— Я тоже уйду! — вдруг сказала Грета.

— Пожалуйста! — Густафссон задохнулся от горечи. — Никто тебя не держит.

Он снова опустился в кресло. Теперь он походил на мешок с трухлявым сеном, взгляд его был уст-

ремлен в пространство. Когда дверь за детьми захлопнулась, он поднял голову:

— А ты с ними не идешь?

— Нет, — коротко ответила Ингрид. Она была на стороне детей, но не хотела ссориться с ним. — К нам должен прийти дедушка. И доктор Верелиус.

— Доктор? Чего это он все время сюда бегаёт? Он был два дня назад.

— Обязан наблюдать за тобой, Пер. Ведь он желает тебе добра.

— Гм. Он, как и все, смеется за моей спиной. Он и пальцем не шевельнет, чтобы помочь мне.

— Ты несправедлив.

— Он мне только мешает.

— Если ты имеешь в виду, что ему не по душе твои выступления, это верно.

— А что в них плохого? В Болстаде все прошло хорошо. Ты бы слышала, как мне аплодировали!

Он не солгал. Там его действительно вначале встретили бурными аплодисментами. Но лишь вначале. Навязчивость Пружины проявилась и в том, что Густафссон исполнял только его песню. И ничего путного из этого не получилось — она пришлась по вкусу нескольким дряхлым старикам. Молодежь привлекали более веселые мелодии. Председатель клуба снабдил Густафссона песенником и попросил быть запевалой. Это оказалось делом нетрудным, песни были старые и хорошо ему известные. Публика подпевала, оркестр играл в полную силу, и Густафссон легко справился со своей задачей. После четвертой песни большинство собравшихся захотело танцевать.

— А это клуб с хорошими традициями, — сказал Густафссон.

И это тоже была правда. Болстадский клуб «Очко» раньше назывался «Клуб одиннадцати». Это была футбольная команда, состоящая из молодых пар-

ней. Со временем им надоело гонять мяч, но они продолжали собираться вместе — теперь уже за картами, отсюда и произошло новое название клуба. Название привилось, хотя здесь играли и в преферанс, и в бридж, было отделение для женщин, молодежь приходила потанцевать, а мальчишки — играть в футбол. Бесспорно, это был клуб с самыми разнообразными интересами.

— Энергичные люди, — сказал про них Густафссон. — Но выложили нам три сотни, не моргнув глазом. И сегодня будет столько же.

— Из которых половину получит Фредрикссон.

— Его ты не тронь. Без него и я ничего бы не получил.

Явился Пружина. Он был в отличном настроении и справился, готов ли «кумир». На автобусе ехать полчаса, точно в восемь Густафссон под восторженные аплодисменты должен появиться на эстраде.

— Не волнуйся, — сказал Густафссон. — Сейчас я буду готов. Правда, рубашка мне не нравится. Красный цвет к лицу только девушкам.

— Красный и зеленый — дополнительные цвета, — заявил Пружина. — Ты ведь видел светофоры?

— Я не светофор.

— Эка важность! Но ты зеленый. А зеленый значит — полный вперед! Поторапливайся.

С красной рубашкой в руках Густафссон скрылся в спальне. Пружина начал напевать свою песню, отбивая такт по столу. После второго куплета он попытался завязать беседу с Ингрид.

— Надеюсь, теперь вы довольны, хозяйюшка? Не то что месяц назад?

— Теперь действительно все переменялось, — призналась она.

Пружина засвистел третий куплет. Мелодия то взмывала ввысь, то падала вниз. «Совсем как в жизни», — подумал он. Никогда не надо отчаиваться. Каких-нибудь два месяца назад его выгнали с последнего места работы, а сейчас он уже менеджер.

— Господин Фредрикссон, — прервала его размышления Ингрид. — Вы уверены, что все это кончится добром?

Добром? Неужели в этом можно сомневаться?

— Да это отличный бизнес, — уверил ее Пружина. — Разве вы не видите, как Густафссон становится знаменитостью? Он еще будет звездой века. О нем будут говорить, как о Рокфеллере, Повеле Рамеле и других знаменитостях.

— Вы меня не поняли, господин Фредрикссон. Мне хочется знать, какая от этого польза?

— Какая польза в том, чтобы зарабатывать деньги? Да это вам любой коммерсант объяснит! Польза? Чертовская польза, простите за выражение, хозяюшка. Деньги к нам скоро потекут рекой. Я только тем и занят, что налаживаю связи... Правда, устроители пока осторожничают, не дают окончательного ответа. Но дайте срок, скоро им придется платить нам по двойной ставке!

— Но ведь это еще нельзя назвать бизнесом?

— Нет, это бизнес! Продать можно все, что угодно, только одно продать легко, а другое — трудно. За примером далеко ходить не надо: я продавал эликсир для волос... Сперва я продавал средство от моли и комаров — смесь керосина с денатуратом, — но денег мне это не принесло. Тогда я смешал розовую эссенцию с касторовым и миндальным маслом и назвал это эликсиром для волос против перхоти и облысения... Эликсир для волос «Французское Домино» — вот как я назвал эту смесь, она предназна-

лась и для мужчин и для женщин. Дело у меня шло — лучше некуда.

— Жаль, что вы перестали этим заниматься, — вздохнула Ингрид.

— Видите ли, возникли неожиданные трудности: один дуралей взял да и облысел от моего эликсира. Он обратился с жалобой в газету, там взяли «Домино» на анализ и потом написали, что это снадобье не только огнеопасно, но и угрожает жизни. Это уже была наглая ложь, я сам пользовался им раза два. Но люди испугались и перестали его покупать. Однако вам, хозяйюшка, бояться нечего. Густафссон не опасен с любой стороны, ха-ха. От него одна только польза.

— Вы так меня и не поняли, господин Фредрикссон. Мне интересно, кто счастлив от того, что ему приходится показывать себя за деньги? Будет ли Пер счастлив? И мы тоже?

— Счастливы? Дайте ему набрать силу. По новой дороге, пока она не наезжена, всегда трудно ездить. Густафссон как новая дорога. Ему нужно набраться опыта. Газеты нам с ним не страшны. Его на анализ не отправят. У него цвет натуральный. Не линяет.

— Это я знаю, — вздохнула Ингрид.

— И пресса нас поддерживает, — с воодушевлением продолжал Пружина. — Утром я звонил в «Квелльсбладет», просил, чтобы они написали о его предстоящем выступлении в Флеминге. Знаете, что они мне ответили? «Спасибо, — ответили они. — Мы уже напечатали сегодня статью о господине Густафссоне». Как вам это нравится? Мы еще попросить не успели, а они уже написали. Будто он король или представитель высших кругов. А эту газету читают все. Видите, какой на него спрос.

Ингрид охватило отчаяние. Она была в каком-то

оцепенении, глаза у нее затуманились, руки упали на колени. Пружина наблюдал за ней.

— Это вас так удивило, хозяйюшка? Признаться, меня тоже. Я сам еще не читал, что они там написали. Купил газету по пути к вам. Замечательная газета. Сейчас принесу, она у меня в пальто.

Когда он вернулся в гостиную, Ингрид по-прежнему сидела, закрыв глаза и опустив голову.

— Где же эта статья? — бормотал Пружина, листая страницу за страницей. — В театральном отделе нет. На странице юмора — тоже. Может, в торговом разделе? Где-то должна быть, они же мне твердо сказали, что материал помещен в сегодняшнем номере. Поищите вы, хозяйюшка.

Он протянул Ингрид газету. Она взяла ее усталым жестом, бросила взгляд на первую страницу, перевернула ее и остолбенела:

— Да вот она!

— Действительно. Кто бы мог подумать! Сколько о нем накатали! Так пишут только о премьер-министрах или крупных преступниках. Густафссон на верном пути. «Зеленый Густафссон» — такой заголовок сразу бросается в глаза. Отличная газета. Ее все читают.

И Пружина углубился в статью. Вдруг он вздрогнул. Открыл рот. Лицо его вытянулось.

— Что за чертовщина! — воскликнул он.

23

То, что случилось с Густафссоном, многие знаменитости испытали на себе, когда средства массовой информации запустили в них свои когти. Сперва вы — знаменитость, звезда, светило. У вас все особенное — от чулок до прически, от звуков, вылетающих из вашего горла, до пищи, которую вы по-

глощаете. Но со временем известность оборачивается проклятием. В один прекрасный день с вас срывают навешанные на вас покровы и вы остаетесь голым у всех на глазах.

Густафссон еще не знал об этом. Первый удар принял на себя его менеджер.

Стоит ли терзать поклонников Пружины подробным пересказом этой статьи? Достаточно того, что он сам и еще несколько сотен тысяч человек прочитали ее. С болью в сердце мы ограничимся тем, что приведем несколько выдержек:

«...Нельзя забывать, что это все-таки наказание... Попытка не оправдала себя... Унизительно, когда используют слабый характер... Позорит правосудие... И грустно и смешно... Долго думали, прежде чем решились это опубликовать... Своей попыткой вылезти в национальные герои Густафссон сам приковал себя к позорному столбу...»

Пружина читал вполголоса, он выделил лишь слово «национальный герой». Ингрид слышала не все. Но и того, что она слышала, было предостаточно. Она закрыла руками лицо, словно ее ударили.

— О-о-о! — простонала она.

Пружина вскочил. Скомкал газету. Он заикался:

— П-позор, пишут они. А ли-лишать человека хлеба насущного — не позор? А мой вклад как менеджера? Кто мне за это заплатит? Я подам на них в суд! Точно. Завтра же поговорю с адвокатом. У меня есть один знакомый крючкотвор, он просто ухватится за это дело.

Ингрид сидела, раскачиваясь из стороны в сторону. Раньше она была, как в тумане. Теперь туман рассеялся. Она была тверда и решительна.

— Ни в какой суд вы не подадите! Слышите? Мало вам того, что случилось? Мало вы причинили нам горя?

— Я? — Пружина был оскорблен до глубины души. — Это я написал, да? Грязная стряпня! Это не журналисты, а гангстеры! — Неожиданно его охватило ледяное спокойствие. — Густафссон не должен об этом знать.

— Нет, должен!

— Только не сейчас, хозяйюшка. Это повредит его карьере. Понимаете, его раздавит. Нокаутирует. А менеджер должен беречь своих подопечных. У нас контракт. Нарушение контракта стоит больших денег. Он *обязан* выступать. Ни слова о статье.

— Это не годится, так нельзя...

Но Пружина уже снова был хозяином положения:

— Эта газетенка не пользуется никаким авторитетом. Утренние газеты разнесут ее, они всегда так делают. У них это называется дебатами. А кроме того, газету купил я, и вас, хозяйюшка, не касается, что в ней написано. Не теряйте хладнокровия. Эту газету никто не воспринимает всерьез. Пожалуйста, молчите!

— Я *не могу* молчать! *Не могу* отпустить его после всего этого!

Пружина схватил Ингрид под руку и силой вывел в переднюю.

— А вы уйдите из дома. Скажете, что вам что-нибудь понадобилось.

— Это верно. Я должна привести дедушку.

Она ушла, и Пружина успел вернуться в гостиную, прежде чем дверь спальни распахнулась и на пороге показался Густафссон.

— Кто ушел? — спросил он. — Ингрид? Куда это она так заторопилась?

— За кем-то пошла. Кажется, за стариком.

— А почему вдруг такая спешка? Просто она меня избегает. Меня теперь все избегают.

— Глупости. Тебя все очень любят. Вспомни, как тебя принимает публика. Люди скоро будут штурмовать эстраду.

— Люди? Люди говорят, что я не в своем уме.

Пружина заподозрил что-то неладное. Неужели выступила еще какая-нибудь газета? Он попытался отбросить эту мысль.

— Все хотят тебя видеть, — повторил он.

Но Густафссон был настроен мрачно.

— Как-то мне довелось читать о теленке, которого все хотели увидеть, — сказал он. — Потому что у него было две головы. Он был не такой, как все. Ненормальный. Вот и я тоже...

В отчаянии он сжал руки. Потряс ими, потом расцепил у самых глаз. И вдруг замер.

Он стоял неподвижно, как статуя, и не спускал глаз со своих ладоней.

Пружина испуганно следил за ним.

Казалось, жизнь медленно возвращается к Густафссону. Неверными шагами он подошел к настольной лампе, зажег ее и поднес руки к свету.

Пружина встревожился. Неужели Густафссон и впрямь потерял рассудок?

— Что с тобой — в страхе спросил он.

— Цвет... Зеленый цвет...

— Что с ним?

— Он побледнел. Они стали почти белые, мои руки...

— Это невозможно! Ты ошибаешься.

Но Густафссон не ошибался. Зеленый цвет действительно начал бледнеть. Он уже совсем исчез с пальцев, да и ладони заметно посветлели.

— Но лицо у тебя, слава богу, еще зеленое, — сказал Пружина. — А для выступления можно надеть перчатки.

— Может, я уже становлюсь белым? Часа два назад, сразу после обеда, я обратил внимание на свои руки, они показались мне необычными, но я боялся этому верить. Интересно, как я сейчас выгляжу?

Он вышел в переднюю, где висело большое зеркало, и направил свет себе на шею, щеки и подбородок.

— Пружина! — закричал он. — Пружина! Зеленень исчезает! Я становлюсь белым!

«Это невозможно, — думал Пружина. — Этого нельзя допускать». Воздушные замки Пружины заколебались и растаяли. Но он уже знал, кого надо винить.

— И это называется врач! Жалкий знахарь, обманщик! Кто обещал, что ты будешь зеленым целый год? Знаешь, как это называется? Продажа товара по фальшивой декларации! Он нам за это ответит!

— Слава богу!

— Его надо привлечь к ответственности, этого шарлатана. Он должен заплатить нам за нанесенный ущерб. Его надо упрятать за решетку... Да, да. Пусть там и ему вколют его же зелье, тогда я смогу быть одновременно менеджером вас обоих.

Это был юмор висельника. Но Густафссон не испытывал желания утешать приятеля.

— Не городи чушь! Впрочем, это единственное, на что ты способен.

— Ладно, поторапливайся. Нам пора. Возьмем такси. Твое выступление будет первым, это я беру на себя, скажу, что мы торопимся еще в одно место.

— Я выступить не буду. Позвони и предупреди их.

— Отказаться? Когда публика ждет? А что я им скажу?

— Все как есть. Скажи, что больше выступлений не будет.

Пружина так и взвился:

— Прекрасно! Хороша благодарность за все мои труды и старания, за письма, телефонные звонки и переговоры! Молодец! Но помни: если ты отказываешься выступать, это нарушение контракта.

— Я не виноват, что перестал быть зеленым. Могу сам позвонить, если ты не хочешь. Но выступать я больше не буду.

Пружина лихорадочно размышлял. И вдруг перед ним забрезжил луч надежды, в разбушевавшемся океане он увидел спасительную соломинку.

— Пусть так, — сказал он. — А что ты намерен делать дальше?

— Теперь я могу работать где угодно.

— Ты так думаешь? Какая наивность! У тебя еще не кончился срок наказания. Тебе предстояло быть зеленым целый год, а прошло всего ничего. Значит, опять вернешься в камеру. И просидишь свои положенные полтора года! Восемнадцать месяцев, не считая одного, который уже прошел.

Густафссон испугался. Об этом он не подумал. Но ведь он не виноват в том, что случилось? Неужели его опять упрячут в тюрьму? Мысль об этом была ему невыносима.

А Пружина уже вошел в свою прежнюю роль:

— Я все улажу. Можешь на меня положиться. Я знаю одного парикмахера, у него можно достать грим. Живет неподалеку. Сейчас я к нему сбегая. Только смотри, никому ни слова. Ни слова...

Он бросился к двери. Скатился по лестнице и пошел по улице как испуганная собачонка.

На мгновение Густафссон испытал ни с чем не сравнимую радость. Он подумал, что его наказание

кончено. Но утешение оказалось призрачным. Он перестал понимать что-либо.

Он тщательно осмотрел свои руки, разделся, осмотрел живот и бедра, стал перед зеркалом с маленьким зеркальцем в руках, чтобы увидеть спину. Никакого сомнения. Зеленый цвет по всему телу начал бледнеть.

Хлопнула входная дверь. Это пришли бабушка и Ингрид. Густафссон быстро погасил верхний свет и забился в темный угол.

Увидев, что он дома, Ингрид удивилась.

— Ты еще не уехал?

— Да... Пружина куда-то пошел. Он сейчас вернется.

— Это несчастье никуда от нас не денется, — с горечью сказала Ингрид.

— Несчастье далеко не ходит, — заметил бабушка.

Он явно был не в своей тарелке и не мог, как обычно, найти подходящую случаю поговорку. Ингрид хотелось что-то сказать Густафссону, так же как и ему ей, но оба молчали, не зная, с чего начать.

— Пер, — сказала она наконец. — Пусть твое сегодняшнее выступление будет последним. Хорошо?

— Почему?

— Потому что я прошу тебя об этом.

— Хотел бы. Но не могу. Почему вы не можете оставить меня в покое?

Ингрид обиделась.

— Сделай одолжение! Я обещала угостить бабушку бутербродами. Мы пойдем на кухню.

Бабушка засеменил за ней. По дороге ему пришла на ум поговорка:

— Продолжай делать по-своему. Но помни: кто много зарабатывает, у того жестокий хозяин.

Густафссон не нашелся, что ответить. К тому же позвонили в дверь. Пришел Пружина с коробкой под мышкой.

— Вот, гляди. Тут одна зелень. Этот тон женщины кладут себе на веки. Мы опустошили весь его запас.

Густафссон колебался. По его мнению, эта затея у них не пройдет. Но Пружина был исполнен энтузиазма. Он уже хотел приступить к делу, как в дверь снова позвонили. Это был доктор Верелиус, который хотел повидать Густафссона.

— Густафссон сегодня занят, — заявил Пружина. — У нас вечером выступление.

— Да, я слышал об этом. И мне это не нравится.

— Ваше дело. Нас это не касается.

Прежде доктор Верелиус избегал открытого столкновения с этим нахальным типом. Но сейчас он не собирался молчать.

— Послушайте, уважаемый, — сказал он. — В данном случае мое желание играет первостепенную роль. Не забывайте: Густафссон находится под моим наблюдением, потому что я его врач.

— А я его менеджер и как таковой контролирую все его дела.

— Мой контроль касается действия красящего вещества.

Пружина не мог удержаться, чтобы не осадить этого наглого докторишку.

— Красящее вещество? Дерьмо, а не красящее вещество! — выпалил он, ткнув пальцем в Густафссона, но тут же опомнился. — Он... Да он с каждым днем становится все зеленее и зеленее. Из-за этого вам нечего беспокоиться.

Густафссон хотел выйти на свет. Пружина быстро толкнул его обратно:

— Сядь!

Доктор объяснил, что должен каждую неделю хотя бы бегло осматривать Густафссона. По мнению Пружины, в таком осмотре не было никакой необходимости.

— Густафссон выступает на эстраде с песнями. Тысячи людей видят, что он зеленый, как лягушка. А сейчас, доктор, извините, у нас, к сожалению, нет больше времени. Если хотите осмотреть Густафссона, приходите, когда это будет удобно нам.

К удивлению, доктор Верелиус сдался перед их доводами.

— Ну что ж, не буду мешать, приду в другое время.

Пружина сразу успокоился. Пусть доктор не тревожится. Он самолично следит за Густафссоном, как заботливая мать за своим ребенком.

С этими словами он закрыл за доктором дверь, вытащил коробку с гримом, достал карандашик и стал пробовать грим на себе, не прерывая разговора с Густафссоном:

— Тебе следует остерегаться этого доктора. Самое лучшее — сменить квартиру. Переезжай-ка в другой конец города, пусть тогда рыщет да ищет, а мы тем временем будем разъезжать с выступлениями.

— Как же я буду выступать, если с меня сойдет краска?

— Будешь гримироваться! Взгляни на меня. Как я тебе нравлюсь? — Он повернулся к Густафссону. — Видишь, мы с тобой словно близнецы!

Густафссон отшатнулся:

— О черт!.. Неужели я так выгляжу?

— Конечно! — уверил его Пружина.

И снова раздался звонок в дверь.

Открыла Ингрид. Вошедший был ей незнаком. Зато Пружина, выглянувший в переднюю, сразу узнал его. Это был журналист. Тот, что ходил в берете. Берет поклонился Ингрид. Назвал свою фамилию. Ему хотелось бы видеть господина Густаф...

Он не закончил.

— А, вот и он сам! Что с вами, господин Густафссон? По-моему, вы были гораздо выше.

— Я не Густафссон, — отрезал Пружина. — Густафссон в гостинной.

— Да, да, теперь вижу, — сказал Берет. — Я вас узнал. Вы тоже стали зеленым? А вы в чем провинились?

— Ни в чем. Меня в тюрьму не сажали. — Пружина был оскорблен. — Просто решил загримироваться. Зеленый цвет теперь в моде.

— Ясно.

— Хочу поддержать Густафссона, — прибавил Пружина. — А то ему как-то одиноко. Теперь мы с ним зеленые на пару.

— Да, да. После последней истории это, наверно, необходимо.

Ингрид молчала. Она не понимала, что происходит. Пружина гримируется, Пер прячется в тень. Доктора отсылают прочь. А теперь, в придачу ко всему, в дом является журналист.

Нужно разобраться, в чем дело. А для этого необходим свет поярче. Ингрид щелкнула выключателем, и гостинную залил яркий свет.

— Про какую это историю вы толкуете?

— Про ту, о которой напечатано в сегодняшнем номере «Квелльсбладет», — объяснил Берет.

— А что там такое? — полюбопытствовал Густафссон.

— Да ничего особенного, — испуганно вмешался Пружина. — Пустяки. Небольшая реклама. Мы лич-

но так к этому отнеслись, господин редактор. А теперь нам пора, господина Густафссона ждут. Он у нас нарасхват. Все хотят его видеть, ангажементов полно. От некоторых приходится даже отказываться. Напишите об этом в своей газете! — Он хотел улизнуть вместе с Густафссоном, но Берет загородил им дорогу.

— Может, господин Густафссон сам что-нибудь скажет?

— А что вас интересует? — Густафссон остановился.

— Например, ваше мнение о такой форме наказания. Что вы об этом думаете?

— Что я об этом думаю? — Густафссон опустил глаза в землю. — Что думаю? Могу рассказать, о чем я думаю по ночам. Другие могут укрыться за стенами, думаю я. А я этого не могу. Другие могут бежать. А я не могу. Другие могут перелезть через ограду и переплыть рвы с водой. А я не могу. Разве можно убежать от самого себя? Скажите, можно?

Он глубоко вздохнул и продолжал:

— Зеленый цвет всюду преследует меня. Так зачем мне его скрывать? Почему не крикнуть: смотрите! Смотрите все, какой я зеленый! Пожалуйста, смотрите все... но извольте за это платить!

Тут Пружина не выдержал:

— Правильно, Густафссон! Пусть платят. А теперь идем.

И он потащил Густафссона за собой, сперва вниз по лестнице, а потом на стоянку такси.

Берет спрягал блокнот.

— Я и не подозревал, что ваш муж принимает все так близко к сердцу.

— А между тем это так, — сказала Ингрид. — Для него это очень трудное время.

— Не огорчайтесь, оно скоро пройдет, — утешил ее Берет. — Осталось каких-нибудь десять или одиннадцать месяцев.

— Одиннадцать месяцев — это вечность.

— Последний вопрос. Он знал, что напечатано в сегодняшней «Квелльсбладет»?

— Нет. — Увидев насмешку в глазах журналиста, Ингрид поспешно добавила: — Поверьте мне, господин редактор, я тут ни при чем. Это господин Фредрикссон не разрешил мне показать ему газету.

— Фредрикссон? Ах, это тот, который зовет себя Пружиной? Ясно, ясно. С этим типом мы еще когда-нибудь столкнемся.

«Только бы они больше ничего не писали про нас», — подумала Ингрид, закрывая за ним дверь.

24

Память, она как уж, который прячется под камнем. Листаешь однажды подшивку газет двадцатилетней давности и вдруг тебе на глаза попадает статья о капитане Карлсене. Многие ли теперь помнят о нем?

А ведь в те времена он был у всех на уме. В Атлантике его корабль попал в шторм, на судно обрушились громадные водяные валы. Они буквально раскололи корабль пополам. Команда спустилась в шлюпки, все, кроме капитана Карлсена. Он не пожелал сдаться. За ним наблюдали с самолетов-разведчиков, его борьбу за свою жизнь и за жизнь своего корабля показывали в кинохрониках и фотомонтажах. У капитана была возможность спастись на других судах, но он не сдался. Он оставался на борту до тех пор, пока корабль не отбуксировали в

порт. Карлсен совершил подвиг, и весь мир приветствовал его. Потом этот случай послужил сюжетом для фильма. Судьбе было угодно, чтобы именно эту картину показывали в кинотеатре повторного фильма в тот вечер, когда Уве и Грета ушли из дома.

Вернувшись домой, они рассказали дедушке про фильм, и, как ни странно, дедушка вспомнил капитана Карлсена. Но фильм он не смотрел. Дедушка вообще не ходил в кино.

— А потому не хожу, — сказал он, — что там видишь людей, которым живется хуже, чем тебе, и переживаешь за них. Или тех, которым живется лучше, и ты им завидуешь. Самое милое дело довольствоваться тем, что имеешь, и, если имеешь немного, довольствуйся малым. Бог посылает смерть, а черт наследников. Поэтому лучше, если после тебя ничего не останется.

Выслушав эту премудрость, дети разошлись по своим комнатам и легли спать. Дедушка собрался было домой, когда входная дверь вдруг распахнулась и в переднюю ворвался Густафссон.

— Слава богу! Наконец-то я дома! А тебе здесь делать нечего! — прикрикнул он на Пружину, который следовал за ним по пятам.

— Но мне необходимо с тобой поговорить, — взмолился тот.

— Еще поговорить? Да ты всю дорогу только и делал, что говорил! Мне осточертела твоя болтовня. Катись-ка ты к черту!

— Да, да, — услужливо поддакивал Пружина. — Только успокойся, пожалуйста. Еще раз добрый вечер, сударыня. — Он поклонился вышедшей в переднюю Ингрид.

— Пер? Ты уже вернулся? А я ждала тебя только через час.

— Ждала или не ждала, но я уже здесь. Как это,

может быть, ни прискорбно. Публика не пожелала меня слушать.

Он тяжело опустился на стул. Даже дедушка полюбопытствовал, выступал ли Пер.

— Представь себе, не выступал. Пришлось убираться подобру-поздорову. Они даже не пожелали меня видеть.

— Не слушайте его, — вмешался Пружина. — Публика хотела его видеть. Они подняли шум, когда узнали, что он выступать не будет. Это все распорядители.

— Наверно, в этом виновата статья в газете?

Эти слова невольно вырвались у Ингрид, прежде чем она успела подумать. Густафссон медленно повернулся к ней.

— Так ты тоже знала о статье? И ничего мне не сказала? Ты с ним заодно...

Пружина тут же начал оправдываться:

— Успокойся, прошу тебя, успокойся. Не говори ради твоего же блага. Чего человек не знает, из-за того и не расстраивается.

— Не расстраивается? Да такая статья кого угодно убьет лаповал!

Пружина засмеялся деланным смехом.

— Никого она не убьет. Если б газетные статьи могли убивать, в мире не осталось бы ни одной знаменитости. Скажешь, мы с тобой даром съездили сегодня? Скажешь, я не вырвал у них твои триста крон, хотя ты и не пел?

— Из которых ты заберешь себе половину!

— Как положено. Неужели ты решил все бросить?

— Хватит болтать чепуху!

— Ты не должен сдаваться. Вспомни капитана Карлсена. Он оставался один среди бушующего океана, весь мир считал, что ему крышка. Но он не

сдался. И вот жив-здоров, пишет толстенные книги и здоровается с королем за ручку... А теперь я — все равно что капитан Карлсен, а ты — тонущий корабль. Разве я могу бросить тонущее судно? Не на того напали. Я доставлю тебя в порт, меня не испугают волны и шхеры. Я уже договорился с танцевальной площадкой в Кнепперюде, ты выступаешь у них в следующую субботу...

— Договорился? Вот и поезжай к ним сам со своим гримом и дерь там глотку, если угодно. А с меня хватит.

Пружина промолчал. Густафссон повернулся к жене.

— Ингрид, — сказал он тихо. — Подойди сюда и посмотри на меня. Нет, поближе. Гляди.

Он протянул руки к настольной лампе. Ингрид посмотрела на них и глубоко вздохнула:

— Пер! Не может быть!

Он кивнул. Она оглядела его руки, потом лицо, в ее голосе звучали и слезы, и радость:

— Пер, все сошло! Ты такой же, как прежде!

Дедушка, который сидел одетый, держа в руках палку, поинтересовался, чему она так радуется.

— Зеленый цвет сошел, дедушка! Теперь Пер сможет получить любую работу, какую захочет.

Но Пружина не желал сдавать поле боя:

— Зачем ему любая работа? А танцевальная площадка в Кнепперюде? Они могут подать на тебя в суд, если ты не явишься.

— Придется тебе самому уладить это дело. Расскажи им все как есть.

— Правильно, — поддержал Густафссона дедушка. — От правды еще никто не умирал.

— Как бы не так! — воскликнул Пружина. — Менеджер, который начнет говорить правду, рискует сломать себе шею. Нет, Густафссон, нам придется

прибегнуть к гриму. Смотрите, хозяйюшка, я купил грим, как только увидел, что с ним происходит. Зеленый грим. Никто ничего и не заметит.

Но Ингрид больше не собиралась уступать ему:

— Поймите же, наконец — Пер больше с вами не работает.

— Он этого не сказал. Это вы так говорите. А давайте послушаем его. Ну, Густафссон? Ты тоже считаешь, что можешь все бросить, когда захочешь?

Густафссону пришлось признать, что этого действительно делать не следует. Срок наказания еще не истек, и, если обнаружится, что краска с него сошла, его могут снова посадить в тюрьму.

— Вот именно. — Пружина самодовольно засмеялся. — Его сразу же опять упекут за решетку. Ведь срок-то полтора года, а прошло всего два месяца. Не забывайте об этом, хозяйюшка. Но, — прибавил он, увидев их испуганные лица, — ему могут сделать новый укол, и он опять станет зеленым.

Дедушка бессильно откинулся на спинку стула. Ингрид упала на тахту. Густафссон мрачно глядел в окно. Он понял, что задумал приятель, раньше, чем тот об этом сказал.

— Надо сделать вот что, — начал Пружина. — Мы никому ничего не скажем. Вы переедете в другой район. Там Густафссона никто не знает, и он сможет ходить, как хочет. А по субботам я буду приходить с гримом, он будет краситься в зеленый цвет и выступать в таком виде. Краски у меня хватит на рождественскую елку. Что вы на это скажете, а?

Ингрид такой план был не по душе. Если в другом районе Густафссона никто не знает, он сможет получить там любую работу как самый обыкновенный человек и прекратить выступления.

— Хорошо, кабы так, — возразил Пружина. — Такое сошло бы, если б люди умели хранить тайны.

Но ведь кто-нибудь может и проболтаться. Что тогда?

Дедушка, который сидел, прикрыв глаза, поднял голову и спросил:

— Кто же проболтается в той части города, где никто не знает Густафссона?

— Да мало ли кто, кто-нибудь обязательно найдется, заявит в полицию и все. Такие случаи часто бывают.

— Вот негодяй, он еще угрожает! — Дедушка встал, стукнул палкой по столу и направился к Пружине. — О господи! Будь я годков на двадцать помоложе, ты бы у меня живо вылетел в окно!

Испуганный Пружина тут же пошел на попятную. Что он такого сказал? И вообще старик к этому не имеет никакого отношения.

— Верно, — согласился дедушка. — Месть — дело господа бога. Однако иногда ему приходится помогать.

Он замахнулся палкой. Но около него тут же оказалась Ингрид. Она погладила старика по плечу и снова усадила на стул, хотя он и ворчал, что порка, как баня, многим подлецам помогала отмыться.

Пружина вздохнул было с облегчением, но в тот вечер ему предстояло испить чашу горечи до дна. Густафссон решительно заявил, что всем этим он сыт по горло.

— Уходи и больше сюда не являйся!

— Хороша благодарность за все, что я для тебя сделал! А я-то, ног не жалея, бегал, договаривался с распорядителями, с газетами...

— Хватит с меня газет! Я тебе сказал — убирайся!

— Пожалуйста, я уйду. Но если у тебя будут новые ангажементы, мне положен с них определенный процент.

— Проваливай! И если ты кому-нибудь скажешь обо мне хоть слово, пеняй на себя.

На лестнице Пружина остановился. Сердце у него ныло. «Пропал мой блестящий номер, — думал он. — Мой Снуддас. Пеппи Длинный Чулок. Элвис Пресли. АББА. Все пропало».

25

Бывает порой у человека чувство, что закончилась та или иная глава его жизни. Но это ложное чувство. Глава не кончается. У нее всегда есть продолжение — после нее остаются рубцы, воспоминания, что-нибудь да остается.

Когда дверь за Пружиной закрылась, Густафссон подумал, что пришел конец самой страшной главе в его жизни. Но он тут же начал мысленно ее перечитывать и спросил, почему Ингрид ничего не сказала ему о статье в газете. Она ответила, что хотела сказать, но...

— Я знаю, — перебил он, — тебе хотелось, чтобы я обжегся по-настоящему. Радуйся, вышло по-твоему. Меня освистали так, что, думаю, и здесь было слышно.

— А Пружина сказал, что публика хотела тебя видеть, — вмешался дедушка.

— Врет он все. Врет как нанятый... Впрочем, он же получал от меня деньги. Трое пьяных парней подошли к нам и сказали, что хотят посмотреть на меня. Их-то он и назвал публикой. Пьяницы, вот она публика! Избави меня бог от такой публики.

— Я вовсе не хотела, чтобы тебе было хуже, — сказала Ингрид. — Но этот Фредрикссон так запутал меня своей болтовней о контракте, что я уже перестала что-либо понимать.

Она стояла у окна и смотрела на улицу. Внизу хлопнула дверца автомобиля. Какой-то человек направлялся к их подъезду.

— Доктор!

Густафссон побледнел. Вот оно, продолжение все той же главы!

— Что-то он скажет, когда увидит меня?

— Верно, он уже знает обо этом, — заметил дедушка.

— Я открою, — сказала Ингрид. — А вы идите на кухню, я скажу, что ты не можешь его принять.

— Сколько можно водить его за нос! Он хороший человек.

— Ну хотя бы только сегодня. Нам нужно выиграть время.

Густафссон ушел на кухню. Ингрид открыла дверь — доктор не успел даже позвонить.

— Я, кажется, не предупреждал, что приду, — с удивлением сказал доктор. — Густафссон дома?

— Да... нет... то есть... Он не может...

— Не может повидаться со мной? А почему?

— Он болен. — Дедушка поспешил на выручку к Ингрид.

— Тогда ему как раз необходим врач, — сказал доктор.

— Нет, он не настолько болен.

— Мне необходимо его видеть. — Доктор сделал шаг по направлению к спальне, но Ингрид остановила его.

— Ну ладно, смотрите, доктор!

Она распахнула дверь кухни. Яркий свет кухонной лампы падал прямо на смущенно улыбающегося Густафссона.

Взглянув на него, доктор кивнул, будто самому себе, и пробормотал:

— Да, быстро подействовало.

— Вы этого не ожидали? — спросил Густафссон.

— Как сказать. Я обратил внимание на некоторые изменения, когда обследовал вас две недели назад. Кажется, это было в тот день, когда я встретил вас в универмаге. Вы жаловались на бессонницу, и я еще дал вам пузырек с таблетками. Помните? Вы приняли все таблетки?

— Нет. Я принимал по таблетке каждый вечер.

— Прекрасно. Остальные, пожалуйста, верните. Больше они вам не понадобятся.

— Доктор, но почему же краска сошла так быстро? Разве она не должна была держаться весь год?

— В наше время самое главное — человеческий фактор. На всякий случай я дал вам минимальную дозу. Но ошибка в расчете оказалась больше, чем я предполагал.

Он замолчал. Наконец Густафссон мог задать ему вопрос, который мучил его весь вечер:

— Что же теперь будет?

— Неужели нам предстоит еще раз пройти через это? — спросила Ингрид.

— Ни в коем случае, — заверил их доктор.

— Значит, мне придется вернуться в тюрьму?

— И этого тоже не надо бояться. Как только я заметил, что цвет начал бледнеть, я написал в Стокгольм и спросил, что делать в подобном случае. Нужно ли продолжать эксперимент? Признаюсь, мне это далось нелегко, но ничего другого не оставалось.

— Кто действует честно, может ничего не бояться, — высказался дедушка.

— Ну, я-то действовал не совсем честно. Я написал, что должен был предвидеть, что действие вертотона закончится раньше чем через год. И вот их ответ. Они считают самым разумным не давать делу огласки.

— Что это значит?

— Что вам не надо возвращаться в тюрьму. Это вызвало бы только множество толков и пересудов. А кроме того, это означает, что инъекции вертотона больше делать не будут ни вам, ни кому-либо другому.

— Доктор, неужели весь ваш труд летит насмарку?

Доктор Верелиус криво усмехнулся:

— В этом мире много чего летит насмарку. Поразмыслите об этом на досуге. Мы часто работаем впустую. Напрасно спрашиваем. Напрасно отвечаем. Как часто мы безрезультатно пишем, звоним или ищем кого-нибудь. Сколько срывается планов, не осуществляется надежд, гибнет работ. Вертотон сойдет в могилу без лишнего шума. Но, возможно, когда-нибудь, лет через сто, какой-нибудь исследователь снова откроет его. Если к тому времени сохранятся тюрьмы... Нам остается уладить лишь практическую сторону дела. Послезавтра мне хотелось бы хорошенько вас обследовать.

— Я непременно приду, доктор.

— И больше никогда не станете выступать на эстраде?

— Можете не сомневаться.

— Вам бы переехать отсюда. Лучше всего в другой город. Я поговорю с нашим куратором, думаю, он поможет вам получить новую работу... Если вы сами ничего себе не подыщете.

— Мы переедем, даже если мне придется тащить на себе всю мебель!

— Я тебе помогу, — сказала Ингрид.

«Вот это настоящая жена», — подумал доктор. Густафссонов ждала новая жизнь, и доктору оставалось лишь пожелать им счастья. Он и раньше никому не желал зла, и не его вина, что все обернулось иначе.

В дверях доктор остановился:

— Скажите, Густафссон, — спросил он, — а если б вы не начали выступать? Если б так и продолжали работать на фабрике?

— Нет, доктор, из этого все равно ничего бы не получилось, — сказал Густафссон. — Когда человек ложится спать, он снимает с себя одежду. Но кожа-то на нем остается, и когда он спит, и когда бодрствует. Пусть растения будут зелеными, а человек должен быть таким, каким родился на божий свет.

Доктор Верелиус пожал плечами.

— Наверно, вы правы. Доброй ночи.

— Ну вот, теперь начинается новая жизнь, — сказал Густафссон.

— Я тебе помогу, — повторила Ингрид.

— Иногда и королю не обойтись без помощи старухи, — заметил дедушка.

— Дедушка, ну какая же я старуха!

— Ты не старуха. Но и Пер не король. И нечего лезть в короли, их и без нас много, всех этих королей рок-н-ролла и королей красоты. — Дедушка немного помолчал, а потом закончил: — У того, кто пытается стать выше, чем он есть, часто болит спина.

Доктор Верелиус вернулся к себе домой. Он был несколько разочарован и вместе с тем испытывал чувство гордости, когда подошел к окну, на котором стояли горшки с цветами. Среди них был горшочек с геранью. Красные необычные листья герани побледнели и напоминали по цвету человеческую кожу.

Доктор редко беседовал со своими цветами. В это

он не верил. Но герань заслужила несколько одобри-
тельных слов.

— Ну вот, — сказал он, — и ты побывала в зна-
менитостях. Но Густафссон больше не нуждается в
нашем «снотворном» — он уже побелел. «Пусть тра-
ва и растения будут зелеными», — сказал он, и в
этом он прав. А тебе я прибавлю в воду каплю вер-
тотона, чтобы ты поскорее снова стала зеленой.

Джерри хочет морскую свинку

Некоторые существа с рождения предназначены для того, чтобы их использовали другие. Одним из таких существ является морская свинка. На свое несчастье этот милый зверек годится в пищу, нетребователен, чистоплотен, плодовит, не имеет своих специфических болезней, зато восприимчив к человеческим.

Вот почему с незапамятных времен индейцы Южной Америки разводили морских свинок для пропитания. Четыреста лет назад они были завезены одним голландцем в Европу для забавы состоятельных людей. Потом попали они в лаборатории ученых для проведения опытов в области наследственности, питания, различных заболеваний и получения сывороток.

— Кто-то въехал к Мейссенам, — сказала Елена, разливая утренний кофе. Это была женщина в возрасте 30 лет, работавшая неполный день, зато полный день возившаяся по хозяйству и, как большинство женщин в их поселке, живо интересующаяся своим окружением. Она была рада, что кто-то поселился в соседнем доме — этот дом и их собственный стояли в стороне от «спального городка» Шерралид, на лесной опушке.

— Хочу морскую свинку, — объявил Джерри. Ему было девять лет, он учился в третьем классе и, как большинство детей, любил животных.

— Большая семья? — спросил Сильвестр, тихий маленький человечек, работавший в магазине мужской одежды, озабоченный в основном привередливыми покупателями и начинающейся лысиной.

— Я видела только одного, мужчину, — сообщила Элена.

— Я могу достать свинку за 50 эре, — сказал Джерри.

— Мейссен сказал, что сдаст виллу на весну, — проговорил Сильвестр. — Ну, мне пора. Спасибо за завтрак.

— Я с тобой, — сказал Джерри. Его школа находилась рядом с железнодорожной станцией.

Сильвестр услышал, как сзади хлопнула калитка соседней виллы. Но ему не хотелось проявлять любопытства. Кроме того, пужно же было послушать, о чем говорит Джерри.

— Пац, ну так как насчет морской свинки?

— А что бы ты хотел услышать от меня?

— Чтобы ты согласился. Она ведь стоит всего 50 эре.

— Дело не в деньгах. Есть масса других проблем. Что, например, скажет мама, если свинка проберется на кухню? Морская свинка пахнет морской свинкой. Об нее можно споткнуться и упасть. Она может всякое натворить. Хватит с нас Фиделио.

— Фиделио не мой. Он всехний. (Фиделио звали короткошерстого терьера.)

— Тебе не здесь сворачивать?

— Ты просто хочешь от меня отделаться. Хочу морскую свинку, морскую свинку, мор...

Сильвестр растерянно оглянулся. Опять он попал в ловушку. Скажи он «нет», мальчик обидится. Ска-

жи «да», Элена взвывается. И вдруг сзади раздался голос:

— Извините, что помешал... Я ваш новый сосед... доцент Скуге. Случайно услышал ваш разговор. Могу предложить компромисс. У меня в подвале живет довольно много морских свинок. Мальчик может приходить туда, когда захочет... Загляните сегодня вечером с ним и женой на чашку кофе, посмотрите на них.

Джерри сразу же побежал в подвал. Вскоре оттуда раздался его восторженный вопль:

— Мама! Папа! Вы должны посмотреть. У них здесь все, как у людей.

Да, доцент кое-что сделал для своих морских свинок. Подвальное помещение было перегорожено сетками, досками и ящиками, и повсюду виднелись зверушки: белые, шоколадно-коричневые, цвета корицы, черные, а у некоторых шкурка отливала золотом и серебром.

— Какие они красивые! — крикнул Джерри. — Можно их потрогать?

— Если они не кусаются, — предупредила Элена.

— Ну что вы, — успокоил ее доцент. — Морские свинки еще ни разу никого не укусили.

— У него хвостик даже короче, чем у Фиделио, — сказал Джерри, беря на руки маленький темно-коричневый комочек. — Послушайте. Он хрюкает. Наверное, хочет что-то сказать.

— Они хрюкают, когда хотят есть, поэтому-то мы их и называем морскими свинками, а англичане — гвинейскими свинками, — сообщил Сильвестр, который во время обеденного перерыва сбегал в библиотеку и почерпнул там кое-какие сведения,

чтобы чувствовать себя на одной доске с ученым соседом.

— Совершенно верно, он голоден, — подтвердил доцент. — Можешь дать ему немного зелени из корзины. Воды не нужно, если корм не сухой. Только потом посади его в нужную клетку. А теперь идемте пить кофе.

Среди кофейных чашек Елена чувствовала себя увереннее, чем среди морских свинок, но, чтобы не показаться невежливой, ей пришлось спросить доцента, питает ли он особую любовь к морским свинкам. Отнюдь, просто ему нужно провести ряд опытов.

— Значит, это лабораторные животные? — Елена широко раскрыла глаза. — Но, надеюсь, вы не собираетесь заниматься вивисекцией и тому подобным?

— О нет, — заверил доцент. — Это совсем не мучительные эксперименты.

— Но для экспериментов берут ведь только белых свинок, — вставил Сильвестр, у которого в запасе остались еще кое-какие знания, которыми можно было блеснуть.

Доцент объяснил, что для изучения воздействия феноксикислот и прежде всего средств, употребляемых для опрыскивания лесов и посевов, ему нужны несколько разновидностей.

— Против этого как раз и устраивают демонстрации протеста, — прервала его Елена.

— Что и является одной из причин моих опытов, — ответил доцент и пустился в подробные объяснения.

Сильвестр был доволен, что в качестве основного слушателя избрали его жену. Его собственные познания относительно морских свинок были исчерпа-

ны, феноксикислоты не вызывали у него интереса, и поэтому мысли его все время возвращались к покупателю, который вчера купил белую рубашку, а сегодня пришел в магазин злой как черт: «Я такую рубашку носить не стану! У нее рукава как для орангутана — может, я, по-вашему, похож на орангутана?» Рубашка лежала у него в портфеле, совершенно ясно, что он ее уже надевал... Сильвестр просто не мог ее обменять... «Вам следовало прийти сразу же», — сделал он тщетную попытку уговорить покупателя. «Вы еще обо мне услышите!» — сказал тот и выплыл из магазина. Сцена была мучительной, у прилавка стояли покупатели, и его коллеги слышали каждое слово. Адская профессия, по крайней мере иногда.

Время от времени в его сознание врываются отдельные слова доцента: «генетическое воздействие»... «гербициды»... «пестициды»... «сублетальные дозы»... «гормональные дериваты»... Последнее слово Сильвестр узнал, этим средством опрыскивали лужайки, после чего, как указывалось в рекламе, одуванчики перерастают нормальные размеры и погибают.

Насколько было известно доценту, еще ни одно животное не погибло непосредственно от этих средств, опрыскивали ли ими траву, деревья, пни или ягоды... Да, безусловно, какие-то изменения произошли, кое-кто из егерей утверждает, что количество куропаток и тетеревов уменьшилось, но это связано, скорее всего, с истощением запасов пищи.

— Но я читала, что вымирают целые пчелиные рои, — попыталась возразить Елена.

— Знаю. Однако считается, что в этом виноват скорее растворитель, чем феноксикислота. Конечно, некоторые насекомые пострадали — знаете, лес рубят — щепки летят, но зато другой живности это пошло на пользу. Петушки, вылупившиеся из оп-

рысканных яиц, растут быстрее. Вес самцов крыс увеличился после обработки на зародышевой стадии такими вот препаратами, в водоемах, куда добавляют эти препараты, рыба тоже растет быстрее. Природа этого феномена еще не выяснена — возможно, она связана с изменившимися возможностями получения пищи...

Джерри, за которым они зашли в подвал, сидел на полу, держа в объятиях шоколадно-коричневую морскую свинку.

— Я назвал его Трисмегистусом.

— Красивое имя, — одобрил доцент. — А ты знаешь, где его клетка?

Джерри показал, и доцент сказал, что правильно. Если даже случайно перепутаешь клетки, не страшно, все зверьки помечены.

Джерри пригласили приходить и, если он захочет, помогать кормить свинок.

— Не знаю, хороший ли он человек, — сказала Елена, придя домой. — Он так бесчувственно говорил обо всех этих животных, которые умирают или не могут нормально двигаться, рождаются уродами, с пониженной функцией желез... Они убивают животных, а потом режут их, чтобы посмотреть?

— Наверное, — зевая ответил Сильвестр.

Больше с доцентом супруги не общались, зато Джерри бывал на соседней вилле почти ежедневно, слишком часто, по мнению родителей.

— Но он говорит, что я ему помогаю, — упрямылся Джерри. — Сам он целыми днями читает и пишет, а иногда уезжает в библиотеку. Тогда я кормлю свинок сам — в каждую клетку пужпо положить много всякой всячины. Ты даже не представляешь, сколько там всего.

— Только бы ты ничего не перепутал и не дал им что-нибудь не то.

— Не бойся. Он мне доверяет. А потом сам проверяет их каждый день. Трисмегистуса нужно кормить травой. А он хочет есть все. Он из них самый голодный. Как меня увидит, сейчас же начинает хрюкать.

— Ну, как поживает Трисмегистус? — поинтересовался Сильвестр недели две спустя.

— Все время хрюкает. Сегодня начал грызть доску, которая удерживает сетку, — только чтобы показать мне, как он голоден. Ну и растет же он! Он уже такой же большой, как его папа и мама.

— Морские свинки развиваются очень быстро. Я слышал, что они начинают бегать через несколько часов после появления на свет. А через два месяца могут иметь собственных детей.

— Дяде Скуге говорит, что у них бывает по три выводка в год. Хотя совсем взрослыми они становятся только в восемь месяцев.

— Тогда, наверное, твой Трисмегистус созрел намного раньше.

Через два дня Джерри рассказал, что они с доцентом обыскали весь подвал в поисках одного из братьев Трисмегистуса.

— А ты не выпустил его случайно?

— Нет, что ты! Потом я обнаружил, что одна из планок отошла от пола, но дядя Скуге сказал, что если свинка улизнула через эту щель, она должна была бы быть тощей как червяк. Потом он сказал, что другие малыши тоже худые. Мне кажется,

Трисмегистус съедает их корм. Он лезет на них, отпихивает, чтобы все съесть самому.

— Настоящий кукушонок.

— Трисмегистус хороший. Его так приятно держать на руках. Иногда он сидит тихо, а иногда весь изворачивается, как борец, и пытается забраться ко мне под рубашку. Так щекотно, сил нет. Теперь ему станет совсем скучно, потому что дядя Скуге говорит, что Трисмегистуса придется изолировать от остальных, иначе он их уморит голодом. Что, если нам взять его к себе?

— Нет, сынок, не то, пожалуй, он и нас уморит голодом. Да и Фиделио может его покусать, а тебе ведь этого не хочется?

Однажды вечером пришел доцент Скуге и сообщил, что планы его изменились.

— Я рассчитывал пожить здесь три месяца, но выяснилось, что мне уже послезавтра нужно быть в университете. Завтра приедут из бюро перевозок и запакут мои вещи. Можно я оставлю вам ключ от дома — вы ведь знакомы с Мейссенами?

Сильвестр обещал взять ключ. Джерри, глотая слезы, хотя и получил от доцента 25 крон за помощь, провел два часа с морскими свинками. А Елена была рада избавиться от такого соседства — уж больно много времени отнимали свинки у Джерри в ущерб урокам.

Через неделю-другую Джерри обнаружил пропажу школьной тетради. Он искал ее повсюду, но напрасно.

— Когда ты видел ее последний раз? — попыталась помочь ему Елена.

— Давно. Дней четырнадцать назад, не меньше.

— Может, ты забыл ее в подвале, когда прощался с морскими свинками?

Джерри просиял:

— Точно.

— Попроси папу пойти туда с тобой сегодня и поискать.

Стоял теплый майский вечер. Сильвестр чувствовал себя почти преступником, вставляя ключ в замочную скважину чужой двери и зажигая свет. Джерри бегом спустился в подвал.

— Тетрадка здесь! — закричал он. Несколько минут было тихо, потом опять раздался его голос:

— Папа, иди сюда! Здесь что-то интересное!

Сильвестр нехотя спустился по лестнице. Подвал был пуст, если не считать двух полных мешков и двух порванных пустых, в углу.

— Здесь не на что смотреть, — пробормотал он сердито.

— Есть. Посмотри-ка. Там, между мешками. Видишь?

— Вижу только, что кран капает. Надо вернуть.

— Ну вот, он исчез.

— Кто?

— Трисмегистус. Я его видел.

— Что ты болтаешь! Доцент забрал с собой всех свинок.

— Клянусь. Подожди-ка. Можно передвинуть вот этот мешок. Он не тяжелый, там сухая трава.

Теперь и Сильвестр увидел его. Толстенное, шоколадно-коричневое тельце прижималось к стене, глаза мигали от яркого света.

— Папа, я должен взять его с собой... Иди сюда, Трисмегистус. Какой большой ты стал.

Морская свинка была больше кошки.

— Вот так, мой миленький, — сказал Джерри с

интонацией Элены, когда та разговаривала с Фиделио. Мальчик подошел к морской свинке и взял зверька на руки.

Сильвестр не знал, что делать. У него не было ни малейшего желания иметь дома морскую свинку, но оставить ее здесь он тоже не мог. Лучше всего было бы написать доценту, но тот не оставил адреса. Можно, конечно, разыскать его через университет, но университетов-то ведь семь.

Сильвестр вздохнул и начал подниматься по лестнице, как вдруг раздался крик, и что-то мягко шлепнулось об пол.

— Папа, он хотел меня укусить!

Сильвестр мельком увидел, как что-то скрылось за мешками.

— Он тебя укусил?

— Пытался. Он свернулся у меня на руках клубком, а потом щелкнул зубами, и я его уронил.

В голове Сильвестра пронеслись мысли об испорченном вечере, визите к врачу, противостолбнячной сыворотке, заражении крови, больнице...

— Дай-ка я посмотрю. Держи руку на свету.

— Да он не укусил меня. Только хотел. И рзорвал рубашку — гляди, какая дыра. Ты не видел, куда он убежал?

— Идем домой.

— Мы же не можем оставить...

— Ничего с ним не сделается. Ты сам сказал, что в мешках есть еда.

— Ему нужна вода, если пища сухая.

— Ты же видишь, как капает из крана.

Вечером Сильвестр написал письмо доценту Скуге, адресовав его в старейший университет страны. Если это не тот университет, не дураки же там

сидят, перешлют письмо в другой. И пусть доцент забирает скорее свою морскую свинку.

Тем самым Сильвестр посчитал свой долг выполненным. Его ждали другие дела — и на работе, и дома, в саду: каждый клочок земли буквально кричал, напоминая людям, что на дворе весна.

Наступило лето, пора цветения, вытеснившее из головы Сильвестра всякие мысли о доцентах и морских свинках. Шли дни, приближалось самое жаркое время.

Как-то душным жарким днем они все отправились на велосипедах на озеро искупаться. Домой вернулись как раз вовремя — на западе разрасталась громадная туча. Вскоре стало так темно, что пришлось зажечь свет.

Пошел дождь. Тяжелые капли застучали по стеклу, потом послышались перекаты грома над лесом и горами. Вдруг ослепительно белый свет залил ягодные кусты, раздался удар грома, еще одна вспышка молнии и снова удар... Сильвестр считал, медленно и громко:

— Один пряник, два пряника, три пряника... Вот опять ударило, гроза всего в километре отсюда, — сказал он.

Дождь припустил вовсю. Он хлестал выложенные камнем дорожки, шумным потоком низвергался по водосточным трубам, взрывал фонтанами брызги лужи на дорожках. Молнии и раскаты грома следовали друг за другом. Сильвестр подумал о своем старом отце, который в подобных случаях садился в качалку и надевал галоши — самое дешевое страхование жизни, утверждал он.

Гроза утихла, но почти сразу же налетела новая. Только через два часа все успокоилось. Небо про-

светлело, в воздухе пахло свежестью и обновлением. Ложась спать, они открыли оба окна в спальне.

Ночью Сильвестра разбудил странный звук. Сначала он подумал, что опять начинается гроза, и встал, чтобы закрыть окна. Но небо было чистое, мерцали звезды. В сотый раз Сильвестр удивился, как разумный человек может среди этой неразберихи световых точек различить созвездия Водолея, Пегаса или Быка.

Внезапно он похолодел. Сколько раз ему доводилось читать истории о людях, которые просыпались среди ночи, услышав какие-то непонятные звуки, думали, что это дождь, а потом обнаруживали, что их дом охвачен огнем.

— Вставайте все! — закричал он. — Проснитесь! Горим!

Слома голову Сильвестр бросился вниз по лестнице, хлопая шлепанцами о ступеньки, ворвался в гостиную, потом на кухню, оттуда помчался в подвал. Он искал и принюхивался, но не увидел ни малейшей искорки, не ощутил ни малейшего запаха дыма. Он выбежал в сад — никакого намека на пожар.

Сзади послышалось царапание — это был Фиделио. Старый терьер проскользнул вслед за Сильвестром в открытую дверь.

Странный звук повторился. Теперь Сильвестр уже смог определить, откуда он идет — от Мейсенов. Он прошел на соседский участок, но и там не обнаружил признаков пожара. Звук тем не менее не прекращался, стал сильнее, что-то затрещало. Сильвестр уже представил себе целую банду взломщиков, разоряющих дом. Фиделио заворчал и, прежде чем Сильвестр успел его успокоить, залаял. Он схватил собаку на руки, бегом вернулся домой, запер

дверь на два оборота, наложил цепочку и дрожащим пальцем набрал номер телефона полпцип. Ему ответил спокойный, немного строгий голос.

— Здесь взломщики! — кричал Сильвестр.

— Где здесь?

Сильвестр объяснил.

— Приедем, как только сможем, — пообещал голос. — Но как раз сейчас все радиофицированные машины на задании. Мы бы были вам очень признательны, если бы вы пока последили за соседней виллой. Позвоните, если увидите что-нибудь подозрительное.

Соседский дом прекрасно просматривался из окна кухни. Сильвестр уселся возле окна и осторожно отодвинул занавеску, чтобы видеть лучше, но тут же подумал, что тогда и его могут увидеть, и быстро задернул окно. Несколько минут он сидел в темноте, потом тихонько проскользнул в спальню, забрался в постель и натянул на голову одеяло.

Он проснулся от того, что кто-то колотил в дверь. Было уже совсем светло, часы показывали пять утра. Сильвестр осторожно открыл окно и выглянул. У ворот стоял полицейский автомобиль, а у двери два полицейских. Сильвестр накинул халат и спустился вниз.

— Вот эта вилла, — показал он рукой.

— Мы уже там были. Вы не могли бы пройти с нами?

Они обошли дом Мейсенов. У входа в подвал полицейский остановился и указал на большую дыру в нижней части тяжелой двери.

— Они проникли через эту дыру? Значит, я слышал звук пилы.

— Это не пила, — объяснил полицейский. — Не могу понять, что это за инструмент. Как будто чем-то продолблено.

— Может, долотом? — предположил Сильвестр. — Похоже на то, уж больно долго они возлились. Вы заходили внутрь?

— Еще нет. Мы сперва хотели выяснить, где найти хозяина.

— Это пелегко. Хозяева за границей и вернутся только к рождеству. Но у меня есть ключ. Минуточку, я сейчас сбегая за ним.

В доме, судя по всему, ничего тронуту не было. В пепельнице на кухне лежало несколько окурков. В погребе стояли банки с консервами и вареньем. Все вроде было на своих местах, за исключением, пожалуй, перевернутого ларя из-под картофеля, в котором все равно не могло быть много картошки.

— Единственное объяснение — здесь побывали мальчишки, — заметил одип из полицейских. — Взлом произведен на редкость неуклюже. Гораздо проще было бы сломать замок, чем пробивать дыру в двери таким дурацким способом. Потом они выкурили по парочке сигарет и ушли, не взяв ничего... Может, это вы их спугнули?

— Со мной была собака. Она залаяла.

— Ну, вот и объяснение.

Полицейский остановился перед дверью в подвальное помещение, где содержались морские свинки, и сказал:

— Здесь чем-то пахнет.

Сильвестр объяснил, в чем дело. Полицейские внимательно выслушали его рассказ.

— Здесь тоже нечего брать, разве что старую мешковину. Мы, конечно, напишем рапорт о происшедшем, но в отделе уголовных преступлений сейчас завал работы, да и повреждения невелики. Дверь надо починить. Вы не знаете, в какой компании они застрахованы? Мы позвоним туда и попросим их заняться этим делом. Если вы услышите о

других случаях взлома в округе, свяжитесь с нами.

Несколько последующих ночей были весьма беспокойными. Джерри спал, засыпала и Элена, а Сильвестру приходилось по нескольку раз вставать и идти на разведку, хотя, стоя у окна, он слышал только шум ветра и не видел ничего, кроме луны.

Однажды утром, по дороге на станцию, Сильвестр, проходя мимо сада Мейсенов, заметил, что кто-то пообрывал все листья с кустарников, изрыл землю и повредил выложенные камнем дорожки. Он позвонил в полицию.

— Садовые кражи, к сожалению, не редкость, — усышал он в ответ. — Я отмечу ваш сигнал. Но таких злодеев можно, как правило, поймать, лишь застав их на месте преступления.

На следующее утро Сильвестр обнаружил, что и в его саду побывали. При холодном свете зари он увидел изрытую грядку с морковью, опустошенные салатные и клубничные грядки. Когда он осторожно открыл окно, ему показалось, что он слышит внизу какие-то звуки.

— Кто там, черт подери? — закричал он, забыв про опасность.

Но не вылез из-за кустов садовый вор, не бросились наутек мальчишки — лишь какое-то землистого цвета существо с удивительной быстротой преодолело восемь-десять метров, отделяющих сад от опушки леса, и скрылось за деревьями.

Нет, так легко злодею не отделаться. Сильвестр был по натуре человеком кротким, но сейчас им овладело бешенство. В холле он нашел здоровенную трость, распахнул дверь и уже собирался выбежать на улицу, как вдруг взгляд его упал на поводок Фиделио. Сильвестр позвал собаку и надел на нее ошейник. Защищать свои владения лучше вдвоем, чем в одиночку.

Держа собаку на поводке, Сильвестр с грустью и гневом обзирал разоренные салатные грядки. А Фиделио пришел в необычайное возбуждение. Он припал носом к земле, залаял и, вырвав поводок из рук Сильвестра, припустился в сторону леса.

— Подожди, Фиделио! К ноге! На место!

Но терьеру было не до команд. Он вновь ощутил себя молодым, когда, почуяв что-нибудь увлекательное — приятеля, игру или драку, — распластывался лентой над землей. Старое его тело налилось силой, ноги окрепли, шерсть на спине вздыбилась, и залываясь громким, торжествующим лаем, пес, буксуя на месте от возбуждения, скрылся в лесу.

Сильвестр побежал следом. Он слышал лай Фиделио, видел, куда тот помчался, но лай становился все слабее и слабее, пока наконец не затих совсем. Пробежав еще несколько минут, Сильвестр замедлил шаги и остановился. Он не знал, в какую сторону идти — собаку уже совсем не было слышно. Как-то он читал рассказ о следопыте, который по нескольким примятым травинкам, сорванному листку и нескольким красным каплям на склоне горы смог определить, в какую сторону убежал раненый кабан. Но Сильвестр не был следопытом. Он не видел примятых травинок, сорванных листков, словом, ничего, что указывало бы, куда делись охотник и жертва. В какой-то момент ему показалось, что он слышит вой, но Сильвестр не был в этом уверен, может, просто почудилось.

Гнев, овладевший им столь внезапно, теперь прошел. В лесу все-таки небезопасно.

Он медленно направился к дому, то и дело оглядываясь направо, налево, назад. С Фиделио ничего не случится. У старого пса прекрасное чутье. Уже не раз бывало, что во время прогулки Фиделио убегал от него, а домой возвращался первым.

Субботнее утро, ясное и чистое, вступало в свои права. Елена встала первой, спустилась в кухню и приготовила кофе, потом позвала Фиделио, чтобы угостить его традиционным пряником. Но старый верный терьер не откликнулся на зов. Вместо него пришел Сильвестр.

— Где Фиделио? — спросила жена.

— Я думал, ты или Джерри впустят его, когда он явится и начнет скулить, — ответил Сильвестр и рассказал о ночном приключении.

— Я по крайней мере не слышала, чтобы он скулил, — сказала Елена. — Надо пойти поискать его. Вдруг он зацепился поводком за корень или свалился в расселину.

Вскоре встал и Джерри, и они втроем отправились в лес. Время близилось к полудню, но по-прежнему никаких следов Фиделио. Они решили разделиться и продолжать поиски поодиночке.

Через несколько минут послышался голос Элены, тонкий и дрожащий.

— Идите сюда! Мне кажется, он здесь.

Джерри прибежал первым и стоял, склонившись над ложбиной, когда подошел Сильвестр.

— Это Фиделио, — сказал Джерри. — Мы уж его звали, звали, а он не шевелится.

— Ты сможешь прыгнуть туда?

Ложбина, вернее, канава была около метра глубиной, один край ее шел наклонно вверх, другой порос колючим кустарником. Джерри прыгнул вниз. Собака лежала на боку, тело и лапы вытянуты словно в прыжке.

— Папа, его загрызли.

Теперь спустился и Сильвестр. Пес был мертв. Брюхо разорвано, внутренности выедены почти до горла. Сильвестр никогда не видел ничего подобного.

Он стоял, оглушенный, чувствуя, как к горлу подступает дурнота.

— Сбегай домой и принеси мешок, — обратился он к сыну. — Мы похороним его дома.

— Ты уверен, что он мертв? — спросила Елена.

— Совершенно. И, пожалуйста, не спускайся сюда, — прибавил он быстро. — Такое зрелище не для женщин.

Они похоронили Фиделио на маленькой зеленой лужайке в конце сада. Сердца их наполняла печаль, потому что они были по-настоящему привязаны к этому маленькому веселому существу, которое не только составляло им хорошую компанию, но и давало чувство безопасности, когда они читали в газетах о всевозможных случаях нападения на одиноко стоящие дома.

Сильвестр много размышлял над тем, что произошло. О морской свинке доцента он даже и не вспомнил. По телевизору говорили, что в последнее время увеличилось поголовье волков, но чтобы волки забрели в их края, в это Сильвестр не верил.

Зато рысь может забрести куда угодно. Может, это и была рысь? Но рыси не едят морковь. А вдруг Фиделио преследовал одного зверя, а на него напал другой?

Гость явился в сад и на следующую ночь. На рассвете Сильвестр заметил, что кто-то шевелится под кустами смородины. Он быстро разбудил Элену и попросил ее не выпускать посетителя из виду, пока они с Джерри будут заходить неприятелю в тыл. В одну руку Сильвестр взял фонарик, в другую — сучковатую палку. Джерри вооружился ко чергой.

Выйдя на дыпочках в сад, они уловили движение всего в метре-другом от себя. Сильвестр шагнул и

зажег фонарь, который, как прожектор, осветил лежавший перед ним участок земли. И там они увидели круглое, сильное, темно-коричневое существо, увидели, как оно выпустило изо рта кочан капусты, повернуло голову в их сторону и ощерилось, сверкнув зубами.

— Но... но... ведь это же Трисмегистус! — закричал Джерри. — Папа, не трогай его.

Джерри сделал шаг к сидящему на земле зверьку.

— Он наверняка меня узнает. Иди сюда, Трисмегистус, иди сюда.

Джерри наклонился вперед и вдруг резко отпрянул. Зверек перешел в нападение. Глаза его загорелись, голова на толстой шее напряглась, он ощерил пасть с острыми зубами, короткими лапами сттолкнулся от земли и в мгновение ока оказался рядом с Джерри, пытаясь укусить его за ногу.

— Беги, Джерри, беги!

Это крикнула Елена. Предупреждение оказалось ненужным. Джерри уже отскочил в сторону и припустился во всю прыть. Сильвестр сделал попытку ударить зверька по спине, но тот мгновенно развернулся и железной хваткой зажал палку в зубах, так что сухое дерево затрещало. Сильвестр выпустил палку и тоже побежал. Он настиг Джерри у самых дверей, вместе они ворвались в дом и заперлись.

— Ты уверен, что это Трисмегистус?

— Конечно. Я же узнал его, и шерсть, и форму туловища и голову, и все остальное.

— Но он такой большой! Больше барсука. Тебе не кажется...

— Никакой это не барсук. Барсуков я видел в музее. А кроме того, я заметил метку, которую сделал дядя Скуге.

Сильвестр снова позвонил в полицию. Теперь-то ему было о чем сообщить. Дело принимало серьезный оборот.

— Пришлите немедленно радиофицированный автомобиль. Лучше два. Нашу собаку убили, на моего сына напали.

— Вы знаете, кто это сделал?

— Конечно. Морская свинка.

— Что-о?!

— Морская свинка. Здесь была лаборатория с морскими свинками и...

— Послушайте-ка, если вы звоните, чтобы нас дурачить, то позвольте вам сказать, что у полиции есть другие заботы.

— Уверяю вас...

— Как зовут?

— Меня? Сильвестр. Я уже звонил раньше по поводу непонятого происшествия...

— А, ну конечно. Это с вами я тогда разговаривал. А то происшествие оказалось совсем не непонятым. Просто мальчишки озорничали... Кстати, у вас, кажется, сын такого же возраста?

Сильвестр задрожал от негодования.

— Да как вы смеете намекать...

— Я ни на что не намекаю. Я лишь придерживаюсь фактов. Ту историю мы считаем завершенной, и, пожалуйста, не впутывайте сюда морских свинок. У меня самого тоже когда-то были морские свинки, и могу вам сказать, что более безобидных зверушек не существует.

Разговор был окончен. Сильвестр бессильно сжался на стуле. И речи быть не могло о каких-то мальчишках. Доказательств-то почти никаких.

Зато было кое-что другое, что совпадало с его версией. Мешки с кормом в подвальном помещении, где содержались морские свинки, были полны, когда

доцент уехал, а теперь там только старая мешковина, как выразился сам полицейский. Забытая свинка сожрала все, что в них было, а потом принялась за ларь с картошкой. А когда и тот опустел, прогрызла дыру в двери и вышла на волю. И как только за ней стали охотиться, перешла в наступление.

Конечно, кое-что в эту версию не укладывается, например, окурки. Но, вполне возможно, их оставил сам доцент или грузчики. А потом размеры зверька — но он ведь получал препарат, от которого погибают одуванчики, потому что вырастают слишком большими, а цыплята и рыба увеличиваются в весе. Зверек пытался кусаться — но кто знает, что за дьявольская жидкость была в ампулах доцента и какие таблетки в его пузырьках? Они могли вызвать проявления атавизма или мутацию или как это там еще называется.

Сильвестр вышел, чтобы выпнуть газету из ящика. Однако сосредоточиться на том, что он читал, было трудно. И тут взгляд его упал на заметку, которая заставила его подпрыгнуть.

«Что мы видим в жару в Шерралиде» (журналиста так взволновала тема, что всю заметку он написал рифмованной прозой):

«Морская свинка — смешной зверек, он добр по своей природе. Но может — коль в голову что взбредет — стать дикой гориллы вроде. Сейчас в Шерралиде, среди грядок укропа, озлобилась свинка морская одна. Перекусала хозяев всех скопом, а в будущем, может, сожрет и слона. Для рощиц морковных и грядок капустных настала тяжелая очень година. Одно утешает в расстроенных чувствах — ведь близится жаркого лета середина».

Спльвестр с раздражением отбросил газету. Знай он адрес доцента Скуге, он мог бы с ним связаться — такой ученый человек уж наверняка в курсе, как обращаться с чудовищем, которого он сам и породил.

Последующие ночи выдались трудными, покоя не было никому. Они смотрели на темный лес, и шум листвы, казалось, предвещал беду. Там, во мраке, бродило опасное существо, одинокое, несчастное, испуганное, злобное, голодное. Бродило, вынюхивало, скалило зубы — оно знало, где найти корм... в любой момент оно появится в их саду, с каждым днем становясь все больше, сильнее, опаснее... Один раз оно уже прогрызло себе дыру, ведущую к свободе, где гарантия, что оно не попытается прогрызть дыру в их двери, чтобы проникнуть в дом?

Морские свинки живут до шести лет. А эта уже попробовала крови...

Так взвинчивали они сами себя. Каждый звук, каждый щелчок заставлял их подпрыгивать. А тишина предвещала несчастье.

Если б у них было ружье... Если б можно было подложить яд... Если б можно было связаться с доцентом... Елена была убеждена, что доцент бессердечный негодяй. Подумать только, как он рассказывал о том, как умерщвляют подопытных животных, чтобы потом взрезать их и изучить почки, и желчный пузырь, и печень, и что там можно еще изучать... может, он просто назло оставил Трисмегистуса... или не решился взять его с собой. Может, сам испугался.

Наконец пришло письмо от доцента, полное извинений. Он был в отъезде и только сейчас получил известие о забытой морской свинке. Ему она

больше не пужна, у него и так пять штук из того же выводка, и все они прошли ту же обработку. Джерри может оставить зверька у себя, он так любит животных. В противном случае свинку очень легко умертвить, просто стукнуть головой об стенку, а если им это претит, то господин Сильвестр может отнести зверька к ветеринару — один укол и все кончено.

Взять морскую свинку для Джерри?

Отнести ее к ветеринару?

Чепуха какая-то. Но теперь по крайней мере у Сильвестра был адрес доцента. Он позвонит ему и напустит на него страху, прямо сейчас же. Пусть и не надеется отделаться так просто.

Но легче сказать, чем сделать. Позвонить оказалось невозможно. В справочном отказались дать номер телефона доцента — у того был тайный номер.

— Это почему же?

— Ну, верно, не хочет, чтобы ему звонили посторонние, — предположили в справочном.

Вот как! «Доценту небось частенько достается на орехи», — подумал Сильвестр. Но тут ему в голову пришла новая идея. Телеграмма! «Доценту Скуге. Животное большое. Опасно для жизни. Приезжайте немедленно».

На следующий день Сильвестр и Елена вышли из дому с большими предосторожностями, строго-настрого наказав Джерри запереть дверь и никуда не выходить.

Взглянув на Джерри по возвращении, они сразу же поняли, что он ослушался приказа.

— Ну?

И Джерри рассказал: он вышел... совсем ненадолго... дома было так жарко... а в лесу прохладно... он нашел Трисмегистуса... в той же яме, где они обнаружили Фиделио. Сперва Джерри испугался, но

потом увидел, что Трисмегистус лежит совсем тихо, один глаз, затуманенный, был открыт, а вскоре погас. Трисмегистус наверняка уже мертв.

Сильвестр бросил взгляд в окно. Все еще светло.

Чувствуя себя почти киногероем, он рывком встал со стула:

— Пошли.

Они отправились втроем. Джерри побежал вперед. У ямы он остановился и крикнул:

— Он лежит так же. Не двигается.

Сильвестр осторожно заглянул в яму. Животное было там. Сильвестру совсем не хотелось прыгать туда, и Джерри он не позволит. Но что-то делать все-таки надо.

— Джерри, сбегай-ка домой и принеси пару лопат.

Пока Джерри бегал за лопатами, они с Эленой набрали веток, сколько смогли, и укрыли тушку. Потом втроем набросали сверху земли и мха. Ни одному дикому зверю не удастся добраться до Трисмегистуса. Пусть покоится с миром. А как только придет доцент, придется и полиции и газетам заняться этой историей, Сильвестр им все выложит.

Только они вошли в дом, как пришла телеграмма от доцента Скуге: «Приехать раньше воскресенья не могу. Не предпринимайте без меня ничего».

— Очень вовремя, — с горечью пробормотал Сильвестр.

Доцент приехал в воскресенье после обеда. Он молча выслушал рассказ о том, как Трисмегистус вырос, прогрыз дыру и вышел на волю, мародерничал в садах, бродил по лесу и стал нападать на людей. Доценту хотелось посмотреть, какую дыру прогрызла свинка — но дверь уже успели заменить, а

старую отвезли на свалку и распилили. Он захотел осмотреть раны Фиделио, но собаку похоронили десять дней назад, и Сильвестр протрез отказался вскрывать могилу.

— Неужели он съел внутренности у собаки?

— Видел собственными глазами.

— Вы ведь видели только собачье тело.

— Никогда в жизни не забуду этого зрелища!

— Это все равно что заставить кролика съесть рождественскую ветчину.

— Может, в его природе произошел какой-то сдвиг или своего рода извращение аппетита, так сказать... для этого есть, наверное, какое-то название?

— Гм, пойдете взглянем на морскую свинку.

Сбросить землю, а потом и ветки большого труда не составило, и очень скоро обнажилось дно канавы. Там должен был лежать Трисмегистус.

Но там оказались лишь несколько клочков шерсти и кусочек кожи, и больше ничего. Ничего.

— Это и есть чудовище? — недоверчиво спросил доцент.

— Клянусь!

— И я, — поддержал Джерри.

Доцент уехал вечерним поездом. Он захватил с собой кусочек кожи и клочки шоколадно-коричневой шерсти. Судя по его виду, он не надеялся что-нибудь извлечь из этого.

— Послушайте, — сказал Сильвестр, когда они стояли на перроне. — Я вот о чем подумал. Мне приходилось видеть сорняки, обработанные фенокси-кислотами. Они растут с необыкновенной быстротой, а потом вянут и очень скоро погибают и исчезают. Исчезают, понимаете. Может быть, и здесь...

— Я, как и вы, теряюсь в догадках, — возразил доцент. — Ни одна из свинок того же выводка не

обнаружила тенденций к подобному развитию. Можно, конечно, предположить, что дозировка была неравномерной... или что Трисмегистус по какой-то причине получал больше других... или как раз достаточно для такого развития... Не знаю, ровным счетом ничего не знаю.

Он помолчал, а затем прибавил решительно:

— Но одно могу вам обещать: я докопаюсь до сути. Повторю эксперимент. Прделаю новые тесты с этим препаратом, в гораздо большем масштабе.

— Только не в наших краях, — отрезал Сильвестр и вздернул подбородок.

Сам Люндваль

Мир Алисы

Тени

Мир Алисы

1

Белый жеребец поднялся по извилистой тропе на вершину горы рано утром, когда на востоке еще только разгоралась заря. День выдался жаркий, но жеребец час за часом стоял неподвижно и ждал, потому что какое-то смутное чувство подсказывало ему, что именно это от него требовалось. Под ним в горячем мареве ширились просторы, и существа там, внизу, беспокойно двигались, ожидая, когда он подаст желанный сигнал. Но то, что предсказали старые женщины, произошло только вечером. Космические корабли появились в небе неожиданно, повиснув в горячем воздухе, как комариный рой. Они поднимались и опускались, словно капли расплавленного белого металла, в голубом вечернем свете. Движимый neodолгим желанием, древней тоской по тому, что должно было случиться и случилось теперь, жеребец напряг мускулы и бросился с уступа вниз. Огромные белые крылья широко распростерлись в воздухе и без видимого напряжения подняли его к темнеющему небу. Он сделал круг над горой, сопровождаемый тысячами глаз, в которых выражалась мольба, и полетел над вечным свинцово-серым морем туда, где в туманной дали совершали свой танец серебристые звездолеты. За ним поднялась в воздух туча летающих существ, гонимых

вперед тем же беспричинным неодолимым желанием, той же тоской, которые испытывал и он сам. Неслись вперед валькирии на летающих конях, птица Феникс, Сфинкс, рыжий силач из Трудванга в боевой повозке, запряженной двумя козлами; тысячи и тысячи самых различных существ устремились вдаль высоко над землей. Над всей этой стаей в колеснице летела Медея с возницей, который неистово погонял упряжку драконов. А чуть поотстав от всех остальных, жужжал большой жук, бросивший вечернюю звезду *Venus Mechanitis* на произвол судьбы. Имя жука было Кедре, и он по своей натуре ничем не отличался от своих спутников. Но впереди всей процессии летел Пегас, тяжелыми взмахами крыльев направляя свой путь над морем к пляшущему комариному рою. Белая грива развевалась на ветру, и воздух стонал под ударами могучих крыльев. Пегас летел над морем, которое когда-то называлось Средиземным, он летел к далеким островам, где на одном из космических кораблей приземлились люди.

2

Первый корабль вынырнул из темнеющего неба, сделав крутой вираж над грядями гор и черными массивами лесов, и стал спускаться к земной поверхности. Он падал, описывая широкие круги, беззвучно, словно легкое перышко. Длинные переливающиеся всеми цветами радуги крылья, которые придавали кораблю сходство со стрекозой, пульсировали в изменчивых каскадах света, струившегося над Землей причудливым сиянием. Корабль проскользнул между двумя поверженными металлическими пилонами. Когда-то они зеркально блестели

полировкой, а теперь стали матово-черными и покрылись трещинами, в которых гнезвился упрямый мох. Корабль развернулся над ржавой стартовой площадкой, искореженной до неузнаваемости проросшими древними стволами деревьев, и тихо застыл на месте. Черный цилиндрический корпус неподвижно завис в полуметре от поверхности. Пульсирующие в силовых полях крылья перестали светиться и исчезли. Из окружающих теней к кораблю шагнули сумерки, проплыли над ним и бессильно замерли. За ними ждала ночь — тяжелая, необъятная, полная волнующей первобытности, насыщенная брожением отшумевших эпох. Времени у нее было много, она могла ждать.

Внутри корабля

Двое мужчин сидели возле неприветливого, спартански строгого пульта управления, расчерченного на геометрические секторы. Женщина в просторной голубой одежде подошла к воздушному шлюзу, и массивный люк с мягким шипением пополз вверх. Она обернулась и посмотрела на спутников.

— Ну?

— Что ну? — Один из мужчин встал, тяжело опираясь на пульт. Взгляд был рассеянным, губы плотно сжаты. — Здесь нет жизни. А чего ты, собственно, ожидала? Чтобы у трапа стояли члены комитета, созданного для встречи нашего корабля?

Голос говорившего был резким и скрипучим и никак не гармонировал с его солидной фигурой.

— Нет, но все же это так... так не похоже на то, что я себе представляла, — сказала она, взглядываясь в темноту, которая медленно наступала на корабль.

Она держала руки за спиной, сжимая и разжимая пальцы; ее тяжелые черные волосы каскадом рассыпались по плечам; знакомый силуэт казался чужим и недоступным в слабом запахе благовонных трав.

— Понимаешь, Джослин, — сказала она, — все это как-то призрачно, неосязуемо...

— Конечно. Вполне естественно.

Джослин сосредоточил внимание на приборах. Она пожала плечами, продолжая смотреть в темное отверстие люка.

Другой мужчина, сидевший в пилотском кресле у светящегося видеоэкрана, не произнес ни слова. Он откинулся на спинку, положил руки на колени, глаза его были закрыты, на губах застыла легкая улыбка. В бликах трепещущего света его лицо отливало металлом. Джослин медленно выпрямился.

— Ну что ж, — сказал он, — будем выходить.

Вне корабля

Все, что окружало космический корабль, было когда-то одним из крупнейших ракетодомов на планете Земля. Но это было пятьдесят тысяч лет назад. Сейчас местность стала почти непроходимой: там и сям возвышались развалины зданий и остовы машин, среди обрушившихся стен вставала буйная поросль металлических балок и каркасов, повсюду стволы деревьев победоносно простирали свои ветви над техническим чудом давно прошедших времен. Ощущение бренности бытия, недолговечности всего сущего было настолько сильным, что, казалось, его можно было попробовать на вкус, взять в руки, размять пальцами и вылепить в виде вполне определенной вещественной фигуры. Где-то далеко в сумеречном освещении маячила конструкция, которая, воз

можно, представляла собой первобытный космический корабль. Она была неправдоподобно огромной, толстые шпангоуты торчали из корпуса, словно ребра из туши разлагающегося великана. Джослин и Марта мелькнули на мгновение четкими силуэтами на бело-голубом фоне открытого люка воздушного шлюза и прыгнули на землю. Бетонная панель, изъеденная временем, потрескивала под их погамп. Едва они начали удаляться от своего корабля, как неразличимые ранее створки люков в его обшивке раздвинулись и в образовавшиеся бойницы мягко выдвинулись молчаливые жерла боевых орудий, направляемые чуткими механизмами. Последние слабые отблески вечернего света отражались в полированном металле, когда пушки слаженно, но бездушно прощупывали окрестное пространство. В этой гармонии была своеобразная красота — и смерть.

Марта оглянулась вокруг. И вдруг всплеснула руками, ее глаза расширились.

— Посмотри! — прошептала она. — Посмотри!

Окружающий ландшафт быстро изменялся. Ржавые конструкции и развалины строений вибрировали и расплывались, словно отражения на поверхности воды, они увеличивались, меняли очертания. Стены руин поднимались к небу, извиваясь, подобно языкам пламени, и тут же застывали, превращаясь в камни и кристаллы; появлялись колонады из текучего огня, они вздымались все выше, срастаясь в гигантские арки и купола из материализовавшегося света, и там, наверху, гулко носилось эхо отдаленного перезвона колоколов. Воздух сгущался в искрометные сапфиры и рубины, засверкавшие чудесными украшениями на непропицаемых степях. Земля тяжело дышала, под ногами распластались квадратные плиты необъятного каменного пола, гра-

ницы которого тонули в туманной дали; мрак наполнился какими-то темными, массивными контурами; всходящая луна стала таять и рассыпалась вдруг на тысячи пляшущих огоньков под высокими сводами; откуда-то издалека долетал явственный шепот огромного хора. Появились большие стрельчатые окна с яркими витражами; из тьмы проступили орнаменты и очертания скульптур, каменные ангелы и химеры, распятия из тяжелого отполированного дерева, настенная роспись, стилизованные лики святых. Это был Реймский собор, но увеличенный в сто, тысячу раз. Он возвышался до звезд, шпили его башен пересекали орбиты планет и пронзали солнце, в залах блуждали тяжелые тучи. В окружении сияющих колонн, уходивших в небо на многие десятки километров, космический корабль казался песчинкой, занесенной на борт древней ладьи викингов. Ломкий колокольный звон дрожал в воздухе, и кто-то стоял на кафедре, раскрыв перед собой многотонный старинный фолиант. Раскаты голоса гремели и катились между каменными столбами, поддерживаемые дыханием далекого хора, и разбивались в брызги, достигая стен, украшенных горящими росписями.

Джослин закрыл лицо руками и закричал. Неодолимый ужас, звучавший в этом крике, заставил умолкнуть и хор, и голос с кафедры. От пронзительного вопля задрожали колонны, потухли цвета стрельчатых окон, рухнули статуи. Кристаллы рассыпались в бесцветную пыль, пол закачался и пошел волнами, будто неожиданный порыв ветра поднял на море тяжелое волнение, стены осели, съезжились и исчезли в потоке разноцветных искр.

Собор беззвучно растаял, оставляя после себя дымные струи, развеянные легким порывом ветра. Через несколько секунд от него ничего не осталось,

кроме замирающего отзвука тихого и ясного звона колоколов.

Мужчина, оставшийся в космическом корабле, молча вглядывался в изображение на экране пульта управления. В бледном лунном свете снова возвышались руины, и там, в темном дверном проеме одной из развалин, между двумя обвалившимися столбами из темно-зеленого камня, стояла маленькая девочка. Ей едва ли было больше десяти лет, на ней было голубенькое платьице, белые гольфы, черные туфельки и накрахмаленный белый фартучек. Длинные золотистые волосы были откинута на спину. Девочка играла цветным мячом, ударяя его о землю, и смотрела на корабль искрящимися от затаенного смеха глазами.

Мужчина некоторое время не сводил с экрана безразличного взгляда, потом неожиданно выключил видеокамеру и круто повернул кресло. Он задумчиво посмотрел на шкалы приборов: они показывали, что невероятная масса вещества внезапно возникла из ничего, замкнула корабль в свои объятия и затем исчезла. Будь он не тем, кем являлся на самом деле, он бы присвистнул от удивления; но он этого не сделал, не сказал ни слова. В обличающих лучах бело-голубого света, исходившего от многочисленных шкал и циферблатов, четко обозначился овал лица цвета человеческой кожи. На лице выделялись только большие, широко открытые глаза и аккуратный рот. Вообще-то это была устаревшая конструкция, но люди до сих пор предпочитают, чтобы их роботы возможно больше походили на своих создателей. Он нажал несколько кнопок на пульте и без особой поспешности включил связь с флагманским кораблем, который парил в пространстве за пределами земной атмосферы. Что это было: мипраж или галлюцинация? Он откинулся на спинку кресла

и подождал, пока на экране не возникло изображение человека в форме. В галлюцинациях нет ничего необычного. Бывает, что людям мерещится всякая всячина. Однако с роботами этого никогда не случается.

3

— Но он это видел, видел! — воскликнул Монтейлер.

Он был высок и худощав, простая голубая туника облегала его фигуру, на левой стороне груди вырисовывались эмблема космического флота и знак солнца. Глаза под шапкой густых черных волос сузились от сдерживаемого гнева, вызванного необъяснимостью явления, крупный нос обострился, губы плотно сжались в прямую линию. Он наклонился над столом и скользнул взглядом по присутствующим в отсеке.

— Он видел это, — повторил Монтейлер, — и показания приборов подтверждают виденное. По крайней мере часть приборов, — уточнил он, на секунду заколебавшись. — Какого же рода галлюцинации могут дать такие результаты?

Эди Барр, один из кибернетиков, поднял голову.

— Ты меня спрашиваешь?

— Да.

— Если говорить о компьютерах, — сказал Эди, — то это не что иное, как галлюцинация. Все сходится на этом.

— Хотел бы я так же верить компьютерам, как ты, — проворчал Монтейлер. — Но, к сожалению, у меня такой веры нет.

— В галлюцинациях нет ничего слишком необычного, — сказала Кэтрин ди Рац, психолог. —

Особенно при стрессовых ситуациях. Джослин и Марта находились в весьма напряженном состоянии, не правда ли?

— Разумеется. — Монтейлер кисло улыбнулся. — И робот, конечно, тоже. И приборы.

Он выпрямился и подошел к телеэкрану, полностью занимавшему одну из стен помещения.

— И видеокамеры. — Он покачал головой. — Есть ли такие галлюцинации, которые можно видеть на экране телевизора? Кто из вас ответит на этот вопрос?

— Миражи... — неуверенно начал Эди.

— К черту миражи! Индикаторы массы чуть не перегорели, когда... когда все это появилось. Да, вот так просто, появилось из ничего и пропало. Какие же галлюцинации могут сыграть такую шутку?

— Собор, — сказал кто-то. — Ранняя готическая архитектура, если не ошибаюсь. Очень впечатляет.

— Ну спасибо, что растолковал, — прошепел Монтейлер. — По мне, так пусть это будет хоть хрустальный дворец, которыми тешат детей. Но я хочу знать, откуда он появился и каким образом? Вот что меня сейчас интересует. Есть ли какие-нибудь соображения?

Все молчали. Монтейлер поднял брови, передернул плечами и повернулся к экрану. Изображения появлялись и исчезали нескончаемой монотонной чередой; проплывали картины серо-голубых волнующихся водных пространств, лесов и джунглей, бескрайних саванн, где причудливые животные двигались под палящими лучами солнца; их сменяли кадры заснеженных равнин, гор и долин, пустынь и морей. И повсюду развалины, руины. Телекамеры на борту четырнадцати космических кораблей, которые двигались по своим орбитам вокруг планеты, просматривали ее ландшафт и посылали бесконечный

поток информации на экраны. Сюжеты непрерывно менялись, но в них сохранялся все тот же основной мотив. У полюсов вечные льды поглотили города, и дикие белые звери свободно хозяйничали там, где некогда к бездонному небу поднимались шпили и башни высокоразвитой цивилизации. В более южных районах города и ракетодромы покрылись буйной растительностью, образовавшей непроходимые джунгли; рухнули блестящие мачты, колонны; арки скрылись под корнями гигантских столетних деревьев, а в роскошных некогда залах прыгали и кривлялись стаи обезьян — жалкая пародия на пышную и тяжеловесную придворную обрядность времен императоров и королей. Прекрасные обиталища людей опустели, километровые башни лежали поверженными, машины остановились, гигантская сеть путей сообщения покрылась толщей земляных наносов. Пройдет еще несколько тысячелетий, и от всех чудес, созданных человеком, не останется даже этих следов. Эпоха *Homo sapiens* — человека разумного — длилась сотни тысяч лет, но в общей истории планеты это было только мгновение. Гигантские рептилии безраздельно господствовали на Земле сотни миллионов лет, но и они исчезли, не оставив после себя ничего существенного. А еще через несколько миллионов лет другие существа, возможно, покорят Землю, создадут новые чудеса, упиваясь мечтами о своем величии...

По спине Монтейлера побежали мурашки.

— Спрашивается, что же мы в глубине души все-таки надеялись здесь встретить? — проворчал он. — Наверно, высокоразвитую культуру. Все ту же древнюю цивилизацию, готовую приветствовать возвращение блудного сына... Нет, тут что-то не так, тут не жди ничего хорошего.

Монтейлер повернулся к присутствующим.

— Пока у меня все. Постарайтесь найти объяснение, какое угодно, но только побыстрее!

Отсек опустел под нестройный говор споривших. Дверь захлопнулась, и наступила тишина. Монтейлер задумчиво поглядел вслед ушедшим. Затем оперся локтями о стол, закрыл лицо руками и зевнул. Он почувствовал себя старым и усталым, кожа на лице собралась в сухие грубые морщины, утомление разливалось по всему телу, руки и ноги отяжелели.

Кто-то пошевелился рядом. Он поднял голову и встретился взглядом с Кэтрин ди Рац.

— А, так ты осталась, Кэт? Это напоминает старые времена. Все та же самаритянка, неизменно готовая утешить. Или ты не ушла потому, что у тебя есть какие-нибудь хорошие идеи?

— Ты же знаешь, что у меня их нет.

— Ну, так значит утешения ради.

Он отклонился назад и закинул руки за голову.

— В первый момент я не придавал этому большого значения, решил, что все это просто какая-то ерунда. А дело оказывается сложнее, надо в нем разобраться. Мне сейчас достаточно любого, даже самого немудрящего объяснения.

Его глаза сузились.

— Кэт, как по-твоему, это была галлюцинация?

— Нет.

— Я тоже так думаю. Признаться, я испугался до смерти. Что за дьявольщина происходит там, внизу?

Она уселась на стол, подобрав под себя ноги, — эта поза была ему хорошо знакома. Ее движения оживляли целый мир воспоминаний; чуть приподнятая бровь, наклон головы, дрогнувшие губы, неожиданный жест означали больше, чем невысказанные

слова, будили нескончаемый ряд вопросов и ответов из прошлых споров, бесед, откровений. Ее тело под голубой туникой не хранило для него никаких тайн, ее длинные чувственные руки много раз обнимали его. Он посмотрел ей в глаза.

«Она жалеет меня, — подумал Монтейлер. — Это проклятое сострадание, эти проклятые добрые слова, эти проклятые добрые глаза! Безупречный психолог... Нет, она просто создана такой, с исповедальной вместо сердца. От нее мне никогда не избавиться».

Неожиданно его потянуло к ней, тело захлестнула горячая волна желания...

Много лет назад

Тогда они представляли собой надежный разведывательный патруль, составленный именно из них двоих по прихоти ЭВМ, которая обрекла их на многомесячное пребывание в обществе друг друга. Два долгих месяца в кабине объемом десять квадратных метров способны превратить в любовников даже антиподов — их соединит ненависть, если не любовь. Победив монотонность сладострастием, они выстояли. Да, они выдержали, уцелели.

Они устремлялись вперед, опережая исследовательские корабли растущей Межпланетной федерации. Заключение в крошечном кораблике, управляемом безмолвными механизмами, они незримой пылинкой среди пустой ночи летели к мертвым планетам, где в лучах чужих солнц разрушались чудеса былых времен, к человеческим кладбищам, затерянным в беспредельном пространстве. Они пахнули мертвые города, мертвые воспоминания, мертвую славу, встречали толпы дикарей с пустыми глазами перед все еще мерцавшими телеэкранами в руинах

величественных дворцов и зеркальных башен. Они совершали посадки на Петаре, Карстене, Чандре — эти знаменитые древние названия были когда-то известны многим. Иногда их полетом на непосредственных подступах к планете управляли бесстрастные голоса — они излагали подробные инструкции для посадки, определяли участки приземления в гигантских космопортах, где тысячи мощных некогда звездолетов разъедались ржавчиной и тлением. Вежливые голоса предлагали предъявить полномочия и осведомлялись о цели посещения — и ни разу за этими звуками не скрывалось ничего живого, это все еще функционировали компьютеры и роботы, обслуживавшие исчезнувшую цивилизацию. От сотрясений, вызванных посадкой разведывательного корабля, здания неуверенно раскачивались, как пьяные, а потом медленно падали, обрушивая на гениальные машины тысячи тонн пластмасс и стали. Люди строили хорошо, но недостаточно хорошо для вечности. Творения былого времени сметались с пути, будто под неудержимым напором несущихся вперед волн.

И вот теперь Земля, древнейший центр цивилизации, сказочный мир за пропастью световых лет, символ совершенства и безграничного знания, центр Вселенной, заманчивое царство небесное тысяч и тысяч религий. Земля была святым Граалем, единственным святым местом во Вселенной, которая уже очень давно устала от святости. Для человечества, распыленного среди сотен тысяч миров в одном из рукавов спирали Млечного Пути, где расстояния так огромны, что солнце одной обитаемой планеты не проступало даже светящейся искоркой на ночном небе другой, ближайшей к ней планеты, Земля была не просто символом веры, предметом самозабвенного поклонения, но чем-то бесконечно большим.

Она была мечтой об общности, побеждавшей световые годы и парсеки, мечтой о родстве там, где не могло быть никакого родства, мечтой о прародине, о колыбели человечества, об общем для всех происхождении. Перед лицом ледящего Космоса люди собирались вместе, напуганные зияющей пустотой, окружавшей хоромы их микроскопических миров-пылинок, и мечтали о прародине, которая была достоянием каждого, как бы далеко его ни занесло пространство и время. Величайшее творение человека — Звездное Объединение Миров — открыло для него сотни тысяч планет, а потом, когда это творение рухнуло и распалось, бросило на произвол судьбы. Теперь человек остался один на один с бездонной, бесконечной тьмой, где нет ни конца, ни начала, где руины его миров постепенно превращались в ничто.

И вот человек вернулся на свою прародину, осуществив вековую мечту. Разочарование тяжелым камнем легло на сердце Монтейлера.

— Ты выглядишь усталым, — сказала Кэт, чуть подавшись вперед.

— Я и в самом деле устал. Я всегда устаю после сорока бессонных часов.

Он вздохнул.

— Слишком многое ставится сейчас на карту. Я просто не могу допустить, чтобы что-нибудь произошло, пока я буду сладко спать в своей постели. Ты даже представить себе не можешь, какие огромные ресурсы Межпланетная федерация вложила в эту экспедицию... Понимашь, назад к Земле — великий подвиг, которому нет равных, сокровищница, только и ждущая того часа, когда мы ее откроем...

Он расслабился и улыбнулся ей.

— И вот все это летит в тартарары.

«Насколько все было проще, когда я был разведчиком, — подумал он. — Интересно, что случилось бы, стань я вновь таким первопроходцем? Снова пересекать пространства, месяцами не покидая корабль, бродить неделю-другую по неизвестной планете, оставив за спиной двадцать световых лет. А потом опять годы полетов... И рядом Кэт, хотя и неизвестно, что это может дать сегодня».

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты изменился.

— Все изменились. Ты. Я. Что в этом удивительного? Все мы должны повзрослеть, рано или поздно, разве не так?

— Раньше ты был другим, — сказала она. — Мягче. Теперь ты становишься циничным.

— Это было давно. — Он смотрел мимо нее, на гладкий потолок. — Это было десять лет назад. Сто планет назад. Десять миллионов развалин назад. Сотни миллионов световых лет назад. Теперь я смотрю на все это, очевидно, не так, как тогда. Ну, а что касается тебя...

Он замолчал.

— Ты хочешь, чтобы я снова вернулась к тебе?

Она слабо улыбнулась.

— Не знаю... Пожалуй, нет. В общем у меня остались лишь воспоминания. Я хотел бы сохранить эти воспоминания в их первоизданном виде. Иногда мне хочется, чтобы ты вернулась, но это лишь обычное плотское влечение, ничего больше. Когда во мне пробуждается животное.

Он безразлично улыбнулся.

— Ты весьма практичен, — произнесла Кэт.

— Ты хочешь сказать, что я свинья. Сделаю одолжение, это меня не трогает.

Он глубже уселся в кресле, откинувшись на спинку, и стал рассматривать ее с некоторым ин-

тересом. «Самка, — подумал он, — чувственная, красивая, всегда и все пошмающая самка. Спокойная, молчаливая и очень привлекательная. Она всегда умела наилучшим образом использовать свои природные данные. Кэт. Вполне подходящее имя. Гибкое и приятное животное, грациозное и хитрое, а порой даже надежное. Самостоятельное и с арсеналом острых когтей на всякий случай».

Однажды он ушел от нее, она никогда не могла простить ему этого. Наверно, ее гордость была уязвлена, и это было бы опасно, не будь она мягкой и терпеливой Кэт. Она не отличалась дальновидностью, но обладала изрядной долей упрямства. Рано или поздно она добивалась того, что хотела.

Глаза: фиалковые. Губы: упрямые. Тело: решительное. Ноги прикрыты приличествующим образом, так как она знала, что он никогда не обращал на них внимания. Если бы он ценил красивые колени, они были бы теперь прямо перед его глазами.

— Кто сегодня тот счастливец, у которого хранится ключ, передающийся по наследству? Кто-то, кого я знаю? — спросил Монтейлер.

— А тебе это интересно?

— В общем-то нет. Так, просто любопытно.

— Гернштейн, — сказала она, — социолог. Он мне нравится: забавный.

Голос у нее был спокойный, бесстрастный.

— Вот как. Я-то все удивлялся, почему у него такие туманные глаза.

Он поднялся и подошел к выключенному экрану, рассматривая ее отражение в полированной поверхности матового стекла.

— Но он же идиот.

— Это, скорее всего, вопрос вкуса, — ответила она. — Лично мне он понравился.

Она посмотрела на него.

— Не думаешь ли ты, что я бросаюсь на первого встречного?

— Очевидно, нет. Но в любом случае он идиот. И он не делает из *этого* особого секрета — ни из этого, ни из другого.

Монтейлер наклонился над пультом управления и нажал одну из кнопок. Экран вспыхнул, возникшие по его краям тени сгустились в сменяющие друг друга изображения, которые поступали сюда от видеокамер, щупавших своими объективами планету. Он молча следил за кадрами, чувствуя, как пылает его лицо, ощущая насмешливый взгляд Кэт, направленный на его напряженный затылок.

«Нет, не сейчас. Может быть, потом».

Он сосредоточился на деталях панорамы, развертывающейся перед ним за выпуклым стеклом. Кэт улыбалась, но не произносила ни слова. Это была одна из ее привлекательных черт: она понимала, когда ей следовало помолчать.

На экране в горячем мареве проплывала раскаленная пустыня, за ней появилась степь с волнующейся высокой травой, потом берег моря в лучах заходящего солнца, высокие, темные деревья вдалеке, а у самой воды — какое-то существо, запрокинувшее голову в небо. Монтейлер протянул руку и закрепил видеокамеру в этом положении. Изображение стало увеличиваться, и вскоре существо уже занимало всю поверхность экрана.

На значительном расстоянии и при слабом освещении сначала казалось, что там, внизу, на лошади сидит человек. Но в крупном плане он увидел нечто другое. Это была лошадь или во всяком случае что-то похожее на лошадь, но там, где у нее полагалось быть шее и голове, возвышался человеческий торс.

Торс принадлежал мужчине среднего возраста, который, уперев руки в бока, неотрывно смотрел ввысь. Длинные волосы трепал ветер, в глазах светился затаенный разум.

Монтейлер сделал шаг назад.

— Вот это, — сказал он, — существо, которое принято называть кентавром. Ты видишь?

Кэт мягко соскользнула со стола и подошла к нему. Она рассматривала существо с заметным интересом.

— Мифическое животное ранней эллинской эпохи, — проговорила она негромко. — Там оно считалось символом мужественности. Распутное создание.

Она облизнула пересохшие губы.

— Ему поклонялись еще долго и в период расцвета эллинской культуры, а он с годами становился все развратнее. Красивый экземпляр, верно?

— Кентавры никогда не существовали, — сказал Монтейлер.

— Сейчас, должно быть, на Земле хорошее время для мифических существ, — заметила Кэт, — он довольно упитан.

— Кентавр... В самом деле кентавр! — пробормотал Монтейлер. — И все же...

— Биологический эксперимент?

— Зачем? И почему кентавр?

— Может быть, он особенно нравился женщинам. — Она улыбнулась. — Но ведь такое предположение возможно? Пятьдесят тысяч лет — большой срок.

Монтейлер не отвечал, по-прежнему не сводя глаз с экрана. Кентавр помахивал хвостом, но не двигался с места.

— Летающая лошадь, — сказал Монтейлер устало, — гигантская птица размером с любой из наших кораблей, два дракона, к тому же огнедышащие,

огромная горилла, карабкающаяся на небоскреб... и вот еще одно так называемое мифическое существо, шестое по счету, которое я увидел здесь... Черт возьми, что же, собственно, происходит там, внизу? Неужели вся эта проклятая планета сошла с ума?

Он резко выключил экран и пошел к двери. Кэт вышла из отсека и последовала за ним по коридору. Он говорил тихо, чтобы его не слышали члены экипажа, шедшие мимо них в свои лаборатории. Правда, на борту корабля его авторитет был относительно высок, но есть вещи, которые все-таки не стоит обсуждать слишком открыто.

— Что мне все же следует делать? — спрашивал он сердито. — Если я стану стрелять в эти дьявольские существа — а я непременно так и поступил бы, будь у меня к тому хоть малейший повод, — они наверняка окажутся невиннее новорожденного ребенка, и я прослышу воякой, одержимым манией убийства. А если выяснится, что все они лишь плод галлюцинаций, мираж, я и тогда буду выглядеть безмозглым болваном, который расстреливает привидения. Главное командование прикажет распять меня за это. Если же я не пушу в ход оружие, можешь не сомневаться, что эти чертовы существа тут же проявят себя как смертельно опасные враги, и тогда начальство непременно спросит, почему же я не открыл по ним огонь. Что мне на это ответить? Сказать, что компьютеры отрицали их реальность?.. Черт возьми, что-то надо делать, но что?!

Они прошагали весь главный коридор, тянувшийся вдоль корабля, и зашли в единственное кафе, открытое на борту. Там по обыкновению было полно народу. Большинство столиков было занято полусонными техниками, только что сдавшими свою смену. В атмосфере чувствовалась напряженность, невысказанное ожидание чего-то, на всех лицах чита-

лось скрытое нетерпение. «Что-то нужно предпринять, — подумал Монтейлер, — и сделать это нужно быстро». Флот находился на околоземной орбите уже десять дней, и за это время на поверхность планеты был отправлен всего один разведывательный корабль. Наверное, все уже знали, что произошло там, внизу.

Они протиснулись между столиками и отыскивали свободные места в отдаленном углу. Монтейлер заказал автомату чашку искусственного кофе и склонился над столом, намеренно избегая взглядов сидящих вокруг людей.

— Что ты собираешься делать? — спросила Кэт. — Дать всем кораблям команду на посадку?

— И тем самым поставить под угрозу все предприятие? — Он скорчил кислую мину. — Нет, этого мы не можем себе позволить. Слишком многим пожертвовала федерация во имя этой экспедиции. Если мы потерпим неудачу, вряд ли будут предприняты новые попытки. Я хочу действовать осторожно... Быть может, пошлю на разведку еще один корабль, когда Джослин и Марта вернутся, а потом...

Он прищурился, глядя на нее.

— Не забывай, что ответственность за них после всего случившегося несешь ты. Мне надо точно знать, что произошло там, на поверхности. Выверни их наизнанку, если нужно, но раздобуть мне необходимые ответы на все вопросы.

— Если ты пытаешься убедить меня в том, чтобы я применила к ним зондирование, то я сразу отвечу: нет. Я этого делать не стану.

— Я ни в чем не собираюсь тебя убеждать. Уложи их на диван, будь с ними поласковой, используй гипноз, сделай, наконец, все, что хочешь, только пусть они подробно расскажут обо всем и не тянут со своими показаниями.

— Ты требуешь от меня не так уж мало.

— Есть люди, которые и от меня требуют немало. Здесь мучаю тебя только я один, а меня подгоняет все проклятое главное командование, потому что его в свою очередь подгоняют консерватисты, намеренные во что бы то ни стало провалить все дело. Они утверждают, будто наша экспедиция — неслыханное расточительство, и в чем-то они правы. Я обязан считаться со всем и со всеми, и вот теперь я перекладываю часть ответственности на тебя. Ясно?

— Ясно.

Он устало откинулся на спинку стула. Кэт разглядывала его большими вопрошающими глазами с откровенностью, родившейся в результате вынужденного двухлетнего общения, когда они работали вместе в разведке. Она все знала; она его понимала. Знаменитый полководец, человек, которому все удавалось, — а она видела его пасквозь. И он нуждался в ней, она была единственным человеком, кому он мог довериться.

«Это дело чересчур сложно для меня, я ничего не понимаю, — подумал Монтейлер. — Черт знает как все запутано, и мне из этого не выбраться».

Он смотрел через плечо Кэт на экран, где отражалось пространство, заполненное колючими точками звезд, между которыми порхали корабли-стрекозы. А под ним была Земля, вяло вращающийся шар, подобный гнилому яблоку в ржавых пятнах на зеленоватом фоне. Очертания континентов едва проступали под покровом метущихся туч и облаков.

С той поры, когда началась эмиграция, прошло пятьдесят тысяч лет, и за все это время ни один человек не ступал на земные просторы. Пятьдесят тысяч лет — большой срок; его достаточно, чтобы возникли и исчезли государства, утвердились и пали династии, отгремели и канули в Лету беспримерные

исторические события. За такое время подвиги превращаются в мифы, факты становятся суевериями. Звездное Объединение Миров, некогда покинувшее родную планету ради создания нового административного центра в гуще вновь приобретенных владений, растаяло бесследно, как туман, а все то, что последовало за этим, осталось только в качестве комментариев на страницах полузабытых сочинений бытописателей человеческих судеб. За войнами и переворотами пришли их неизбежные последствия. Замедлилось культурное развитие, приостановился научно-технический прогресс. Распались всеобщие связи, и каждая планета оказалась предоставленной самой себе. Долгая ночь сгустилась над раздробленными остатками некогда могучего Объединения, и Земля — эта прекрасная сказка — засверкала, как миф, символизирующий не блага высшей цивилизации, а мечту о всеобъемлющем родстве, об общности происхождения.

И эта сказка, этот миф имели под собой вполне реальную основу. В одной из забытых библиотек на какой-то планете были обнаружены точные координаты. Межпланетная федерация, состоявшая из шестидесяти четырех по преимуществу аграрных, а потому относительно здоровых, жизнеспособных миров, не побоялась риска и снарядила дальнюю экспедицию. И хотя это потребовало мобилизации почти всех наличных ресурсов, игра стоила свеч. Можно было ожидать, что Земля откроет свои несметные технические богатства, одарит чудесами всемогущего знания. А сверх того, там таилось нечто неизмеримо более важное: прародина людей, убежище от всепоглощающего ночного мрака. Полтора десятка кораблей, кружившихся над планетей, представляли собой только авангард той армады, которая со всеми атрибутами власти и правопорядка на борту гото-

вилась к возвращению на родную планету после пятидесяти тысяч лет отсутствия. Корабль Монтейлера терпеливо огибал Землю, пока приборы отыскивали на ней признаки человеческой или машинной активности. Но пока не удавалось открыть ничего, кроме тех чудовищ, которые время от времени попадали в поле зрения объективов. И разумеется, того циклопического здания, которое представлялось то галлюцинацией, то еще чем-то не менее неправдоподобным и загадочным.

«Пятьдесят тысяч лет, — думал Монтейлер. — Пятьдесят тысяч лет, и мы ничего не знаем о Земле. Кто скажет мне, что же в действительности происходит там, внизу? Наверное, там все так же, как на других покинутых людьми планетах».

Он всеми силами попытался отогнать от себя эту мысль. Нет, Земля не может быть похожей ни на какой другой мир.

Видеокамеры продолжали свой обычный обзор планеты. На экране мелькали горы, леса, моря. Там и сям виднелись руины, отбрасывая причудливые тени где под солнечными, где под лунными безжизненными лучами.

Монтейлер обернулся к Кэт, которая по-прежнему не сводила с него глаз.

— В какой-то степени Земля пугает меня, — сказал он. — Я не боюсь того, что оборонительные сооружения, быть может, еще функционируют и встретят нас как врагов. Это было бы реальностью, и тут я мог бы предпринять соответствующие меры. Но то, что мы видим, воспринимаем... Вот что мне не нравится.

— Ты просто этого не понимаешь, — сказала она устало. — Тебе всегда не нравилось то, что не укладывалось в твое понимание. Уж я-то знаю, по крайней мере должна это знать.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

— Ты имеешь в виду себя?

— В известном смысле.

Он снова посмотрел на экран.

— Наверное, ты права. Эта планета очень похожа на женщину, которая только и ждет, чтобы кто-то пришел к ней, она так же изменчива и хитра, никогда не знаешь, что от нее ждать.

— И тем не менее ты идешь к ней, — сказала Кэт. — По-твоему, это умно?

— Это чистая случайность, дань былым временам, ничего более.

Он порывисто встал.

— Пойдем отсюда!

Она вышла за ним в коридор.

— Куда же мы пойдем?

— У меня как раз сейчас много дел, правда, ничего нового, — сказал он, посмотрел на экран, расположенный на потолке, и вздохнул.

— Ну что ж, раз так, то и у меня найдется немало дел.

Она сделала несколько шагов, остановилась в нерешительности и повернула к нему голову.

— Если тебе понадобится ключ от двери, скажи, Мон. Быть может, у меня найдется лишний.

Он улыбнулся.

— Невозможное опять становится возможным?

— Ничего невозможного и не было.

— Ладно, как-нибудь в другой раз.

Он повернулся и пошел по коридору быстрыми решительными шагами. Связка ключей в кармане приятно холодила руку. Кэт всегда отличалась тактичностью. А он был практичен, она сама отметила в нем эту черту. Ему не нужен был новый ключ, он предусмотрительно сохранил старый.

На Земле

Белый жеребец неслышно вынырнул из облаков и мощными взмахами крыльев задержал свое падение в полусотне метров над старой посадочной площадкой космодрома. Он беззвучно парил над кораблем, а приборы на борту, обнаружив его присутствие, отметили нереальность этого события и продолжали концентрировать в своей памяти более важную информацию об окружающей обстановке. Разведывательные корабли, будучи всего роботами-автоматами, обладали тем не менее незаурядными разумными способностями. Но у них была некоторая слабость — они не верили в мифы. Пегасу было позволено беспрепятственно парить в темноте, поскольку вполне определенные естественные законы безоговорочно отрицали его существование. Орудийные стволы, которые со смертельной точностью нацелились было на него, с полнейшим безразличием вернулись в исходное положение. А Пегас смотрел вниз на мужчину и женщину, удалявшихся от корабля, и его большие влажные глаза выражали рвущееся наружу неподдельное счастье.

Высоко в небе, рассыпая блестящие искры, Медея остановила свою колесницу в окружении валькирий, которые с тоской смотрели на Землю сквозь прозрачные покровы. Мидгордсурмен — Мировой Змей — поднял свою огромную голову над вечными снегами горного хребта, и его холодные пронзительные глаза следили за двумя человеческими фигурами. Гигантское тело, опоясавшее весь мир, чуть вздрагивало. Когда эта блестящая чешуйчатая громада шевелилась, рушились скалы, реки текли вспять, небо застилало тучи пыли. Сейчас голова Змея застыла неподвижно черной тенью на фоне неба, гипноти-

ческий взгляд был прикован к земле. Далеко поотстав от всех, весело летел к космодрому жук Кепре, впервые в жизни забыв о своем долге. Корабль наблюдал за всеми этими существами, фиксировал их размеры и скорость и, придя к заключению, что никто из них не представляет какой-либо опасности, записывал впрок полученную информацию в блоках памяти, больше не удостоивая их вниманием. Робот, сидевший в кресле перед пультом управления, с помощью видеокамер внимательно следил за Джослином и Мартой, предоставив автоматике корабля без его вмешательства заниматься своими делами.

Корабельные орудия неуверенно нацелились на огромное тело Мирового Змея, но автоматы вскоре отнесли и это чудовищное создание к разряду необъяснимых мистических видений и перешли к более спокойной работе, выискивая возможную реальную опасность. Они бесстрастно игнорировали также те редкостные существа, которые, собравшись в окружающих тенях, что-то шептали и гомонили неотрывно, с единым для всех чувством взирали на мужчину и женщину. Все человеческие сказки, мифы, легенды, басни притаились во тьме, терпеливо выжидая, — так они ждали пятьдесят тысяч лет. Три старухи, предсказавшие возвращение людей, сидели возле ясеня Игдрасиль под мрачным беспокойным небом и пряли свою роковую пряжу в обществе темного мужчины, облаченного в широкий плащ и молча следившего за их работой. Дракон Нидхёгг грыз в подземелье корни вечного дерева. А на склоне снежной горы ждала богиня земли Деметра со своими приближенными — лысыми человечками, которые всегда были к ее услугам. Резким движением головы она отбросила назад свои пышные волосы, взглянула на небо, где жук Кепре продолжал свой радостный полет, и засмеялась.

За руинами. Джослин.

Он шел в бледном свете луны по крутому склону, сжимая в руке пистолет как заветный талисман. Марта неотступно следовала за ним. По сторонам возвышались деревья, их шелестевшая листва в мертвенном свете казалась неестественно белесой. Разбитый бетон шуршал и скрипел под ногами. Джослин непрерывно шарил глазами по сторонам, высматривал неожиданные опасности, но не мог обнаружить ничего, кроме густых теней. Когда он взглядывал на небо, то видел немногочисленные бледные звезды; тучи в своей массе были непроницаемо черными, будто над Землей повисло огромное покрывало. В отдалении слышались странные звуки, в шелест листвы вплетались шепот и смех каких-то существ, которые осторожно подползали в темноте все ближе. Он пожал плечами и продолжал путь.

Джослин убедил себя в том, что все это, невзирая ни на что, только галлюцинация. Он сразу почувствовал себя спокойнее, однако в голову полезли разные мысли. Вспоминалось, как он, будучи маленьким, часто мечтал о чем-то необычном, манившем его своей пугающей таинственностью; перед мысленным взором вставали древние изображения забытых святынь, будившие фантазию. Он шагал под уклон, широко открыв глаза, размышляя над тем, что видел, что видела Марта. Марта шла следом за ним, смотрела на бледные деревья, на его спину, и думала, думала... Никто из них не произносил ни слова.

Склон перешел в узкую лощину — по обеим ее сторонам поднимались скалистые стены, изъеденные глубокими трещинами. Местность вокруг стала неровной, изрезанной, зубчатой. В обрывах явственно виднелись слои осадочных пород, сотни параллельных полосок голубого, серого, желтого, коричневого, красного цветов, на срезах можно было различить от-

печатки древнейших организмов. Наиболее древние слои начинались внизу, у подножия скал — они относились к протерозою, а наверху лежали более поздние отложения — четвертичного и последующих периодов. Наверху мирно покоились руины человеческих творений под небом, где космические корабли в сиянии силовых полей простерли свои крылья. Когда-то здесь нес свои воды широкий и бурный поток.

Лощина становилась все уже и вскоре превратилась в расщелину, зажатую отвесными высокими скалами. Джослин и Марта продолжали идти вперед, все дальше углубляясь в пропасть, черпая уверенность в том, что их охраняет разумный корабль с человекообразным роботом на борту. В трещинах скал росли мох и какая-то диковинная трава, испускавшая слабый рассеянный свет. Встречный ветерок доносил шорохи, шепот и звуки скребущих по камню когтей. Они обогнули большую скалу и увидели существо: скорчившись на каменном выступе над ними, оно устремило свой взгляд на их лица.

Сфинкс

Существо это было наполовину женщиной, наполовину хищным зверем. Над его спиной дерзко распростерлись оперенные крылья; мощные лапы уперлись в холодный гранит; сильный хвост бил по сторонам; на красивом женском лице проступали тонкие, изящно очерченные брови. Гибкое кошачье тело, пышные крылья большой птицы, узкая женская шея над перьями и блестящим золотистым мехом. Сфинкс посмотрел на них и заговорил ясным мелодичным голосом:

— Вы идете моим ущельем. Но, чтобы пройти этим путем, вы должны разгадать мою загадку. Если же вам это не удастся...

Из мягких лап показались острые безжалостные когти.

Джослин был по-прежнему спокоен и уверен в себе (его защищали робот, корабль, за ним сила).

— Что все это значит? — спросил он.

— Я — фиванский сфинкс, — улыбаясь ответило существо. — Я безжалостная вещунья, душительница, устрашительница, страж ущелья, ангел смерти. Меня послала сюда Гера, я загадываю загадки, я охраняю этот проход. Только один раз моя загадка была разгадана; сделал это хромоногий человек с карими глазами. Он ковылял по этой тропе, направляясь к матери, которую не знал. А теперь я загадаю загадку вам.

Сфинкс улыбнулся.

— Похож на говорящего попугая, — сказал Джослин. — Только несравненно страшнее.

Он, прищурившись, разглядывал подобравшегося, напрягшегося сфинкса в неверном лунном свете. Механизм? Машина?

Марта отодвинулась под защиту тени.

— Вернемся на корабль, — сказала она.

— Я действую так же молниеносно, как смерть, — сказал сфинкс и посмотрел на нее. — Вы никогда не уйдете отсюда, если не разгадаете загадку.

— Это шутка, — презрительно сказал Джослин (робот; корабль; пистолет — прохладный металл, в котором дремлет пламя). — Может быть, эта штука умеет показывать фокусы. Ну как, умеешь?

Он улыбнулся сфинксу.

— Мне это не нравится, — сказала Марта. — Пойдем обратно.

— Это всего-навсего робот или что-нибудь в этом роде. Ты боишься?

— Да.

Вновь раздался голос сфинкса:

— Вы готовы отвечать?

— Конечно. Ну, давай, что там у тебя?

Сфинкс наклонился над ними.

— Я приступаю. Слушайте:

Есть существо на земле: и двуногим, и четвероногим

Может являться оно, и трехногим, храня свое имя.

Нет ему равного в этом во всех животворных стихиях.

Все же заметь: чем больше опор его тело находит,

Тем в его собственных членах слабее движения сила.

Тишина. Выждав немного, сфинкс улыбнулся. Показались когти. Мышцы напряглись для прыжка. Распростерлись крылья. Сфинкс неторопливо приподнялся, переводя взгляд с одного человека на другого.

— Таковую загадку не вам отгадывать, — сказал он. — Вы потерпели неудачу, как обречено на неудачу все живое. Теперь я убью вас.

Крылья поднялись для взмаха.

— Джослин! — крикнула Марта. — Беги!

Сфинкс прыгнул.

В корабле робот смотрел на экран. Под бледными лунными лучами двигались тени. Неожиданно ослепительное пламя, вырвавшееся из ствола пистолета, на миг высветило окрестности и сцену, происходившую в ущелье. Фигуры казались неподвижными, словно кто-то вдруг остановил проектор в кинотеатре: мужчина в когтистых объятиях сфинкса; женщина, с расширенными от ужаса глазами, скорчившаяся на земле; струя огня, взметнувшаяся из ее руки и отраженная обратно, не причинив никакого вреда сфинксу.

Робот действовал спокойно и методично. Он развернул кресло и протянул руки к панелям пульта

управления. В мерцающем свете экрана он двигался, подобно умело управляемой кукле, между красными и голубыми огоньками сигнальных ламп. Он касался кнопок, рукояток, приборов. Жужжание проснувшихся машин наполнило корабль, тон их звучания поднимался все выше, пока не растворился за пределами слышимости. Одни механизмы и приборы плавно спрятались в гнездах за обшивкой, на их месте появились другие. Вороненые жерла изменили положение согласно вычисленным траекториям полета снарядов. Пульт управления ожил, пылая разноцветными искрами. Пальцы робота порхали над клавиатурой, казалось, он играл на органе. Мерцающий хор разноцветных вспышек звучал в безупречной гармонии, корпус корабля наполнился машинными хоралами и тяжеловесными гимнами.

Объектив видеокамеры по-прежнему обозревал космодром и его окрестности, где виднелись молчаливые руины. Робот дал сигнал подъема. Корабль мягко пошел вверх и вдруг остановился.

Вокруг ступились темные тени, воспринимаемые только датчиками корабельных компьютеров. Телеэкран продолжал демонстрировать открытое пространство, руины и развалины, но приборы корабля регистрировали близость гранитных стен, неожиданно окруживших его со всех сторон. Монолитные отвесные скалы пробивали почву, устремлялись вверх и соединялись над кораблем нерушимыми сводами. Каменные громады образовали пещеру, наполненную влагой и непроницаемым мраком. С потолка свисали сверкающие, переливающиеся сталактиты, навстречу им поднимались сталагмиты, образуя колонны, арки, причудливые скульптурные украшения. Корабль оказался в клетке с чудовищными сияющими прутьями, в которых сверкали кристаллы изумрудов, турмалинов, хризолитов. Индикаторы массы отмети-

ли присутствие миллиардов тонн горной породы во всех направлениях. Корабль завис в нерешительности под непроницаемым гранитным потолком и потом опустился на прежнее место.

Робот ничего этого не видел, перед ним на экране по-прежнему было свободное пространство под открытым небом. Он принялся нажимать кнопки, отдавая приказания, но корабль оставался недвижимым. Наконец робот встал с кресла, взял в руки оружие и выпрыгнул в открытый люк шлюза. Корабль следил за тем, как он быстро шагал между сверкающими колоннами и вскоре исчез в гранитной стене. Корабль недоумевал, но датчики упрямо подтверждали реальное существование пещеры. Тогда корабль направил всю противоречивую информацию в блоки магнитной памяти и больше не возвращался к этой проблеме.

Робот устремился вниз по склону к ущелью, где Джослин и сфинкс ворочались на земле, сцепившись в страшный черный клубок. Смертельно бледная Марта стояла неподалеку, спрятавшись за выступ скалы. Робот бросил оружие и кинулся на сфинкса, запустив свои стальные пальцы в золотистую шкуру. Сфинкс оттолкнул Джослина, который с глухим стуком ударился о каменную стену и остался лежать неподвижно, и стряхнул с себя робота. Робот был быстр, умен, методичен; сфинкс был стар, стар и хитер. Он кружился над роботом, и красивое женское лицо его улыбалось.

— Моя загадка к тебе не относится, — сказал он. — Гера не предполагала, что здесь может появиться что-то подобное тебе. Я не могу сожрать тебя; но там, где есть жизнь, должна восторжествовать смерть. В тебе есть жизнь, трепещущий светильник жизни. Да будет так!

Сфинкс ринулся вниз. Робот отскочил назад, но недостаточно быстро. Раздался скрежет разрываемого металла, звук тяжелого падения. Сфинкс медленно поднялся и возвратился к Джослину. Марта, на время оставшаяся без внимания, поднялась с земли, следя за сфинксом невидящими глазами. Затем попятилась в темноту, повернулась и побежала.

Покинутый корабль одиноко томился в подземном гроте. Вдруг из каменной стены вышла золотовласая девочка в голубом платье и белом передничке и поднялась внутрь корабля через открытый люк. Она уселась в кресло пилота, посмотрела своими большими глазами на изменчивое, как в калейдоскопе, цветное изображение, мелькавшее на экране, и радостно заболтала в воздухе ногами. Корабль ничем не выдал того, что обнаружил присутствие девочки. В подлокотниках кресла было множество кнопок и рычагов, светящихся разноцветными огоньками. Когда она стала играть этими штучками, произошли удивительные вещи. Девочка заставляла корабль выкидывать невероятные фокусы, нажимая одно и поворачивая другое, а ее невинные голубые глаза сверкали безудержной радостью.

5

Монтейлер бежал по главному коридору флагманского корабля, еще не полностью стряхнув с себя сон и видя все вокруг в легком тумане. Шаги гулко отдавались под металлическими перекрытиями и им вторил топот спешившего сзади молодого возбужденного лейтенанта, который разбудил капитана несколько секунд назад.

После разговора с Кэт Монтейлер в конце концов решил немного отдохнуть. «Это была моя роко-

вая ошибка, — подумал он. — Что-то неизбежно должно было случиться, пока я спал».

Он негромко выругался, открывая дверь в командный отсек.

— Спокойно! — закричал Монтейлер среди общего шума. — Я здесь, черт бы вас побрал! Перестаньте орать и дайте мне разобраться во всем.

Он протиснулся вперед сквозь толпу военных и гражданских членов экипажа и, благодарно кивнув головой, опустился на стул, подставленный ему одним из техников. Подавив зевок, он протер глаза.

— Итак, — сказал он несколько спокойнее, — может кто-нибудь рассказать мне о случившемся?

— Произошла неприятность с разведывательным кораблем, — сказал кто-то. — С тем, на котором Марта и Джослин...

— Это я уже знаю. Что дальше?

— Они подверглись нападению.

— Что?! — Монтейлер выпрямился на стуле, сонливость как рукой сняло. — Как это произошло?

Перед ним появился Эди Барр.

— Компьютеры, — сказал он неуверенно. — Не могу понять, как...

— К дьяволу твои компьютеры! Что произошло?

— Приборы дают разноречивые показания о том, что случилось, — раздался сзади чей-то голос. Кажется, говорил один из дежурных офицеров, небольшой человек с постоянно удивленным выражением лица. — Канал видеосвязи дает одну версию, а компьютеры корабля — другую.

Офицер замолчал, сглотнул слюну и закончил:

— Это очень странно.

— Здесь все странно, — проворчал Монтейлер. — Ну и что дальше?

На минуту воцарилось молчание. Потом Эди произнес хриплым голосом, покашливая:

— Мы думаем, что они убиты.

— Ты сошел с ума! — Монтейлер приподнялся со стула. — Этого не может быть! Корабль не допустил бы ничего подобного.

— Корабль утверждает, — продолжал Эди, — что был заперт в сталактитовой пещере, скрытой в гранитной толще огромной горы.

— Прекрасно! — зло воскликнул Монтейлер. — А что же робот? Он тоже находился в пещере, когда убивали Джослина и Марту?

— Робот попытался вмешаться, — ответил Эди и нерешительно добавил: — Нам кажется, что его уничтожили. Мне очень жаль, но я обязан сказать тебе это, Мон.

Монтейлер медленно опустился на сиденье. На мгновение он закрыл глаза, но тут же взял себя в руки и твердо посмотрел на окружающих.

— Это правда? — спросил он спокойно. — Все так и было?

— Да, к сожалению.

Кто-то протянул Монтейлеру чашку искусственного кофе. Он отпил глоток и обвел взглядом собравшихся.

— Вот вы, — обратился он к дежурному офицеру, — доложите точно, что произошло.

К нему понемногу возвращалась обычная самоуверенность, но удар от перенесенного потрясения еще давал о себе знать.

— Они приняли решение выйти из корабля, — начал офицер. — Мы поговорили немного о... как бишь его?.. о соборе, но вместе решили, что все же это была только галлюцинация.

— Несколько я понимаю, вы не попытались противодействовать их выходу из корабля, — сухо сказал Монтейлер. — Но об этом после. Продолжайте.

— Они спустились в ущелье совсем неподалеку

от места посадки и там встретили некое существо...
Дежурный запнулся.

— Есть запись видеоинформации, полученной с корабля. Может быть, вам лучше посмотреть ее.

Монтейлер сделал нетерпеливый жест рукой. Когда на экране возникло призрачное ущелье, освещенное неверным лунным светом, и он увидел на выступе скалы над обоими людьми притаившееся существо, он подался вперед и окаменел.

— Сфинкс! — выдохнул он.

— Вы знаете, что это такое? — Дежурный офицер находился в явном замешательстве.

— Тихо!

Монтейлер не сводил глаз с экрана, где перед ним вновь разворачивалась драма в ущелье. Это было непостижимо, невозможно — и тем не менее он наблюдал все своими глазами, все, до мельчайших деталей. Даже загадка прозвучала вполне отчетливо. Он молча смотрел на мелькавшие в глубине экрана тени, и к его горлу медленно подступала тошнота.

Запись кончилась, экран, вспыхнув напоследок, нехотя потемнел. Монтейлер поднял голову.

— Кто-нибудь из вас знает, что это такое? Может быть, читал или слышал? — Он оглянулся вокруг, отыскивая Кэт, но ее в отсеке не было. Тогда он быстро сменил тему.

— Марта исчезла из ущелья. Куда она могла деваться?

За всех ответил Эди:

— Мы не знаем.

— Да, да, я понимаю... — Монтейлер наморщил лоб. — А Джослин еще, быть может, и жив. Я не видел, чтобы сф... чтобы это существо убило его.

— Но ты же видел все! — воскликнул Эди. — Неужели ты можешь допустить, что он остался в живых после того, что произошло?

— Нечего мне напоминать, что я видел, — огрызнулся Монтейлер. — По то, что я видел, было всего лишь схваткой. Джослин попадал и не в такие передряги, он вполне мог справиться и сейчас. Что же касается бортового робота, то ведь он был сконструирован не для драки. Его мог уничтожить, разбить кто угодно.

Он помолчал, задумавшись.

— А что с кораблем? Могу я просмотреть видеозапись об этой пресловутой пещере?

— Вообще-то говоря, у нас нет такой записи, — сказал Эди. — Корабль произвел автоматическое исследование окружающего его пространства, потом мы заложили полученные данные в компьютер и таким образом скомпоновали изображение.

— Ладно. Давайте посмотрим на это чудо.

На экране появилось изображение заброшенного пустынного космодрома. На переднем плане — плоская, вся в трещинах бетонная поверхность, в отдалении — проржавевшие машины и развалины строений, скорчившиеся, подобно гигантским рептилиям, под бледной луной. Затем из земли беззвучно поднялись гранитные стены и сомкнулись вокруг корабля, выросли колонны из струящегося кристаллического огня. Датчики зарегистрировали присутствие неисчислимого количества тонн скальной породы во всех направлениях.

Монтейлер вздохнул.

— Вот, значит, какая она была, ваша фантастическая пещера. Зрелище хоть куда! — Он поднял голову. — Вы действительно держали связь с кораблем все это время?

— Да.

— Почему же в таком случае толщи скал не воспрепятствовали распространению радиоволн? Корабль окружен миллиардами тонн гранита, а пере-

датчик на борту, хоть он и достаточно мощный, не рассчитан на работу в таких условиях! Да и вообще никакой сигнал во всей Вселенной не мог бы проникнуть сквозь такую преграду. Каким же образом сила сигналов даже не уменьшилась?

В отсеке стало тихо. Наконец Эди сказал:

— Но приборы...

— Что приборы? В этом проклятом корабле произошло обыкновенное короткое замыкание, вот и все. Сначала какой-то собор, а теперь еще и это. Да плевать мне на все показания приборов, никакой пещеры нет и быть не может. А если никакой пещеры нет и не было...

Он не закончил фразу.

— Джослин и Марта тоже видели собор, — сказал Эди безразличным тоном.

— Вот это меня тревожит больше.

Монтейлер поднялся со стула и направился к двери.

— Там, внизу, происходит что-то необычное, в этом я согласен с вами, но я больше не доверяю кораблю, который передает подобную информацию.

Он бросил взгляд на стенные часы.

— Мне надо самому во всем разобраться. Подготовьте к старту еще один разведывательный корабль... Через двадцать минут. И держите непрерывную связь с первым кораблем. Пока все.

Монтейлер резко повернулся и вышел из отсека.

Он нашел Кэт в одном из справочных отделов, где она просматривала катушку с материалами о древнем фольклоре землян. Прямо перед ней в воздухе висело объемное изображение кентавра.

Монтейлер опустился на стул.

— Изучаешь нашего распутного друга с Земли?

— Вроде того. — Она выключила видеотелефон и обернулась к нему. — Что-нибудь случилось?

— Да уж воистину случилось.

Он вкратце рассказал о последних событиях, особенно подробно описав сфинкса.

— Он был точь-в-точь такой, как в той психологической пьесе, которую ты мне демонстрировала когда-то. — Он запнулся. — Ну там еще говорилось об Оресте или как его...

— Ты имеешь в виду трагедию «Эдип-царь», — сказала Кэт, слегка кивнув головой. — К твоему сведению ее создал некий Софокл, который жил на Земле в древние времена. У него там упоминается и эта загадка...

Кэт посмотрела ему в глаза.

— Постой, ты уверен, что тебя не разыгрывают? Уж больно все сходится.

— Никто здесь не знает о царе Эдипе или какой-нибудь другой древней трагедии. К тому же дело слишком серьезное, чтобы кто-либо осмелился шутить.

— А может, это был робот-актер или что-то в этом роде?

— Не исключено. На других планетах мне доводилось видеть вещи и похуже. Но, черт побери, как же машина может еще функционировать, когда прошло пятьдесят тысяч лет?

— А если механизм не такой уж старый? — спросила Кэт серьезно.

Монтейлер в изумлении уставился на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что эта планета, возможно, не такая и безжизненная, как должно было бы быть, если исходить из привычного порядка вещей. — Она сделала неопределенный жест, как бы указывая на

пространство за пределами корабля. — Ты же сам видел, что там происходит.

— Но это не люди. Удивительные животные не редкость, мы с тобой встречали и не такие мутации. Если же здесь и есть люди, то только дикари. На всей планете нет ни единого города, никаких промышленных центров, ничего.

Он наклонился к ней.

— Послушай, Кэт, мне все это не нравится... Что-то здесь не так. То, что произошло с Джослином и Мартой, конечно, весьма прискорбно, но против любого нападения можно предпринять соответствующие меры. Я привык сражаться с реальным противником во плоти, здесь же мне приходится сражаться с теньями, с кентаврами, драконами, сфинксами... Корабль, посланный в разведку, тоже начинает бредить чудесами... Машины, механизмы — это единственное в мире, на что можно полностью положиться, они не могут лгать, теперь и они стали чудить. Я...

Он замолчал, но тут же сказал резко:

— Мы сами сядем на Землю.

— Наш корабль? Мне казалось, что ты не станешь так рисковать.

— Пойдет разведчик. Места там только для троих, включая робота.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— В экспедиции понадобится психолог, желательно, чтобы он хорошо знал древний фольклор землян.

— Понимаю твой намек. Кому же выпадет счастье занять второе место в этом патруле самоубийц? Может быть, полетишь ты?

Он встал.

— Наша экспедиция может кончиться катастрофой, пока все идет к этому. В таком случае пусть лучше я буду в этот момент там, внизу — по крайней мере у меня будет меньше забот потом.

Он с сомнением взглянул на нее с высоты своего роста.

— Когда-то мы с тобой неплохо справлялись с делом. Быть может, повезет и на сей раз?

— О, доброе старое сотрудничество! — Она отвернулась и сказала негромко:

— Хорошо, Мон. Я согласна.

Уже на полпути к двери он бросил:

— Через пятнадцать минут у шлюза В. Договорились?

Монтейлер не стал дожидаться ответа, и мгновение спустя его быстрые шаги замерли в коридоре.

Кэт прислонилась к переборке и уставилась в потолок. Ее губы плотно сжались, по краям рта появились упрямые складки. Потом она взяла кассету с видеозаписью, размахнулась и запустила ее через всю комнату в противоположную стену.

6

На Земле

Окружающий ландшафт сначала успокоился, а затем растворился, превращаясь в новые неожиданные картины. Появились густые леса, в которых кипела жизнь: медленно поднялись к небу величественные горы; на равнинах заколыхались под ветром высокие травы; небольшие лужицы превратились в озера и моря, где на островах в кудрявых рощах ползали, бегали и летали бесчисленные существа. Постепенно контуры окружающего мира затвердели, как остывшая лава. Над космодромом по-прежнему неподвижно висел разведывательный корабль, запертый в стенах, которые только он сам мог ощущать. Ущелье между отвесных скал пропало, на его месте шумел лес, простиравшийся до самого горизонта. В глубине леса — Марта.

Марта шла по древней мощеной дороге, сопровождаемая собственной тенью, причудливо распластавшейся за ее спиной. Темный лес, тронутый первыми лучами занимавшей зари, молчаливо окружал ее со всех сторон. Солнце, только-только вставшее из-за горизонта, золотило ее блестящие черные волосы, отражалось в широко открытых испуганных глазах. Шелестели кедры, березы, вековые дубы; сквозь густые кроны в гуще леса на землю падало бледно-зеленое сияние. Слышались голоса птиц, вздохи ветра, шуршание листвы, журчание ручьев — слаженный оркестр играл нескончаемую мелодию под неподвижным покровом дремлющего моря деревьев.

Марта шла и шла, преследуемая воспоминаниями о сфинксе, об окровавленном куске мяса в его лапах, который никак не вязался с обликом ее друга, еще совсем недавно сидевшего рядом в кабине корабля. Страшная сцена вновь и вновь вставала перед ней, когда она, закрыв глаза, в панике бросилась из ущелья в лес, крича, спотыкаясь, падая, шарахаясь от любого звука, плача от ужаса перед неизвестностью. Мрак был полон существ, которые беззвучно бежали рядом; со всех сторон из тьмы на нее фосфорическим блеском смотрели тысячи глаз, мгновенно исчезая, едва она кидалась им навстречу. Казалось, ночи не будет конца. Марта порывисто и громко дышала, чувствуя, как приближаются к ней ползучие тени, тут же бесследно растворяясь, такие ощутимые и такие недосыгаемые. Когда же, наконец, забрезжило утро, все видения и призраки растаяли в густках тьмы под черными деревьями быстро и неслышно, будто их и не существовало.

Она шла вперед, почти забыв об окружающем ее лесе. Деревья ей только спились, весь мир ей только снился, и лишь воспоминание об умирающем человеке было реальностью. Лицо ее застыло, неестест-

венно скованное покоем, а все существо сотрясалось от беззвучных рыданий.

Неожиданно Марте послышались голоса — они доносились из небольшой рощи чуть в стороне от дороги. Рука автоматически скользнула к кобуре, висевшей у бедра, но пистолет был теперь бесполезен — она выпустила весь заряд в неуязвимое существо там, в ущелье. С тех пор прошла целая ночь, целая вечность! Все же Марта осторожно подкралась к рощице. Голоса принадлежали мужчинам и женщинам, которые говорили на каком-то странном, но вполне понятном языке. В этом мире, дышавшем постоянной скрытой опасностью, голоса казались успокоительной музыкой, звавшей в надежное прибежище от всех ужасов и страхов. Она раздвинула нависшие ветки и увидела небольшую залитую солнцем полянку, заполненную удивительными существами. Там были девушки в светлых платьях с тонкими и прозрачными, как паутина, крыльями бабочек за спиной; там были карлики; там были мужчины и женщины в широких ниспадающих туниках; а вон там — Марта широко раскрыла глаза — на середине поляны сидел на земле маленький толстый человек с ослиной головой. Женщина необычайной красоты, одетая в платье, отливавшее тысячью разных оттенков, склонилась над ним, лаская его голову, и говорила мягким, нежным голосом:

— Не хочешь ли ты музыки послушать,
Любовь моя?

— О, что до музыки — у меня отличное ухо. Ну что ж, сыграйте мне что-нибудь на щипцах и костяшках.

— А может быть, скажи мне, важный друг,
Желаеть ты чего-нибудь покушать?

— Что ж, я, пожалуй, съел бы гарнец-другой корму: пожалуй, пожевал бы хорошего сухого овсеца. Нет, вот что: самое лучшее — дайте мне охалпку сена. С хорошим, сладким сеном ничто не сравнится.

Есть у меня один отважный эльф:
У белочек обыщет склады он
И принесет тебе орешков свежих.

— Я бы предпочел пригоршни две сухого гороха. Впрочем, пожалуйста, пусть ваш народец пока отстанет от меня: я чувствую, что меня одолевает сон.

Спи! Я тебя руками обовью.
Ступайте, эльфы, все рассейтесь прочь.
Так жимолость душистая ствол дуба
Любовно обвивает; пальцы вяза
Корявые плющ женственный сжимают.
Как я люблю тебя, как обожаю!

Кто-то тронул Марту за руку. Она быстро обернулась.

Рядом стояла девочка в голубом платьице и восторженно смотрела на нее.

— «Сон в летнюю ночь», — сказала девочка. — Тебе нравится? — Она смущенно замолчала. — Я говорю об эльфах. Правда, красиво?

Марта молча смотрела на нее. Девочка шагнула вперед и вдруг улыбнулась.

— Я думала, что тебе это, может быть, понравится, — сказала она.

Марта спросила холодно:

— Кто ты?

— Я Алиса. — Девочка смотрела Марте прямо в лицо, в ее голубых глазах вспыхивали искорки смеха. — Я здесь живу.

— Здесь?

— Ну, не совсем здесь, но и не так уж далеко... Ты выглядела такой несчастной, по ведь тебе понравились эльфы, правда?

Марта нашла в себе силы слегка улыбнуться.

— Да, пожалуй.

— Тебе нужно что-нибудь? Чего бы ты хотела? — спросила девочка.

Марта посмотрела на Алису сверху вниз, мучительный приступ смеха замер у нее в горле. Это было так забавно, так невероятно, непостижимо забавно. Нужно ли ей что-нибудь? Чего бы она хотела? Разве у нее нет всего того, чего она могла бы пожелать? Вот только одно, только одно...

— Джослин, — сказала она. — Мне нужен Джослин.

Она продолжала улыбаться, и эта жалкая улыбка исказила ее лицо страдальческой гримасой.

— Но он умер, — сказала она.

Где-то в глубине души она спрашивала себя: «Почему я поступаю так? Почему говорю все это? Что ждет меня впереди?» Но эти вопросы, этот внутренний крик так и не вырвался наружу. Вслух она только повторила:

— Но он умер.

Девочка смотрела на нее большими глазами.

— Ах, — сказала она тихонько и повторила еще раз: — ах, вот как...

Марта обернулась к роще. Она чувствовала себя оглушенной, в голове шумело, словно она хлебнула хмельного. Теплое ощущение счастья и наслаждения медленно растекалось по всему ее телу и заглушало слабеющий упрямый голос, который все повторял: «Почему, почему, почему?..» Она сонно посмотрела на поляну — там никого не было.

Марта неестественно хихикнула.

Что-то зашевелилось в чаще деревьев. Показалась туманная мужская фигура, лица почти не видно — его скрывала глубокая тень. Мужчина окликнул Марту.

Она бросилась по траве через поляну:

— Джослин! — закричала она. — Джослин! —
Слезы застилали ей глаза. — А я думала...

Позади нее стояла Алиса, сложив руки за спиной, и смотрела на рощу. Ветер осторожно шевелил листья. Из-за куста выскочил кролик и встал на задние лапки у ее ног. Она наклонилась и рассеянно почесала его за ухом. Кролик пискнул от удовольствия.

Марта вбежала под сень деревьев и очутилась в крепких объятиях. Солнечные лучи заливали все вокруг ослепительным светом, но лицо мужчины постоянно находилось в непроницаемой тени. Он был похож на Джослина, но вместе с тем это был кто-то другой. Джослин, но только такой, каким его видела, представляла себе Марта, Джослин ненастоящий, идеализированный, созданный ее воображением. На лбу у него зияла рана. Одежда была изодрана в клочья. Губы его двигались, он что-то говорил, говорил... Голос был почти такой же, как у Джослина, почти — но не совсем. Это был Джослин, но такой, каким знала его только Марта.

— Ты счастлива? — вопрошал чей-то теплый, задушевный голос. — Ты действительно счастлива?

Она улыбнулась и закрыла глаза.

На опушке по другую сторону рощи Алиса взяла кролика на руки и убежала в туманный колышущийся лес. Лес заискрился и стал таять, превратившись в бледную дымную полосу, которая уплывала вдаль, оставляя кружок деревьев вокруг залитой солнцем поляны, где неподвижно стояла Марта и обнимала кого-то, кто, быть может, был Джослином.

Корабль Монтейлера на сверхзвуковой скорости с ревом вынырнул из поднебесья, объятый кипящим шаром белого огня. Ударная волна, словно всесокрушающий молот, прошла по развалинам, превратив их в огромное облако пыли. Стройные башни и шпили рассыпались, деревья с корнями взлетали в воздух, ажурные пролеты мостов срывались со своих опор и искореженные падали вниз. Животные в нестерпимом страхе бежали, спасаясь от уничтожения, и скрывались в лесах, где другие существа терпеливо ждали, когда рассеются вихри горячего праха.

Монтейлер управлял кораблем, как взбесившейся лошадью, — твердо, беспощадно, жестоко. Он отключил датчики автоматической посадки, его гибкие пальцы с необыкновенной быстротой бегали по светящимся кнопкам пульта управления, меняя курс, корректируя высоту, вводя новые команды в механизмы рулей. Взгляд был прикован к экрану, на котором, словно в тумане, проносились фрагменты раскинувшегося под кораблем ландшафта. Глаза сверкали, губы сжались в тонкую полоску, исказив лицо почти болезненной гримасой. Корабль с воем сделал крутой вираж над скопищем заброшенных зданий и разбрызгал за собой тучи осколков. Пушечные удары, пронесшиеся над окрестностями вслед за кораблем, преодолевающим звуковой барьер, заглушили грохот рушившихся бетона и стали. В кресле рядом с Монтейлером Кэт закрыла глаза и бесильно откинулась на спинку.

Все было точно так, как и в былые времена — дикий спуск, разрушение, упоение на его лице. Она видела это выражение лица раньше, видела слишком много раз, и оно вызывало у нее отвращение. Посте-

пенно она успокоилась, но продолжала сидеть с закрытыми глазами, погруженная в воспоминания, которые вставали перед ее мысленным взором. На протяжении двух лет они вот так же посились по Галактике, неделями, месяцами замурованные в чреве корабля, брошенные в беспредельную тьму ночи, чтобы потом в реве двигателей пикировать к древним мирам человечества, пролетать над развалинами мертвых городов, оставляя за собой разрушение и стонущий воздух. Проснулась к жизни новая федерация, всколыхнулась мощная волна возрождения, прогресса. Они вдвоем были одной из лучших команд разведчиков — надежные, быстрые и главное всегда живые, всегда невредимые после каждого выполненного задания. Компьютеры, выбравшие и создавшие эту комбинацию из двух человек, заслуживали всяческой похвалы. Спокойная, хитрая Кэт. И Монтейлер, воплощение напора и натиска, автократ, чудовище с твердым взглядом холодных глаз и обманчивым безрассудством. По правде говоря, это было неплохое время, но когда оба получили повышение, они оставили космическую разведку и расстались друг с другом без особого сожаления. Два года — достаточный, даже более чем достаточный срок; они знали друг друга слишком хорошо после многомесячной совместной работы то на корабле, то на мертвых планетах, где они подолгу ожидали прибытия основных сил медлительных, громоздких экспедиций. Интимная близость, ставшая ритуалом, объединяла их на некоторое время, но то было желание без любви, защитная реакция на вынужденное бездействие и одиночество, дань человеческим потребностям. В глубине души они ненавидели друг друга.

Кэт сжала губы, ее лицо окаменело. Корабль на бреющем полете несся над горными хребтами, над

пустынными равнинами, над дремлющими лесами и безжизненными городами, рассыпавшимися в пыль за кормой. Они летели навстречу утру. Охваченные пламенем облака отражались в глади вод, в осколках еще блестящего металла. Там, внизу, пели птицы, и темные фигуры пробуждались ото сна в теплом брожении джунглей. И где-то были мужчина и женщина и что-то еще, не похожее ни на того, ни на другого. Все, что осталось от разведывательного патруля, — одинокие, наполненные страхом, смотрящие в глаза смерти. Загадка сфинкса: человек в детстве, зрелости, старости. Порочный, замкнутый круг, у которого нет конца, — это и есть полный, неизбежный конец.

Кэт вздрогнула, когда корабль ринулся к посадочной площадке древнего космодрома. В лучах разгорающейся зари развалины колебались и мерцали подобно туману и постепенно обретали новые устойчивые формы под серебристым днищем опускающегося корабля.

Туман осел на землю, засверкав бриллиантовыми капельками росы в зеленой траве. На поляне появились важные павлины в окружении скворцов, синиц и лебедей, за ними прыгали кролики, пушистые котята с белой шерсткой и розовыми мордочками. Воздух был напоен летними ароматами былых веков, в нем плыли отзвуки былых времен.

Чуть в стороне, на невысоком, поросшем травой холме, стоял домик, подобного которому нельзя было сыскать ни в каком другом месте. На крыше из кроличьего меха торчали две трубы, удивительно похожие на кроличьи уши. А в тени дерева перед домиком был накрыт большой стол, на нем стояли чайник, блюдца и чашки. В дальнем конце стола, тесно прижавшись друг к другу, сидели Кролик, мышь-Соня и маленький человечек в черной шляпе. Они и

внимания не обратили на корабль, когда он с ревом спустился из облаков к земле, испепеляя траву и вырывая с корнями вековые деревья.

Корабль остановился в сотне метров от диковинного домика и беззвучно замер, повиснув над самой поверхностью земли. Монтейлер, подавшись вперед, изучал видеоэкран.

— Ты только взгляни на этот чертов мираж, — сказал он. — Любой может поклясться, что он видит перед собой что-то реальное, существующее в действительности. Ничего удивительного, что Джослин и Марта поддались этому впечатлению.

— Если видения настолько реальны, что они способны обмануть корабельные компьютеры, — сказала Кэт, — то почему бы им не ввести в заблуждение и нас, людей?

— Ты что, рехнулась? Что с тобой? Неужели ты думаешь, что все это и впрямь существует?

— Все может быть.

— Ты сошла с ума. Где это ты видела существа, подобные этим?

Монтейлер широко улыбнулся.

— А впрочем, если они реальны, то это только к лучшему. Я в состоянии справиться со всем, что реально, что существует на самом деле, будь то разнаряженный заяц или что угодно другое.

Он протянул руку и включил электронный мозг корабля.

— Мне нужна проба почвы, — сказал он. — Сделай анализ и сообщи результаты. Не надо никаких подробностей, скажи только — это металл, камень или что там еще может быть.

Монтейлер обернулся к Кэт.

— Вот теперь мы посмотрим...

Они сидели молча и ждали, пока корабль брал пробу и производил анализ.

— Простейший анализ показывает, — бесстрастно начал корабль, — что поверхностный слой состоит из обычного чернозема, весьма плодородного и содержащего много микроорганизмов. Поверхность покрыта растительностью вида Graminae, более известной под названием...

— Достаточно, — прервала Кэт и обернулась к Монтейлеру:

— Он имеет в виду траву.

— Траву?

— Вот именно. А ты чего ждал?

Монтейлер круто развернул кресло и резко поднялся.

— Ну и дела! И этот проклятый корабль чудит, и у него в мозгу короткое замыкание! Послушай, ведь это самое место всего десять минут назад было космодромом, я видел это собственными глазами! Какая же, к дьяволу, тут может быть трава?!

— Но ведь трава есть, — улыбнулась Кэт.

— Это невозможно. Я выйду и посмотрю сам.

Люк выходного шлюза скользнул вверх. Перед кораблем до самого горизонта расстилалась свежая зелень, на фоне которой маячили громады старых деревьев и виднелся удивительный домик. Монтейлер скорчил гримасу.

— Трава! — презрительно бросил он.

Вокруг действительно была трава. Когда Монтейлер поднялся с колен, лицо его выражало растерянность.

— Черт знает что такое, — проворчал он и посмотрел на Кэт. — Я, верно, залетел не туда. Это не космодром.

Он обернулся к роботу, который вышел из люка вслед за людьми.

— Где мы находимся?

Робот ответил:

— На том же месте, где приземлился первый разведывательный корабль. Вы определили курс совершенно точно и не допустили никакой ошибки.

— Вот как! Где же тогда первый корабль, позвольте спросить?

— Согласно имеющимся данным, он находится там, — робот указал металлической рукой на домик с заячьими ушами.

Монтейлер устало вздохнул.

— Он рехнулся. Он думает, что дом — это космический корабль.

— Я вижу дом, — бесстрастно сказал робот. — Однако в соответствии с имеющимися в нашем распоряжении данными корабль должен находиться именно там.

Монтейлер уставился на домик. Он выглядел совершенно неестественно, словно сошел с картинки какой-нибудь детской книжки. К тому же все эти сельские окрестности, деревенские виды — и это там, где во все концы должны были разбежаться растрескавшиеся многотонные плиты и развалины сооружений бывшего космодрома!

Иллюзия, мираж, видение.

Безумный мир. Надежды, обернувшиеся кошмарами. Смятение. Спазмы первобытного страха, который, казалось, был забыт навсегда.

«Кто-то, — подумал Монтейлер, — шутит со мной эти шутки». Потом поправился: «С нами. Вот сви- ньи».

И он решительно, большими шагами направился к домику.

Три существа, сидевшие за столом, рассматривали Монтейлера с явным неудовольствием.

— Занято! Занято! Мест нет! — закричали они, когда он приблизился.

Не обращая внимания на крики, он уселся в большое кресло во главе стола, слегка удивившись тому, что кресло оказалось вещью вполне материальной. Оперев локти о стол, он обвел присутствующих взглядом.

— Места сколько угодно! — сказал он.

— Выпейте вина, — бодро предложил Кролик.

Монтейлер внимательно осмотрел стол, но на нем ничего не было, кроме чая.

— Я что-то не вижу вина, — сказал он.

— Еще бы! Его здесь и нет, — сказал Кролик.

— Зачем же вы его предлагаете? — растерянно спросил Монтейлер. — Это не очень-то вежливо.

— А зачем ты уселся без приглашения? Ты и твои странные друзья, — возразил Кролик. — Это тоже невежливо.

Монтейлер поднял брови.

— Но они не сидят за столом.

— Пусть бы только посмели! — воскликнул Кролик с возмущением.

— Что-то ты очень оброс, — сказал человек в большой шляпе. Он с пескываемым любопытством рассматривал Монтейлера, и это были его первые слова.

— Он существо фантастическое, — с умным видом сказал Кролик. — Они всегда так выглядят.

— Да, непричесанными.

— Совершенно непричесанными.

— А у одного из его друзей есть часы, они тикают в груди. Не могу сказать, чтобы это доставляло удовольствие, когда без приглашения являются к чаю да еще с часами в груди.

— Так всегда бывает с выдуманскими, фантастическими существами, они совсем не умеют вести се-

бя за столом, — сказал Кролик и неодобрительно посмотрел на робота.

— Соня опять спит, — заметил человечек и плеснул ей на нос горячего чая.

Соня досадливо помотала головой и, не открывая глаз, проговорила:

— Конечно, конечно, я как раз собиралась сказать то же самое.

— Чем ворон похож на конторку? — спросил человечек и проницательно посмотрел на Монтейлера.

— Масло было самое свежее, — неуверенно сказал Кролик.

— Жили были три сестрички, — поспешно начала Соня, — звали их...

— Позвольте предложить чашечку чаю, — вежливо сказал человечек.

— ...да, но туда, верно, попали крошки, — заметил Кролик едва слышно.

— ...которые тикают в его груди!

— Какое сегодня число? Мои часы опять остановились.

— ...не надо было мазать хлебным ножом...

Они начали кричать друг на друга и в пылу спора совсем забыли о посетителях. Монтейлер переводил взгляд с одного на другого и силился понять, не потерял ли он рассудок. Словесной перепалке не было конца. Тогда он поднялся из-за стола и возвратился к Кэт и роботу, которые стояли чуть поодаль и наблюдали за непонятной сценой.

— Ни о чем не спрашивай, — сказал он устало, — у меня нет даже малейшего намека на разумное объяснение.

— Ты не узнал этой сцены? — спросила Кэт.

— Я? Что ты имеешь в виду?

— Это же «безумное чаепитие» из старой сказки.

Я читала ее когда-то, она называется «Алиса в Стране Чудес».

— Безумное — вот самое подходящее слово воистину, — пробурчал Монтейлер. — Ну и что же, по твоему, это означает?

Опа пошевелила губами, глядя мимо него.

— Это могут быть механические куклы, роботы.

— Да, конечно, роботы. — В его голосе звучало сомнение.

Кэт прошла мимо Монтейлера и приблизилась к столу, где три существа упрямо отказывались замечать ее присутствие. Они копались в огромных карманных часах, механизм которых был измазан желтым сливочным маслом, перемешанным с хлебными крошками.

— Я же говорил, нельзя их смазывать сливочным маслом, — сказал человечек и зло посмотрел на Кролика.

— Масло было самое свежее, — печально ответил Кролик.

— Они похожи на автоматы, которые устанавливаются для развлечения в парках, — задумчиво сказала Кэт, возвращаясь к Монтейлеру. — Быть может, мы сели именно в одном из таких гигантских парков. Тогда все становится понятным.

— Те, кто построил такой парк, должны обладать совершенно необычным чувством юмора, — пробурчал Монтейлер. — Особенно если иметь в виду сфинкса, который раздражает людей на куски.

— Не забывай, что все это существует уже пятьдесят тысяч лет, — заметила Кэт. — Машины не могут функционировать идеально до бесконечности.

— Гениально, — усмехнулся Монтейлер и направился к домику. — Не забудь поделиться со мной новыми светлыми мыслями, если они у тебя появятся.

И пошевеливайся, где-то тут неподалеку паши друзья ждут помощи.

Кэт пошла за ним.

— Ты думаешь, их корабль находится там? — спросила она недоверчиво.

— Как я могу это знать? Он может быть там точно так же, как и в любом другом месте.

Она вздохнула, но ничего не сказала.

Они вошли в дом. Кругом царил поистине величественный беспорядок: на полке для головных уборов стояли ботинки; столы были перевернуты, на их беспомощно поднятых кверху ножках чудом держались чайные чашки; в птичьих клетках сидели какие-то странные существа, которые менее всего походили на птиц. Вместе с тем в доме было покойно и безмятежно, и обстановка была до того абсурдна, что Кэт не могла сдержать улыбки.

— Мол, — начала она, — это не напоминает тебе...

Ее прервал стук двери, резко захлопнувшейся перед роботом. Она обернулась, и от того, что предстало ее взору, у нее захватило дух.

Воздух вокруг них наполнился мерцанием, из стен поплыли волны тумана, сквозь который ничего нельзя было рассмотреть. Комната как будто раздвинулась, и уютное тепло помещения сменилось промозглым холодом. Идиллические сельские звуки смолкли, в наступившей грозной тишине откуда-то издали доносился стук падающих капель. Бормоча проклятия, Монтейлер пытался сквозь клубы тумана нащупать какую-нибудь опору, какой-нибудь выход; его башмаки звучно ступали по твердому камню.

Неожиданно туман стал редеть и вскоре бесследно исчез. Монтейлер и Кэт обнаружили, что находят-

ся в гигантском слабо освещенном сталактитовом гроте. Вокруг поднимались сверкающие колонны, они величественно поддерживали потолок, незримо простершийся высоко над их головами. Кэт сделала несколько шагов назад и уперлась спиной во влажную гранитную стену. Монтейлер застыл, пригнувшись, с пистолетом в руке и неотрывно смотрел на предмет, видневшийся в центре пещеры.

Черный космический корабль-разведчик неподвижно покоился в полуметре от земли, окруженный решеткой из гранитных столбов, испускавших хрустальное сияние. Его орудийные стволы были спрятаны в корпусе, люк шлюза плотно задраен. Корабль — всемогущий, непобедимый, фантастический корабль Джослина и Марты — висел безжизненно и молчаливо, смирившись со своим пленом.

8

...Монтейлер застыл в пилотском кресле. Вдруг он стукнул кулаком по подлокотнику, растопырил пальцы и уставился на них, словно пульсирующая боль могла дать ему какой-то ответ.

— Корабль настоящий, — проговорил он медленно, — и его никто не тронул. Но пещера...

Он посмотрел на видеозэкран. В нем отражалась внутренность огромного грота, озаренная бледным светом, который, казалось, струился со всех сторон, но изображение дрожало и мигало, как будто аппаратура не могла решить окончательно, существует ли этот грот в действительности. Иногда сквозь гранитные стены можно было различить размытые очертания зеленых холмов, на мгновение за ними появлялись тени роц над заросшими травой полянами, но все эти картины вспыхивали неожиданно и тут

же как бы нехотя растворялись и исчезали. Глаза, чувства согласно убеждали, заставляли сделать закономерный вывод о реальном существовании пещеры, во всей ее каменной громадности, жестокой неотвратимости, но телекамеры все еще, видимо, сомневались, колебались, искали подтверждения.

— Это конец, — с горечью сказал Монтейлер. — Мы в плену у галлюцинаций, из которого нет выхода.

Он повернул кресло так, что оказался лицом к лицу с Кэт — она сидела на месте второго пилота.

— Появились у тебя какие-нибудь светлые идеи?

Она ответила:

— Можно было бы попытаться пробить стены нашей тюрьмы. На корабле есть лазерные пушки, стоит...

— ...стоит пустить их в дело, и каменный потолок обрушится на нас всей своей громадой. Нет уж, уволь.

Он протестующе поднял руку, едва она открыла рот, и не дал ей заговорить.

— Знаю, знаю, все это только мираж, галлюцинации, но можешь не сомневаться, как только мы откроем огонь, потолок рухнет и раздавит нас, каким бы эфемерным он ни был. На такой риск я не пойду.

Он опять повернулся к экрану.

— У тебя есть другие предложения? — спросила Кэт.

— М-м... пожалуй, нет, — помедлил он с ответом. — Но я не собираюсь сидеть здесь сложа руки. Ты тоже побывала там, снаружи, и сама убедилась, какие невероятные вещи происходят вокруг. Поначалу можно и запутаться во всем этом, потерять голову, но в конце концов мы найдем выход. Всему должно быть логическое объяснение.

Кэт встала со стула и подошла к выходному люку. Прислонившись к изогнутой металлической поверхности, она выглянула наружу.

— Но ведь это не чуждый нам мир, — сказала она... — Это Земля.

— Разумеется. — Монтейлер смотрел на ее силуэт поверх мерцающего цветного изображения на экране. — Разумеется, Земля. Но никто не был на этой Земле в течение пятидесяти тысяч лет, а это очень долгий срок. Какая-то часть человечества должна была остаться здесь, когда остальные покинули планету. За это время могло произойти всякое.

Он нахмурился.

— Они могли превратиться в каннибалов или того хуже. Кто знает, не отсюда ли начинается дорога на их специализированную кухню?..

Кэт бросила на него взгляд из-под удивленно изогнувшихся бровей.

— И ты действительно веришь в это?

— Я больше не верю ни во что. Я только пытаюсь сохранить здравый смысл среди этого безумия.

Монтейлер встал и выключил экран. Мигающее изображение сжалось в яркую точку и погасло.

— Идем отсюда, — сказал он.

Кэт медленно повернула голову в его сторону.

— Каким образом?

— А как ты думаешь?

Он стал рыться в небольшом стенном шкафчике, выкидывая попадавшиеся под руку предметы прямо на пол. Наконец он вытащил два портативных ультракоротковолновых передатчика и один из них бросил Кэт. Она поймала маленький прибор в кожаной сумке и повесила его через плечо.

— Галлюцинации это или нет, — ворчал Монтейлер, — а убраться отсюда можно только одним способом — добрым, старым, испытанным.

Тем временем Кэт проверяла и настраивала свой передатчик. Кончив, она пропустила Монтейлера к выходному люку. Он спрыгнул на землю и указал в дальний угол пещеры, где виднелись проходы в новые подземные пустоты, наполненные безжизненным светом.

— Да, добрым надежным способом — пешком.

Они покинули плененный корабль в окружении колонн, сверкавших рубинами, изумрудами и хризолитами. Перед ними возникли застывшие водопады под причудливыми арками мостов, которые вели в никуда. Что это было — творения, созданные за тысячелетия совместными усилиями камня и терпеливо капающей воды? Или плод вдохновения неизвестного творца, воздвигшего их за одно мгновение? Монтейлер не хотел задумываться; в глубине души он с пугающей отчетливостью сознавал, что боится ответа на эти вопросы.

Они углубились в окаменевший лес, где мощные деревья поднимали свои вершины к недосыгаемому потолку, где почва была покрыта кустарником и травой из холодного блестящего камня. Узловатые ветви висели в воздухе, неся свою громадную ношу окаменевшей листвы; цветы светились хрустальным сиянием; волны травы навеки застыли под пролетевшим здесь когда-то порывом ветра. Среди стволов извивалась узенькая тропка, следуя берегом ручья с прозрачной сверкающей водой. Там и сям на каменных уступах играли бойкие водопады. Тишину подземелья нарушало только журчание воды.

За лесом открылись новые пещеры; они становились ниже и уже по мере того, как все явственнее ощущался спуск куда-то вниз. Иногда Монтейлер и Кэт продвигались вперед на четвереньках по изви-

листым проходам, которым, казалось, не будет конца; а иногда они подолгу плутали в беспредельных залах, где шаги гулко отдавались под невидимыми сводами. Они уже начали терять надежду на то, что этому блужданию придет конец и они вновь смогут выбраться на поверхность, когда неожиданно за крутым поворотом увидели перед собой проблески серого света. Ошибиться было нельзя — там был выход из лабиринта, там занималось хмурое сумрачное утро. Снаружи доносился шум волн, равномерно набегавших на берег. Они подошли к выходу и увидели перед собой свинцовую морскую ширь.

У центрального моря

Над песчаным берегом, где в бледном свете можно было различить окаменелые останки доисторических животных, круто вздымались отвесные скалы, соединяясь в купол на такой высоте, что под ним плыли тяжелые тучи. С невидимых гранитных плит свода, пронзая сырую, мрачную пелену, спускались огромные сталактиты — они вырисовывались над головой, словно вершины гор в перевернутом с ног на голову мире. Море тихо перекачивало величественные серо-голубые валы и казалось безжизненным. Берег, тянувшийся изогнутой линией от горизонта до горизонта, был пустынен, только перед выходом из туннеля, в котором находились Монтейлер и Кэт, стояла группа людей в форменной одежде.

Неподалеку от берега над поверхностью воды слегка выступал длинный гладкий корпус, отливавший черным металлом. На палубе виднелись башенка, маленькая мачта, открытый люк. Люк окружала группа людей в темно-синей форме, и у каждого слева на груди пылал огненно-красный знак. Среди

них выделялся высокий человек с усталым выражением обрамленного бородой лица. Он стоял впереди, был одет во все черное, но и на его груди краснела та же эмблема.

Рядом с высоким человеком стояла светловолосая девочка, и ее яркое голубое платье контрастно выделялось на фоне общей довольно мрачной картины. Девочка держала в руках разноцветный мяч и смотрела на Монтейлера глубокими голубыми глазами.

Монтейлер вышел из туннеля словно бы не замечая направленных на него блестящих оружейных стволов.

— Что это значит? — спросил он. — Кто вы такие?

Человек в черном выпрямился и заложил руки за спину. В его темных глазах под плоской форменной фуражкой затаились веселые искорки.

— Можете называть меня капитаном Немо, — ответил он.

Рядом с ним смеялась маленькая девочка.

9

Капитан Немо, невозмутимый, сдержанный, первым спустился по трапу в подводную лодку, в свою очередь предшествуемый златовласой девочкой, которая, радостно сияя глазами, не расставалась со своим мячом. Молчаливые члены команды замыкали процессию. Входной люк захлопнулся за ними с громким стуком, и тотчас же послышалось шипение воды, хлынувшей в открытые краны. Звякнул медный колокол, прозвучала боцманская дудка, морская вода с шумом наполняла корабельные резервуары. Пол под ногами слегка закачался. Подводный корабль опустился в спокойные глубины, оставив на

поверхности центрального моря пенную полосу. Берег опять опустел, только следы на песке выдавали недавнее присутствие людей в этом неприветливом уголке.

Следуя за человеком в черном, Монтейлер и Кэт остановились перед тяжелой дверью из красного дерева, украшенной рельефными изображениями морских животных. Капитан Немо взялся за сверкающую золотом ручку и обернулся к ним.

— Приветствую вас на борту «Наутилуса», — сказал он низким, хорошо поставленным голосом. Он говорил на языке Межпланетной федерации без малейшего акцента.

— Считайте себя моими гостями, — продолжал он, и на его губах мелькнула тень надменной улыбки.

Монтейлер бросил взгляд через плечо. Сзади стояли люди в форме, неподвижные и безразличные, — казалось, присутствие посторонних их не касается.

— Станный у вас обычай приглашать к себе гостей — с помощью оружия, — проговорил Монтейлер.

Немо слегка поклонился.

— Я здесь капитан и волен поступать так, как мне заблагорассудится. И тем не менее повторяю — вы мои гости.

Монтейлер промолчал.

— Я колебался, — продолжал капитан Немо. — Ничто не обязывает меня оказывать вам гостеприимство. Я мог бы попросту оставить вас на берегу центрального моря умирать голодной смертью. Мог бы поместить вас на палубе, забыть о вашем существовании и направить корабль в морскую бездну. Разве я не вправе был бы это сделать?

— Это право дикаря, а не цивилизованного человека, — ответил Монтейлер.

— Капитан Монтейлер! — в голосе Немо послышалась некоторая горячность. — Я не являюсь, как вы выразились, цивилизованным человеком. Я порвал с человечеством, с обществом по причинам, о которых я один имею право судить. Я не подчиняюсь общественным законам и прошу вас никогда не упоминать о них в моем присутствии.

Кэт негромко спросила:

— Почему же вы взяли нас на борт?

— Как вам объяснить? — на губах капитана Немо появилась легкая улыбка. — Я случайно оказался на этом месте — и позволил себе выполнить маленькую прихоть, вот и все. А кроме того, — он чуть поклонился, — кто же откажется предложить гостеприимство такой очаровательной даме?

Но его слова не произвели на Кэт никакого впечатления.

— Мы могли бы заставить вас освободить нас из плена.

— Заставить меня? На моем корабле, погруженном в глубины центрального моря?

Он засмеялся ей в лицо.

— Даже с помощью вашего оружия — а как видите, я настолько не боюсь его, что даже не потрудился отобрать его у вас, — даже с помощью вашего оружия вы ничего не можете мне сделать, иначе вам придется пожинать плоды собственного безрассудства и погибнуть вместе с нами. Подводные лодки, как вы, возможно, знаете, весьма уязвимы. Я склонен полагать, что вы проявите благоразумие, моя молодая дама. Прошу вас, забудьте всякую мысль о побеге и считайте себя пассажирами «Наутилуса».

Капитан Немо отдал распоряжение одному из матросов на непонятном языке, а затем вновь обра-

тился к Кэт:

— Стюард накрыл стол для завтрака в вашей каюте. Он покажет вам дорогу. А вы, капитан Монтейлер, не окажете ли любезность позавтракать со мной? В таком случае прошу вас пройти сюда.

Не дожидаясь ответа, он открыл дверь из красного дерева и прошел вперед. Монтейлер встретился взглядом с Кэт, пожал плечами и последовал за ним. Дверь бесшумно закрылась.

Немо и Монтейлер прошли длинный коридор и через вторую дверь вошли в роскошную столовую, убранство которой напоминало скорее королевский дворец, чем подводную лодку. Двери скрывали тяжелые портьеры, на стенах, отделанных панелями из красного дерева, висели дорогие картины в золоченых рамах, в нишах стояли мраморные статуи. В обоих концах зала высились застекленные шкафы, их полки были уставлены различными предметами из хрусталя и фарфора, которым, очевидно, не было цены. Массивное столовое серебро тускло поблескивало под лучами неяркогo света, падавшего с лепного потолка.

Посреди зала стоял изысканно накрытый стол. Капитан Немо предложил Монтейлеру сесть. Золотоголовая девочка без стеснения забралась на стул, стоявший возле стола, и весело заболтала ногами.

Монтейлер первым нарушил молчание:

— Капитан, должен признаться, что вы обставили свое обиталище в роскошном стиле былых времен. Но позвольте спросить, почему за столом с вами один я? Почему вы не пригласили даму, которая была со мной?

Капитан Немо неторопливо пригубил вино, поданное слугой, и, убедившись в его отменном качестве, сделал знак наполнить бокалы. Затем он обратил-

ся к Монтейлеру:

— Я руководствуюсь правилами приличия, — сказал он. — Мы с вами можем считать себя равными — если иметь в виду общественное положение. Вы, как и я, командир корабля и осуществляете командование в условиях, которые в высшей степени напоминают условия на борту «Наутилуса». Боюсь, что ваша спутница, несмотря на все свое очарование, не занимает такого же положения.

— Но она... — начал Монтейлер, однако капитан Немо перебил его:

— Она женщина, — холодно сказал он. — У нее есть своя каюта. Я нисколько не сомневаюсь, что ей будут предоставлены все необходимые удобства.

Судя по всему, спорить с ним было бесполезно. Монтейлер нехотя последовал примеру хозяина и занялся едой. Яства, как и все на этом удивительном корабле, отличались изысканностью, но у него не было аппетита.

Кофе и ликеры подали в библиотеке. Это был просторный зал, обставленный уютными кожаными креслами. На полках вдоль стен в образцовом порядке теснилось множество книг. Монтейлер, осторожно держа в руке хрустальную рюмку, сквозь янтарную жидкость смотрел на огонь в камине.

«Совсем как два старомодных воспитанных джентльмена, — думал он. — Черт побери, будь у меня хоть капля разума, я свернул бы ему шею!»

Капитан Немо рассматривал гостя холодным отсутствующим взглядом. Он сидел в глубоком кресле, держа в одной руке рюмку с коньяком, а в другой — необычно ароматную сигару.

— Если вы строите планы побега, — сказал он спокойно, — то, боюсь, я буду вынужден огорчить вас, посоветовав отказаться от них. «Наутилус» идет курсом зюйд-ост к Средиземному морю на глубине

сто метров. Никто не может покинуть корабль без моего разрешения. Как вы понимаете, подводная лодка весьма надежная тюрьма, если вы упорно продолжаете считать «Наутилус» тюрьмой. Для меня вы, разумеется, почетный гость.

— Когда же вы намерены выпустить нас отсюда?

— Когда для этого представится случай. — Капитан Немо слегка пожал плечами. — Быть может, никогда. Я надеюсь, что вы найдете путешествие под водой достаточно увлекательным, чтобы не пожалеть о той случайности, которая забросила вас сюда.

— Мы находимся здесь с заданием чрезвычайной важности, — сказал Монтейлер. — Там, на суше, остались люди, члены моего экипажа, которые нуждаются в помощи. Если бы вы только знали...

— Я знаю все о вашем задании, — перебил капитан Немо. — Все здесь знают всё о вашем задании. Что же касается ваших пропавших товарищей, то они наверняка скоро обнаружат, что могут отлично обойтись и без вас.

Он слегка улыбнулся и повторил:

— Могут отлично обойтись...

— Итак, вы намерены задержать нас здесь? — спросил Монтейлер.

— Да, именно это я намерен сделать.

Капитан Немо бросил быстрый взгляд на девочку, которая сидела на краю стола и, смеясь, играла мячом.

— Нам надо очень многое обсудить, мне хочется столько показать вам, у меня...

Монтейлер почувствовал, как в нем закипает неудержимый гнев, рожденный собственным бессилием. Такие приступы нападали на него и раньше. Он рывком встал с кресла и бросил рюмку в огонь; она рассыпалась на мелкие осколки, которые засверкали в отблесках пляшущего пламени.

— Меня это совершенно не интересует, — сказал он.

С этими словами он повернулся и пошел к двери. Она бесшумно отворилась. Перед ним молча стояли люди в форме.

Капитан Немо не шевельнулся.

— Мы поговорим об этом позже, капитан Монтейлер, — сказал он. — Тогда вы, несомненно, будете более благоразумны.

Монтейлер хлопнул дверью. Он испытывал удовлетворение, слушая, как громкое эхо раскатилось по коридору, когда молчаливые люди уводили его из библиотеки.

10

Как оказалось, капитан Немо проявил достаточную заботливость о своих гостях, поместив их в соседних каютах. Каюта Монтейлера была обставлена с роскошью, которой отличалось все убранство подводного корабля: стены обшиты панелями из красного дерева, в углу стоял массивный письменный стол, рядом — широкая кровать из ценных древесных пород. На одной из стен установлены приборы, отмечающие давление воды, скорость и глубину. Пол застилал пушистый ковер. Рядом с каютой находилась небольшая удобная ванная комната (предназначенная только для Монтейлера). Кэт предоставили более скромное помещение: голые металлические стены, маленький круглый стол, матросская складная койка, которая ночью занимала почти всю каюту, а днем убиралась в стену. Но, хотя о персональной ванной Кэт не могла и думать, на столике стояла ваза со свежими цветами — очевидно, уступка хозяйки на женскому вкусу...

— Что же делать? — спрашивала Кэт. — Неужели мы так и будем сидеть здесь, позволив этому умалишенному, называющему себя капитаном, дурачить нас, как ему придет в голову?

Она сидела на мягкой кровати Монтейлера, поджав под себя ноги. Лицо у нее осунулось и побледнело, голос выдавал раздражение, тонкие, едва заметные складки возле губ свидетельствовали о внутреннем напряжении.

«Нервничает. Впрочем, это естественно, — подумал Монтейлер, — мне не в чем ее упрекнуть».

Он устроился на краю письменного стола. Хрустальная люстра над ним слегка позвякивала подвесками в такт качке. Он посмотрел на радужные стекляшки и пожал плечами.

— Ты предлагаешь бежать?

Она подняла голову.

— А что может нам помешать?

— Что? Да то, что у нас с тобой только лазерные пистолеты, и если мы воспользуемся ими, то неминуемо продырявим корпус корабля. И капитан Немо прекрасно это понимает.

Кэт задумчиво жевала прядку волос.

— Я не совсем в этом уверена, — сказала она. — У меня такое чувство...

Она не закончила фразы. Потом продолжала:

— Нет, не могу сказать этого с уверенностью. Знаю одно: есть, обязательно должен быть какой-то очень простой способ выпутаться из этой истории. Если бы только я могла вспомнить... Послушай, Мон, а его нельзя подкупить?

— Исключено. У него здесь есть все, чего он только может пожелать, и даже сверх того. Нам нечего предложить ему.

— Судя по тому, как он тебя обхаживает, можно

подумать, что ему от тебя что-то нужно. Очевидно, без меня он выразил бы это более определенно.

— Здесь на борту одни мужчины, — Монтейлер широко улыбнулся. — Для женщин здесь просто нет места. Вероятно, он не знал бы, что надо делать, если бы ему в руки вдруг попала представительница прекрасного пола. За завтраком он хотел поговорить с человеком, которого он считает равным себе по положению, только и всего. По-моему, он истосковался по обществу.

Неожиданно электрический свет в люстре замигал и постепенно погас. Над кроватью вспыхнул язычок газового пламени, освещая каюту неверным желтоватым светом. Газовый рожок представлял собой бронзового ангела с факелом в руках.

Монтейлер потянулся, чувствуя, как им овладевает сонливость.

— Очевидно, пора спать.

Он взглянул на Кэт.

— Как ты на это смотришь?

— Можно и спать. А можно заняться делом.

Она достала пистолет и принялась задумчиво играть оружием.

— Интересно, что будет, если установить его на максимальную мощность и максимальную дистанцию и разрядить прямо в потолок?

— У меня неплохое воображение, — мрачно произнес Монтейлер. — Я могу представить себе результат.

Кэт передвинула регуляторы на пистолете и повертела его в руках.

— Как раз в этом я сомневаюсь. — Кэт задумчиво посмотрела на него. — Мне кажется, я начинаю догадываться, куда мы попали. Сначала этот спектакль из сказки «Алиса в Стране Чудес», теперь вот это...

Она замолчала, продолжая играть пистолетом. А потом неожиданно спросила:

— Тебе когда-нибудь приходилось слышать выражение: Deus ex machina?

— Нет.

— Это такой литературный прием. Когда писатель оказывается настолько неловким, что ставит своих героев в безвыходное положение, он нередко прибегает к Deus ex machina — какому-нибудь чудесному спасению. Это может быть что угодно, лишь бы разрядилась обстановка.

— Какое же отношение это имеет к нам? — недоумевающе спросил Монтейлер.

— Неужели ты не понимаешь, Мон? Мы попали в мир книг, мир, созданный фантазией писателей. Нас окружают вымышленные сказочные персонажи литературных произведений. Я думаю...

Она крепче сжала пистолет в руке. Монтейлер не успел даже сделать протестующий жест, как раздался выстрел. Потолок каюты расколосся, и в помещение хлынули потоки воды. Пол резко качнулся и стал уходить из-под ног. Монтейлера отшвырнуло к кровати. Он ударился обо что-то головой, кровать превратилась в бездонный кратер, который стал заглатывать, всасывать его в беспредельную непроницаемую тьму.

11

Монтейлеру казалось, что какая-то сила качает и несет его в мировом пространстве, подчинив мощному ритму. Мерцающие искорки вспыхивали и пролетали мимо. Когда в своем качании он снова достиг максимума и уже совсем готов был пуститься в обратный путь, где-то ударил и загудел громадный

гонг. Постепенно амплитуда полета становилась все короче и короче. Его начало бросать из стороны в сторону с нарастающей быстротой. Гонг грохотал все чаще и яростнее. Он ждал каждого удара с невыразимым ужасом. Потом ему показалось, что его тащат по хрустящему, белому, раскаленному солнцем песку. Это причиняло ему невыносимые муки. Кожу опалял огонь. Гонг гудел как похоронный колокол. Сверкающие точки мчались мимо нескончаемым потоком, словно вся звездная система проваливалась в пустоту. Монтейлер вскрикнул, с трудом перевел дыхание и открыл глаза.

Два человека, стоя на коленях, хлопотали над ним. То, что качало его в мощном ритме и несло куда-то, оказалось качкой судна на волнах океана, а вместо ужасного гонга он увидел висевшую на стене сковороду, которая брэнчала и дребезжала при каждом наклоне судна. Хрустящий песок превратился в жесткие ладони какого-то человека, растиравшего его обнаженную грудь.

Монтейлер застонал от боли, приподнял голову и посмотрел на свое красное, воспаленное тело, покрытое капельками крови, выступившими сквозь царапанную кожу.

— Хватит, Ионсон, — сказал второй. — Не видишь что ли, совсем содрал с джентльмена кожу!

Тот, кого называли Ионсоном, — человек могучего скандинавского типа — перестал растирать Монтейлера и неуклюже поднялся на ноги. Монтейлер с трудом сел, а затем, опираясь на Ионсона, встал рядом с ним. Все тело горело и саднило, мир перед глазами упрямо кружился, и, чтобы не упасть, он вынужден был прислониться к переборке. Отдышавшись, Монтейлер едва слышно спросил:

— Где я нахожусь? Что это за судно и куда оно идет?

Человек, обратившийся ранее к Ионсону, стоял в противоположном углу каюты, тоже прислонясь к переборке.

— Мы около Фараллонских островов, — сказал он, — на юго-западе от них. Это шхуна «Призрак». Идем к берегам Японии бить котиков.

Монтейлер покачал головой — такое объяснение ничего ему не говорило.

— А кто капитан шхуны? Мне нужно повидаться с ним.

На лице Ионсона неожиданно отразилось крайнее смущение и замешательство.

— Капитан — Волк Ларсен, так его все называют. Я никогда не слышал его настоящего имени. Но говорите с ним поосторожнее. Он сегодня бешеный. Его помощник...

Но Монтейлер его не слышал. Он все еще прижимался к стене, закрыв глаза и тяжело дыша. Обморок оставил в голове гудящую пустоту, к горлу подступала тошнота, от непрерывной качки ему становилось все хуже. Силы его были на исходе. Человек из иного мира, так не похожего на тот, что окружал его теперь, Монтейлер не понимал, что с ним происходит, мысли его путались, он не представлял себе, как эти люди...

«Кэт!» — сверкнуло вдруг в его мозгу.

Он сделал несколько неуверенных шагов, пошатнулся и свалился бы на пол, если бы Ионсон не подержал его.

— Осторожно, осторожно, сэр, — проговорил он, — вы еще слабы как котенок.

Монтейлер сбросил с себя его руку.

— Где капитан? — спросил он.

Матрос показал на крутой трап. Монтейлер заковылял к нему и с трудом поднялся на палубу. Его

все еще пошатывало от слабости. Порыв ветра налетел на него, и он поспешил ухватиться за угол рубки. Сильно накренившись, шхуна скользила вверх и вниз по длинной океанской волне. Над его головой на фоне темно-синего неба раздувались паруса. Значит, он на парусном корабле!

На палубе находились несколько человек, но никто из них не обращал на Монтейлера внимания. Все, казалось, были заняты тем, что происходило посреди палубы. Там, на крышке люка, лежал какой-то грузный мужчина. Он лежал на спине; рубашка на его груди, поросшей густыми черными, похожими на шерсть волосами, была разодрана. Черная с проседью борода покрывала всю нижнюю часть его лица и шею. Борода, вероятно, была жесткая и пышная, но обвисла и слиплась, и с нее струйками стекала вода. Глаза его были закрыты, грудь не поднималась.

Возле люка расхаживал человек атлетического телосложения, с широкими плечами и грудью. Внезапно, подобно удару грома, он обрушился на мертвеца, поток ругани хлынул из его уст. Вскоре он оборвал свою брань так же внезапно, как начал, раскурил потухшую сигару и оглянулся вокруг. Его холодные глаза встретили растерянный взгляд Монтейлера.

— Эй, вы там! — крикнул он. — Подите сюда!

Тон приказания был таким повелительным, что Монтейлер тотчас подошел и не подумав о возможности неповиновения. Человек смотрел на него несколько мгновений с нескрываемым презрением, затем указал на труп у своих ног.

— Вы, верно, пастор? — спросил он. — Прочтите какую-нибудь молитву за упокой души этого бродяги.

— Я не пастор, — ответил Монтейлер.

— В самом деле? — Человек, прищурившись, смерил его взглядом с головы до ног. — А мне показалось, что вы священник. Чем же вы зарабатываете на жизнь?

— Я офицер.

По губам атлета скользнула усмешка.

— Офицер! Жалкий трус, хотите вы сказать. Вы не стоите на своих ногах. Вы не могли бы прожить самостоятельно и суток, не сумели бы три раза в день набить себе брюхо. Покажите руку!

Прежде чем Монтейлер успел опомниться, он шагнул к нему, схватил его правую руку и поднес к глазам. Монтейлер попытался освободиться, но жесткие пальцы без всякого видимого усилия крепче схватили его руку, и Монтейлеру показалось, что у него сейчас затрещат кости. Трудно при таких обстоятельствах сохранять достоинство. Приходилось стоять смиренно и переносить это унижение.

Человек с презрительной гримасой отпустил руку Монтейлера.

— Изнеженная рука. Такие руки ни на что, кроме мытья посуды и стирки, не годны.

— Мне необходимо сойти на берег, — сказал Монтейлер с деланным спокойствием. — И кроме того, я хочу знать, где находится женщина, которая была со мной. Она на борту, не так ли?

Человек с любопытством поглядел на Монтейлера. Глаза его светились насмешкой.

— У меня есть другое предложение, — сказал он, не отвечая на вопрос, — для вашего же блага. Мой помощник умер, и мне придется сделать кое-какие перемещения. Один из матросов займет место помощника, юнга отправится на бак — на место матроса, а вы замените юнгу. Подпишите условия на этот рейс — двадцать долларов в месяц и харчи. Ну что скажете? Заметьте — это для вашего же блага!

Я сделаю вас человеком. Вы со временем научитесь стоять на своих ногах и, быть может, даже ковылять немного.

— Вы сошли с ума!

— Подумайте хорошенько. — Он отвернулся. — Я только распоряджусь, чтобы эту скотину похоронили, как положено, в море, а потом мы продолжим наш разговор. Но думайте быстро, я не собираюсь тратить на вас весь день.

С этими словами он направился большими шагами к мертвецу, которого уже начали зашивать в парусину. Монтейлер, преодолевая тошноту, подошел к борту и растерянно уставился на бурный морской простор.

«Какое-то безумие», — подумал он.

И тем не менее он находился на шхуне. А Кэт? Что стало с ней? Он собрался с силами и, шатаясь, спустился по трапу вниз.

— Я видел, как ты болтал с Волком Ларсеном, — сказал Ионсон. — Послушай меня, не перечь ему. Он и так зол не в меру. Если будешь огрызаться, он попросту прихлопнет тебя.

Монтейлер тяжело опустился на колченогий табурет. Но стоило ему нащупать рукой лазерный пистолет, как он почувствовал себя увереннее.

— Мы еще посмотрим, — проворчал он. — Где женщина, здесь?

Ионсон откусил кусок чего-то похожего на темную скользкую веревку и принялся методично двигать челюстями.

— Женщина здесь. Выудили ее вместе с тобой. Сейчас она на корме, иначе бы ей не сдобровать.

Он сплюнул на пол.

— Не так уж часто нам здесь приходится видеть баб, — пояснил он.

Монтейлер поднялся.

— Благодарю, — сказал он, — этого достаточно.

Ионсон безразлично пожал плечами.

— Когда управишься, — сказал он, не переставая жевать, — можешь зайти к коку. Юнга обычно отирается на камбузе.

Монтейлеру удалось незаметно пройти по палубе мимо Волка Ларсена и матросов, которые были заняты несложным ритуалом морских похорон. Он спустился вниз по крутому деревянному трапу на корме, прошел по качающемуся коридору, морщась от нестерпимой вони, и остановился перед запертой дверью. Он постучал в дверь рукояткой пистолета.

— Кто там?

Голос Кэт! Он глубоко вздохнул и сунул пистолет в кобуру.

— Это я, Мон. Открой.

Заскрежетал запор, и дверь со скрипом приоткрылась. Перед ним стояла Кэт, мокрая, растрепанная, но, судя по всему, совершенно невредимая. Увидев Монтейлера, она засмеялась.

— Ну и вид у тебя, Мон! Что с тобой? Уж не дрался ли ты с самим Волком Ларсеном?

— Не паясничай! — Монтейлер вошел в каюту и захлопнул за собой дверь. — Неужели тебе смешно? Она пожала плечами.

— Все зависит от того, как смотреть на вещи. — Уголком глаз она следила за ним. — Тебе предложили стать юнгой?

— Да.

— Если хочешь меня послушать, не соглашайся. Со временем ты, конечно, продвинешься по службе, но сейчас тебе придется очень нелегко.

Монтейлер пропустил ее слова мимо ушей. За спиной Кэт он увидел светловолосую девочку в

нарядном сухом платьице и ослепительно белом накрахмаленном фартучке. Она сидела на койке, болтая ногами, и играла большим разноцветным мячом. Девочка улыбнулась Монтейлеру, но ничего не сказала.

— Она тоже оказалась на шхуне?

Кэт бросила быстрый взгляд на девочку.

— Как тебе сказать? И да и нет. Просто мы с тобой попали на это судно, а она последовала за нами.

Кэт замялась.

— Все это довольно трудно объяснить, Мон. Мы немного поговорили с Алисой, пока тебя там на палубе производили в юнги... Вспоминали старые книги. Вернее, старинные сказки, басни и прочие небылицы.

— По-моему, ты не совсем здорова.

— Я не буду пытаться что-нибудь объяснять тебе, Мон. Попробуй разобраться во всем сам, если сможешь. У меня были определенные догадки, еще когда мы очутились у капитана Немо на «Наутилусе». Тогда я испробовала этот трюк — Deus ex machina, чудесное спасение, и, когда мне это удалось, я поняла... по крайней мере кое-что.

Монтейлер оглядел помещение.

— У нас все еще есть оружие. Кажется, развитие здесь, на Земле, пошло вспять, чуть ли не к временам варварства: этот корабль идет под парусами! Уверен, что мы справимся со всеми проблемами без особых трудностей. Но прежде всего надо вырваться отсюда. Потом посмотрим...

К нему подошла Алиса, крепко сжимая в руках мяч.

— Тебе здесь не нравится? — спросила она.

Монтейлер равнодушно посмотрел на нее сверху вниз.

— Не беспокойся, — сказал он. — Мы возьмем тебя с собой. Посиди-ка на койке, пока я попытаюсь все устроить.

— А я думала, что тебе понравится все это, — сказала девочка, как бы извиняясь. Потом она склонила голову к плечу и посмотрела на него невинными глазами.

— Куда ты собираешься поехать?

Монтейлер пожал плечами.

— В какой-нибудь город. Туда, где есть какие-нибудь власти. Куда угодно, только бы выбраться отсюда.

Алиса была явно озадачена. Она то и дело переводила взгляд с Монтейлера на Кэт, пытаясь разобраться в новых для нее понятиях. Наконец она спросила:

— В какой город?

Усилием воли Монтейлеру удалось сохранить серьезность.

— В любой город, — сказал он. — Можешь выбрать сама.

— Ах, любой город, — повторила она. — Понимаю... Любойград!

Она задумчиво поглядела вокруг.

— И постарайся придумать что-нибудь повеселее, чем до сих пор, — сказал Монтейлер.

Он хотел улыбнуться, но на лице у него появилась только жалкая гримаса. Он опустил на грубо сколоченную скамью. Хлопнула дверь. Когда он поднял голову, Алисы в каюте не было.

Зелено-голубое море растаяло и постепенно превратилось в огромную равнину, по которой еще ходили высокие волны; в отдалении поднимались к небу горные вершины под сверкающими шапками вечных снегов. На фоне пышной зелени, словно

крупные цветы, виднелись дворцы и замки; башни и шпили, играя солнечными бликами, четко выделялись в прозрачном воздухе. Из открытых ворот в каменных стенах показались кавалькады вычурно разодетых охотников в сопровождении дам в белоснежных платьях и остроконечных шляпках. По только что возникшему из ничего лесу гулко разносилось эхо охотничьих рогов, поднимая стаи птиц над полянами, где искрились и переливались радужными цветами капельки росы. В долинах и возле извилистых рек показались темные города, застелились клубы черного дыма, мощные механизмы прокладывали себе путь, врезаясь в землю стальными когтями, и бесшумно исчезали, не оставив за собой следов. Необыкновенные существа, покрытые шерстью и перьями, ползали по земле или летали в воздухе, появляясь из густых лесов, из своих нор и гнезд. От земли с ревом отделился серебряный корабль, чиркнул огненной чертой в вышине и скрылся из глаз; парусные суда полным ходом шли на волнах ветров и бросали якоря в облаках. По земле бродили темные силуэты, из таинственных подземелий доносились звуки необыкновенной музыки.

Тени наступали со всех сторон, и материализовались в низинах туманными вихрями. Туман расплзался, протягивая щупальца к судну, которое с натугой пробивало себе путь через пространство пыльной степи. Вот серые клочья поглотили корпус, палубные надстройки, мачты и за клубились, вскипая, а за пологом пляшущего огня уже обозначились, темнея, новые формы. Постепенно все замерло. Белесый туман поднялся к небу, застывая солнце. На равнине обнажился город, громады из стали и стекла покрывали все пространство и достигали горизонта справа и слева, впереди и сзади.

Любойград.

Любойград.

Это был город, грезившийся Виктору Гюго, Эпто-ну Синклеру, Синклеру Льюису. Это был Лондон 632 года после Форда и 1984 года после рождества Христова; это был Чикаго из «Джунглей»; это был Нью-Йорк из «Тысячелетия». Это был Стокгольм 1432 и 1974 года — король Кристиан II Тиран смотрел на стокгольмскую «кровавую баню» с почетной трибуны; м-р Джордж Ф. Бэббит взирал на нее, возможно, из более укромного уголка. И м-р Леопольд Блум, мелкий служащий из Дублина, тоже был здесь, хотя в его ушах все еще отдавался шум, колокольный звон и автомобильные гудки родного города.

Любойград. Это были все города, собранные в единое людское море, огромная опухоль, расплывшаяся метастазами по окружающей равнине, заражая воздух черным дымом; тысячи пылающих печей, миллионы спящих по асфальту автомобилей, миллиарды человеческих существ — работающих, мечтающих, влюбляющихся, голодающих, умирающих... Земля изрыгала свои воспоминания и лепила из них здания, улицы, парки, людей. Начиналась война — люди толпились на улицах и кричали «ура». Война кончалась — люди толпились на улицах и кричали «ура». Только калек становилось больше. Первые космические корабли стартовали к Марсу, к Венере, к Альфе Центавра, на Луну. Небо пылало в неоновом зареве. Вильгельм Завоеватель готовил свои войска к походу; испанская Непобедимая Армада поднимала паруса. Город прорезали сверхскоростные автострады. Город попал в осаду, город не выдержал штурма, город пал. На цитадели взвились

новые знамена. В подвале с незапамятных времен терпеливо ждал сказочный богатырь Хольгер Данске; когда над страной нависнет смертельная опасность, он снова появится на свет во всем своем чудесном могуществе. Любойград пульсировал, словно живое сердце, то расширяясь, то сжимаясь под голубым отравленным небом. Он родился на островке и назывался Стадсхольм, Иль де ля Сите́, Сити. Берега острова были его первым укреплением, река — неприступным рвом, окружавшим крепость. Из города вели в мир всего два моста — Северный и Южный, и город вырвался из своих стен по их каменным аркам. Поднялись новые стены и башни на обрывистых берегах; их обступили дома, в гуще строений проросли небоскребы, и вскоре от старинных укреплений не осталось следа. Жилые кварталы лепились друг к другу и, столкнувшись, выплескивались вверх каменными волнами. Улицы становились уже и глубже, артерии непомерного тела покрывались склеротическим налетом кирпича и бетона. Вновь возводились стены и вновь исчезали в море домов. От центрального дворца пролегли звездные проспекты. Вместо старинных башен встали фабричные трубы, над городом поползли тучи дыма. Любойград превратился в язву, сочащуюся ядом, жизнью и смертью. Это был Токио, Нью-Йорк, Лондон, Париж. Его жители пришли сюда из всех повествований, из разных снов и грез. Здесь короновали королей, здесь умирали нищие — под сенью дворцов из застывшего огня ютились лачуги батраков и прачек. Это был Запретный город, Валгалла, Шангри-Ла, Атлантида. Это были все города, это не был никакой город, это был любой город. Все и ничего.

Любойград.

Огромный черный лимузин с ревом промчался мимо Монтейлера, едва не сбив его своим хромированным бампером. Проклятия и грубая брань, раздавшиеся из автомобиля, жестко хлестнули его по лицу. Только тут он обнаружил, что стоит посреди мостовой на оживленном проспекте, и стремглав бросился к тротуару, прочь из потока машин, мчавшихся в сизом тумане выхлопных газов. Неожиданно на его пути оказалась Кэт.

— Ну вот мы и попали в их город, — проворчал Монтейлер. — Странно, что мы не заметили его во время наших наблюдений с орбиты. Очень странно!

Он с возрастающим недовольством разглядывал улицу, неистовое движение транспорта.

— Где-то здесь должен быть какой-нибудь административный центр. И наверняка в населенном пункте таких масштабов не может не быть вычислительного комплекса...

— Ну почему же обязательно вычислительный комплекс? — спросила Кэт. В ее голосе слышалась затаенная насмешка.

— Потому что все люди на этой планете свихнулись, и нам надо найти разумную ЭВМ, которая могла бы разобраться в происходящем. Что касается меня, то я уже не в состоянии различить, где тут правая сторона, а где левая, где верх и где низ. Мне нужны прямые и понятные ответы на мои вопросы...

Он на мгновение замолчал.

— Проклятие! Эта планета просто непостижима! Ничего не известно, ничего не понятно. Только заглянешь под чертово покрывало — и опять все путается. У меня такое ощущение, будто...

Монтейлер посмотрел на плотную массу рычащих машин, проносившуюся мимо, и вдруг удивленно воскликнул:

— Смотри!

Он показал рукой на оживленный перекресток. Там виднелось пятно вялой пожелтевшей травы, и в полуметре над поляной висел разведывательный космический корабль, сверкая черным металлом в солнечных лучах и грозно поводя по сторонам орудейными стволами. У открытого люка, уставившись на бурное море автомобилей, сидел робот — одинокий Робинзон на своем островке, окруженном предательскими волнами, где скрывались жадные акулы.

Монтейлер не сводил глаз с корабля, который появился самым невероятным образом и достигнуть которого было невозможно.

— Ну теперь я во всяком случае знаю, где он находится, — сказал он.

— Да ведь это наш корабль! — воскликнула Кэт. — Но как...

— Я больше не задаю вопросов, — проговорил Монтейлер. — Я только воспринимаю происходящее и стараюсь ничего не упустить. Меня здесь ничто не удивляет. Ничто.

«Пусть появится дракон, стометровый живой дракон, — подумал он, — пусть появится что угодно, но пусть это будет настоящим, осязаемым, доступным. Что угодно, только не это!»

— Может быть, корабль летел за нами, — нерешительно произнесла Кэт. — Он обладает необходимым интеллектом, это вполне допустимо.

Но в ее голосе не было уверенности.

— Правильно, — подтвердил Монтейлер, — он летел за нами. Конечно.

«Если это так, то такая реакция корабля для меня новость, ничего подобного прежде не случилось, — кружились мысли в его голове. — Но когда-нибудь что-то происходит впервые, почему бы не сделать такое допущение?»

«Почему?»

«Потому что это совершенно исключено, невозможно. Вот почему!»

— Если нам когда-нибудь снова удастся добраться до нашего корабля, — сказала Кэт, — я уже больше не выйду из него. Но как нам перейти эту улицу?

На противоположной стороне появился бородатый юноша с длинными волосами. Он держал в руках огромный транспарант с призывами бороться против загрязнения окружающей среды. Едва он ступил на проезжую часть, плакат качнулся и вместе с юношей скрылся в потоке машин. На мгновение показалась рука, судорожно хватавшая воздух. Никто даже не притормозил.

— Так как же? — спросила Кэт.

— Похоже, вернулись давно минувшие времена автомобилизма, — сказал Монтейлер. — Попробуем где-нибудь в другом месте.

И он пошел по тротуару.

Старый человек с седой бородой сидел на скамье посреди тротуара и смотрел на поток ревущих автомобилей, бурливший прямо перед ним, почти касаясь его костлявых колен. Он беседовал с еще более глубоким старцем, лицо которого украшала белоснежная борода под перебитым носом. Старец опирался на потертую черную трость.

— Господи, какой шум! — произнес тот, что помоложе.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что тут невероятный шум. Теперь только и слышишь, как громяхают эти проклятые автомашины. Я не в состоянии даже думать.

— Не слышу, что ты говоришь. Тут невероятный шум.

Седобородый с нескрываемой злостью посмотрел вдоль улицы.

— И чего мы сидим тут каждый день? Хоть бы кто-нибудь объяснил мне. Тут же с ума сойти можно.

— Мы всегда сидели здесь.

— Всегда, — откликнулся седобородый.

— Раньше все было лучше. Чистый воздух и вообще. Ты помнишь лошадей, подводы?

— Лошадей? О да. Их били, стегали, этих проклятых кляч. Я никогда не мог понять, почему, но их здорово стегали. Иногда даже до крови.

— Хорошее было времечко, — сказал старец, мечтательно глядя вдаль.

— И нищие. Иногда били и нищих.

— Теперь почти не встретишь нищего.

— Они вымерли, — сказал седобородый. — Из-за загрязнения воздуха. И из-за этого проклятого шума. А еще потому, что им приходилось переходить улицу.

— Во всяком случае от них не было никакого проку, — проворчал старец и крепче сжал свою трость, будто собираясь задать трепку какому-нибудь нищему.

— Но в живописности им нельзя было отказать, — возразил седобородый. — По воскресеньям я обычно подавал им милостыню. Господи, как они дрались за каждую монету! Отец с сыном, сын с матерью, муж с женой. Никакой совести, никакого стыда! А потом появлялся полицейский и разгонял всех дубинкой. И поделом! Почему они не брались за честный труд, не искали себе работу? Вот я — нашел же я себе место и жил неплохо.

Он мрачно выругался, не сводя глаз с проносившихся мимо машин.

— Они были просто лентяями, вот и все, — сказал его собеседник. — Впрочем, их уже давно нет в живых.

— Не перенесли выхлопных газов. Мерли как мухи.

— И промышленных выбросов в атмосферу.

— И движения на дорогах. Они так и не сумели понять, что выходить на улицу — это все равно что сразу лечь в гроб.

— И радиоактивных осадков.

— И синтетических добавок в пищевые продукты.

— Если у этих лентяев были деньги на продукты.

— Бедность, — угрюмо сказал седобородый, — это преступление, которое карается смертью.

— Господи, я уже двадцать лет не видел неба! — вздохнул старец. — Не помню даже, как оно выглядит.

— А я помню, — гордо сказал его собеседник. — Оно было голубое. Вот такое голубое.

И он сделал жест, который, по его мнению, должен был изображать незамутненную, слепящую голубизну.

— Теперь уже ничего нет, кроме чертова смога.

— И радиоактивных осадков.

— И загрязнения среды.

— И теперь страшно переходить эту проклятую улицу.

— Господи, вот пойду и утоплюсь! — воскликнул седобородый.

— Не надо, — возразил старец. — Вода тоже отравлена.

Седобородый заплакал.

Монтейлер, который стоял чуть поодаль, с удив-

лением слушал эту беседу. Наконец он подошел и присел на скамью.

— Простите, пожалуйста, — сказал он.

— Это наша скамейка, — проворчал седобородый. — Проваливайте!

— Я бы только хотел задать вам один вопрос, — сказал Монтейлер.

— Не слышу, что вы говорите. — Седобородый отер слезы костлявым кулаком. — Этот проклятый шум...

— Оп-ля, — воскликнул его товарищ, вынимая из кармана плоскую бутылку и любовно глядя на нее. — Сто граммов лечат целый килограмм неприятностей. Кто хочет попробовать?

Монтейлер показал на разведывательный корабль.

— Скажите, пожалуйста, что надо сделать, чтобы попасть через улицу вон к тому кораблю?

— Вы ничего не можете сделать, — ответил седобородый с торжеством. — Тут же попадете под колеса.

— Вас раздавят как котенка, из вас сделают котлету, — одобрительно подтвердил его собеседник.

— Зачем вам переходить улицу? — спросил седобородый.

— Мой корабль находится на той стороне, — ответил Монтейлер.

— Если вы смогли загнать корабль туда, — сказал седобородый, — то сможете, наверно, и вытащить его оттуда. Я-то тут причем?

Он сердито фыркнул. «Уж эти иностранцы!»

— Я думал, вы обрадуетесь нашему возвращению, — сказал Монтейлер. — Или вы не понимаете, что означает этот корабль?

— Я чертовски рад, — сказал седобородый. -- Но ведь здесь город, а городским жителям ни до че-

го нет дела. Прочтите любую книгу, там черным по белому написано, что горожанам на все плевать.

Он взглянул на Монтейлера и презрительно улыбнулся, обнажив пожелтевшие зубы.

— Вам нужен был город? Вот он перед вами. Чего же вы еще пристааете? Вы хотели, чтобы все это было повеселее? Так знайте, что я чуть не помираю от всеселья. А все эти автомобили — разве это не интересно, разве не захватывает дух? Если вам хотелось еще песен и танцев, то нужно было сразу сказать об этом.

— Мне не кажется все это веселым, — сказал Монтейлер.

— Только паршивой свинье все это может показаться веселым, — проворчал седобородый. — Или члену городского муниципалитета. На всей планете не найти другого такого городского города, как этот, уж можете мне поверить. Перенаселенность, грязь, повышенная радиоактивность, море автомобилей — все, что хотите.

Он устало откинулся на спинку скамейки.

Монтейлер обменялся взглядом с Кэт, которая продолжала стоять в стороне. Он решил изменить тактику:

— А вы выглядите необычайно хорошо для своего возраста. Уверен, что вы могли бы многое порассказать об этом городе.

— Мне сорок шесть лет, — ответил седобородый, — и я уже вполне созрел для того, чтобы меня отправили в переработку на удобрение. Кроме того, я никогда не выходил за пределы этого квартала. Никогда не делал ничего другого — только всегда сидел на этой скамейке и болтал вот с тем идиотом.

— Лучше списать, чем починать, — торжественно произнес его собеседник. — Слава тебе, Форд!

— Ты действуешь мне на нервы, — сказал седобородый и обернулся к Монтейлеру. — Меня зовут мистер Джойбой. Вам это что-нибудь говорит?

— Нет.

— Я так и думал. Очевидно, вы не интересуетесь литературой. Когда-то я работал на кладбище. Изысканное место: мраморные храмы, статуи, в которых поддерживалась температура живого тела с помощью змеевиков, наполненных теплой водой, классическая музыка в склепах. Кладбище, или Мемориальный парк, называлось «Шелестящий дол». Я занимался мертвыми телами, прихорашивал их, чтобы на них приятно было посмотреть. Хорошая работа.

— О небо! — прошептал Монтейлер.

— Нет, не так, — сказал мистер Джойбой. — Книга называется «Незабвенная», автор Ивлин Во. У меня была невеста, но она покончила с собой. Бедная, маленькая Эме...

Он вздохнул.

— Не было ни гроша и вдруг ни шиша, — мечтательно заметил его товарищ.

— Заткнись! — прикрикнул мистер Джойбой. — Мне и после ее смерти выпало немало хлопот. Надо было действовать весьма осторожно, без шума. Я договорился с одним знакомым, который работал в похоронном бюро для домашних животных, мы кремировали ее и похоронили вместе с собаками, кошками и канарейками. Да, трудное было время.

Он порылся в карманах и вытащил небольшую белую открытку.

— Они посылают мне такие поминальные карточки каждый год, в годовщину похорон.

Монтейлер взял карточку и прочел надпись: «Твоя маленькая Эме виляет сегодня хвостиком на небесах, вспоминая о тебе».

Он вернул карточку владельцу и заметил:

— Несколько необычно.

Мистер Джойбой сердито выхватил карточку из его рук и сунул ее в карман.

— Я же сказал, что похоронное бюро было для домашних животных. Что же там должны были печатать для меня специальные карточки, да? А у собак и кошек есть хвостики, с этим вы не станете спорить?

— Да, да, конечно, — подтвердил Монтейлер.

— И они виляют ими, верно?

— Пустое, — проворчал его товарищ, — пустая болтовня.

— Заткнись, атеист проклятый! — закричал мистер Джойбой и повернулся к Монтейлеру. — Не совсем в своем уме. Так уж сложилась его судьба в книге, где он — один из героев.

Монтейлер непонимающе заморгал.

— В книге? При чем тут книги?

— Все на этой проклятой планете взято из той или иной книги. А вы этого не знали?

Монтейлер натянуто улыбнулся.

— Есть тут какие-нибудь власти?

— Если вам нужны власти, — сказал старец с белоснежной бородой, — поищите полицейского. Но будьте осторожны, они слишком торопятся стрелять.

— И не любят пешеходов, — добавил мистер Джойбой. — Пешеходы мешают движению. Полицейские сначала разряжают револьвер и только потом задают вопросы.

— Мир есть война, — торжественно произнес его собеседник. — Боже храни королеву! Аминь.

— Старик совсем помешался, — злорадно усмехнулся мистер Джойбой. — А когда-то и он был молодым хоть куда. Я, молодой человек, помню, как он...

Грохот и скрежет, перекрывшие уличный шум, избавили Монтейлера от воспоминаний старика. Подняв голову, он увидел, как шесть-семь машин, столкнувшись, превратились в груды искореженного дымящегося металла. Из пробоин текла смесь бензина и крови. Крики ужаса и боли заглушал гром новых ударов — это автомобили один за другим сходу врезались в образовавшуюся кучу. Гул моторов сменился ревом тысяч нетерпеливых автомобильных гудков.

— Кто ищет, тот всегда найдет, — изрек мистер Джойбой, равнодушно глядя на происходящее.

Над разбитыми машинами вскинулись языки пламени. Крики становились все пронзительнее, но их заглушал треск и шипение огня. Мистер Джойбой плюнул на ближайший раскаленный автомобиль.

— Что же вы не идете к своему кораблю, пока движение не восстановилось? Как только дорогу расчистят, вам придется долго ждать подходящего случая.

При этих словах Монтейлер, который уже направлялся к Кэт, обернулся.

— Так... так это случается каждый день?

— Каждый час, — уточнил мистер Джойбой. — Но не в часы пик. Тогда это случается не меньше двух раз в час. Вот почему здесь нет пешеходных переходов — они нам не нужны.

— Виски пить — не дрова рубить, — сказал белобородый старец, задумчиво глядя на горящий автомобиль, в котором, как в западне, оказалась зажатой семья из четырех человек.

— Но почему, почему же вы ничего не предпринимаете? — закричал Монтейлер, сиюсь перекрывать шум и грохот.

— Нам, горожанам, на все наплевать, — сказал мистер Джойбой.

Что-то сдвинулось в душе Монтейлера. Он оглянулся и вперил взгляд в каменные громады домов, потом перевел его на верхние этажи небоскребов, еще только обретавшие контуры в белесом клубящемся тумане. Глаза его расширились.

— Неправда, — прохрипел он. — Все это неправда, этого не существует, этого нет и никогда не было, это только... только...

Он поднял глаза к свинцовому небу, откуда на него безмолвно смотрели тысячи существ.

— Неправда! — Его истеричный крик потряс воздух. — Неправда!

Небо над Монтейлером разверзлось. Протяжный стон заполнил весь мир и разбил его вдребезги. Хлынули потоки тьмы, сменившиеся ослепительным светом. Здания исчезли. Земная поверхность вспучилась, рождая новые формы. На миг Монтейлер увидел Кэт — она неподвижно стояла среди рассыпающихся зданий и смотрела на него большими непонимающими глазами.

И он побежал.

Любойград исчез, погребенный под рухнувшим небом.

13

Монтейлер бежал по поперечной улице, спасаясь от растекавшегося вслед непроглядного мрака. Кто-то бежал рядом, быть может, их было много, но он только ощущал их присутствие, никого не видя, ни на что не обращая внимания. Строения вокруг менялись, полупрозрачные контуры смыкались и расходились, но ему было не до того. Кэт исчезла, исчез корабль, все исчезло, все куда-то сгнуло, будто прошла тысяча лет, будто промчалась целая вечность. Он бежал по темнеющей улице среди людей,

которых становилось все больше; они расступались перед ним и с удивлением смотрели вслед. Он все бежал и бежал, не слыша ни стука подков по каменной мостовой, ни голосов, ни криков. В его широко раскрытых глазах застыл ослепляющий ужас, мысли безнадежно пугались, грудь разрывалась от нечеловеческого напряжения. Неожиданно Монтейлер столкнулся с высоким темным мужчиной, отлетел в сторону и больно ударился о каменную стену. Удар привел его в чувство, он огляделся, немного успокоился и, все еще хватая воздух широко открытым ртом, зашагал вперед по извилистой улице. Теперь он ясно видел окружавшие его дома и заполнявшую улицу толпу.

Монтейлер двигался навстречу прошлому; река времени, опережая его, бурно неслась вспять. Дома состарились, они тяжело нависли над узеньким переулком, готовые вот-вот рухнуть, верхние этажи выступали над нижними, и тухлявые балки под ними угрожающе скрипели. Все чаще вместо брусчатки под ногами попадался булыжник, иногда мостовой вовсе не было, в воздухе стоял запах затхлой воды. У людей в вычурных одеждах был мрачный вид. Грязные лохмотья смешивались с блеском шелков и сверканием драгоценных камней. Серебро, золото, позвякивание шпаг в богато украшенных ножнах — и тут же грубая холстина, капюшоны, впалые рты, пустые глаза. Гулкие шаги подкованных сапог среди лачуг и мраморных дворцов. Шлепание босых ног. Посохи, костыли, золоченые трости. Голоса в мгlistых закоулках, мужчины и женщины с безжизненными глазами, повозки, тачки. Товары, поделки, утварь...

— Вам что-нибудь нужно? Купите вот это, сэр! Что вам угодно приобрести? Иглы, ткани, пояса, испанские перчатки, атласные ленты...

Монтейлер протискивался сквозь толпу, подавленный обилием впечатлений, оглушенный шумом, запахами, пестротой. Женщины в черном, дети с глазами во все лицо останавливали его на каждом шагу.

— Не нужен ли вам лудильщик? Не угодно ли украшений из золота и серебра? Не нужно ли вам починить котел, вазу, чашу?..

На узенькой улочке появилась крытая коляска, запряженная парой лошадей. Народ жался к стенам домов, пропуская экипаж. Неожиданно коляска остановилась, и из нее выскочил полный мужчина. Его лысый череп отражал пламя факелов, освещавших улицу. Мужчина взбежал по ступенькам и исчез в дверях гостиницы, сопровождаемый раскрасневшимися от вина и веселья друзьями. Их возгласы смешались с криками нищих и торговцев: «Мистер Пиквик! Мистер Пиквик!»

— Купите превосходный календарь!

— Купите превосходную щетку!

— Благородные господа! Пожертвуйте на хлеб для бедных заключенных!..

Монтейлер ускорил шаги.

14

Мегаполис — угрюмый, весь в блестящих прямых плоскостях, царство функционализма. Наступил 2900 год, и Мегаполис покрывал всю поверхность Земли, как кожура покрывает апельсин. Это было одно единое здание высотой в две тысячи этажей. Тысяча верхних этажей была отведена под оборудование и аппаратуру, без которых не могло существовать это всеобъемлющее обиталище. Примерно половину нижних этажей занимали трубопроводы,

кабели, шахты лифтов и т. п. В другой половине жили, мечтали, умирали миллиарды людей, каждый на своих выделенных ему трех с половиной квадратных метрах. Здесь был Директор, который дирижировал этой гигантской симфонией бурлящей жизни. Здесь была полиция, которая силой подкрепляла решения Директора. Здесь были священнослужители, технический персонал — каждое сословие насчитывало не менее миллиарда людей. Какие они имели привилегии, какие необозримые помещения располагались в тысяче верхних этажей, никому не доступных, кроме горстки избранных, — об этом можно было только гадать. Там должны были существовать целые галактики, отрезанные от перенаселенных нижних уровней, скрытые, изолированные, чуждые. В пустотах между трубами, кабелями, транспортными системами, холодильными камерами могли исчезнуть, чтобы создать свои собственные миры, миллионы людей — десять миллионов, сто, миллиард.

В лабиринтах Мегалополиса человечество пыталось найти осуществление своих мечтаний, к чему оно извечно стремилось. Миллиарды людей занимались коллекционированием почтовых марок, миллиарды собирали денежные знаки или спичечные коробки. Здесь можно было встретить спиритуалистов, kleптоманов, нарушителей супружеской верности, верующих, искавших утешения в какой-нибудь религии, и неверующих, которые не искали ничего. Здесь нашли пристанище миллион миллиардов помешанных, многие из которых обладали властью и богатством. Здесь жили крестьяне, мечтавшие о земле, и поэты, мечтавшие о звездах. Что бы человек ни делал, что бы ни чувствовал — будь то отвратительно или возвышенно, — здесь всегда находился еще миллион людей, которые делали или чувствовали то же. На

любой вопрос во Вселенной здесь тотчас можно было найти ответ, которым мог воспользоваться каждый, кто этого хотел, кто мог это сделать.

Воплощение человеческого честолюбия, вершина славы, живой монумент торжеству духа над материей; величайшая фабрика плоти, созданная историей. Четыре квинтиллиона килограммов — и с каждой секундой все больше и больше.

Монтейлер пришел в Мегаполис.

Коридорам не было конца. Их стены, некогда белые, теперь были неопределенного цвета. Через равные промежутки виднелись двери; однако в коридорах было столько людей, что ни одну из них нельзя было открыть, не задев кого-нибудь. С потолка падал слабый свет, в некоторых секциях освещения не было вовсе. Пластик на полах давно потерял блеск, местами протерся. И всюду двигались люди, люди, люди.

Монтейлер переходил из одного коридора в другой. На его пути попался огромный зал — гигантский для города, который не знал открытых пространств. Длина зала была не менее полутора метра, ширина чуть поменьше, а в высоту он достигал десяти метров. Зал был пугающе огромным для населения, которое страдало агорафобией. Очень немногие отваживались заходить сюда. Сейчас здесь собралось около тысячи, быть может, две тысячи человек. Они разговаривали приглушенными голосами и жались к магазинам и киоскам, расположенным по периметру, не рискуя выйти на середину страшной зияющей пустыни.

В газетном киоске продавались лишь немногие газеты и журналы из тех двадцати с лишним тысяч, которые печатались в этой секции Мегаполиса. Здесь

можно было найти публикации о кинематографе, электронике, фотоискусстве, религии, хобби, фантастике. Никакой порнографии, зато множество брошюр, посвященных контролю за рождаемостью. Население Мегалополиса ежедневно возрастало на четыре с половиной тысячи миллиардов человек.

Проходя мимо одной из витрин, Монтейлер вдруг остановился. Он вернулся и взял с прилавка журнал, привлечший его внимание. Всю глянцевую обложку занимало знакомое лицо. Человек смотрел прямо в объектив. Боковое освещение резко подчеркивало жесткие складки около губ. Щеки обросли колючей щетиной, глаза в глубокой тени от козырька форменной фуражки отливали металлом и смотрели холодно и презрительно. Две звезды украшали отвороты расстегнутого воротника. На околышке фуражки ярко блестела золотая кокарда Межпланетной федерации.

Название журнала было напечатано большими четкими буквами прямо по портрету — «Мегаинформ». Чуть пониже и помельче — «Новости и комментарии». А серая полоса, подчеркивавшая все это, при ближайшем рассмотрении оказалась еще одной строчкой текста, набранной компактно и неброско: «Продажа разрешена только в секторе 644-5БСА Вертикаль».

Рука, державшая журнал, слегка задрожала.

На Монтейлера смотрело его собственное лицо.

Как будто для того, чтобы устранить возможное сомнение, в нижнем правом углу обложки стояло имя: «Капитан Яаак Томорек Монтейлер».

Монтейлер механически стал листать журнал. Он нашел статью, начинавшуюся еще одной его фотографией, — здесь он был изображен во весь рост, когда осторожно спускался из люка разведывательного корабля на поляну, покрытую пышной раститель-

ностью. Подпись под снимком гласила: «Вновь на Землю». Он углубился в текст.

«Яаак Томорек (Мон) Монтейлер, 36 лет — старший представитель семьи, родословная которой прослеживается до первых колонистов, переселившихся на планету Фонтемгейт Гамма более 50 тысяч лет назад. Имея безусловное прошлое — сначала пилот-разведчик космических сил Межпланетной федерации, а затем командор первой экспедиции на Землю (см. стр. 62), — он являет собой выдающийся образец кадровых офицеров нового типа, которые ныне расширяют границы федерации, осваивая новые пространства Вселенной.

В течение двух лет капитан Монтейлер исследовал пограничные районы быстро расширяющейся Межпланетной федерации вместе со своей привлекательной спутницей Кэтрин ди Рац, которая ныне является известным психологом (см. статью о ней на стр. 47). Заметим, что психолог ди Рац (не замужем) сопровождает капитана Монтейлера и при выполнении настоящего задания. Их отношения...»

Монтейлер зажмурил глаза, почувствовав мгновенное головокружение. Усилием воли он овладел собой и вновь сосредоточился на статье. Она занимала две страницы и была иллюстрирована несколькими фотографиями.

«Капитан Монтейлер родился в Беседе на Фонтемгейт Гамма; летное образование получил на Фонтемгейт Дельта, стажировался в качестве пилот-разведчика в Управлении исследований Межпланетной федерации. Он заявил нашему корреспонденту...»

«...Вполне естественно, что капитан Монтейлер оказался одним из тех, кто первым совершил посадку на Землю после того, как направленная им ранее разведывательная экспедиция окончилась неудачей:

как известно, экипаж корабля встретился с фиванским сфинксом, который некогда был послан к нам богиней Герой и теперь находится...»

«...Весьма примечателен тот факт, что первое знакомство с жизнью на Земле произошло на безумном чаепитии, которое имеет прямую связь с Алисой, встретившейся позднее с капитаном Монтейлером и психологом ди Рац...»

В статье оказалось много сведений, она содержала подробнейшее описание всей жизни Монтейлера. Имя Алисы упоминалось в самой различной связи: Алиса была там-то, Алиса сделала то-то. Он не мог оторваться от текста.

«Можно полагать, что капитан Монтейлер попытается установить контакт с одной из форм местных властей, причем он будет искать ту форму и в той обстановке, которые соответствуют его представлению о развитой культуре. Очевидно, под этим он подразумевает общество, ориентированное на преимущественное развитие науки и техники, общество того типа, который предугадывался в дозвездную эпоху. Не исключено...»

Монтейлер дочитал до конца и отложил журнал. Он осмотрелся: в зале, кроме него, находились только два старика и молодая женщина в коротком голубом платье. Женщина украдкой разглядывала его, поглаживая правую ногу выше колена. Платье плотно облегалo ее фигуру. Монтейлер непроизвольно бросил на нее оценивающий взгляд. Она надула губы.

За спиной женщины ярко алел огромный плакат с золотыми буквами: «4 441 000 000 000 детей ежедневно». И чуть ниже: «Твой ребенок уже лишний!» Он отвернулся.

«Алиса, — думал он растерянно, — Алиса...» Потом произнес вслух:

— Разум. Механизм истины. Это должно существовать. Это всегда существует. И здесь тоже.

Он зашагал по коридору, который неожиданно опустел, и оказался перед массивной, слегка приоткрытой дверью. Дверь вела в маленькую темную камеру. Табличка на двери сообщила ему все, что он хотел знать. Монтейлер вошел в комнату, и его поглотил мрак.

15

Дверь раскрылась с мягким шипением, и Монтейлер вошел в светло-зеленый зал, освещенный единственным сияющим шаром, висевшим под потолком на высоте тридцати метров. Зал был пуст, только посередине стояли два стула. Монтейлер вздрогнул, когда дверь снова закрылась за ним. На одном из стульев лицом к нему сидел человек. Он был молод, слишком молод, как показалось Монтейлеру, и рассматривал вошедшего насмешливым взглядом.

— Полагаю, что должен принести вам свои поздравления, — сухо сказал он. — Вы первый человек, прибывший сюда после столь долгого отсутствия.

Он задумчиво посмотрел на Монтейлера.

— Зачем вы вернулись?

Монтейлер прислонился спиной к стене, которая едва заметно вибрировала. Он долго молчал.

— Кто вы? — наконец спросил он.

— Это вы, наверное, знаете.

— Значит, машина.

Беспокойство Монтейлера рассеялось. Напряжение прошло, рука соскользнула с рукоятки пистолета.

— Скорее, я проекция, — сказал человек.

Он встал и подошел к Монтейлеру. Это представилось уже более приличным.

— Но создали меня когда-то все же вы. И вы заслуживаете, чтобы вас встретили вежливо.

Неожиданно он улыбнулся доброй снисходительной улыбкой.

— Возможно, мне следовало бы выразиться иначе: вы заслуживаете, чтобы вас встретили с пониманием, тактично.

Человек стоял перед Монтейлером, заложив руки за спину, и смотрел на него со смешанным чувством благожелательности и сожаления. Глаза казались черными отверстиями на лице. Монтейлер отвернулся.

— Мы обнаружили вас, как только вы вышли из гиперпространства, — сказал человек холодно. — Сначала мне пришла в голову мысль активизировать наши защитные спутники, но затем я отказался от нее...

Он быстро повернулся и, вновь дойдя до центра зала, резко спросил:

— Зачем вы прибыли сюда? Что это — краткий визит, вызванный ностальгией, или вы в самом деле собираетесь вернуться на Землю?

Теперь Монтейлер обрел полное самообладание. Люди порой сбивали его с толку, перед необъяснимыми явлениями он терялся, но здесь, наконец, он имел дело со здравым смыслом, с логикой, порядком. Он даже слегка подтянулся, расправил плечи. Приятно было ощущать тяжесть пистолета в кобуре.

— Это Земля, — ответил он. — Она наша. Когда-то мы покинули ее, но это не значит, что мы ее забыли. Почему бы нам не вернуться? Это наш мир.

— Он был вашим, — сказал человек, — но давно уже не ваш. Как вы можете думать, что имеете пра-

во вот так просто взять и прилететь обратно, будто ничего не было, ничего не произошло? В свое время вы оставили Землю, бросили как надоевшую игрушку, а теперь вам захотелось вернуться, потому что Земля еще может вам пригодиться. Земля служила вам раньше, служила долго и верно и дорого поплатилась за это. Вы травили ее, грабили, насиловали, а когда на ней не осталось ничего, что можно было бы взять, попросту бросили ее. Неужели вы думали, что Земля будет ждать вас как нищий милостыню? Нет, все далеко не так просто. Земля никогда в вас не нуждалась.

Он отвернулся.

— Земля покрыта руинами, которые остались после вас, по ней бродят ваши несбывшиеся надежды, ваши призраки плачут в тиши ночей. Они никогда не исчезнут. Что же касается людей...

Голос его замер.

— Вы говорите почти как человек, — сказал Монтейлер, — но вы всего лишь машина, один из автоматов, созданных людьми. Вы ни в чем не можете нам отказать.

— Не могу? — Человек вновь повернулся к нему, улыбаясь. — Когда-то я, возможно, и не смог бы. Или, если угодно, не захотел. Но это было очень давно. Какая-то часть человечества предпочла остаться здесь, когда вы покинули Землю. Они руководствовались весьма возвышенными идеалами и были очень наивны... Им не посчастливилось дожить до старости. Но они все-таки сумели несколько усовершенствовать механизмы и автоматы, и вот теперь я господствую на Земле, всемогущий, подобный одному из ваших древних богов. Потомки тех людей еще живут на некоторых планетах, это дикари, мало чем отличающиеся от животных, их города разрушились. Я их жалею и иногда помогаю им. Они на-

поминают мне о том, что когда-то было мне дорого. Но настоящих людей нет, они исчезли и никогда не вернуться.

— Мы вернулись, — сказал Монтейлер.

— Да, вы сделали это.

Человек тяжело вздохнул и опустился на стул. Он почти с мольбой смотрел на Монтейлера.

— Вы сильны, — сказал он, — и все же вы знаете так ничтожно мало. Имеете ли вы хоть малейшее представление о том, что вы несете с собой? Ваши федерации, сообщества не играют никакой роли, планеты, которые вы грабите и разрушаете, не имеют никакого значения. Но где бы вы ни побывали, где бы ни провели какое-то время, всюду вы оставляете после себя нечто — память о человеческих мечтах, свои сны и грезы, плоды своего воображения...

Он замолчал на мгновение, а когда заговорил снова, в его взгляде сквозило участие.

— Вы видели существа, живущие на Земле? Весьма пестрое сборище, не так ли? Возможно, вы даже узнали некоторых из них. Они ваше порождение, ваши наследники, ваше проклятие. Каждое существо, каждое творение, каждая мечта, которые когда-либо пригрезились человеку, — все это собрано здесь. Они ждут вас, они ждали пятьдесят тысячелетий.

Вы придумали их в своих сновидениях, в своих сказках и книгах, вы облекли плоды своего воображения в живую плоть, вы уверовали в них, наделили их могуществом, способностями совершать удивительные поступки — и все это продолжалось до тех пор, пока они не обрели собственную жизнь. Тогда вы их покинули.

Воспоминания лежат тяжким грузом, привязанные к человеческим обиталищам, эти существа оди-

ноки в своей непохожести ни на какие другие создания. Вы их можете покинуть, но в каждом из покоренных вами миров после вас остаются ваши сказания, порождения вашего духа, которые ждут, когда вы вернетесь, которые томятся и грезят в бесконечном ожидании. Вы бежите от самих себя, но при этом создаете все новых и новых устрашающих идолов — плоды ваших снов и мечтаний, вашего поклонения божествам. Вы несете эту заразу с собой, она расплзается, как туман над равниной, она создает города и замки, питаясь вашими грезами, а из тумана возникают те существа, которые поселяются в них. Атлантида поднялась из морской пучины, замок Оз простер зубцы и башни своих стен к небесам; норны прядут свою страшную пряжу под сенью древа жизни Игдрасиль; Мировой Змей опоясывает всю Землю; Великий Дух парит над прериями. Существует Вишну, существует Иегова; боги вкушают золотистый нектар на Олимпе под зорким оком Деметры, которая старше Земли, потому что некогда вы захотели, чтобы было так. Все это сделали вы — и теперь вы хотите вернуться!

Даже я бессилен перед вашими созданиями — что же тогда можете сделать вы?! Они уже собираются со всех концов планеты, чтобы быть поближе к вам. Они способны на все, лишь бы удержать вас, и попытайся я отнять вас у них, меня бы немедля уничтожили. Герои ваших преданий сокрушили бы скалы, чтобы победить меня; чудовища, порожденные вашими мифами и кошмарами, разнесли бы на куски всю Землю, растерзали бы все мои хитроумные механизмы; ваши древние всемогущие боги спустились бы с небес, пылая божественным гневом, и уничтожили бы все, что могло им противостоять. Вы сделали их всемогущими, вы сделали их жестокими

и наглыми по своему образу и подобию, и даже в тысячу раз хуже, и все они ринулись бы на меня, если бы я попытался отобрать у них людей. Это твое деяние, человек, так что же я могу тебе противопоставить?

Вам следовало бы покинуть Землю, пока вы еще в состоянии это сделать, пока они не успели дать вам всего того, чего вы постоянно желали, не упрятали вас в темницы, которые вы же придумали и создали. Когда вы покинете Землю, они снова будут ждать, снова будут грезить о вас, превратят вас в фетиш и будут создавать идолов по вашему подобию, ибо когда-то вы дали богам силу создать человека. Вновь расцветут райские кущи, земная твердь подыметя из морской пучины на панцире гигантской черепахи, потому что человек когда-то верил в истинность такого мироздания, а семь цветов, излучаемых магическим кристаллом, замкнут дугу вокруг человеческой Вселенной. И кто знает, — говоривший неожиданно улыбнулся, — быть может, Земля вновь станет плоской, такой, какой ее некогда представлял себе человек. Нужна только вера, а у ваших созданий ее вполне хватает.

Произнося свой монолог, он взволнованно шагал по залу. Теперь он снова опустился на стул и устремил взгляд на Монтейлера, который неподвижно стоял у двери. Капитан не спускал с него глаз и чувствовал, как его душу заполняет древний ужас.

— Вы лжете, — сказал он спокойно. — Все, что вы сказали, не может быть правдой.

— У меня много слабостей, — сказал человек в центре зала, — и этим я обязан несовершенству моих создателей, но я не способен лгать. Это должно быть вам известно.

— Однако сказки, обретающие собственную жизнь, — это же смешно!

— Это более не сказки, — резко возразил человек. — Персонажи сказок, герои мифов, объекты верований некогда действительно были только плодом воображения — до того как вы покинули их. Теперь это нечто совсем иное. И они непрерывно следят за нами — человек наделил их такой способностью. Стоит мне только сделать угрожающий жест или сказать вам угрожающее слово, как в этом зале тотчас появится посланец какого-нибудь древнего бога, чтобы передать его мнение по поводу этого достойного сожаления инцидента. Вероятнее всего, это будет молодой человек с крылышками на сандалиях, который, улыбаясь своей леденящей душу улыбкой, сделает все, чтобы в дальнейшем исключить возможность повторения подобного поступка.

Он замолчал. Монтейлер медленно подошел к свободному стулу и сел.

— Ну что ж, — сказал он, — допустим, все это правда. Так в чем же дело? Они настроены дружелюбно, разве не так? Мы прибыли не как завоеватели, а как друзья. Почему же нам нельзя здесь оставаться?

— Да потому, что они станут вашими господами, хозяевами, а человек никогда не признавал над собой господ, будь это даже его собственные боги. Они слишком долго ждали, слишком много выстрадали за время своего ожидания. Они никогда не позволят вам вновь покинуть Землю. О, вам было бы отнюдь не плохо, они бы вас совсем избаловали, дали бы вам все то, о чем вы мечтали, и даже кое-что сверх того, потому что по-настоящему вы никогда не знали, чего именно хотите. Они бы создали для вас фантастические миры, скопированные с ваших подсознательных желаний и стремлений, они бы опустошили вас, отняли у вас силу воли, инициативу, жизнь, гуманность — только бы удержать вас. Вы

не смогли бы их одолеть даже с помощью самого совершенного оружия, ибо вы сами сделали старых богов бессмертными, всемогущими, непобедимыми. Это был бы Рагнарёк, Гёттердемерунг, конец света — уж не думаете ли вы, что человек в своем воображении не дошел и до этого? В мифах, легендах, сказаниях полным-полно рассказов о том, как жестоко боги уничтожают людей, а ведь все эти боги сейчас находятся здесь со своими армиями, которые сошли с небес или поднялись из преисподней. Привидения, тролли, ангелы, черти, валькирии, гномы, ведьмы, призраки — все они, созданные человеком в неопишуемых, страшных кошмарах на протяжении двух тысяч поколений, встанут в строй. Неужели вы думаете, что богиня Намму простит смертный грех гордыни? Или Зевс? Или Локи, Митра, Сет, Гор, Деметра или кто-нибудь другой из всемогущих мстительных богов человечества?

Человек устало покачал головой.

— Проклятие человечества в том, что оно всегда наделяло своих злых, жестоких богов всемогуществом, тогда как добрые боги в его представлении были слабыми и бессильными — так, мимолетное доверие благотворного ветерка.

Монтейлер безразлично уставился взглядом в стену зала. Прежний страх снова заползал в душу, страх перед врагом, с которым невозможно бороться. Древний кошмар, восставший из небытия. Золотой век, превращенный в смертельную западню.

— Это наш мир, — упрямо сказал он, — и мы его должны получить, чего бы это нам ни стоило.

— Это ваше дело, оно меня не касается.

В голосе человека звучало холодное безразличие.

— Отдайте нам Землю!

— Я уже сказал, что это не в моей власти. И даже если бы я мог, я бы не сделал этого.

— Мы уже не можем убраться отсюда, — сказал Монтейлер с озлоблением. — Мы должны продолжать начатое дело, что бы вы ни говорили.

— Вы расклетесь в содеянном, — сказал человек.

— Возможно. Но рискнуть стоит.

Монтейлер умолк. И вдруг вспомнил: Марта!

— На борту первого корабля, совершившего посадку, была женщина, — медленно проговорил он. — Экипаж подвергся нападению, но ей удалось бежать. Где она?

— Она счастлива, — ответил человек, — как были бы счастливы и вы, если бы полностью сдались на милость Земли. Она живет в своем собственном мире, ее любит тот, кого она считала погибшим. Она испытала счастье впервые за много лет, быть может, это ее самое большое счастье в жизни. Ей нужна Земля, существа знают это, и они делают все, что она ни пожелает. Она никогда не позволит увести себя отсюда.

— Фантазии, — сказал Монтейлер. — Наркотики. Галлюцинации. К тому же она перенесла шок. Вы не сможете вечно держать ее в заблуждении. Мы разыщем ее и заберем с собой.

— Вы сами встречались с существами, населяющими сейчас Землю, — возразил человек, — вы были на борту «Наутилуса», были в Мегатполисе. Это не галлюцинации, все происходило наяву, все было на самом деле. Люди писали о них, люди о них мечтали. Они ваши, стоит лишь вам захотеть. Земля готова подарить их вам. Ваша Марта была первой, кто понял это. С вами произойдет то же. Земля уже продемонстрировала вам несколько сцен, созданных силой человеческого воображения, литературой, фольклором. Вы попали в сказку, пережили викторианскую эпоху, побывали в страшном обществе Волка Ларсена. Рано или поздно вы попадете в та-

кой мир, о котором всегда мечтали, получите то, что вы всегда хотели.

— Мы говорим о разных вещах, — заметил Монтейлер.

— Возможно, — согласился человек.

— Постараемся как-нибудь справиться с этим.

Человек ничего не ответил. Монтейлер поднялся со стула и направился к выходу. Дверь бесшумно распахнулась перед ним, за ней была пугающая темнота. Он шагнул через порог с чувством отрешенности. Когда он оглянулся, человека в зале уже не было. Он пожал плечами и подождал, пока дверь закроется. На мгновение вспыхнул неяркий свет, и дверь снова отворилась. Мегаполис исчез. Вокруг росла сочная трава, струился легкий аромат цветов, стрекотали кузнечики. В лунном свете виднелись обрушившиеся колонны.

Монтейлер вышел из тени обветшавшего храма и без особого удивления обнаружил, что он здесь не один. Он выпрямился и стал разглядывать женщину, которая стояла под деревьями. Она была невысокого роста, стройная, светлые волнистые волосы обрамляли правильное красивое лицо. Бледно-голубая блестящая туника, ниспадавшая почти до земли и схваченная на талии пояском с золотыми изображениями сказочных персонажей, облекала фигуру зрелой женщины, но глаза были совсем детские, как у Алисы. Женщина была необыкновенно привлекательна, она стояла в естественной и смелой позе, уперев одну руку в бок, и не сводила глаз с Монтейлера.

В храме Дианы

Она скрылась в тени и через минуту возвратилась.

— Я принесла завтрак, — сказала она. — Ты выглядишь усталым.

Она разложила перед ним хлеб и фрукты и налила из амфоры красного вина.

Он жадно набросился на еду, ощущая на себе ее испытующий взгляд.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Монтейлер. А тебя?

— Навсикая.

— Просто Навсикая?

— Обычно меня называют Навсикая белорукая, — улыбнулась она. — Мой отец Алкиной — царь феакийцев.

Она села перед ним, скрестив ноги.

— Что ты тут делаешь?

Он рассказал о последних событиях.

— Машина, говорившая с тобой, имеет такую же природу, что и все прочее. Она открыла тебе ту истину, которую ты хочешь знать, а не подлинную правду.

— Но она сказала, что Земля вступит с нами в борьбу, что будет война, Мы не хотим войны.

Она взглянула на него.

— Ваши корабли вооружены. У тебя на поясе тоже оружие. Смерть окружает тебя подобно черному облаку. Куда бы человек ни шел, за ним следует смерть. Ты это знаешь.

Монтейлер задумчиво смотрел на нее. Она была очень красива в пляшущем свете костра. Время шло. Она мягко встала, слегка шурша одеждой. Пламя окрасило ее белые руки в красный цвет.

В святая святых с Офелией

В сухом воздухе едва ощущался запах ладана. Сквозь глубокие тени виднелись очертания алтаря. Монтейлер посмотрел на него, и его брови поползли вверх.

Она спросила:

— Хочешь ко мне на колени?

— Почему бы и нет...

— Я хотела сказать, хочешь положить голову ко мне на колени?

— Почему бы и нет...

— Ты подумал, что я предложила что-то неприличное?

— Я ни о чем не подумал.

— Это красивая мысль, — сказала она, — лежать на коленях у девственницы.

Она улыбнулась. Он чувствовал биение ее сердца сквозь паутинку воздушных одежд.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего.

— Тебе весело.

— А разве не естественно испытывать радость в таком месте и в такое время?

Она склонилась над ним.

— Твой корабль очень далеко. Ты мог бы остаться здесь.

Он освободился от ее объятий.

— Ты красивая.

— Мой принц! — произнесла она со смешливой серьезностью, — прошу вас замолчать, ибо моя честь не допускает, чтобы обсуждали мою красоту.

Она прижалась к нему, спрятав лицо в складках его туники.

— Говори, говори еще, — еле слышно прошептала ее губы.

Она заснула. Золотистые волосы струились по ее щекам. Дыхание было ровным и глубоким. Сложив руки и слегка подогнув ноги, она была похожа на маленького ребенка.

Монтейлер опустился на колени перед алтарем. Он что-то насвистывал сквозь зубы, разглядывая светящиеся шкалы, касаясь блестящих кнопок и переключателей. Станный алтарь! Едва ли кому-либо могло прийти в голову, что среди реликвий и ритуальных принадлежностей, естественных для такого места, можно наткнуться на подобное устройство.

Это была радиостанция для двусторонней связи в гиперпространстве.

Аппарат был устаревшей конструкции, надписи на панелях сделаны на незнакомом языке. Но никто не мог ошибиться в назначении прозрачного полушария, укрепленного на верхней панели металлического куба, — полушарие было сделано из глассита, в его глубине мерцали миллионы светящихся точек. Индикатор настройки! Причем весьма совершенного типа. В Межпланетной федерации такой конструкции еще не знали. Великолепное устройство! Судя по виду, оно было изготовлено совсем недавно, им еще не пользовались.

Помещение храма наполнилось шумами и писком, когда Монтейлер взялся за верньеры настройки, потом вдруг наступила тишина — станция зафиксировала частоту, на которой велась связь между кораблями космической флотилии. Звездная пляска искр в гласситовом полушарии прекратилась, светящиеся точки сгустились в изображение. На экране появилось усталое лицо офицера, прихлебывающего кофе из маленькой чашки. Он поднял голову, и глаза его расширились.

— Капитан Монтейлер!

— Соедините меня, пожалуйста, с командным пунктом, — сказал Монтейлер.

Лицо на экране заволочлось цветным муаром, через мгновение там возникло другое лицо, постарше, с усами. Второй офицер тоже выглядел усталым, об этом особенно ясно говорили его глаза.

— Не шуми, говори потише, — дружелюбно сказал Монтейлер, — не то разбудишь спящих.

Офицер на экране склонился к своему передатчику.

— Мы ищем тебя более десяти часов! Почему ты не поддерживал с нами связь? Как сказала...

Он замолчал и стал что-то делать вне поля зрения видеокамеры.

— Но ты не на корабле! — воскликнул он, вновь повернувшись к экрану. — Что за чертовщина у вас там внизу?

Монтейлер почувствовал, как пот градом катится по его лицу, обросшему изрядной щетиной.

— Я нахожусь в каком-то храме неизвестно где, — сказал он. — Знаю только, что это храм богини Дианы. И не кричи так — это святилище, а Диана шуток не любит.

Он обернулся и посмотрел на спящую девушку.

— Как дела у Кэт? Где она — на борту корабля-разведчика?

— Да...

— Передай, чтобы она задрала люки, если она еще не догадалась сделать это сама. И пусть остается на месте, пока мы не прибудем за ней. Всем приготовиться к посадке.

— Но...

— Не беспокойся, я чувствую себя превосходно и нахожусь в здравом уме.

Глядя на растерянное лицо офицера на экране, Монтейлер скорчил гримасу.

— Послушай, Стефен, нам придется сделать это рано или поздно, а мы и без того непозволительно задержались. Тут все далеко не так безобидно, как выглядит со стороны... теперь-то я это знаю. Как по-твоему, для чего им эта радиостанция? Наверняка не для того, чтобы жарить яичницу. У них весьма развитая цивилизация, Стефен, и это ставит перед нами целый ряд проблем. Они пытались психологически сломить Кэт и меня, едва мы приземлились, а теперь мне предлагают восхитительную взятку в виде юной красавицы, только бы я вел себя «благо-разумно». Если они не хотят войти с нами в кон-такт, соблюдая общепринятые цивилизованные нор-мы, придется прибегнуть к иным методам.

Монтейлер взглянул на часы.

— Поспешите с посадкой. Объявите боевую тре-вогу, все вооружение привести в полную готовность. Ты запеленговал мое местонахождение?

Не дожидаясь подтверждения, он продолжал от-давать распоряжения.

— Действуй согласно плану В-3: три крейсера направляются ко мне, остальные рассредоточивают-ся и совершают посадку по мере надобности. В слу-чае враждебных действий немедленно применяйте оружие. Открывайте огонь при первом намеке на враждебность или опасность. Если вокруг какого-нибудь корабля появится вся эта дьявольщина в виде соборов, крепостей подземных пещери тому по-добного, уничтожайте их без промедления и выры-вайтесь на свободу. Все, что представляется необыч-ным, таит в себе опасность — каким бы невероятным это ни казалось. Вы можете принять это за галлю-цинацию, мираж, но это совсем не так. Мне дове-лось побывать внутри некоторых таких «галлюци-наций»! План В-3 вступает в силу через двадцать минут.

Монтейлер еще раз взглянул на спящую девушку. Она что-то бормотала во сне. Он снова быстро заговорил в микрофон:

— Отыщите Марту. Вы должны запеленговать ее по излучению ее индивидуальной энергетической батареи или любым другим способом. Сначала надо освободить Марту, а потом мы серьезно поговорим с местными властями, какими бы они ни были. Понятно?

Монтейлер ясно услышал за собой шуршанье одежд и шлепанье босых ног по каменному полу.

— Пока все. Я отключаюсь! — поспешно произнес он.

Медуза! Когда свечение в полушарии погасло, Монтейлер различил ее отражение на выпуклой поверхности глассита. Карикатурно-безобразное лицо было искажено дикой злобой, волосы-змеи, шипя, извивались отвратительным клубком.

— Ты лгал! — закричала она. — Ты лгал!

Пронзительный голос гулко отдавался в стенах храма, когда она рванулась вперед.

«Медуза, — вспомнил Монтейлер рассказ Кэт. — Медуза, одна из самых «очаровательных» выдумок древних греков. Она не только ужасна, она смертельно опасна. Тот, кто на нее взглянет, превращается в камень. Нечего сказать, приятная женщина. Воистину у греков было извращенное воображение».

Он кинулся ничком на землю, прикрыл глаза рукой и принялся раз за разом нажимать на спусковой механизм пистолета, пока храм не наполнился ослепительным белым светом.

Монтейлер вернулся к радиостанции, даже не взглянув на то место, где раньше стояла Медуза. Тот, кто смонтировал здесь эту аппаратуру, явно преследовал какую-то цель. «А врагу нельзя оставлять никаких честных шансов», — со злостью подумал Монтейлер.

Он отвинтил заднюю стенку аппарата, заглянул внутрь и долго не мог отвести взгляда. Губы его беззвучно шевелились.

Корпус радиостанции был пуст.

Декорация, шутка, нонсенс.

Монтейлер медленно поднялся и посмотрел через входную арку на зелень за стенами храма.

«Все здесь взято из той или иной книги».

«Они делают все, что она ни пожелает».

«Машина открыла тебе ту истину, которую ты хочешь знать, а не подлинную правду».

«Алиса».

Все это промелькнуло в голове Монтейлера, пока он рассматривал обуглившиеся остатки на каменном полу.

Какой-то забытый писатель представил в своем воображении радиостанцию для гиперпространства, но не смог или просто поленился описать ее сложное внутреннее устройство. Да и зачем оно ему? В его книге станция работала, и этого ему было достаточно.

Она работала и теперь, ибо на Земле обрели самостоятельную жизнь мифы, сказки, фантазии.

Монтейлер прицелился в аппарат и спустил курок. Станция исчезла в клубящемся огненном шаре.

«Нет таких машин, которые нельзя было бы уничтожить. Несокрушимых машин не в состоянии создать даже воображению писателя».

Монтейлер вышел из храма, отнюдь не уверенный в справедливости своих мыслей.

— Теперь он ушел, — сказала Алиса.

Она лежала животом на траве и смотрела на долину сквозь жиденький кустарник. Потом она встала и тщательно отряхнула платье.

— Он вернется, — сказала Кэт.

— Конечно.

— Он превратит в пепел полпланеты.

— Для него это будет чудесное время, — сказала Алиса.

Она посмотрела через отроги Олимпа на цепь холмов в голубой дали. Из лесов выплывали легкие клубы тумана, сгущаясь, они превращались в бастиионы, земляные укрепления, мощные башни. Стены поднимались все выше, образуя светящийся, разноцветный сказочный замок, который непрерывно менял очертания. От его подножия на десятки километров во все стороны простирались непроходимые леса.

— Что это? — спросила Кэт.

— Тинтагель.

Алиса оторвала взгляд от букашки, которую она беззаботно рассматривала в траве, и взглянула на Кэт.

— Там есть все, чего он так хочет.

— Он возьмет это.

— Зачем? Все это уже его.

Алиса с любопытством посмотрела на Кэт.

— А чего ты хочешь?

Кэт только пожала плечами.

Они стали спускаться по склону. Вокруг вздымались огромные темные сосны, в воздухе сладко пахло смолой.

— Ты все понимаешь, правда? — спросила Алиса.

— Иллюзий я не питаю, если ты это имеешь в виду, — ответила Кэт и, чуть помедлив, спросила:

— Скажи, сколько тебе лет?

— Десять.

Алиса, смеясь, побежала по тропинке.

— Спорим, что ты меня не догонишь!

— Я даже не буду пытаться.

Кэт вяло шла по лесу. Сосны понемногу редели. Теперь тропинка вилась между пинниями и кипарисами. Над землей почти незримо стелился неизменный легкий туман — от этого контуры деревьев слегка дрожали, будто в полуденном мареве.

— Вообще-то я хотела стать антропологом, — сказала Кэт, ни к кому не обращаясь. — Даже изучала социальную антропологию на Фаумтенгейт Гамма... А потом оказалась на разведывательном корабле, и единственно, с чем мне довелось сталкиваться, были мертвые культуры, мертвые города, мертвые миры. Мне надо было бы стать этнологом, а я стала психологом. Все же лучше, чем ничего.

— Ты говоришь такие трудные слова, — сказала Алиса.

— Ну ты же все понимаешь.

Некоторое время Алиса молчала. Она шла впереди Кэт и рассеянно ступала по листочкам и веточкам, упавшим на тропинку.

— На Земле были разные культуры в разные эпохи, — осторожно произнесла она.

— Пожалуй, я догадывалась об этом.

Алиса еще помолчала, задумавшись.

— А что он скажет, если ты не вернешься?

— Тебе это наверняка нетрудно устроить.

— Может быть.

Они молча шли по тропинке, которая свернула в небольшую лощину и геперь извивалась вдоль крутого обрыва. Там, внизу, густо клубился туман, быстро растворяясь в едва заметный дымок на открытых местах.

Склон Олимпа упирался в большое озеро. В нескольких километрах от берега из воды поднимались берега острова, зеленевшие под ясно-голубым небом. С высокого горного уступа можно было разглядеть города и селения, разбросанные в приятной, привлекательной местности, где геометрически правильные прямоугольники полей и пашен выделялись среди ухоженных рощ. Глубокий залив служил естественной гаванью для кораблей, приходивших к причалам большого старинного города, который стоял у самой воды, отражаясь в ее спокойной неподвижной поверхности. В залив впадала широкая река.

— Анидр, — сказала Алиса, показав на реку. — Она течет сюда из Амаурота.

И, взглянув на Кэт, добавила:

— Амаурот — это столица острова.

Кэт смотрела на остров, который раскинулся внизу под ней словно искусно сделанный раскрашенный макет с четко обозначенным рельефом.

— Как называется этот остров?

— Он назывался Абракса. — Алиса засмеялась. — Но это было до появления короля Утопа. Мы обычно называем остров Outopos. На Земле нет ничего похожего на него, но попасть сюда мог только один-единственный чужеземец.

— А ты многое знаешь, — сказала Кэт.

Алиса фыркнула.

— Мне только десять лет. Я ничего не знаю. Но тебе наверняка многое показалось бы там интересным.

— Возможно.

Кэт скользнула взглядом по тропинке, которая бежала к воде далеко внизу. У самого берега качалась лодка, кто-то приветливо смотрел на них. Кэт подняла голову — небо было кристально чистым и глубоким. На нем не было ни облачка, ничто не напоминало о черных кораблях космической флотилии, висевших где-то на далекой орбите. Она снова опустила глаза, устремив взгляд на горные вершины в голубой дымке, на тихий умиротворенный остров. Необычайное глубокое успокоение снизошло на нее, заполнив все ее существо, внутреннее напряжение бесследно исчезло, мышцы расслабились, руки легко и свободно опустились вдоль тела. Она встряхнулась и решительно начала спускаться по крутой тропке. Через некоторое время она обернулась к Алисе, которая неподвижно стояла на уступе скалы.

— А как же Мон? Что будет с ним? — спросила она. Собственный голос показался ей чужим — безразличным и вялым.

Алиса засмеялась в ответ:

— Мы и для него что-нибудь обязательно придумаем.

Кэт пошла дальше вниз к ожидавшей ее лодке, чтобы отправиться к острову Утопия, на котором еще не довелось побывать никому из людей. За ней непроницаемой стеной вставал туман, но она по-прежнему видела над собой синее безоблачное небо.

18

Монтейлер стоял на опушке леса и смотрел, как совершает посадку последний из трех крейсеров, направленных в его распоряжение. Он висел над ним черной устрашающей громадой, заслоняя солнце и

бросая глубокую тень на деревья вокруг. В отполированном корпусе открылись люки, послышались голоса и лязг металла, а потом из бездонного чрева посыпались люди, транспортные средства, боевые машины. Монтейлер взирал на все это спокойно и равнодушно, не обращая внимания на безупречную дисциплину и порядок. Картина была внушительной, но он думал о том, что сил очень и очень мало. И, насколько ему было известно, никто из прибывших еще не участвовал в настоящем бою.

«Пущечное мясо, — подумал Монтейлер. — Несчастные бедняги».

Из грузового люка выползали бронированные машины. Три длинных танка, похожие на черепах в стальных панцирях, направились к группе себе подобных, выгруженных с других кораблей. Они оставляли на земле глубокие раны, черная колея извивалась там, где они прошли. Тут и там виднелись группы солдат и техников. Несколько ветеранов, оказавшихся среди молодого экипажа, собрались поодаль от других и спокойно резались в карты.

По аппаратам из люков выползали новые машины — неуклюжие коробки на гусеничном ходу, сухопутные разведчики неизвестных планет. Их пригодность для боевых операций вызвала определенное сомнение, но они были сделаны прочно и надежно, несли на себе легкое вооружение. Всего выгрузилось восемь таких машин, их поставили отдельно, на почтительном расстоянии от мощных черепах. В дополнение ко всему над поляной зависли четыре разведывательных космических корабля, по размерам уступавшие крейсерам. Экспедиционный корпус, который можно было назвать таковым только при наличии изрядной доли оптимизма, был готов к выступлению.

Монтейлер обернулся к Кэт, которая стояла позади него в тени деревьев. Он едва различал ее во тьме, скорее ощущал ее присутствие. Густая тень полностью скрывала ее лицо.

— Ну что ты скажешь?

Она слегка отвернулась от него и посмотрела куда-то вдаль.

— Ты выступаешь всеми силами, которые у тебя сейчас есть?

— Мне ничего другого не остается.

Он стоял, расставив ноги, уперев руки в бока и внимательно следя за выполнением команд.

— Здешние обитатели пытаются подавить, сломать нас. Именно так они встретили нас с самого начала. Но я не собираюсь им уступить ни сейчас, ни потом. Марта находится где-то в этом лесу, наверное, под надежной охраной. Они держат ее в плену и думают, что так будет всегда. Единственная возможность спасти ее — нанести сокрушительный и неожиданный удар, чтобы они не успели подготовиться к обороне и остановить нас. Мы пробьемся, освободим ее и вернемся назад. А потом...

Он улыбнулся.

— А потом мы поговорим с ними серьезно.

— С позиции силы? С оружием в руках?

— Мы пытались вступить с ними в мирные сношения, разве не так? — лицо Монтейлера свела жесткая гримаса. — И что мы получили в ответ? Джослин растерзан одним из их чудовищ, Марту держат в плену как заложницу. А эта прогулка, которую нам предложили совершить? О, они знают, что делают. Сначала угрозы, потом насилие, наконец подкуп. До сих пор я шел у них на поводу, и это не принесло нам никакой пользы. Настало время проявить волю и поступить так, как я считаю нужным.

Кэт пожала плечами.

— Надо полагать, ты знаешь, за что берешься.

Монтейлер смотрел в полевой бинокль на огромное сооружение, возвышавшееся вдали над лесом. Бледные пласты тумана цеплялись за высокие башни, то полностью скрывая их, то словно бы выставляя напоказ. В свете утренней зари башни казались застывшими языками пламени. С каждой минутой их изящные очертания увеличивались.

— Да, я знаю, — ответил Монтейлер на слова Кэт. — В этом, черт возьми, ты можешь быть уверена.

Утро было ясное и свежее, в воздухе еще чувствовалась ночная прохлада. Аромат молодой зелени смешивался с тяжелым запахом гниющей на земле хвои. Отряд медленно продвигался вперед, следуя за пятью низкими танками-черепахами. Под ударами их брони сосны валялись на землю с жалобным стопом. Время от времени экипажи применяли лазерные орудия, чтобы расчистить путь. Колонна неумолимо врезалась в лес, оставляя за собой прямой широкий след, тянувшийся от места посадки крейсеров. Солдаты сидели на бронированных машинах, держа оружие наготове.

Монтейлер находился в вездеходе в середине колонны. Он открыл боковой люк и удобно облокотился на его край. В левой руке он держал микрофон. В одном из танков, следовавших в голове отряда, офицер говорил в такой же микрофон:

— Продвигаемся вперед. Никакого сопротивления не встречаем.

— Впереди противник, — сказал Монтейлер, услышав рапорт в динамике радиостанции. — Будьте внимательны, сохраняйте полную готовность.

Он дышал ровно и глубоко, одурманенный бурной первобытной весной. На полянах цветы раскры-

вали навстречу солнечным лучам свои алые лепестки. В густых зарослях пели птицы. Монтейлер смотрел вокруг с чувством, похожим на благоговение; его родная планета не знала ничего подобного. Там времена года незаметно растворялись друг в друге, зима сразу переходила в лето. А здесь весна — неожиданный взрыв, буря, ликующий вопль непреодолимой жизни, которая пылала в утренней прохладе, прорывалась наружу, на свободу ростками, цветами, запахами. Это было волшебство, это было чудо, непреходящее торжество Земли — любимой, покинутой, но сохраненной в больной ностальгической душе.

А колонна двигалась вперед.

Солдаты, устроившиеся на броне, перебрасывались шутками. Над ними парили космические корабли, следя за тем, как войска вгрызаются в зеленое море леса, и давая необходимые указания, корректируя направление. Точно по курсу движения вдали вызывающе поднималось сияющее сооружение с башнями, окутанное клубящимся туманом, который, расступаясь, на миг открывал его радующую взор красоту.

Монтейлер прищурившись смотрел на парящие в небе корабли.

— Вижу цель! — донеслось из динамика на приборном щитке. — Жду дальнейших указаний. Мы находимся...

Первая волна нападающих ударила прямо из сияющего солнечного света. Они камнем падали вниз, словно хищные птицы, — бесшумные, быстрые, смертоносные. Крылатые драконы, изрыгающие пламя; крылатые кони с золотоволосыми всадницами в сверкающих латах, с щитами и обнаженными мечами; летучий корабль с наполненным ветром прямоугольным парусом, бесстрашно несущийся навстречу космическим разведчикам; боевые колесницы, запря-

женные драконами, конями, козлами; крылатые львы и тигры, крылатые люди, гигантские грифы, орлы, стервятники, совы... Их были тысячи, небо кишело невероятными созданиями, они появились над кораблями так неожиданно и беззвучно, что даже электронный мозг не успел их зарегистрировать и выдать необходимую информацию. Монтейлер с ужасом увидел, как чудовищный дракон набросился на один из кораблей, вцепился когтями в полированный корпус и принялся срывать листы обшивки. Мгновение спустя дракон превратился в огненное облако после прямого попадания с соседнего корабля, но тут же вместо него появился новый сказочный монстр. Корабельные орудия вели непрерывный огонь, фиолетовые лучи резали волны атакующих, превращая их в прах и пепел. Небольшие и юркие космические корабли-разведчики сновали в живых тучах и всюду сеяли смерть и уничтожение. Наконец воздушная атака была отбита, но это стоило пришельцам огромных усилий.

— О небо! — прошептал Монтейлер. — Я не мог и представить себе...

Он не договорил, ослепленный яркой вспышкой, за которой последовал оглушительный грохот. Вездеход сильно трянуло, и он остановился. В наступившей тишине стали явственно слышны приближающиеся ружейные выстрелы. В динамике захрипело, потом сквозь треск раздался голос:

— Капитан Монтейлер!

Монтейлер поспешно захлопнул люк и выглянул в смотровую щель: в лесу двигались многочисленные фигуры.

— Монтейлер слушает.

— Мы попали под обстрел. Судя по всему, применяется крупнокалиберное оружие. Находимся в окружении целой армии...

Бегущие по лесу фигуры приблизились, теперь уже было ясно видно, что это люди в военной форме. Стреляя на ходу, они шли в атаку. Пули ударили в броню и рикошетировали с противным воем.

— Как наши люди? — спросил Монтейлер в микрофон.

Короткая пауза, затем голос из динамика:

— Все в безопасности, капитан! Когда началось нападение с воздуха, они укрылись в боевых машинах.

Еще пауза.

— Какие будут приказания?

Голос в динамике был едва слышен из-за непрерывных глухих взрывов и пулеметных очередей. Монтейлер сжал кулаки и посмотрел в перископ. Огненные лучи косили атакующие цепи. Многие из нападавших катались по земле, пытаясь потушить горящую одежду. Деревья превращались в пылающие факелы, они освещали глубины лесного массива, где новые цепи ждали сигнала атаки, осыпая колонну Монтейлера градом пуль из примитивного стрелкового оружия. Земля дрожала от глухих взрывов.

Из динамика прозвучало:

— Противник вводит в бой артиллерию.

Монтейлер закрыл глаза.

— Слышу.

— Что нам делать?

Монтейлер посмотрел на свои судорожно сжатые руки.

— Алло, капитан! Что нам делать?

Монтейлер поднял голову и прорычал в микрофон:

— Приказываю отступить!

— Капитан!..

— Повторяю: отступить! Но мы еще вернемся. Он отключил микрофон и обернулся к Кэт.

— Небольшой просчет, — сказал он натянутым голосом. — Я не предполагал, что мы можем попасть в такую переделку. Очевидно, я должен кое-что пересмотреть, сделать выводы.

Он посмотрел в небо, где корабли-разведчики все еще вели бой с противником.

— Конечно, одному из наших крейсеров ничего не стоило бы расчистить этот лес, прежде чем мы в него углубились... Но ничего, пусть это послужит мне уроком. На ошибках учатся, а я учусь быстро, когда нужно.

Колонна развернулась, и войска стали отходить тем же путем, которым они вошли в лес. И сразу же ослабли бешеные контратаки, стихла артиллерийская канонада, цепи солдат начали отходить в глубь леса. Когда авангард, состоявший из бронированных черепах, проследовал мимо вездехода Монтейлера, в лесу стояла такая мирная тишина, будто бы и не было никакого сражения. Только следы лазерных залпов да дымящиеся деревья свидетельствовали о том, что здесь недавно что-то произошло. С опустевшего неба беззвучно спустились два корабля-разведчика, чтобы принять на борт потерпевшего поражение командующего и его штаб.

Монтейлер на мгновение задержался на трапе, прежде чем войти в люк, и взглянул на свой вездеход. Корпус позади башни был сплюснен словно от удара гигантского молота. Придись этот удар всего на полметра ближе к центру, Монтейлеру уже не пришлось бы смотреть на его результаты. Промач? Или предупреждение: в следующий раз удар будет направлен туда, куда надо?

Монтейлер посмотрел вдаль. Недосягаемые для его боевых машин и орудий поднимались к небу сияющие башни, окруженные бледным туманом.

Ему показалось, что в них скрыта тайная издевка, что они насмеваются над его неудачей.

19

Во второй половине дня космический крейсер «Медина» прошел над лесом на небольшой высоте по зигзагообразному маршруту в достаточном удалении от сиющих башен. Там, где он пролетал, деревья корчились, съезживались и умирали. Монтейлер находился на базе и следил за маневрами корабля, за тем, что происходило на поверхности только что возникшей пустыни.

На дымящейся земле появились окопы и извилистые траншеи. Их узор сливался в оборонительные рубежи: один рубеж, другой, третий. На равнину спустился туман, и из него возникли нескончаемые плотные ряды заграждений из колючей проволоки. На склонах низких почерневших холмов выросли железобетонные укрепления, из амбразур торчали стволы невероятно древних орудий. Появились люди в серой военной форме, в серых стальных касках, с серыми лицами. Они молча стояли небольшими группами и следили за действиями космического крейсера. Среди них выделялись офицеры в светло-голубых мундирах с золотыми знаками различия и шашками. Некоторые офицеры были верхом.

Солдаты углубляли окопы, равняли брустверы, рыли убежища. Офицеры сидели на лошадях. Смрадные жаркие волны накатывались на них от горящего леса, пахло едким дымом. Они обмахивались шелковыми носовыми платками. Их потные лица не выражали ничего, кроме холодной выдержанности и сосредоточенного внимания. Фигуры на шахматной доске, расставленные перед началом игры.

Тот, кто играл белыми, стоял в командном пункте космического флагамена и не сводил глаз с экрана, занимающего всю стену. Поле сражения было видно во всех деталях, зафиксированное телекамерами с птичьего полета в цветном трехмерном изображении. Войска противника, словно муравьи, двигались по выжженной земле. Они укрепляли свои позиции, ожидая его первого хода.

Монтейлер откинулся на спинку кресла. Не отрывая взгляда от экрана, он отдал несколько коротких команд в микрофон. Со своих скрытых позиций поползли в пустыню гигантские стальные черепахи. За ними следовали другие боевые машины и солдаты. На сей раз это были более опытные бойцы. Согнувшись и держа оружие наготове, они делали короткие перебежки. Монтейлер извлек урок из поражения. Теперь это была уже не карательная экспедиция. Это была война.

Пешки на шахматной доске двинулись вперед.

Наступила ночь, озаренная зарницами боя; густая тьма несла издали звуки, означавшие смерть и страдание. На шахматной доске фигуры застыли в позиционной борьбе, зарывшись в землю по обе стороны широкой нейтральной полосы. Между ними вздыбилась колючая проволока, дымилась разбитая броня. Земля была усеяна трупами, еще сжимавшими в своих окостенелых руках остывшее оружие.

Далеко от переднего края, в глубоком тылу, сидел в окружении своих войск и машин игрок, двигающий белые фигуры, и составлял новые планы боевых операций. По другую сторону фронта издевательски вздымались к темному небу сияющие башни.

Ничейная позиция, грозящая патом.

Монтейлер на командном пункте смотрел на центральный экран. Шахматные фигуры не двига-

лись. Время от времени ослепительные всполохи разрывали пространство, и тогда с поля боя доносился раскатистый гром, проникавший даже сквозь многослойную изоляцию корабля. На соседних экранах можно было видеть солдат, которые наблюдали за ничейной полосой и за действиями противника. Монтейлеру все они казались похожими на одно лицо. Из динамиков неся грохот взрывов и оружейных залпов, шипение лазеров, лязг, скрежет, крики, стоны. В эту дикую какофонию вплетался глухой низкий гул, который то затихая, то усиливаясь вновь заставлял вибрировать воздух.

— У них есть летательные аппараты, — сказала Кэл, сидевшая в кресле позади Монтейлера.

— Детские игрушки! — отмахнулся он. — Мы можем уничтожить их в любой момент.

Голос его звучал почти весело.

— Представь себе только — это же винтовые самолеты! Древняя старина, чистейший хлам.

Он взял со стола несколько страниц, полученных из печатающего устройства компьютера.

— Наша ЭВМ отыскала в своей памяти названия некоторых из них. Музейные экспонаты: «Фоккер», «Мессершмитт», «Спитфайр», «Дорнье»... Эти аппараты настолько древние, что вычислительному центру пришлось потратить немало времени, прежде чем им удалось найти хоть какой-то намек на их происхождение, время изготовления и тому подобное. Просто не верится, что все это реальность.

Одна из видеокамер нацелилась на самолет, низко летевший над землей, и оператор поворотом объектива резко приблизил его изображение, так что оно заняло весь экран.

— Почему бы тебе попросту не бросить в бой свои основные силы и не кончить со всем этим? —

спросила Кэт. — Ты же можешь решить все сразу, если захочешь.

— Будет и это, будет, — ответил Монтейлер. — Я делаю все так, как задумал, следуя своему плану. Они не смогут долго продержаться. Я изматываю их силы. У меня много времени в запасе — у них его нет.

— Ты играешь в войну, — сказала Кэт. — Ты всегда мечтал об этом. Для тебя это просто игра.

— Вначале я допустил ошибку, — сказал Монтейлер. — Теперь я учусь, как ее исправить. Я заставлю их встать на колени.

— Но там гибнут люди!

— Если они прекратят сопротивление, войны не будет. Я хочу вернуть Марту и добиться их согласия, только и всего.

— Ты бы мог в любую минуту положить конец бойне, но ты попросту этого не хочешь, — сказала Кэт. — Потому что, если они потерпят поражение, ты уже больше не будешь великим полководцем.

— Пожалуйста, без всяких психоанализов! — рявкнул Монтейлер. — Я поступаю так, как хочу, понятно?

Кэт встала.

— Мне все понятно, — сказала она.

Она вышла из командного пункта, не повернув головы. За ее спиной динамики захлебывались звуками ожесточенного боя. Монтейлер отдавал по радио приказ о посадке еще одного крейсера. Противник подтягивал резервы: дальнобойную артиллерию, танки, неиссякаемые колонны солдат в мрачной серой форме. Юркие истребители пикировали на неподвижные космические корабли, поливая их огнем из пулеметов и пушек.

У подножия сияющих башен еще оставался небольшой островок зеленых деревьев, вокруг же все

ширилась безжизненная, выжженная земля, на которой, уничтожая друг друга, сталкивались и крошились боевые машины. Содрогались недра, вспыхивали ослепительные взрывы. А из башен непрерывно появлялись новые люди, новые машины и непреодолимой бесконечной массой текли в ревущее пекло сражения.

«Если бы где-то там не находилась Марта, — думал Монтейлер, — я бы давно поднял на воздух, развеял, уничтожил, стер с лица земли всех и вся. Но сейчас я не могу пойти на такой риск. Если потребуется, я буду действовать вот так до бесконечности. На орбите у меня шесть крейсеров с подкреплениями. Я сотру моих врагов в порошок и покончу с ними. Пожалуй, мне даже не понадобятся крейсера. А если понадобятся...

Я смогу получить подкрепление от Межпланетной Федерации. Этот мир наш. И то, что принадлежит нам, мы не отдадим никому. Подкрепление может прибыть сюда через неделю-другую. Если оно мне потребуется. Я могу запросить тысячу человек, десять тысяч, пятьдесят тысяч. Мы уничтожим врагов. Я уничтожу их!»

Он смотрел на экран, искривив губы в болезненной гримасе.

«Я никогда не сдамся, не уступлю», — стучало в висках.

Он кричал в микрофон. Совершали посадку крейсера, выплевывая боеприпасы, снаряжение, людей, технику. Ночь наполнилась белой ослепительной смертью. В окопах гибли солдаты, на их место вставали новые. Все одинаковые, все на одно лицо.

Белые на шахматной доске делали очередной ход. Черные отвечали. Фигуры передвигались по белым и черным полям в соответствии с правилами игры.

Монтейлер смотрел на экран, обдумывая следующую комбинацию. Боевые действия захватывали все новые территории; пожалуй, стоит переместить базу поглубже в тыл. Вполне разумный ход.

Рокировка.

20

Война продолжалась. Порой боевые действия сводились к случайным перестрелкам через нейтральную полосу, порой неожиданно вспыхивали жестокие сражения, и тогда земля дрожала от нестерпимой канонады. Теперь на сотни километров вокруг сияющих башен простиралась мертвая пустыня, а башни, словно в насмешку, по-прежнему тянулись к небу из небольшого зеленого островка неповрежденных деревьев. Оттуда нескончаемым потоком устремлялись в бой все новые солдаты, новые машины, новые пушки. Поле сражения расширялось концентрическими кругами подобно кругам на поверхности воды. По дорогам потянулись беженцы. Бесконечными колоннами проходили они мимо базы, молчаливые и бледные, груженные скудным скарбом. Кто-то из часовых утверждал, будто узнает отдельных беженцев в лицо, будто одни и те же люди проходят мимо каждый день, каждую ночь. Над ними смеялись. Страх и голод делают людей безликими, как и солдатская форма.

Появились первые пленные — мрачные небритые парни. Они отказывались сообщать какие-либо сведения и называли только свое звание и личный помер. Их помещали большими группами за изгородью из колючей проволоки, где они только и де-

лали, что составляли планы побега. Одна группа пленных построила деревянного коня для физических упражнений и с его помощью замаскировала вход в подземный туннель, прорытый под заграждениями и вышедший на поверхность далеко от территории лагеря. Пленному из другого лагеря помогла бежать влюбленная радистка, которая скрылась вместе с ним. В целом пленные доставляли массу хлопот, но Монтейлер поручил их одному из своих подчиненных и выкинул их из головы.

Находились и союзники.

Они объявлялись, движимые желанием обогатиться, удовлетворить свое тщеславие или насытить ненависть, грабить или по неизвестным личным причинам. Их отличало странное одеяние, причудливая военная форма, необычное вооружение. Некоторые были безоружными. Они дрались как черти и умирали как герои, даже не пытаясь вникнуть в смысл происходящего. Они не были вполне нормальными, но в дело годились.

Появился Геракл.

Монтейлер находился у ворот одного из лагерей, когда он прибыл во главе необычных наемников. В их числе были четверо мужчин в цветистых камзолах, высоких ботфортах, развевающихся плащах и в шляпах, украшенных перьями; они называли себя почему-то тремя мушкетерами. Среди прибывших был огромный мрачный дикарь в набедренной повязке, пытавшийся что-то сказать на языке, похожем на звериный рык, и молчаливый человек в черном с маской на лице, уверенно державшийся в седле на белой лошади.

Геракл заметно выделялся в этом скопище.

— Эй, человек! — загоготал он.

Растолкав часовых, Геракл подошел к Монтейлеру, который робко глядел на вновь прибывших.

— Дошло до меня, что ты затеял какую-то войничку, так я решил прийти тебе на помощь. — Геракл остановился перед Монтейлером, широко расставив ноги. — Не вешай носа, человек! Теперь с тобой Геракл. Что мне предстоит совершить?

Монтейлер жестом отослал часовых.

— Один из наших находится в плену и содержится вон в тех башнях. Это женщина. Надо ее освободить.

— Ты слишком утруждаешь себя из-за женщины. Верь мне, еще не родилась та женщина, ради которой стоило бы начинать войну. Ну да ладно, — он широко улыбнулся, — Геракл повидал немало войн на своем веку, Геракл знает их подлинные и мнимые причины. Рассказывал я тебе о Елене Прекрасной и этой распроклятой Троянской войне, которая началась из-за нее? Нам надо только освободить ее и ничего больше, говорили мне. Враки! Армия не сделает и шага ради какой-то женщины, если она не сидит на груди золота. Так и быть, я помогу тебе, человек!

Он раскатисто рассмеялся и хлопнул огромной ручищей себя по колену.

Монтейлер и Геракл направились к флагманскому кораблю.

— Мы хотим взять только то, что принадлежит нам, — сказал Монтейлер. — Если они не хотят добровольно отдать нашего, мы вынуждены отбирать силой. Как видишь, все довольно просто.

— Все всегда просто, — усмехнулся Геракл. — Всегда nepřитязательность, всегда бескорыстие, всегда освобождение, всегда трупы, грабеж, насилие, смерть. Война, война... Уж я-то знаю, что это такое.

Он взглянул на Монтейлера.

— А здесь предстоит долгая война. Они никогда не отдадут ее по доброй воле. Я знаю.

— У меня много времени в запасе, — сказал Монтейлер.

— И я помогу тебе! — проревел Геракл. — Клянусь Зевсом! Я миролюбивый человек, все это знают, но никто еще не видел, чтобы Геракл уклонялся от борьбы. Ты мне нравишься, человек. Мы им покажем! Мы изрубим их на куски! Я знаю эту страну, и, если я рядом с тобой, ты победишь.

Он с самодовольной улыбкой посмотрел на Монтейлера сверху вниз.

— А сейчас я предложу тебе вот что: пошли-ка отряд своих солдат занять небольшую деревеньку неподалеку. Тут не предвидится никаких трудностей, ты с этим справишься. Жители этой деревни сторонники Алисы, а зачем тебе под боком такие люди? При случае они могут доставить неприятности. Когда дело будет сделано, я предложу тебе прекрасный план, великолепный план, который мог придумать только Геракл...

Кэт сидела в кафетерии флагманского корабля и смотрела на экран, смонтированный под потолком. Перед ней на столике стояла нетронутая чашка искусственного кофе. Изображения в светящемся прямоугольнике показывали, как быстро расширялось поле сражения. Лишь ничтожная часть сил, находящихся под командованием Монтейлера, состояла из его собственных солдат. Остальные были наемники и люди, примкнувшие к нему по разным причинам. Подкрепления подходили со всех сторон. Скоро должны были прибыть новые войска от Межпланетной федерации — туда было послано сообщение об организованном сопротивлении, с которым федера-

ция столкнулась впервые со дня своего основания. А с такими силами главнокомандующий Монтейлер мог сражаться бесконечно долго, если понадобится — вечно.

Кэт не сводила глаз с экрана, где разворачивались все новые эпизоды боев.

«Да, — подумала она, — он будет сражаться бесконечно долго».

Монтейлер распорядился поставить на командном пункте походную кровать. Теперь он почти не выходил отсюда, весь во власти разыгрываемой шахматной партии. Он передвигал пешки и ладьи, представлял слонов и коней на все увеличивающейся доске, искал слабые пункты и открытые вертикали, планировал комбинации и угадывал ответный ход противника. Это было единоборство мыслей, столкновение одного мозга с другим в сфере, которая лишь отдаленно была связана с шахматными фигурами. Военная игра приводила его в восхищение, мобилизовала все ресурсы организма, будила в нем азарт.

Впервые в жизни Монтейлер испытывал подлинное счастье.

21

Прибыли подкрепления от Межпланетной Федерации. Два десятка крейсеров с ревом свалились из космоса, имея на борту солдат, орудия, бронированных черепах, снаряжение. Волна за волной раскалывали они ясное голубое небо, сеяли смерть, лизали огненными языками облака, проносились на бреющем полете над спящими равнинами, морски-

ми волнами, горными вершинами. Разрушения, причиненные космическими кораблями, были весьма внушительными, сопротивление, оказанное им, не менее эффективным. Дворцы и замки превращались в огневые позиции; древние башни с грохотом взлетали к небу, становясь стреловидными ракетами из блестящего металла; разверзлись недра, и на поверхность вышли существа, способные передвигаться в пространстве на лучах лунного света. Крейсера косили войска противника, превращали землю в огненный кипящий ад. Потом они возвращались на свои боевые базы, и бесконечная позиционная война продолжалась.

А за линией фронта, за пределами зоны боевых действий местность залечивала полученные раны. Возрождались замки, появлялись новые селения, росли города, взбухая и расплываясь, словно живые организмы. Все новое, все целехонькое, словно здесь никогда и не проносились всепожирающие огненные смерчи и ураганы. Превосходные декорации для новых блистательных побед.

Монтейлер наблюдал за военной игрой с помощью экранов на командном пункте. Это все еще была ограниченная война, война, которая велась вокруг неприступных сияющих башен. Он то добивался преимущества на одном из участков фронта, то терпел неудачи на другом.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Иногда Монтейлер задумывался над общим итогом боевых операций: достиг ли он хоть каких-то успехов, сможет ли он когда-нибудь выиграть эту партию? Или он идет навстречу собственному поражению? Он снова и снова анализировал позицию...

Алиса стояла на вершине небольшого холма, высившегося за основной базой. У ее ног лежал разноцветный мяч. Девочка смотрела на цепь далеких холмов. Театр военных действий был всего лишь небольшим пятнышком на фоне необъятной панорамы. Где-то в огненной вспышке и тучах дыма взлетела к небу металлическая сигара, выпущенная из замаскированной пусковой шахты. Но тут же сработала система противоракетной защиты Монтейлера, и снаряд был уничтожен еще до того, как начал свой путь из заоблачных высот к цели. Алиса стояла неподвижно и смотрела на возникший огненный шар. Очертания ее фигурки начали таять, она превратилась в другую женщину, в Джульетту из Вероны, волосы ее развевались на ветру, в руках она сжимала острый кинжал. Она стала Деметрой, Реей, Нумбакуллой, Астартой. Огромной пугающей тенью возвышалась она над землей, пока новая метаморфоза не превратила ее в прекрасное бледное существо, в стройную миниатюрную женщину с большими темными глазами — Беатриче Портинари, увиденную глазами влюбленного поэта. А через мгновение на вершине вновь стояла Алиса. Она по-детски надула губки, золотистые кудри рассыпались по ее плечам. Вдали за нею на землю опустилась громадная стая летающих существ, предводительствуемая белым Пегасом. Алиса не обернулась. Она сложила руки за спиной и потянулась до хруста в суставах. Она встала на цыпочки, потом коснулась пышной травы пятками и снова потянулась кверху. Небосвод над нею был ясным и чистым. Она смотрела на темнеющее небо, где человек творил себе новых идолов.

Тени

Девушка окликнула меня, когда я спускался по лестнице из Службы Вероятностей. Мне в ту пору было лет двадцать, и я только что вернулся Сверху, где провел почти два месяца субъективного времени, запертый в стальной камере вместе с двумя инженерами, которые опротивели мне хуже горькой редьки. Подумать только, два месяца не видеть девушек! А эта была миленькая. Не сказать, чтобы красавица, но сейчас любое существо без бороды вызывало во мне положительные эмоции. Я остановился и посмотрел на нее. Судя по морщинкам вокруг глаз и рта, лет на десять старше меня, длинные волнистые волосы, старомодное платье чуть ли не на три размера больше, чем следовало. Если она хотела привлечь мое внимание, то ей это удалось. Впрочем, лезть из кожи воп ей не пришлось: как я уже сказал, сейчас любое существо женского пола привлекло бы мое внимание без малейшего труда.

— Неужели это значок Службы? — спросила она.

Голос ее нервно дрогнул, но тогда я пропустил это мимо ушей. Я бросил взгляд на отворот куртки с сине-зеленым значком. Надо сказать, очень скромным. Никто его не замечает, а вот она заметила. Прямо-таки пожирала его взглядом.

— Ясное дело, — сказал я. — Дальше?

— Ты работаешь... там? — она показала на грязный фасад.

— Если это называется работать. Большею частью сижу и жду у моря погоды, — я попытался улыбнуться ослепительной улыбкой победителя, но не получилось. — А что?

Она не сводила глаз со значка.

— А ты бывал... — она запнулась, — ...Наверху?

— Только что спустился, — бросил я. — Полчаса назад сидел в стальной коробке, не имея ни малейшего представления о том, когда меня выпустят. — Я содрогнулся. — Прости, но мне пора. Когда проторчишь Наверху два месяца, здесь тошно делается.

Я начал спускаться по лестнице к площади, а в голове у меня роились смутные воспоминания. Я смотрел вдаль. Девушка не отставала.

— Это так страшно? — спросила она.

— Иногда.

Я взглянул на нее: она разговаривала с моим значком. Значок явно интересовал ее больше, чем я.

— Прости, — сказал я, — но мне было паршиво, и я хочу поскорее отсюда смотаться.

Несколько минут она молча шла рядом.

— Мне интересно, — наконец пробормотала она.

— А мне нет. На ближайшее время с меня хватит.

Я нарочно был невежлив; мне мучительно хотелось выпить и остаться наедине с женщиной главным образом, чтобы убежать от Службы Вероятностей и всего, что пыталось выползти из моего подсознания, пока мы пересекали площадь. Тут не до любезностей.

— У меня личный интерес, — сказала она, глядя прямо перед собой.

Так я и думал. Я свысока посмотрел на нее, на ее нервный рот, блуждающий взгляд.

— Долго ждешь? — спросил я.

— Долго.

— И совершенно случайно тебе попался именно я?

Она кивнула.

— Сотрудники Службы Вероятностей редко выходят на улицу, — объяснил я. — Со временем они уже не выносят внешнего мира. Живут в здании, как будто снаружи ничего не существует, — я махнул в сторону мрачного строения. — Там даже окон нет. Большинство не хочет иметь никаких связей с внешним миром.

— Ничего удивительного, — сказала она.

— Тебе-то откуда знать?

— Иногда Веротехники привозят Сверху разные вещи, — сказала она. — Интересно, как это получается.

— Сверху никто никогда ничего не привозит, — сказал я в замешательстве. — Не потому, что это невозможно, очень даже возможно, но все знают, чем это грозит. Просто нельзя.

— Сколько времени ты там работаешь? — спросила она снисходительно.

— Три года.

— Наверное, раньше привозили.

— Никогда, — сказал я.

Она сменила тему разговора:

— Куда ты идешь?

— Ищу где выпить, — я пожал плечами. — А там посмотрим.

— Давай я тебя угощу, — внезапно улыбнулась она. — Раз уж я к тебе пристала. Поговорим о чем-нибудь другом.

Мы зашли в какой-то ресторан, выпили и поужи-

нали так, как я мечтал эти два месяца. Она была очень славная, когда нужно — улыбалась, когда нужно — смеялась. Три стакана вина и два месяца заточения сделали ее в моих глазах сперва очаровательной, а потом неотразимой. Я пачал намекать на свое высокое положение в Службе Вероятностей. Как и можно было ожидать, она клюнула.

Это было по меньшей мере странно, поскольку мало кто интересуется Службой Вероятностей или исследованиями, которые там ведутся. Сам-то я ни капельки не интересовался, пока не начал там работать. Слышал только, что это какое-то государственное учреждение, изучающее линии Вероятности, — черт их знает, что это такое! — и что в огромном уродливом здании тьма ученых и другого персонала, которые большей частью там и живут. Ничего секретного — кому нужны какие-то «линии Вероятности»? — и раньше в моих глазах это было одно из тысяч уродливых зданий. Потом я кончил школу, долго не мог найти работу, звонил во все места подряд по телефонному справочнику, пока не дошел до буквы «с». Это было очень давно.

Я не ученый, не разбираюсь в теориях, связанных с изучением линий Вероятности, а что и знаю, мне непонятно. Я только нажимаю на кнопки и сижу запертый в стальной камере, пока у меня не отрастает борода, напряжение становится невыносимым и начинают сниться кошмары. Вообще-то все не так страшно, быстро едешь Наверх, приборы записывают необходимые данные, и возвращаешься назад. Бывает, застреваешь Наверху на месяц-другой, но это не опасно. Постепенно привыкаешь. Вернее, приучаешься. Через несколько лет уже не выносишь внешнего мира, вот почему в здании Службы квартиры без окон. В стальных камерах есть телемониторы, там всякого насмотришься.

Мы сидели в отдельной кабинке ресторана, по-
дальше от окна.

— Я ничего толком не знаю, — признался я. —
Не мой хлеб, это дело ученых. Мы заходим в сталь-
ные камеры и едем куда-то вдоль линии Вероятно-
сти, я даже сам не управляю, а еду, куда по-
шлют.

— А почему называется Наверх?

Я пожал плечами.

— Откуда мне знать! Просто так называется. Мы
едем вдоль линии Вероятности в вариант нашего
мира, который не существовал или мог бы су-
ществовать, если бы что-нибудь развивалось по-дру-
гому, а потом мы сидим там и все изучаем.

— Что именно?

— Не знаю. Измеряем влажность воздуха, сле-
ды радиоактивности, проводим визуальные наблю-
дения... — Несмотря на жару, я поежился. — В не-
которых из этих Вероятностных миров отвратительно.
Даже вспоминать не хочется. Другие... другие
ничего.

— Лучше здешнего, — это было утверждение, а
не вопрос.

— Некоторые гораздо лучше, — я задумчиво при-
губил вино.

— А что будет, если выйти из камеры? — спра-
сила она.

— Дверь заперта.

— А если отпереть?

— Выберешься наружу.

— Значит, это возможно?

— Конечно, раз плюнуть, только... — Я осекся. —
Мне ничего об этом не известно. Никто никогда не
пробовал выходить, значит, и рассуждать не о чем.

— Стало быть, ты там просто сидишь?

— Вот именно. Иногда несколько часов, иногда

несколько месяцев. В зависимости от обстоятельств. Не знаю почему, но иногда можно вернуться, когда хочешь, а иногда не получается.

— Примитивно как-то, — сказала она.

— Так оно и есть. Линии Вероятности были открыты всего десять лет назад, ученые пока шарят в потемках. Во всяком случае, меня это не касается. Я только нажимаю на кнопки и слежу за приборами, вот и все. Идем. — Я встал.

Мы пошли в другой кабак и еще выпили. К тому времени она стала уже более чем неотразимой. Я желал ее до боли. Сдерживаемые два месяца молодые силы бурлили во мне и рвались наружу. Я готов был на что угодно, буквально на что угодно, лишь бы добиться ее. Мы сидели в ночном баре, и она спросила:

— Почему же никто ничего не привез Сверху?

Я пожал плечами, в мыслях самозабвенно обнимая ее.

— Может быть, когда-нибудь привозили, — продолжала она. — Давно, когда исследования только начались.

— Может быть, — равнодушно отозвался я. — Все знают, чем это грозит, поэтому... — Я снова осекся. — Никто ничего об этом не знает.

— О чем?

— Ни о чем.

Черт возьми, не робей я так, я бы наплевал на нее и нашел себе другую девочку. У меня были деньги и, уж поверьте, — желание. Но я робел, а кроме того, мне показалось, что раз я так долго ее слушал, то теперь имею на нее право.

— Когда начинали изучать линии Вероятности, много экспериментировали, — сказала она, — и привозили всякое Сверху.

— Ясно, — сказал я. — Привозили, а потом поняли, чем это пахнет, и быстренько перестали. Мне-то откуда знать? Я просто там работаю! — Я разозлился. — Неужели не о чем больше говорить? Черт побери, у меня выходной!

— Прости, — сказала она, уставившись в свою рюмку.

— Ничего. — Я почувствовал себя дураком. — Извиши, погорячился. Но я два месяца сидел взаперти в этой стальной камере и глазел на одну и ту же сцену в телемониторах, не зная, когда мы сможем вернуться. И сейчас мне хочется только забыть.

Она смотрела прямо перед собой, ее глаза таялись в тени.

— Представь себе, что ты застряла там и не можешь вернуться.

Она закусил губу.

— Прости, — повторила она.

— Да чего там. — Я обнял ее за талию. Она замерла, потом расслабилась и даже улыбнулась мне. — Идем.

— Куда?

— Ко мне в берлогу. Там поговорим.

— В Службу Вероятностей?

— Ну, до этого я еще не дошел. У меня квартира в нескольких кварталах от Службы. Тихая и спокойная.

— Ладно уж, — сказала она после долгих колебаний.

Она поднялась и вышла на улицу. Я в темноте пошел следом, обнял ее, привлек к себе. Она шла напряженной походкой, глядя прямо перед собой.

— Ты, наверное, думаешь, что я чокнутая, — сказала она. — Говорю только о твоей работе. Я тебе надоела?

— Ничуть, — ответил я.

Мои пальцы впивались в ее талию, ее теплое тело манило, при каждом шаге касаясь меня. У меня перехватывало дыхание.

Мы пришли ко мне. Комнатушка почти без мебели, с одной кроватью. Плотные занавески на окнах. Она быстро огляделась.

— Тесновато, — сказала она.

— Я нечасто здесь бываю. Больше мне не нужно.

Она подошла к окну.

— Не надо! — резко сказал я.

Она обернулась.

— Тебе не нравится вид из окна?

Я тяжело опустился на край кровати.

— Оставь занавески в покое, — приказал я. —

Послушай, я два месяца просидел за семью замками и смотрел на телеэкраны, где показывали площадь перед Службой Вероятностей. В точности такую же площадь, ту самую площадь, только в другой Вероятности. Там были... казни, днем и ночью, ужасы, каких ты и представить себе не можешь. Я был в панике, когда вышел оттуда сегодня, я знал, что это другая Вероятность, но пока мы переходили площадь, во мне все ревели от страха. Город пугает меня, через год-другой я вообще не смогу выходить на улицу, так что будь добра, не трогай занавески, я не хочу смотреть в окно.

Она подошла и села рядом со мной.

— Это так страшно?

— Ты не понимаешь, — сказал я. — Кто сам не пережил, тому не понять. Большею частью город такой же, как у нас, с небольшими отличиями. Ну, люди по-другому одеты, автомобили другие. Но иногда люди и ведут себя по-другому, творят бог знает что. Бывает, и города нет, одни леса и луга, как-то я видел только воду, а есть линия, где вообще ничего нет, буквально ничего, кроме какого-то клубя-

щегося тумана, который даже на экране пугает до смерти. Понимаешь? — твердил я в отчаянии. — Откуда мне знать, где реальность, а где нет? Каждая из этих линий Вероятности столь же реальна, как та, где мы сейчас находимся, и через некоторое время уже не знаешь, какая самая реальная, какая твоя, в какой из них ты окажешься, покидая камеру. Когда выходишь, словно попадаешь в другую линию, и если возвращаешься из какой-нибудь красивой Вероятности, то здесь все кажется невыносимым. Только дни считаешь, когда снова отправишься Наверх, потому что уже не понимаешь, где реальность, и никогда не поймешь — все тебя пугает, и все невыносимо. — Я откинулся на спину и закрыл глаза.

Она положила холодную ладонь мне на лоб.

— Я не знала, — сказала она.

— Наплевать, — мрачно сказал я.

Она прислонилась к моему плечу, мягкая и сладостная, пахнущая розами. Я схватил ее, как утпающий, и притянул к себе. Она шепнула: «Не надо», но я уже не слушал. Она почти сразу перестала сопротивляться.

Потом я лежал на спине рядом с ней, в темноте ощупью пытаюсь найти сигареты. Я чувствовал себя немного сонным и испытывал некоторое чувство стыда. Она вышла из комнаты в ванную, потом включила кофеварку. Двигалась она тихо, как черная тень в темной комнате.

— Ты сердишься на меня? — спросил я.

Она принесла кофе и села на край кровати, поставив между нами поднос.

— Нет.

— Разочарована?

— Мне следовало сразу понять. Десять лет назад я была бы в ужасе, кричала бы и плакала. Но теперь

это не имеет значения, — она смотрела на меня, глаза поблескивали на темном овале лица. — Но ты мог бы быть тактичнее.

— На нашей работе перестаешь считаться с другими. Когда приходишь до того, что не отличаешь реальности от фантазии, о чувствах других людей уже не думаешь.

— Я знаю, — сказала она.

— Ничего ты не знаешь.

Я отхлебнул кофе. Он был крепкий и горьковатый, с сильным привкусом — чего? Соли? Я скрипелся.

— Бог мой, что это?

Она уставилась на чашку.

— Прости, — сказала она. — Я забыла.

Она пошла к кофеварке и вернулась с новой чашкой кофе, крепкого и сладкого.

— Я все еще забываю, — сказала она, протягивая мне чашку. — После стольких лет.

Я отхлебнул кофе.

— Откуда ты?

— Ты этого места не знаешь.

— А вдруг знаю?

— Недалеко отсюда, — сказала она. — С километр, не больше.

— Непохоже, что ты родилась здесь, — сказал я. — У тебя занятный акцент, непохоже, что ты давно живешь здесь, в городе.

— Когда я родилась, — тихо сказала она, — здесь не было города.

— Ясно, — съязвил я. — Городу свыше пятисот лет. Ты на вид немного моложе.

— Я была здесь десять лет назад, — сказала она, — и тогда города не было.

Я похолодел.

— Что ты мелешь!

— Здесь была деревушка, — продолжала она. — А за несколько километров отсюда небольшой замок. Никаких автомобилей и ракет, разве иногда воздушный корабль. Мирная сельская глушь.

Я почувствовал, как у меня в животе растет холодный ком.

— Как в сказке, — пробормотал я.

— Тебе не понять, — сказала она устало, как будто рассказывала уже не впервые, и слова вылетали у нее сами собой. — Меня привезли оттуда.

— Брось, — сказал я. — Каким образом?

— Сам знаешь. Стальная камера.

Я подскочил так стремительно, что чуть не пролил кофе.

— Ты с ума сошла! — вскричал я. — Из одной Вероятности в другую ничего переносить нельзя. Это исключено!

— Все так говорят, — тихо сказала она. — Я жду уже десять лет, и все говорят, что это невозможно. Так сказали в Службе Вероятностей, когда меня привезли, и когда я спрашиваю тех, кто выходит из здания, они говорят то же самое. — Она отвернулась. — Я всех спрашиваю десять лет подряд, — повторила она. — Я жду возле здания десять лет, и все говорят одно и то же.

— Что тебе надо? — спросил я.

— Я хочу домой.

Она пробыла у меня два дня. После того первого разговора она почти не вспоминала о своих фантазиях, однако я ничего не забыл. На второй день я пошел к библиотекарю Службы и спросил его. Он смущенно ответил, что не знает. Я проверил сам и выяснил, что для сотрудников моего ранга нужные видеопленки засекречены. Когда я вернулся домой, она устало улыбнулась и написала мне код.

— Этот номер, — сказала она, — мне дал один программист, имевший доступ ко всем засекреченным материалам. Он предупреждал, что толку все равно не будет. Но это код моей Вероятности.

— Я не могу тебе помочь.

— Знаю, — отозвалась она. — С самого начала знала, и все же надеялась. Теперь больше не надеюсь, просто жду и жду, вдруг когда-нибудь повезет, но на самом деле я уже ни во что не верю.

— Я всего лишь техник, — сказал я. — Нажимаю на кнопки и еду Наверх, слежу за приборами и смотрю на экраны, вот и все. Я только крошечный винтик в машине.

— Знаю, — сказала она. — Прости, что я тебя беспокоила.

На следующий день она исчезла. Недели через две я поговорил о ней с одним сотрудником Службы.

— Как же, встречал я ее, — подтвердил он. — Ее все встречали. Вечно торчит у входа. Она чокнутая, считает, что попала сюда из другой Вероятности, и хочет назад, к себе. В мире полно психов. Выбрось-ка ее из головы.

— Она утверждает, что с тех пор прошло десять лет, — сказал я. — Тогда испытания только начались и никто не знал, чем это грозит, если забрать что-нибудь из другой Вероятности. Теперь это известно, стало быть, кто-то обжегся.

Он пожал плечами.

— Может, и так. Но даже если это правда, назад ей все равно никогда не попасть.

Никогда. Существует какая-то математическая формула, которая это объясняет, но я не математик. Я только знаю, что пока мы Наверху, двери камеры заперты снаружи. Ни при каких обстоятельствах нельзя ничего забрать или оставить там...

Значит, кто-то попробовал и обнаружил.

Время от времени я видел ее на лестнице Службы Вероятностей. Она все так же безнадежно ждала, с опущенными плечами и застывшим лицом. Поначалу многие молодые техники заводили с ней знакомство в выходные дни. Она шла ко всем, кто готов был ее выслушать. Потом она перестала быть такой сговорчивой, и все спешили мимо, отводя от нее взгляд. Я теперь редко выходил на улицу, город страшил меня, жизнь за пределами здания пугала, я думал о Вероятностях, таких прекрасных или таких чудовищных, что и вообразить невозможно, я видел в мониторах изменчивые миры, столь же реальные или нереальные, как мой собственный, и мне становилось страшно. Я перебрался жить в комнату без окон в здании Службы. Перестал выходить.

Много лет спустя я случайно нашел бумажку с кодом ее линии Вероятности. Во время испытательной поездки я заложил код в компьютер и отправился Наверх.

Склонившись к монитору, я вглядывался в клубившийся туман. До того, как ее забрали отсюда, здесь был мир. Теперь я не увидел ничего.

Ничего.

Жизнь продолжается

— Это просто непристойно, иначе не назовешь. — Миссис Мортимер фыркнула от возмущения. — Вообще-то я ничего не имею против роботов. — (Однако ее интонация расходилась со смыслом слов.) — Но чтобы они разгуливали среди нас и выдавали себя за людей — нет, это уж слишком! Да еще за умерших! Это противоречит божественному промыслу. — (Наконец-то она нашла нужные слова, против них не поспоришь!) — Вот именно: противоречит божественному промыслу. Я просто не представляю, чтобы такая мысль могла зародиться в человеческой голове. Это козни сатаны, это...

— Конечно, дорогая, — удалось вставить мистеру Мортимеру, жаждавшему ее успокоить. — И разумеется, такой проект никогда не пройдет. Правительство не допустит. Так что ты... мы, — поправился он, — можем не волноваться.

Сам-то он в глубине души не очень верил собственным доводам. Да и хотел ли верить? Торопливо прихлебывая горячий кофе, он украдкой еще раз глянул в газету. «Андроид», как его называли в газете, красовался на первой странице и действительно ничем не отличался от человека. Мысль сама по себе чем-то будоражила воображение. Надо же, до чего могут додуматься ученые! Вдруг его охва-

тил энтузиазм; в приподнятом настроении, какого у него давно не бывало, он проглотил еще один бутерброд, запил его горячей черной бурдой и выбежал из дому, чтобы успеть на вертолет 8.15.

Обычно в часы утренней спешки пассажиры бывают невыспавшимися и раздраженными, но сегодня в вертолете царило оживление. Все взгляды были прикованы к телеэкрану, где явно только что показывалось изображение того самого андроида, которого Мортимер видел в газете. Теперь с экрана вещал известный комментатор по научным вопросам Макс Ардон.

Возможно, Мортимер слишком поспешно проглотил кофе и бутерброды или слишком быстро бежал. Так или иначе, но он вдруг вновь осознал себя усталым пожилым человеком. Энтузиазм мало-помалу угас, и в конце концов Мортимер вовсе перестал слушать то, о чем своим хорошо поставленным голосом развязно болтал комментатор.

О этот беспокойный технический век! Что ни день — новое чудо науки! Теперь снова разыграются такие же баталии, как несколько лет назад, когда решался вопрос насчет роботов. Тогда вся Америка, да что там — весь мир разделился на два враждующих лагеря. Что до Мортимера, то он был уже сыт чудесами по горло, и он знал: так думает не он один. Нет, конечно, они были не против полетов в космос, расщепления атома и тому подобного. Но эксперименты над человеком, эксперименты над тем, что всегда считалось священным, — это, по их мнению, было уже слишком.

Взять хоть затею с андроидами. Разумеется, в сущности андроиды — всего лишь роботы, просто они больше похожи на людей, чем обычные, и в этом нет ничего страшного. Но опыт, о котором рассказывала газета, заключался в том, что в андроида

вселяли не только личность, но и память человека, а это уже выходило за границы допустимого. Конечной целью опыта объявлялась возможность для каждого человека незадолго до смерти перевести себя в такого неодушевленного робота — ну не кошунство ли? В таком деле Мортимер участвовать не собирался. Загробная жизнь — в качестве робота... Нет, всему есть предел! Мортимер инстинктивно отталкивал от себя проблему андроидов. Он решил: отныне, что бы ни происходило, он будет игнорировать все, связанное с нею.

Но отгородиться оказалось труднее, чем он предполагал. С самого начала затее был придан грандиозный размах. На первых порах кое-кто, пожалуй, воспринял ее как своего рода научный «черный юмор», и сатирики и карикатуристы стали изощряться по этому поводу в остроумии. Но смеялись недолго: очень скоро выяснилось, что за Программой «Андроид», как ее называли, стоят мощные капиталы. Теперь в видеогазетах, по радио и телевидению непрерывным потоком текли научно-популярные передачи на разные темы, каким-то образом связанные либо с андроидами, либо с «мыслящими машинами», либо с вечной жизнью. Знаменитости в своих интервью высказывались «за» или «против», различные организации выступали с протестами или слали приветственные телеграммы.

Теперь Мортимер всегда читал газету со второй полосы и старался не смотреть программу «Новости» по телевизору. По дороге на работу и с работы он был глух и нем, не вступал в дискуссии ни со сторонниками, ни с противниками андроидов. Но что проку? Страсти так кипели, вокруг было столько споров, что ему все равно не удавалось отгородиться от «величайшей всемирно-исторической победы человека» (или, как выражались противники, «гряду-

щего самоубийства человечества»). Филантропические организации, а также религиозные круги выражали негодование. Папа римский проклял Программу, тысяча и один женский клуб США протестовал, федерация профсоюзов протестовала (против незаконной конкуренции), даже Центральная корпорация роботов протестовала (против нарушения человеческих прав роботов). И конечно, протестовала миссис Мортимер.

Мистер Мортимер устал и все больше замыкался в себе. Все чаще проводил он вечера в своем клубе, где по молчаливому согласию никогда не говорили об андроидах, зная, что в девяносто девяти случаях из ста дело кончается перебранкой. Вся усталость, накопившаяся за долгую трудовую жизнь, навалилась на Мортимера. Нигде не было покоя. Дома Мэрион бесконечно твердила одно и то же, хоть уши затыкай. А на работе он все чаще замечал, что отстаёт, что ему не по силам такой лихорадочный темп. Он не был создан для века, когда задерганные люди тщетно состязались с роботами в производительности труда.

— Покажись врачу, — пилила его миссис Мортимер. — Ты в последнее время совсем потерял аппетит, а бледный стал — просто ужас! Ты прямо на себя не похож с тех самых пор, как...

— Да-да, — поспешно перебил мистер Мортимер. — Конечно, я могу сходить к врачу, если по твоему это необходимо, но...

— ...с тех самых пор, как началась шумиха вокруг этих мерзких андроидов, — ворчливо договорила миссис Мортимер. — Если бы ты знал, как я сама возмущаюсь и нервничаю все это время, тебе бы, конечно, было...

Мистер Мортимер еще раз повторил свое обычное «да, да, конечно, ты совершенно права, дорогая» и

обратился в бегство. Он почувствовал, что вот-вот сорвется.

— Еще одно слово про андроидов — и я сойду с ума, — сердито пробормотал он себе под нос по дороге в клуб.

Назавтра ради мира в семье Мортимер отправился к врачу. Вышел он из врачебного кабинета другим человеком, не похожим на замотанного, заурядного, стареющего мистера Мортимера, вошедшего туда несколько часов назад. Осанка его и движения обрели значительность и достоинство, а лицо можно было назвать просветленным.

Странно чувствовать себя счастливым и довольным, только что выслушав свой смертный приговор, размышлял Мортимер, медленно бредя по центральным улицам, особенно шумным в эти послеполуденные часы, погружившись в себя и в то же время жадно вбирая глазами окружающую жизнь. Странно испытывать облегчение при мысли, что лично твоя жизнь скоро прекратится. А между тем он чувствовал именно счастье и облегчение. Он ощущал свое превосходство над этими замотанными людьми, которые так суетились, чтобы успеть, в сущности, неизвестно куда.

Вдруг его внимание привлекла толпа перед большим уличным телеэкраном, передававшим последние новости. Обычно в таких случаях он прибавлял шагу, стремясь поскорей пройти мимо, но в сегодняшнем своем раскованно-гармоничном состоянии духа он почувствовал лишь спусходительное любопытство. Чего там они еще насочиняли, подумал он с легкой иронией, осознав вдруг, что, поскольку он давно перестал следить за перипетиями борьбы вокруг андроидов, он понятия не имеет, каково теперь положение дел.

«Конгресс поддерживает»... Он долго смотрел на огромные буквы заголовка, не понимая, что они значат. Нахмурившись, протискался поближе и прочитал короткое сообщение. И наконец понял. То, что прежде не укладывалось в голове, стало фактом. Конгресс без всяких поправок утвердил Программу «Андроид», выделил на нее для начала сто миллионов и объявил, что она будет пользоваться преимуществами по сравнению с другими научными программами.

Давка усиливалась. Толпа была возбуждена, кое-где раздавались крики «ура», веселый смех, но большинство весьма недвусмысленно выражали свое неудовольствие. Мортимеру удалось вырваться из людского скопища; напоследок он услышал, как за его спиной кто-то объяснял:

— Смекаете, что к чему? Эти чертовы сенаторы боятся смерти. Сами знаете, в конгрессе заседает сплошное старичье. Вот они и ухватились за возможность обеспечить вечную жизнь — уж какую-никакую — лично себе. Очень типично. Думают только о своей шкуре, а что будет с нами, остальными, им наплевать.

Мортимер был возмущен. Он никак не предполагал, что дело зашло так далеко. Он почувствовал смертельную усталость. Недавняя душевная гармония сменилась беспросветным отчаянием. «Тот человек в толпе конечно же был прав, — подумал он с горечью. — Ведь известно, что политики — шайка продажных эгоистов, такие они все, без исключения. Разумеется, с восторгом ухватились за возможность спасти собственную шкуру, в то время как другие, такие, как я...»

Вдруг он остановился как вкопанный.

— Нет, — громко вскрикнул он. — Нет! Нет! Никогда в жизни!

— Что касается денег, мистер Мортимер, — терпеливо разъяснял страховой агент, — то об этом вы можете не беспокоиться. В уплату пойдет ваш страховой полис. А вам эти деньги все равно не нужны, ведь сразу же после... гм... выздоровления вы снова начнете работать, как обычно.

— Но точно ли, что я, то есть он, будет принят обратно на мою, то есть на его... тьфу, черт!..

Страховой агент с пониманием улыбнулся.

— Разумеется, мистер Мортимер, это право закреплено законом. К тому же совсем не обязательно сообщать о перемене — если и считать, что произойдет какая-то перемена. Вы ведь знаете — сошлюсь хотя бы на профессора Мёрна, — что, в сущности, ничего не меняется...

— Да, да. Это все я слышал, — быстро перебил Мортимер. — Но что же будет с моим имуществом, моим домом? — Он беспомощно развел руками. — Со всем этим. Я ведь буду совершенно бесправен.

— Ну что вы, мистер Мортимер, вам ведь известно, что в вашем правовом статусе ничего не изменится. Вы даже не обязаны ничего сообщать властям. Знать будет только персонал больницы, а с него взята клятва о неразглашении, да еще миссис Мортимер. Кстати, в этой связи я должен вам напомнить, чтобы перед дублированием вы подписали бумагу, что, дескать, согласны дать супруге развод, если она потребует его после операции. Чистейшая формальность, уверяю вас. Таких случаев почти не бывает...

Все поплыло перед глазами у Мортимера.

— И какое-то паршивое резиновое чучело будет... Нет, это уж слишком!

Он тяжело опустился в кресло, надеясь, что настырный агент, наконец, сообразит убраться во-свояси.

— Я прекрасно понимаю, мистер Мортимер, вам нелегко: вопрос возник перед вами неожиданно, у вас не было времени свыкнуться с этой мыслью, но позвольте мне объяснить вам, позвольте заверить вас исходя из опыта, а опыт у меня, можно сказать, богатейший...

Страховой агент, нимало не смущаясь, молот языком, а Мортимер не пытался ни вникнуть в его слова, ни собраться с силами и выставить его вон. Тем не менее через какое-то время он, сам того не желая, вновь стал возражать, приводить свои доводы и вслушиваться в то, что говорил безукоризненно вежливый, маслено любезный собеседник. В конце концов он даже был вынужден признать, что согласиться на треклятое дублирование — его долг по отношению к жене и детям. От этой мысли ему почему-то стало легче. Долг есть долг.

Как это ни удивительно, не кто иной, как Мэрион, заставила его — да, буквально заставила — пойти в Институт и подать заявление. Ему же хуже, если он будет тянуть, пилила его она. Очереди с каждым днем все больше, а скоро вообще будет слишком поздно.

Он знал, что ее убедил страховой агент. Уговорил «смотреть на вещи трезво», «отказаться от предвзятых мнений и думать прежде всего о муже... не говоря уже о детях и их будущем».

Бросалось в глаза, что Мэрион в последнее время ожила. Она стала тщательнее одеваться и иногда украдкой поглядывала на него странным мечтательным взглядом. А еще ее одолевали смехотворные страхи, как бы с ним чего-нибудь не случилось. Она боялась, что он попадет под машину, или примет слишком сильную дозу лекарства, или у него случится приступ на работе. «Уж не опасается ли она,

что я умру раньше, чем надо?» — саркастически спрашивал он себя.

Но, быть может, не только она изменилась! А он сам — уж не ревнует ли он? Какой-то там робот, пародия на него самого, займет его место, унаследует все его имущество, будет жить с его женой и растить его детей. Бездушное чудовище, внешне до смешного похожее на него самого, займет его место...

Первая встреча с андроидом оказалась совсем не такой, как представлял себе Мортимер. В замешательстве уставился он на человека, который, судя по виду, мирно дремал в кресле.

— Да ведь это же я! — ошарашенно воскликнул он.

Инженер — специалист по андроидам — широко улыбнулся.

— Разумеется. Большинству труднее всего постигнуть именно это. Постигнуть, что сходство, как внешнее, так и «внутреннее», или уж не знаю как это назвать, настолько велико, что можно без преувеличения говорить об идентичности. Потому-то мы и считаем необходимой такую встречу, как сегодняшняя. После нее даже малoverы, если такие попадают, в корне меняют свое отношение к андроидам.

Но Мортимер не слушал. Все его внимание было приковано к человеку в кресле. Другой мистер Мортимер — только так он и мог его назвать — спал. Лежал он в точности в такой же позе, в какой сам мистер Мортимер всегда дремал в кресле у себя дома: сцепив пальцы на животе и склонив голову к правому плечу.

— Только не трогайте его, — предупредил инженер. — Он находится в коматозном состоянии и, как вы знаете, должен очнуться, то есть я хочу сказать, вы должны очнуться только тогда, когда ваше ны-

нешнее тело перестанет функционировать. До этого момента будет жить только ваше новое тело, мозг же совершенно пассивен, я не побоюсь сказать — мертв. Кроме того, соответствие — мы называем его идентичностью — пока еще не полное. Мы успели провести только два сеанса дублирования. Осталось еще двадцать. А под конец, непосредственно перед самым наступлением смерти, необходимо по меньшей мере два дня непрерывного дублирования, которое заканчивается только тогда, когда мы совершенно уверены, что смерть уже наступила. Именно поэтому вы можете не сомневаться, что любая, даже мельчайшая подробность вашей нынешней и прошлой жизни сохранится у вас в памяти, когда вы проснетесь к новой жизни в новом теле. Большинство пациентов думают даже, что произошло просто-напросто оздоровление их прежней телесной оболочки.

В голосе инженера прозвучала легкая насмешка.

— Некоторые, проснувшись, бывают немного не в себе. Конечно, они переживают шок, но когда первое возбуждение уляжется, они как дети радуются тому, что могут вернуться к своей обычной жизни, будто ровно ничего не случилось.

— Да, мне это понятно, — осторожно согласился Мортимер. — Но скажите, как устроено... как будет устроено мое новое тело? Из чего оно сделано и тому подобное.

— Сами ткани, — деловито начал инженер, — состоят из ткани Фарнуэлла, той самой, которая применяется при пластических операциях. Пользуясь различными способами обработки, мы достигаем различной их плотности и твердости и таким образом создаем весь организм от скелета до мышц, нервов и органов чувств, а следовательно, и жизнь, которая является их конечным продуктом. Вы будете жить,

как жили раньше. Будете есть, когда проголодаетесь, спать, когда вас станет клонить в сон, гулять, заниматься спортом, развлекаться, одним словом, наслаждаться жизнью, в точности как прежде. К сожалению, вы не сможете иметь детей. Но мы надеемся, что в ближайшем будущем нам удастся устранить этот дефект в конструкции.

Что же касается головного и спинного мозга, то с ними дело обстоит иначе. Они выполнены из пластмассы, пронизанной сложной сетью высокопрочных иридиевых проводов. Как видите, ничего общего с мозгом обычного робота. Никаких подвижных деталей и вообще ничего такого, что могло бы испортиться или сломаться. Вот в этот мозг мы и заключаем вашу личность, тем самым гарантируя вам чуть ли не вечную жизнь. Когда ваше новое тело начнет изнашиваться, мы легко заменим его еще одним, а иридиевый мозг практически износу не подвержен.

Мистер Мортимер невольно содрогнулся. И одновременно почувствовал необъяснимый прилив бодрости и сил. Деловитый, будничные голос инженера, излагавшего голые факты, и будоражил, и успокаивал. Для специалиста само собой разумеется, что в искусственном теле проснется действительно мистер Мортимер, и, когда Мортимер осознал это, его охватила безумная надежда. Прежде он считал, что вся затея, в сущности, не имеет к нему никакого отношения. Что совсем другое существо унаследует его имущество, его воспоминания и мечты. И возможно, выманив, загубит все, созданное им. Теперь ему вдруг открылось, что все не так просто. Каким-то непостижимым образом этот андроид действительно будет им самим. Его привычки, его воспоминания, его личность, возможно, даже его сознание будут

продолжать жить. Андроид — это просто-напросто он сам.

Как замороженный, смотрел он на человека, который, казалось, мирно спал в кресле.

Когда Мортимер был у врача, тот нашел у него рак крови и сказал, что жить ему осталось немногим более года. Конец можно оттянуть на несколько месяцев за счет умелого хирургического вмешательства и курса облучения, сказал он и добавил, что, учитывая, как далеко зашла болезнь, Мортимер находится в отличной форме. Последнее можно было приписать поистине материнским (пожалуй, излишним, на взгляд самого Мортимера) заботам его супруги.

Мортимер посмотрел на жену, что-то припоминая, потом спросил:

— По-моему, сегодня ты должна была пойти в женский клуб?

— Вообще-то да. — Миссис Мортимер ответила не сразу, неохотно и, кажется, смутилась. — Но ты так болен... и к тому же там в последнее время стало ужасно скучно. Только и говорят об... ну ты знаешь о чем. Сегодня вечером опять собирались устроить митинг протеста, будет выступать этот противный пастор Хеллисон и... Если хочешь знать мое мнение, все это сплошной вздор. Наши старые девы не имеют права осуждать других только за то, что те не такие ограниченные и лицемерные, как они сами. Слышал бы ты вчера по телевизору выступление профессора Мёрна! Так понятно, как в этот раз, он еще никогда не объяснял! По его словам, думать, что нельзя перенести себя самого в новое тело, —

предрассудок. Мы, говорит, уже доказали, что это возможно. И религия тут ни при чем. Можно оставаться добрым христианином, живя в новом и лучшем теле. По его словам, переход из одного тела в другое в природе встречается очень часто, он привел массу примеров. А если бы господь был против, он просто сделал бы это невозможным — так говорит профессор Мёрн. И, думаю, он совершенно прав.

Давно ли Мэрион утверждала обратное? Мортимер только диву давался. Прежняя Мэрион не придала бы никакого значения тому, что «какой-то там заучившийся придурок» болтал по телевизору. Напротив, в те времена для нее было непререкаемо мнение пастора Хеллисона и ему подобных. «Но какой спрос с женщин, — подумал он снисходительно, — они ведь всегда так субъективны. Последовательности от них не жди».

Мысль его перескочила на профессора Мёрна. Тому, пожалуй, лет восемьдесят, не меньше. Еще бы ему быть против андроидов! Наверняка он уже обзавелся своим андроидом про запас. Как, по-видимому, и большинство из тех, кому за шестьдесят. Вот почему оппозиция, поначалу столь мощная, так быстро сошла на нет. Она осталась без лидеров, если не считать таких, как пастор Хеллисон. Впрочем, кто знает, может, и для пастора уже подготовлен андроид?

Нет, так нельзя. Надо обуздать свою фантазию. Нельзя видеть все в таком смешном и жутком свете. «Относитесь к этому как к вещи совершенно естественной», — сказал ему психоаналитик. Мортимер решил впредь следовать его совету. Потому что это ведь и вправду была совершенно естественная вещь.

Между тем болезнь быстро прогрессировала. Мортимер переговорил со своим директором и попросил полугодовой отпуск по болезни. «Для обширной и

сложной операции», как было сказано в медицинской справке.

Теперь он полулежал в кресле и старался расслабиться. В последнее время сердце тоже стало барахлить, иногда казалось, будто кто-то сжимает грудную клетку с такой силой, что он не мог вздохнуть.

На курительном столике перед ним лежала груда красочных туристских проспектов. Мортимер решал, как провести следующий отпуск. («Отличная мысль, мистер Мортимер, — поощрил его психоаналитик. — Если вы сумеете увлечься, это существенно облегчит вам переходный период».) Мало-помалу он и в самом деле заинтересовался. Если Мэрион согласится, он, пожалуй, поехал бы в Канаду. Побывал бы в местах, с детства знакомых по приключенческим романам. Большое Невольничье озеро, Большое Медвежье озеро, Релайанс, Форт-Резольюшн, Форт-Симпсон, пороги Сан-Со. Подумать только — увидеть все это собственными глазами! Плыть на байдарке по реке Маккензи, ночевать в палатке на вольном воздухе и вообще на всю катушку использовать вновь обретенное здоровье.

Вот только эта усталость... Где-то внутри неутомимо прогрессировала, пожирала его по кусочкам болезнь. Иногда Мортимера так донимали слабость и головокружение, что поверить в отпуск в Канаде становилось очень трудно. Вся затея с андроидами начинала представляться неслыханным издевательством.

Но это были минутные настроения, а вообще-то он не падал духом. Не позволял себе предаваться мрачным мыслям.

Мортимер с трудом нагнулся и взял со столика рекламный проспект. Красочная карта Канады вновь зачаровала его своими звучными названиями, маня-

щими в волшебный мир нехоженых троп. Он заснул, и ему снились лодочные походы и рыбалка с неиссякаемым уловом.

В больничной палате все было белое. «Интересно, почему в больницах всегда все белое?» — подумал Мортимер. Он пытался и никак не мог вспомнить причину. Даже тени были белые. Он с трудом сосредоточил внимание на этих тенях, которые вихрем кружились вокруг него. Черное пространство вихрем кружилось вокруг него, но тени были белые, а белый — цвет смерти. Белые безликие андроиды так крепко придавили его к операционному столу, что он не мог дышать, и это было больно, непереносимо больно. Андроид хотел спать с его женой и воспитать из его детей безголовых чудищ, и ради этого он, Мортимер, обречен на смерть. Все люди обречены на смерть. Людей больше не будет, останутся только безликие андроиды в белых халатах.

Мортимер открыл глаза и невидящим растерянным взглядом смотрел на белые тени, хлопотавшие вокруг него в белой палате. Кто там всхлипывает с таким отчаянием? А, это Мэрион. Ему захотелось сказать ей несколько слов, утешить, ободрить — но не получилось. Губы ему не повиновались, да и мозг его был не в состоянии найти нужные слова. Ледяной холод медленно, неумолимо поднимался от ног и расходился по всему телу.

Вдруг его охватил дикий страх. Через несколько минут, а может, секунд он умрет, перестанет существовать и навеки канет в мир теней. Безвозвратно будет исторгнут из жизни, той земной жизни, которую так любил, несмотря ни на что. А заменит его всего лишь робот, который будет механически, бесчувственно повторять мысли, которые он вынашивал, действия, которые вошли у него в привычку.

— Нет! — закричал он. — Нет, я не хочу умирать!

Обессиленный этим порывом, Мортимер откинулся на подушки. Дышал он трудно, неровно. Снова напруг все силы, попытался сесть, но тяжело повалился обратно.

— Почему жить дано ему? — Голос у Мортимера был слабый, жалостный. — Почему жить дано ему, а я обречен на смерть? Это несправедливо. Вы не смеете, не смеете, я запрещаю вам...

Он попытался сорвать с головы тяжелый пластиковый шлем, опутанный проводами, но его хватило лишь на то, чтобы неуверенно взмахнуть руками, которые тут же бессильно опустились.

Потом снова наступило забытие. Белая комната вихрем крутилась вокруг, а черные тени подступили ближе. Почему больничные палаты всегда белые? Он пытался и никак не мог разрешить эту загадку. Слабый звук рядом напугал его, и он вздрогнул. Медсестра успокоила его улыбкой. Привычная заученная ободряющая улыбка.

— Теперь расслабьтесь, мистер Мортимер, ни о чем не думайте и не двигайтесь, скоро вы почувствуете себя гораздо лучше.

Он нахмурил брови и постарался собраться с мыслями. Озадаченно отметил, что и вправду чувствует себя значительно лучше. Такого отличного самочувствия у него не было уже много, много месяцев. Потом он вспомнил. Вспомнил белую больничную палату, она была как две капли воды похожа на ту, где он сейчас находится, но там кружились грозным вихрем белые тени. Вспомнил свой страх — теперь он исчез без следа, — вспомнил даже каждое из невразумительных слов, которые тогда вырывались у него.

— Бедный дурачок, — пробормотал он про себя.

А между тем мысли его мало-помалу переключались с мрачного прошлого на приятное будущее, которое ожидало его. Он со вкусом зевнул и уютно потянулся на широкой мягкой больничной кровати. В груди чуть-чуть покалывало, но из-за этого не стоит беспокоиться. Врач сказал, что это остаточные явления, они скоро пройдут. Таким здоровым и бодрым Мортимер никогда прежде себя не чувствовал. А впереди у него новая жизнь, которой не будет конца. Ведь мир принадлежит андроидам.

Судебный процесс

— Всем встать, — монотонно произнес стражник. Вошел судья, пододвинул свой стул и сел.

— Всем сесть. — Сделав свое дело, стражник перестал интересоваться происходящим.

Судья быстрым движением взял в правую руку молоточек и едва слышно постучал по истертой поверхности стола. Потом он откашлялся, поправил очки и начал изучать лежавшие перед ним бумаги.

Огромный зал суда был увешан флагами, гербами, крылатыми словами и изречениями великих людей. Стены были обиты по-старинному, массивными под дуб панелями из пластмассы. На месте кресел для зрителей стояли три гигантские телекамеры и несколько микрофонов. За процессом следили четырнадцать миллионов зрителей. С процесса между Юханнесом Микласом Перссоном и Шведским Государством велась прямая передача по девятому каналу — единственному каналу, который, если верить рекламе, отвечал своему назначению.

Перссон был маленького роста, коренастый человек, одетый в поношенный синтетический костюм из магазина готового платья, который плохо сидел на нем. После трех недель пребывания в тюрьме он был небрит, судя по виду, от него дурно пахло. И как бы там ни было на самом деле, огромная ауди-

тория с первого же взгляда признала его виновным. Перссон почти ощущал ненависть, излучаемую лицами телекамер. Он чувствовал себя неважно и был сильно напуган. Будущее не сулило ничего хорошего в любом случае, признают ли его виновным или освободят. На нем уже было поставлено клеймо. Ботинки ему жали. Воротник пиджака натирал шею. И обвиняли его ни больше ни меньше как в убийстве: так бесцветным голосом объявил судья, неторопливо складывая очки и убирая их в футляр.

Присяжные не отрываясь смотрели на Перссона. Он старался не встречаться с ними взглядом. Наконец попросил слова адвокат, который начал свою речь следующими словами:

— Господин судья, многоуважаемые присяжные! Прежде всего я хочу подчеркнуть, что цель моего выступления — не доказать вину или невиновность моего подзащитного, но лишь квалифицировать его поступок. Что это — непреднамеренное убийство, самооборона с покушением на чужое имущество или просто самооборона? О преднамеренном убийстве в общепринятом смысле слова едва ли может идти речь, поскольку оно подразумевает целый ряд этических и моральных аспектов, которые в данном случае неприменимы. Во всяком случае, по отношению к погибшему. Вы все знакомы с материалами следствия, однако разрешите мне пересказать ход событий с точки зрения моего подзащитного, которая до сих пор не получала огласки.

Адвокат откашлялся и в расчете на телекамеры одернул пиджак и поправил галстук. Проведи он это дело с блеском, можно в будущем рассчитывать на десяток солидных гонораров.

— Все началось пять недель назад. Перссон уже несколько лет служит в небольшом рекламном агентстве в северо-западном пригороде. Сам он уроженец

севера и еще не совсем освоился в городе. Этим объясняется его робость, когда он зимой поздно возвращался со службы. Перссон всегда был добросовестным работником и честным человеком. Его ни разу не вызывали в полицию, и он не привлекался к судебной ответственности.

Первый инцидент произошел в пятницу вечером, когда Перссон возвращался домой и к нему, если позволительно так сказать, пристал робот-коммерсант типа «Максиконсум». Перссон не хотел да и не мог ничего покупать, что подтвердилось и после соответствующей проверки робота. Вы все, конечно, знаете, что этот тип робота, как и все роботы в Стокгольме, представляет собой разновидность серии «Универсал-16». Различаются они только внешностью. Эти существа, очень похожие на людей, прекрасно трудятся в тяжелой промышленности, но не следует забывать, что они не более чем машины.

Судья буркнул что-то нечленораздельное.

— Очевидно, в разговоре с роботом Перссон выразился неудачно, что передало роботу отрицательный заряд. Скорее всего дело обстояло именно так. Из-за шока и нервного потрясения, вызванного непривычной для него тюремной обстановкой, Перссон не смог припомнить, что именно он сказал роботу в первый раз, но это не так уж важно. Возможно, робот был раздражен — как известно, это новый тип машин, и он только начал обслуживать свой район, сосредоточенный вокруг станции метро. Как бы то ни было, в следующий понедельник робот снова пристал к Перссону, на сей раз твердо вознамерившись заставить его что-нибудь купить. Так продолжалось две недели, вплоть до рокового четверга. Мой подзащитный располагал весьма скромными средствами и не мог позволить себе сорить деньгами. Но робот был так назойлив, что накануне Перссон решил

взять с собой немного денег, чтобы отделаться от него. Он собирался купить какой-нибудь дешевый пустяк, к примеру, пачку Слоеного Любительского Печенья. Не успел он спуститься на перрон, как робот сразу же бросился к нему. Он упорно навязывал Перссону свои товары, и тот купил пачку Слоеного Печенья в надежде, что «Универсал» оставит его в покое.

Тут камера сделала быстрый наезд на зубы адвоката, и в подсознании четырнадцати миллионов телезрителей на миг появилось рекламное изображение золотисто-коричневого печенья.

— Однако робот не успокоился. Вероятно, перестал действовать Первый Закон, ибо, по свидетельству очевидцев, пока Перссон лихорадочно искал деньги, робот разорвал на нем одежду и поставил ему несколько синяков. Не удивительно, что Перссона охватила паника, в попытке самозащиты он оттолкнул робота и тот ушел на рельсы перед подходящим поездом. Под колесами поезда робот погиб. В поезде ехало несколько полицейских, которые немедленно отвели Перссона в полицейский участок и допросили. Из-за растерзанного в буквальном смысле состояния Перссона и неуверенных показаний перепуганных свидетелей полицейские, вероятно, превратно истолковали ситуацию и решили, что Перссон умышленно столкнул робота под поезд. Мне остается только выразить сожаление, что следствие не представило доказательств своего обвинения, которое в точности повторяет предварительные показания полицейских.

Адвокат слегка улыбнулся в телекамеру и сел. Судья пробормотал что-то соседу справа, тот медленно кивнул и снова застыл.

— Ну что же, — сказал судья. — Выслушаем теперь сторону обвинения. То есть Шведское Государ-

ство. Тот факт, что я сам являюсь его непосредственной частью, ни в коей мере не отразится на моем объективном решении. А также на решении присяжных.

Он медленно повернул голову и посмотрел на присяжных, которые впервые за все время отвели взгляды от Перссона, и тот ненадолго почувствовал облегчение.

Поднялся прокурор, поправил и без того безупречно отутюженный пиджак. Очки в роговой оправе, орлиный нос и высокий лоб над густыми бровями выдавали в нем сурового, но, без сомнения, справедливого человека.

— Цель суда — установить истину. Истину, уважаемые дамы и господа! А истина суть факты. Неспоримые факты, не поддающиеся опровержению, — он почти выкрикивал свои похожие на команду лозунги в сторону присутствующих и микрофонов, и голос его гулко отдавался в пустом зале.

— Факты же заключаются в том, — продолжал он, — что Шведское Государство производит, распространяет и продает роботов на благо народа. Магазины идут к покупателю, а не наоборот. Факты заключаются в том, что эти роботы представляют собой венец творения в области электроники и сверхсовременной техпики. Факты заключаются в том, что эти роботы делаются все более похожими на людей. В общей толпе трудно отличить робота от обычного человека. И все для того, чтобы при встрече с роботом у людей не возникало чувства неприязни к машине. Эти уникальные создания выполняют огромную общественно полезную работу во многих областях. Они не менее ценны, чем люди. А быть может, даже более. Еще одна деталь: единственным внешним атрибутом погибшего робота был встроен-

ный в живот механизм для оформления сделок. В остальном он ничем не отличался от обычных роботов.

Прокурор на секунду умолк, чтобы его слова успели проникнуть в сознание присутствующих.

— Взгляните на обвиняемого! У него вид преступника...

— Я протестую, — замахал рукой адвокат Персона.

— Против чего? — встрепенулся судья.

— Прокурор утверждает, будто внешность моего подзащитного отражает его сущность.

— Разве?

— Да. Он говорит, что у него внешность преступника, а это...

— Протест отклоняется. Придумайте что-нибудь получше. — Повернувшись к прокурору, судья сказал: — Продолжайте, пожалуйста.

— Благодарю вас, господин судья, — ответил прокурор и с резким свистом втянул в себя воздух. — Преступник! — прокричал он, указывая пальцем на задрожавшего от испуга беззащитного Персона. — Позор для шведского народа! Человек, который своими хитрыми уловками уничтожает наших лучших роботов-коммерсантов!

Фразы сыпались, как пушечные залпы. Прокурор говорил добрых десять минут и под конец так накалился, что вынужден был поддержать угасающие силы Освежающим Любительским Пивом, которое предусмотрительно поставили на столик перед телекамерами. Но пока прокурор неторопливо осушал запотевший стакан, телезрители не были погружены в абсолютную тишину. Помещенный среди бутылок пива микрофон улавливал приглушенные глотки прокурора и передавал их по прямому каналу непосредственно в телесеть. В эту минуту по крайней мере двести тысяч телезрителей поднялись со своих

мест и вынули из холодильников по банке Освежающего Любительского Пива, чтобы сладострастно опустошить ее вместе с прокурором. А те, кто помедлил, последовали их примеру, когда прокурор поставил стакан и, крикнув, отер пену с губ. Теперь можно было продолжать заседание.

Широко расставив ноги, прокурор встал посреди зала и щелкнул пальцами. На белом экране появился диапозитив, изображающий человека за письменным столом. Он приветливо улыбался фотографу.

— Это всем хорошо известный господин Йоран Рут, директор Бюро Путешествий Рута, — прокурор на мгновение умолк. — И никого из нас не смущает, что господин Рут робот из серии «Универсал». Все, кто путешествовал или еще будет путешествовать, пользуясь услугами Бюро Рута, знают, что оно превосходно обслуживает своих клиентов.

На экране мелькнули кадры: счастливые туристы, поджаривающиеся в ультрафиолетовых лучах.

Проектор сменил кадр. Теперь на экране возник самый популярный в стране ведущий развлекательных телепрограмм.

— Перед вами господин Тревин, которого мы все знаем как исключительно обаятельную личность. Он также робот. Уже давно доказано, что роботы, находящиеся на руководящих постах, облегчают нашу жизнь. Нам не приходится назначать на ключевые должности обычных людей, далеких от совершенства. Роботов не мучают ни язва желудка, ни какие-либо серьезные проблемы. Роботы — наши спасители! Наше будущее! Роботы — это венец творения!

Голос прокурора гулко разнесся по залу, сам он повернулся к присяжным, а на экране в это время появился новый кадр, на сей раз изображающий юных спортсменов.

— Разве не преступление умышленно погубить робота? Уничтожить его — значит посягнуть на прогресс нации и человечества! Робот совершенен! Совершенен! Поэтому я требую высшей меры наказания для этого косного, общественно опасного индивида. Высшей меры наказания! — Прокурор в последний раз нацелился взглядом в присяжных и сел.

Судья сурово посмотрел на Перссона и его адвоката.

— Какие будут дополнения перед тем, как присяжные удалятся на совещание?

Адвокат по-отечески глянул на Перссона (телекомпания возлагала большие надежды именно на этот взгляд) и покачал головой.

— В таком случае, — судья повернулся к присяжным, — вам остается лишь решить, кого признать виновным: господина Перссона, бросившего робота на рельсы, или изготовителя робота, то есть Государство. Шведское Государство. Я надеюсь, что ваше решение будет справедливым.

Присяжные удалились. Перссон пробормотал что-то адвокату, который с сожалением покачал головой.

Присяжные вернулись в зал. Повторилась церемония вставания и усаживания.

— Виновен, — сказал председатель присяжных и сел.

Прокурор долго с удовлетворением смотрел на него.

Судья обратился к Перссону.

— Юханнес Миклас Перссон, согласно параграфу первому статьи третьей раздела второго Государственного Законодательства, вы приговариваетесь к высшей мере наказания — отсылке в безвоздушное

пространство. Приговор окончательный и подлежит к исполнению безотлагательно.

С хриплым криком Перссон бросился к дверям, но судья, прокурор, стражник и половина присяжных опередили его. Вскоре его не стало видно под грудой навалившихся тел.

Прямая передача казни транслировалась на всю страну. В самое удобное для себя время зрители семьями созерцали на домашних экранах, как Перссона втокнули в крошечный воздушный шлюз, где он обломал ногти о бронированные стены, и как затем его выбросили в открытый космос. Он умер, с удивлением обнаружив, что в безвоздушном пространстве действительно нечем дышать.

Судья удалился в свой кабинет и сел в кресло за письменным столом. Там он с помощью штепселя под мышкой подключился к компьютеру.

Прокурор весь вечер подзаряжал аккумуляторы. Пламенные речи съедали слишком много энергии.

Адвокат получил гонорар от Шведского Государства. Чек был подписан министром средств массовой информации. Почерк был слегка угловатый из-за малого разнообразия в сервомоторах руки. Адвоката благодарили за его вклад в процесс, который должен был продемонстрировать шведскому народу, как опасно препятствовать прогрессу.

Присяжных вместе со стражником поставили на склад и отключили питание.

Пиллюля злосчастья

Разумеется, новость принес Перссон.

— Эй, Арне! — заорал он через всю комнату. — Иди сюда, я тебя кое-чем угощу.

Перссон работает в министерстве планирования, он секретарь секретаря второго секретаря министра, что дает ему возможность доставать дефицитные лакомства. А также возможность хвастаться этим. Ни той, ни другой возможности он не упускает.

Знай я, что Перссон будет на этой вечеринке у Медины, я бы просто не пошел, но уж раз я здесь — никуда не денешься. Лавируя между парочками, которые танцевали, курили или пили, я пробрался к нему и спросил:

— Чем же ты меня угостишь?

Я ожидал, что сейчас он, зная, что мне по карману только дешевые сигареты — не дороже «Красных суданских», — вытащит пачку «Черных пакистанских», но вместо этого он протянул мне аптечную коробочку с пиллюлями. Название лекарства — если оно было напечатано на коробочке — скрывала его рука. Пиллюли были красные, круглые.

— Возьми одну, — сказал он. — Разжуй и проглоти.

Я так и сделал. На вкус она была ничего. Напоминала малину или клубнику. Пиллюля хрустнула

у меня в зубах, растаяла и исчезла. И разразилась гроза.

Нет, не подумайте, что сверкнула молния и грянул гром. Но мир у меня на глазах изменился. Комната и до того большая, не меньше шестнадцати квадратных метров, стала огромной. Антонио и Мария Медина как раз сегодня приобрели ее — именно это событие и отмечалось. Пронзительная дикая музыка из репродукторов стала медленной и мелодичной, а музыканты на стереозэкране заулыбались. Я впервые заметил, что наши комбинезоны — синие у рабочих, зеленые у служащих, — в сущности, очень элегантны.

Мария Медина грациозно приблизилась к нам и что-то прошептала мне на ухо. Очевидно, по-испански, потому что я не понял ни словечка. Обычно она выглядит изможденной и желчной; но сегодня она была ослепительно красива, а аромат ее духов пьянил и чаровал.

Перссон положил мне руку на плечо. В этом жесте чувствовалось такое дружеское расположение и доверительность, что я был прямо-таки растроган. Я повернулся к нему, чтобы сказать, как высоко я ценю его... но тут комната обрела свои прежние размеры, а музыка стала оглушительной и потеряла мелодичность. И сам Перссон выглядел, увы, в точности, как всегда. У него широкий выпуклый лоб, мясистые щеки, он чем-то напоминает быка. Только что без рогов. Сейчас его губы кривила саркастическая усмешка.

— Ну как?

От всех этих внезапных превращений мне было не по себе. Я несколько раз судорожно сглотнул, потряс головой, чтобы разогнать туман перед глазами, и все же голос у меня дрожал, когда я ответил вопросом на вопрос:

— Что это было?

— Последняя новинка. «Пилюля С». Расшифровывается как «Пилюля счастья». На следующей неделе об этом будет передача по стереовидению. Каждому, кто выполняет норму, вместе с зарплатой будет выдаваться такая коробочка.

— Но... это не наркотик?

Его ухмылка стала еще шире.

— Да ты что? Неужто министерство стало бы способствовать росту наркомании? «Пилюля С» содержит алкалоиды, но в безопасных количествах, и потом специалисты доказали, что она совершенно не вызывает привыкания. Не вреднее обычной «травки».

Иногда у меня возникают сомнения в том, что марихуана так уж безвредна, хотя, разумеется, я ни с кем не делюсь этими крамольными мыслями. Сам я выкуриваю не больше одной пачки в неделю, но знаю многих, которые, как мне кажется, жить без нее не могут. Как проснутся — тут же хватаются за сигарету, и потом курят одну за другой целый день. Конечно, говорят, что они в любую минуту могут бросить, если захотят, и абстинентного синдрома* у них не будет, да только они не имеют ни малейшего желания бросать.

Мы живем в век перемен. Когда я пытаюсь припомнить, что было двадцать лет назад, — словно бы переношусь в другой мир. В те времена политики еще имели какую-то власть, вокруг законопроекта о легализации ввоза марихуаны шла ожесточенная борьба, и в конце концов этот закон все-таки протащили через риксдаг. Разумеется, под давлением

* Абстинентный синдром — болезненное состояние, развивающееся у наркоманов при прекращении приема наркотика.

из-за рубежа. В США узаконили марихуану раньше, и американцы стремились расширить свой рынок сбыта. Но на следующих выборах наш тогдашний премьер-министр удержался на своем посту лишь ничтожным большинством голосов.

Да, в те времена хватало поводов для грызни. Оппозиция всюду разглагольствовала о том, что рабочие должны стать совладельцами предприятий и что к ним постепенно должна будет перейти власть. Как конкретно она собиралась это осуществить, я уже не помню, да это и не важно, поскольку правительство избрало другой путь и встало на сторону имущих. Оно поддерживало предпринимателей всеми мыслимыми способами, предоставляло им ссуды и дотации, снижало налоги, пока не истощилась государственная казна.

А потом, когда энергетический кризис и международная конкуренция задушили все предприятия, как крупные, так и мелкие, запутавшемуся в долгах государству ничего не оставалось, как взять всю шарашку в свои руки. Впрочем, бывшие владельцы не оказались обездоленными. В новых органах, ведавших производством и распределением в общегосударственном масштабе, они получили право голоса пропорционально своему прежнему пакету акций. В результате отпала надобность в выборах, риксдаге и других политических глупостях. Все партии были распущены, а вместе с ними и профсоюзы.

Сейчас, как и прежде, страной правит один человек, но теперь он делает это открыто, а не прячется за кулисами. Контрольный пакет акций государства он, разумеется, получил по наследству и в свою очередь передаст его старшему сыну, так что преемственность обеспечена.

А когда конъюнктура постепенно стала улучшаться, выяснилось, что новые организационные

формы функционируют на славу. Нам удалось бросить все силы на производство того товара, который в данный момент пользовался спросом, удавалось быстро перестраиваться. Благодаря тому что министерства подчинены людям, занимающим командные посты в народном хозяйстве, управление стало гибким, бюрократическая волокита сведена к минимуму. У нас нет безработицы и наконец-то полное равенство, по крайней мере среди тех, кто не принадлежит к крайне малочисленной правящей верхушке.

Одежда больше не подчиняется капризам моды, и ее распределяют бесплатно. Конечно, в декабре наши комбинезоны выглядят весьма потрепанными, но сразу же после Нового года нам выдают новые. Размер жилища определяется размером заработной платы. Каждой семье безвозмездно предоставляется стереоэкрап, но за это она должна неизменно смотреть вечером получасовую программу «Новости». В питании существует известная свобода выбора в пределах карточной системы. И время от времени министерство планирования считает нужным для поднятия нашего духа поощрить нас чем-то вроде премии. Судя по всему, в следующий раз такой премией будет «пилюля С».

— Ну что скажешь? — повторил Перссон.

— Н-не знаю... Все произошло так быстро...

— Да, это пробная серия. С пятиминутным действием. Те, что будут раздавать на следующей неделе, действуют час, и каждый получит на месяц шестьдесят штук. С пустыми унылыми вечерами покончено, мой милый. Свободное время станет вдвойне приятно и к тому же вдвое длиннее. Возможно, ты заметил...

— Ты что-то говорил о норме, — перебил я.

Перссон кивнул.

— С понедельника вводятся новые нормы. Сам понимаешь, премируем мы только людей, добросовестно выполняющих порученное дело. Но будь уверен: кто хоть раз попробует «пилюлю С», скорее согласится работать сверхурочно, чем откажется от своей месячной порции.

Тут очень кстати подошел Антонио и прервал наш разговор. Мне нравится Антонио. Он сын одного из последних иммигрантов, которых правительство впустило в нашу страну. Сам он ничем не отличается от нас, коренных жителей, разве что экзотическим именем и фамилией. Тем не менее, как иностранец, он не может рассчитывать на то, чтобы когда-нибудь сменить синий комбинезон на зеленый, но среди рабочих он принадлежит к элите. Не случайно ему повысили зарплату и соответственно дали новую комнату.

Вот уже скоро десять лет, как мы работаем вместе. Он по-прежнему стоит за упаковочной машиной в министерстве продовольствия, а я теперь сижу в управлении, но, невзирая на различие в социальном статусе, мы встречаемся не реже раза в неделю. И не только я так высоко его ценю. Перссон охотно приходит, когда Антонио его приглашает. Возможно, Антонио зовет его в гости только ради престижа; ну а Перссон никогда не приглашает к себе Антонио.

Антонио дружески хлопнул меня по спине.

— Ну что, Арне? Нашел себе выпивку и курево по вкусу?

— И не только это, — сказал я, кивнув в сторону Перссона.

— Я знаю. Мне он тоже дал попробовать.

Может, я ошибся, но мне показалось, что в голосе его прозвучал холодок. Как будто ему хотелось послать к черту Перссона вместе с угощением, ко-

торое тот внес в складчину, но он не решался.

— Ну и как тебе? — спросил я.

— Что и говорить, экстра-класс. Наверняка будет иметь успех. Я пойду: меня зовет Мария. Давай налегай: пей, кури.

Антонио снова хлопнул меня по спине и исчез в сумятице. Я покосился на Перссона. Не заметил ли и он, что хозяин дома вовсе не горит энтузиазмом? Нет, обошлось. Перссон таких топкостей не понимает.

— Слышал? — сказал он с довольным видом. — Все в полном восторге, хотя получили каких-то пять минут «счастья». То ли еще будет, когда они попробуют настоящие «пилюли С».

Домой я вернулся поздно ночью, но Бетти не спала, дожидаясь меня. Она не пошла со мной, сославшись на головную боль, но в глубине души я думаю, что она вообще не одобряет мою дружбу с Антонио. Конечно, она никогда не высказывает этого прямо. Зато она часто заводит разговор о том, что положение служащего обязывает, и о том, как важно правильно выбирать друзей, если хочешь продвигаться по служебной лестнице. Иногда кажется, что не иначе как идеал для нее — Перссон.

Бетти перевели в служащие тогда же, когда и меня, и, честно говоря, вряд ли перевели бы вообще, не корпи я на вечерних курсах. Браки между представителями разных социальных категорий у нас официально не запрещены, но на самом деле их почти не бывает. Борясь с разводами, власти по возможности стараются, чтобы муж и жена одновременно перешагнули через заветный порог.

— Ну как вечеринка? — спросила Бетти.

— Ничего особенного. Там был Перссон.

Я рассказал ей про красные пилюли и постарался описать свои ощущения. Жена тут же заинтере-

совалась. Закурив сигарету, источавшую запах «травки», она принялась выпытывать у меня мельчайшие подробности. Так, значит, я заметил, что время как будто растянулось? А цвета тоже изменились, а очертания предметов? Я старался отвечать как можно точнее. Через несколько минут Бетти отвлеклась, стала рассеянной.

В красноватом свете ночника она выглядела почти красивой. Интересно, а какой бы она показалась мне, если бы я только что принял пилюлю Перссона? Наверное, такой же, как в молодости, когда я не мог надивиться на овал ее лица, ямочки на щеках и белокурые волосы. Теперь ее рот обрамляют глубокие морщины, у нее двойной подбородок, а волосы седеют. Я вспомнил вдруг старинную поговорку: «Ничто так не красит женщину, как две рюмки виски в желудке у мужчины». Проверить ее справедливость я не мог, потому что держать в доме спиртное мне не по карману. Слабое пиво, выпитое у Медины, во всяком случае такого действия не оказывало. Но при наших заработках по карману только пиво и «травка».

Министерство продовольствия мало-помалу дозналось, что индийская конопля, из которой получается марихуана, дает хорошие урожаи и у нас. Частники-то сделали это открытие десятилетия назад, но теперь оно стало использоваться в государственном масштабе. Названия чужеземных стран на пачках сигарет говорят не о наших внешнеэкономических связях, а о качестве, ибо в государственных теплицах возделываются разные сорта. Курить марихуану стало чем-то вроде гражданского долга, а разведение ее в частных хозяйствах карается суровее, чем когда бы то ни было.

Смешно подумать, что когда-то считалось, будто курение «травки» представляет угрозу для общества.

Моя жена — живое доказательство обратного. Когда ей надоедает работа, что бывает часто, или надоедает убирать квартиру, что бывает постоянно, стоит ей выкурить сигарету, и она тут же приободряется. Сам я курю мало. Не потому ли я, по словам Бетти, вечно не в духе?

Жена как будто прочитала мои мысли.

— Найдется у тебя сигарета? — спросила она.

— А ты не думаешь, что...

— Вечно ты со своими проповедями! Дай лучше закурить.

Она зажгла новую сигарету и глубоко затянулась ядовитым дымом.

— Ужасно интересно попробовать эти таблетки. Когда начнут их давать?

— В следующую получку. Если только мы согласимся взять их.

— Если согласимся? — растерянно повторила Бетти. — То есть как?

Внутри у меня словно бы прорвалась плотина.

— Я по крайней мере собираюсь отказаться! Мне надоело, что нас все время пичкают всякой химией. Слышишь? Надоело, надоело, надоело! Ведь от нее мы совсем оупели. Я не хочу становиться еще покорнее и работать еще усерднее ради того, чтобы меня наградили карамелькой. Бетти, неужели ты не видишь, что они сделали с нами? Посмотри, как мы живем. Рухлядь вместо мебели, однообразная пища, скучная работа. И все с этим мирятся. Но я больше не хочу.

Моя неожиданная вспышка испугала нас обоих. Бетти загасила сигарету, потушила ночник и повернулась ко мне спиной, не пожелав «спокойной ночи». Я снял комбинезон и тоже залез под потертое одеяло. Она уже давно храпела, а я все не мог заснуть.

Передача, о которой говорил Перссон, прозвучала по стереовидению уже на следующий вечер. О повышении норм было упомянуто мимоходом, основное внимание уделялось пилюле. Сообщение в программе «Новости», скорее, напоминало рекламу.

«Пилюля С» — заслон от всех неприятностей! «С» расшифровывается как «счастье»! «С» продлит ваш заслуженный отдых и сделает его полноценнее!

И так далее, все в том же духе. После передачи я сказал Бетти, что хочу прогуляться, и пошел к Антонио.

В течение дня я не раз возвращался мыслями к тому, что накануне заявил жене. Уверенность моя поколебалась. Какое я имею право восставать против властей и что мне за это будет? А вдруг меня уволят? Или лишат продовольственных карточек? И что скажут соседи и сослуживцы?

У меня отлегло от сердца, когда я убедился, что по крайней мере один человек думает так же, как я. Антонио признался, что он тоже против новинки. Чем дольше мы говорили, тем сильнее он волновался. Возбуждение его выражалось, в частности, в том, что временами он переходил на свой родной язык.

— Мы превращаемся в ослов, Арне, — говорил он. — Burros *. Me sago en la leche **, amigo ***...

Но тут Мария разразилась длинной речью по-испански, и он сбавил тон.

— Мне самой все это не по душе, — обратилась Мария ко мне, — но что мы можем поделать?

— Вот это-то нам и надо решить, да поскорее, — сказал я, вставая.

* Ослы (исп.).

** Грубое испанское ругательство.

*** Друг (исп.).

Вечер за вечером с экранов стереовидения звучали новые подробности об обещанной министерством планирования премии. Так, мы узнали, что препарат предназначен исключительно для домашнего употребления. Принимать его в рабочее время строго запрещается. Мне показалось, что согласовать это решение с прочей пропагандистской трескотней было не так-то легко.

— Трудю свое время, отдыху — свое, — отеческим тоном вещал диктор. — Только тот, кто выполняет нормы, достоин вечером насладиться «счастьем». Только лучшие награждаются премией.

Приятный музыкальный фон и буква «С», составленная из красивых красных шариков.

Кажется, никто, кроме меня, не обратил внимания на скрытый смысл передачи: они боятся, что если пилюлю принять в рабочее время, то снизится производительность труда. Правда, я успел лишь обменяться несколькими словами с самыми ближайшими сослуживцами, но у них встретил полное непонимание.

— Ясное дело, придется принимать их только по вечерам, раз дают всего шестьдесят штук в месяц, — сказал один.

— У тебя же два перекура за смену, неужто тебе мало? — улыбнулся второй.

С Бетти я не мог ничего обсуждать. Едва кончалась программа «Новости», она тут же скрывалась в облаке ядовитого дыма.

Пришел день полочки, и я занял очередь у кассы. Сотрудник, стоявший непосредственно передо мной, сунул в щель автомата свое удостоверение личности. Через его плечо я увидел, что в ящикек внизу выпали конверт и маленькая коробочка. В конверте, как известно — продовольственные карточки

на месяц и листок с указанием суммы, которую он имеет право потратить на покупку продуктов.

Что в коробочке — тоже известно.

Теперь моя очередь, и я сую в прорезь свое удостоверение. Гудение автомата, конверт и коробочка.

Конверт я взял и сунул в карман. Коробочка осталась. Я отошел, уступив место следующему:

— Эй! — крикнул он мне вслед. — Ты забыл свою премию.

В ту же секунду в автомате сработал сигнал ошибки, раздался свисток.

— Пусть лежит, мне ее не надо, — бросил я через плечо, и, не дожидаясь ничьих комментариев, толкнул дверь на улицу.

Когда я пришел домой, Бетти сидела перед стереозкраном. Уж она-то не отказалась от своих «пилюль счастья». И не тратя даром времени на всякие хлопоты по дому, тут же приняла первую вечернюю дозу.

По стереовидению показывали программу, подготовленную министерством планирования. Речь шла о поселениях для отпускников, которые начнут строиться через несколько лет, если у государства будет достаточно средств. Жизнерадостные люди плескались в хрустальной воде. Интересно, где снимали эти кадры? Вряд ли на нашем побережье.

Кстати об отпусках. Это было почти забытое слово, и я удивился, как власти решились воскресить его в памяти людской. Много-много лет назад право на отпуск было сначала урезано, потом и вовсе отменено, а тех, кто пытался протестовать, объявили врагами общества, и они понесли наказание. Мы работаем шесть дней в неделю, а седьмой выходной, ну и хватит с нас. Иностранцы туристы никогда не пересекают наших границ, из этого мы делаем вывод, что таково положение во всем мире.

— Бетти, давай я приготовлю обед. Чего бы ты хотела?

Она не отвечала. Я потрепал ее по плечу и повторил вопрос. Прошло не меньше минуты, пока она медленно повернулась в мою сторону. Заморгала глазами, растянула губы в бессмысленную улыбку и снова усталилась на экран. Вдохнув, я подошел к кухонному автомату, сунул в прорезь удостоверение личности и нажал на кнопку «дежурное блюдо». Вскоре зажегся световой сигнал, означавший, что пицца готова. Я сорвал полиэтиленовую обертку и стал есть, даже не пытаясь угадать, что за продукт лежит у меня на тарелке. Судя по вкусу, это были старые носки из козьей шерсти.

Зажужжал внутренний телефон — кто-то звонил ко мне во входную дверь подъезда.

— Да?

Голос Перссона:

— Арне, это я. Мне надо поговорить с тобой.

— Меня нет дома, — огрызнулся я.

— Не дури, дело важное. Открой.

Мне не хотелось сердить его, тем более что он со своим удостоверением работника министерства планирования мог войти и без моей помощи, я лишь позволил себе сделать кислую мину, когда он вперся в нашу гостиную. Но он ее и не заметил.

— Когда ты получал зарплату, ты забыл свою премию, — сказал он.

— Я не взял ее умышленно. Разве это преступление?

— Н-нет... но, пожалуй, известная неблагодарность. Мы, работники министерства, вложили в эту пилюлю много сил, времени и труда. Когда нас поставили в известность о случившемся, я вызвался разъяснить тебе положение вещей, поскольку мы знакомы.

Он без приглашения плюхнулся в мое кресло. Его зеленый комбинезон был не такой потрепанный, как у меня, возможно, ему меняли одежду чаще.

— Хочешь верь, хочешь нет, но из-за тебя поднялся ужасный переполох, — сказал он. — О происшествии доложили самому министру. Во всей стране ты единственный отказался. Почему ты это сделал, Арне?

Я пожал плечами.

— Мне надоело отравлять себя.

— «Пилюли счастья» не отравляют, Арне, я же тебе объяснял. Они только помогают человеку расслабиться, чтобы на завтра он пришел на работу со свежими силами.

— И еще больше выкладывался, чтобы обеспечить себе следующую порцию? Нет уж, спасибо, лучше не надо.

Перссон наморщил свой бычий лоб.

— Неужели ты не понимаешь, что становишься на пути прогресса? Ведь это только начало. До сих пор нашим злейшим врагом была безотрадность. Если люди каждый вечер будут наслаждаться от всей души — это уже половина победы. Ну а если затем нам удастся сократить рабочий день, не снижая объема продукции, мы завертим колесо еще быстрее. У нас разрабатываются такие проекты...

— А зачем колесо должно вертеться еще быстрее? — перебил я. — Для того, чтобы маленькая кучка министров и других воротил могла жить в роскоши и изобилии, а мы, остальные, знай себе, вкалывали и пикнуть не смели? Если хочешь услышать мое мнение, я думаю, что раньше было лучше. Каждый должен иметь право на собственные убеждения и право бороться за них.

Я перевел дух и продолжал:

— Не пытайся навязывать мне ваши пилюли, а не то я с завтрашнего дня начну высказывать свои взгляды каждому встречному. У меня уже есть единомышленники. Чем больше нас будет становиться, тем труднее вам будет заткнуть нам рот. Так что мой тебе совет: забирай свои пилюли и выметайся!

Я зашел слишком далеко, и реакция Перссона была мгновенной. Он взглянул на дверь и, не повышая голоса, произнес:

— Входите.

Людам, которые ждали за дверью, не потребовалось, чтобы я им открыл. В ту самую минуту, когда они уводили меня, Бетти очнулась от своего полубытья и спросила:

— Арне, ты что-то сказал?

Ответить я не успел.

Маленького плешивого человечка, к которому меня привели в министерстве планирования, я сначала было принял за врача, но оказался он чем-то вроде судьи. Еще раз я изложил свои взгляды на наше общество и на то, что в нем нужно изменить. Когда я умолк, он произнес:

— Случай более тяжелый, чем я предполагал. Я собирался уговорить вас принять премию, но в том состоянии, в каком вы сейчас находитесь, вы можете навредить и себе, и окружающим. К счастью, у нас есть и другие возможности. Вот вы тут толковали об отпусках. Вы свой отпуск получите, господин Маттсон. Поскольку наши поселения для отпускников еще не построены, вы проведете его здесь, в министерстве. Вам не нравятся «пилюли С»? Если хотите, мы освободим вас от них. Но за это вам придется оказать нам небольшую услугу.

Надо отдать должное чуткому слуху моих конвоиров — стоило плешивому кашлянуть, и они вновь окружили меня.

— Возможно, наш сотрудник упоминал, что мы разрабатываем и другие новинки, которым еще предстоит пройти проверку. Но они вводятся в состав пищи, так что глотать пилюли вам не придется. Уведите его.

Последние слова были обращены к конвоирам. Меня привели в эту вот маленькую комнату, где нет ничего, кроме койки, стола, стула и настенных часов с календарем. Меня привели девятнадцатого февраля и накормили обедом, а двадцать пятого я взглянул на часы и увидел, что уже пятнадцатое марта. Вчера я получил письмо от Бетти, где она сообщает мне о нашем разводе, оно датировано седьмым июня, и я не мог не отметить, что время летит очень быстро, ведь сегодня двенадцатое августа и...

Космическая музыка

Конечно, господин судья, я знаю, что совершил преступление. Я вовсе не любитель подраться, и, если бы не произошло всего остального, мне бы и в голову не пришло кого-нибудь ударить... особенно кого-нибудь из них. Я понимаю, это может повредить нашим торговым связям или даже привести к исключению. А виноват во всем Ивар — да, именно Ивар — и если у суда хватит терпения выслушать меня, я расскажу, как все случилось. Да, конечно, постараюсь покороче.

Все началось в Хернесанде — так назывался город до звездной эры, а вернее, все началось в ресторане городской гостиницы. Только мы проиграли первые такты «Колыбельной» Ивара, как в его усилителе раздался треск. Теперь-то вы уже все сыты по горло этой мелодией — хотя я все равно, до самого смертного часа, буду утверждать, что она никуда не годится и сочинил ее халтурщик, — но в то время ее еще никто не знал. Публика — сонный коммивояжер, читавший газету за угловым столиком, — раздраженно посмотрела на нас, а я прошипел Ивару: «Немедленно выключи эту бодягу». Бертиль, гитарист, подмигнул мне, и я понял, что он думает то же, что и я: «Ох, уж эти мне аккордеолисты».

Я как раз получил трехмесячный ангажемент на выступления в городской гостинице... вы, может, слышали о трио Хельге Хернберга? Не слышали?.. Ну тут мне и подвернулся Ивар вместо моего прежнего аккордеониста, который взял расчет. Бертиль работал со мной уже год и почти столько же времени талдычил, чтобы я заменил аккордеон роялем. Дурак был, что не послушался.

Пожалуйста, господин судья, не подумайте, что я кощунствую, но мне действительно никогда особо аккордеон не нравился. В нашем трио есть еще бас-гитара (это мой инструмент) и гитара. А за аккордеон я держался так упорно потому, что нам довольно-таки часто приходится мотаться по разным ресторанам и кафе. Сами понимаете, аккордеон таскать с собой легче, чем рояль.

Аккордеонисты — большинство по крайней мере — народ немножко необычный, говорю по опыту, поэтому, наверное, когда-то и они сами и их инструмент вызывали легкую насмешку. Но Ивар побил все рекорды. Во-первых, ему, видите ли, понадобился микрофон и усилитель для аккордеона — наверное, просто было лень как следует растягивать мехи. Во-вторых, он был убежден в своей способности сочинять музыку. И, в-третьих, если я скажу «звездный диалект», думаю, нет нужды в дополнительных пояснениях. Музыканты всегда говорят на своем особом жаргоне, но когда раскрывал рот Ивар, даже мы с трудом его понимали.

— Смените пластинку, старики, уши вянут от такой дохлятины, — выдал он нам на первой репетиции.

Я предложил прорепетировать венский вальс, но для Ивара все, что звучит не в такте четыре четверти, — «дохлятина». Больше всего ему хотелось играть свои собственные мелодии, например этот вот

медленный фокстрот «Колыбельная». Я, как никак, тоже пишу музыку, кое-что даже исполнялось публично. Вы, может, слышали вот эту, которая начинается так... Да, да, господин судья, извините, я просто подумал... Ну не надо, так не надо...

Да, так на чем я остановился? Ну, конечно, на Хернесанде. Итак, как я уже сказал, в усилителе Ивара раздался треск, и единственный посетитель ресторана метнул на нас злой взгляд. К счастью, до двенадцати оставалось всего несколько минут, поэтому я сказал:

— Трио Хельге Хернберга благодарит вас за внимание и надеется увидеть вас здесь снова.

Публика насмешливо ухмыльнулась и опять уткнулась в газету.

Наш гонорар включал, как обычно, питание и жилье. Мы с Бертилем отправились в нашу маленькую мансарду и только успели повесить в шкаф концертные костюмы и налить по стаканчику грога, как ввалился Ивар, волоча свой усилитель. Обычный фабричный усилитель стоил две тысячи крон, а такая сумма была Ивару не по зубам. По крайней мере тогда. Поэтому он сделал усилитель сам. Размером с эмигрантский сундук и почти такой же тяжелый, а в нем — каша из проводов и ламп. Ивар увидел описание в каком-то техническом журнале, купил деталей, чего-то там паял и крутил, и хотя штукovina, которую он соорудил, имела весьма отдаленное сходство с описанием, она, как ни странно, работала.

Но сейчас Ивар выглядел озабоченным.

— Похоже, вся фиговина разболталась, — вздохнул он.

Он хотел сказать, как вы догадываетесь, что ему не удалось обнаружить причину треска. Ивар

вынул отвертку и начал копать в сплетении проводов.

— Пошел бы к радиотехнику, — предложил я.

— Э, эти гаврики ни черта не секут, — с презрением ответил Ивар. — Я показал его как-то одному такому охламону, когда у меня неуправочка вышла, так у того чуть котелок не лопнул. Утверждал, что разъемы барахлят. «Шутишь, парень, — сказал я ему, — в этой штуке нет никаких разъемов». И верно, оказалось, нужно было только поменять одну лампу, это я уж потом обнаружил.

Мы с Бертилем переглянулись и занялись гротом.

Не знаю, что уж там Ивар сделал — вряд ли он и сам это знал, — но ему удалось исправить усилитель, и два следующих вечера он работал безупречно. Несчастья начались только в субботу.

В ресторане были танцы и, как никогда, полно народу. Мы играли медленный фокстрот — снова «Колыбельную» Ивара (видите ли, я стараюсь поддерживать в моих музыкантах хорошее настроение, поэтому мы обычно исполняли эту мелодию один раз за вечер), как вдруг из усилителя раздался ужасающий вой. Танцующие от страха все разом аж подпрыгнули, а в зал влетел хозяин ресторана узнать, в чем дело. Ивар бросился к усилителю, но, прежде чем он успел его выключить, вой вдруг сменился мужским голосом. Голос звучал возбужденно и взволнованно, бормоча что-то нечленораздельное, вроде «Аяр акабоб... аяр акабоб... аяр акабоб...» Наконец Ивар повернул выключатель — и во всей гостинице перегорели пробки.

Что тут началось! Хозяин крыл меня на все корки и грозился пожаловаться в Союз музыкантов. Когда же все кончилось, и официантки задували свечи, раздобытые в спешке, пока вызванный элект-

рик менял счетчик — старый разлетелся на мелкие кусочки, — я принялся за Ивара.

— Послушай, олух царя небесного, — сказал я ему в конце своей пламенной речи, — если ты немедленно не выбросишь эту дурынду в море и не купишь себе фабричный, придется тебе, милоч, обходиться без усилителя.

Ивар послушно кивнул и обещал исправиться, в то же время рассеянно нащупывая в кармане отвертку.

— Ящик, наверное, поймал какую-то иностранную станцию, — пробормотал он. — Я где-то не то спаял. Но если...

— Почему ты его не выгонишь? — прошептал Бертиль.

Если бы я это сделал!

Не купил себе Ивар нового усилителя. Нет уж, он бы предпочел вовсе никакого не иметь. Каждую свободную минуту он нырял в свой сундук и копался в проводах и лампах. Нам оставалась всего неделя ангажементу в Хернесанде, когда Ивар заявил:

— Ну, капельмейстер, теперь я железно уверен, что барахлянка кончилась. В усилителе, — пояснил он, поймав мой недоуменный взгляд. — Можно я включу его сегодня, в последний час, только на пробу?

— Нет, Ивар, — я старался говорить решительно. — Ты же знаешь, как получилось в последний раз...

— Я гарантирую, что барахлянка кончилась. А потом у меня жутко болят руки, когда я жму на все пуговицы без усилителя. Будь человеком, капельмейстер! А я за это сбациаю твои песенки.

Утверждение Ивара о том, что у него болят руки от игры без усилителя, произвело на меня гораздо

меньшее впечатление, чем обещание сыграть мои мелодии. До сих пор он называл их не иначе как «тягомотина» и упрямо отказывался исполнять, разве что на репетициях. Я мог бы, конечно же, ударить кулаком по столу, но... Ивар был парнем смазливый, да и играл недурственно, и часть публики — женщины естественно — приходила в ресторан только из-за него. Мы с Бертилем тоже извлекали из этого определенную выгоду — с одной стороны потому, что это давало нашему трио хорошую репутацию, а с другой... Ивар ведь не мог провожать всех девушек после выступления — даже если бы ему этого очень хотелось, — а музыкантам во время гастролей вредно одиночество.

Посему я обычно уступал. Уступил и теперь. Хельге Хернберг, безмозглый ты идиот!

Ивар включил усилитель и сыграл, как и обещал, парочку моих вещей. Ласкающие вальсовые мелодии публике, казалось, пришлись по вкусу, хотя никто и не хлопал. Одна мелодия звучала так... О простите, господин судья, я вовсе не хотел... Да, да, буду держаться ближе к делу, я только хотел... Ну не надо, так не надо...

Как бы то ни было, Ивар, очевидно, заметил, что я польщен якобы замеченным мной у публики признанием, что настроение у меня поднялось, и воспользовался моментом, чтобы ковать железо, пока горячо. Он скосил на меня умоляющий взгляд, я кивнул в знак согласия, сделал знак Бертилю, и мы заиграли одно из сочинений Ивара. «Колыбельную».

Нет, на сей раз усилитель не разразился воем, не было слышно никакого возмущенного мужского голоса, не погасли лампы. Но одна из официанток вдруг уронила тяжело нагруженный поднос и завалила благим матом:

— Смотрите! — и показала рукой на окно...

Улица внезапно озарилась ярким солнечным светом, хотя на дворе был конец марта, а часы показывали одиннадцать вечера. Это было невероятно. Я отшвырнул свою бас-гитару и подошел к окну за эстрадой. У других окон столпились официантки и посетители. Ивар продолжал, как в трансе, играть «Колыбельную», не отрывая взгляда от окна.

Свет, заливавший тротуар и набережную, исходил не от солнца, а от гигантского огненного шара, покачивающегося на высоте всего нескольких сотен метров. Сияние его было настолько нестерпимым, что я вынужден был отвернуться, но все же успел заметить, что шар медленно опускается.

Послышался глухой удар, и все здание задрожало. Свет от шара проникал теперь во все уголки зала. Через минуту открылась дверь и вошли трое.

Три рослых человека в форме из металлической пряжи и с эмблемой в виде горящего солнца на шлемах. Они подошли к эстраде как раз в тот момент, когда в мертвой тишине звучали последние жалобные такты «Колыбельной». Никто из нас, ни посетители, ни персонал, ни сам хозяин, не мог и пальцем пошевелинуть. Но аккордеонисты, как я уже говорил, народ особенный. Если уж Ивар начал играть, он должен был закончить, даже если бы во круг рушился мир.

Главный среди тех троих в форме громко отдал приказ — несколько слов на непонятном языке — и его спутники начали выносить... сначала усилитель Ивара, потом его аккордеон и наконец его самого. Это было чересчур даже для аккордеониста. Исчезая в вертящихся дверях, Ивар визжал как резаный и бешено брыкался. Через несколько секунд здание снова задрожало и огненное свечение погасло.

Я без сил рухнул на стул, отирая холодный пот со лба. Кругом стоял невообразимый гвалт — выйдя

из оцепенения, все друг заговорили разом, перебивая друг друга. А мой затуманенный мозг сверлила одна-единственная мысль. Голос! Голос вожака! Где я его слышал?

Дальнейшее всем настолько хорошо известно, что мне, пожалуй, не стоило бы отнимать у вас время на пересказ. Книга хозяина ресторана «48 часов до звездной эры» вышла миллионными тиражами и, насколько мне известно, изучается сейчас даже в школах. Многие фактические данные он почерпнул у самого Ивара, когда тот спустя два дня с триумфом приземлился около гостиницы в том же огненном шаре. К тому времени радиопослание шара, вернее, корабля с Веги, уже стало известно всему миру.

Я сохранил вырезку из газеты с фотографией церемонии встречи. Генеральный секретарь ООН пожимает руку командиру корабля, а Ивар покровительственно обнимает вегетянина за плечи. Ивар Ёнссон. Мой бывший аккордеонист.

Я до сих пор не знаю, что получилось с этим чертовым усилителем — могу побиться об заклад, что и Ивар этого не знает. Но что благодаря ему была решена извечная галактическая проблема — это-то уж в меня вколотили. Ведь оказалось, что жители Веги — и некоторых других планетных систем — тысячами бороздят космос в кораблях, идущих со скоростью выше световой... а заставить радиоволны идти со сверхсветовой скоростью до сих пор не удавалось. Командир корабля сам рассказал, как он был поражен, услышав там, в космосе, звуки — и, по его мнению, сказочно прекрасные звуки — из включенного по ошибке приемника. А счетчик в гостинице сторел из-за слишком мощного сигнала пеленга и вызова, посланного кораблем. Самые острые

умы Галактики до сих пор пытаются найти техническое объяснение, почему сигналы радио Ёнссона — до чего смешное название! — мгновенно принимаются на любом расстоянии, превышающем световой год. Тем не менее копии усилителя в огромных количествах производятся на заводах концерна Ёнссона для установки на всех космических кораблях Вселенной. А «изобретатель», Ивар, стал мультимиллиардером.

Я признаю, что последствия в большинстве своем оказались для Земли благом. Земля благодаря этому эпохальному открытию была принята в галактическое содружество по крайней мере на тысячу лет раньше, чем это могло бы произойти при нормальных условиях, и уровень жизни людей повысился необычайно. Но все-таки, мне кажется, космические торговцы могли бы выучить и другие земные языки, а не довольствоваться языком Ивара, которому они обучились за два дня. А их возражение, будто бы мы сами в этом виноваты, не введя у себя единого мирового языка, звучит по меньшей мере надменно. Знаю, знаю, наши самые выдающиеся лингвисты вот уже пятнадцать лет пытаются выучить космический язык, и пока безуспешно...

Самым неожиданным во всем этом оказалось то, что первой статьей нашего экспорта наряду с радио Ёнссона стали аккордеоны, а «Колыбельная» Ивара — или та тональная частота, которая придала нейтронам катодного субраспада, или как они там называются, нужное колебание, или чего-то там еще, сделавшее возможным радиосвязь между гостиницей в Хернесанде и кораблем с Веги, — сделалась любимой мелодией на всех цивилизованных планетах. Меня же — а я, как-никак, могу считаться почти первопричиной всех событий, потому что это я разрешил Ивару включить усилитель, благодаря чему

корабль смог запеленговать сигналы, когда вегетяне уже совсем потеряли всякую надежду, — меня, естественно, забыли. Я был капельмейстером, я разрешил включить усилитель, несмотря на прежние злоключения, и меня же выставили вон, как только хозяин очухался после отбытия корабля в тот вечер. А в наступившие сразу за возвращением корабля Дни Великих Перемен ни у кого не нашлось времени подумать о безработном гитаристе.

Я вижу господин судья косится на часы. Позвольте мне только добавить следующее. Я знаю, что в нашем современном обществе насильственное преступление рассматривается как нечто ужасающее. Я знаю также, что, если коммивояжер с Веги пожалуется в Галактический Союз, Землю исключат из сообщества, и уровень жизни здесь немедленно понизится. Но, когда после всех этих лет музыкальное посредническое бюро наконец-то смиловилось надо мной и я опять играл в ресторане гостиницы Хернесанда — вернее, Иварополиса, как он теперь называется, — а к эстраде подошел этот тип в вегетянском шлеме с эмблемой в виде горящего солнца... во мне что-то взорвалось. Нет, не потому, что он подошел. Но когда вегетянин на беглом звездном диалекте, языке, которому его народ научился у Ивара, сказал:

— Смените пластинку, старики, уши вянут от вашей дохлятины. Сбациайте лучше «Колыбельную» Ивара...

Вот тогда, господин судья, я уже не смог сдержаться. Тогда я ему и врезал.

Фред-Продавец звезд

Мы познакомились еще в начальной школе. Прозвище-то у него тогда, конечно, было другое — Морковка, но уже в те времена его отличала склонность к рекламе и аферам. В ту пору, разумеется, шла речь лишь о меновой торговле. Введя в оборот утром в понедельник щербатую почтовую марку, он мог ухитриться в пятницу вечером заполучить только что купленный самокат Билли. Такой случай действительно был, и даже Билли папа, пришедший, естественно, в ярость, не сумел расторгнуть сделку, поскольку малыш Фредрик уже успел обменять самокат в соседней лавчонке, где торговали подержанными вещами, на почти новый фотоаппарат.

А вот в метрическом свидетельстве у Морковки было записано нечто напоминавшее его теперешнее прозвище: Фредрик Штерн*. Звездную фамилию дед-эмигрант вывез с собой из Германии в конце тридцатых годов. Морковкина мама приехала из Ирландии на четверть века позже, и от нее сын унаследовал зеленые глаза, веснушки и рыжие вихры.

Хотя он обладал фантастической способностью в мгновение ока завести знакомство с кем угодно, могу смело похвастаться, что я был его единственным

* Stern — звезда (нем.).

приятелем. Вероятно, потому, что всегда отказывался от его предложений «махнуться», как бы ни хваливал он свой товар и ни хаял то, что было у меня. Сначала это сбивало его с толку, потом внушило невольное уважение. А может, видя, что я раскусил его, он на всякий случай предпочитал иметь в моем лице союзника, а не врага. Мне он без всякого стеснения объяснял, как легко, по его мнению, обвести вокруг пальца все остальное человечество.

— Дурачье набитое, вся кодла дурачье и больше никто, — говаривал он. — Ты только заморочь им голову, будто они что-то выгадывают, и тогда можешь всучить им любую дрянь.

Потом я поступил в университет, Фредрик же ограничился тем обязательным образованием, которое установлено законом. Что он станет дельцом, было ясно с самого начала, но, услышав, какую именно область он выбрал, я немного удивился. Морковка развернулся на поприще искусства в качестве импрессарио, и через каких-нибудь два-три года стал главным воротилой в индустрии развлечений. По дороге к вершинам он потерял фамилию и часть имени. В приемной у Фреда-Продавца звезд вечно толклись актеры, певцы и музыканты, которые умоляли его взять на себя заботу об их дальнейшей судьбе. Утверждали, будто его годовой доход выражается семизначной цифрой, так что он мог позволить себе выбирать лучших из лучших.

Наши пути разошлись, как только мы оба окончили школу, но у нас в городе хочешь не хочешь, а рано или поздно ты случайно встретишься с любым своим знакомым. Как-то раз под вечер я оказался возле одного из театров, вдруг дверь подъезда распахнулась и оттуда торжественно выступил мой бывший одноклассник во главе толпы секретарей и по-

мощников. Он изливал поток слов на маленького пузатого человечка, который, еле поспевая, семенил рядом с ним.

— Если ты сейчас возьмешь Линду и Ральфа по двадцатке, обещаю, что в следующем сезоне я дам тебе Уильяма Лэнда всего за полсотни. Ручаюсь, это будет самая удачная сделка в твоей жизни.

Тут взгляды наши встретились и у обоих одновременно вырвалось:

— Да ведь это, кажется?..

Вообще-то с моей стороны вопрос был излишним, ибо Морковка почти не изменился. Конечно, он был гораздо элегантнее одет, но рыжие вихры по-прежнему торчали во все стороны, а над растянутыми в широкой улыбке губами зеленели те же глаза, жесткие как кремь. К моему удивлению, он тут же разогнал свою свиту и потащил меня в какой-то бар по соседству. Последовал допрос с пристрастием, и мои попытки отвечать по возможности уклончиво оказались, разумеется, тщетными. Да и моя поношенная одежда говорила сама за себя, открывая все, что он хотел обо мне знать. Я до сих пор корпел над книгами, живя на ссуду и крохотную стипендию, а далеко впереди маячила заветной целью работа учителя, оплачиваемая жалкими грошами. Родителей моих не стало — и его родителей тоже, как я слышал, — и на свои скудные средства я мог лишь снимать убогую комнатуху с одноразовой кормежкой где-то на окраине.

Наконец и мне удалось вставить вопрос:

— Ну а ты что теперь подделываешь?

По-моему, сначала ему хотелось дать мне по физиономии, но потом он расхохотался.

— А ты все такой же, старик. Так я тебе и поверил, что ты не знаешь! Я — на небесах среди звезд, и уже довольно давно.

— Как же это получилось? В смысле с чего ты начал?

Он пожал плечами.

— Чистая случайность. Я познакомился с одной молодой певицей и стал ее проталкивать. Устроил ей запись на пластинку, замолвил словечко на радио, телевидении, во всяких там увеселительных заведениях, настропалил журналистов. Через два месяца во всех списках шлягеров ее диск стоял на первом месте. Сейчас эта певица зашибает десять миллионов в год, а я получаю свои двадцать пять процентов. И таких, как она, у меня в заглавнике много. Остальные сами набежали, стоило денежкам потечь.

Он снова рассмеялся.

— Вообще-то страшная нелепость. Все мои артисты сами по себе настолько хороши, что прекрасно справились бы и без посторонней помощи. Их буквально рвут на части. А им кажется, что не возьми я на себя заботу об их контрактах, они бы умерли с голоду. Прав я был, говоря, что мир полон набитых дураков.

Зеленые глаза испытующе глянули на меня.

— Кстати, не могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Устроить, к примеру, на работу или, на худой конец, дать взаймы?

— Нет, спасибо, — наотрез отказался я. — Мне вполне хватает. Летом я подхалтуриваю, и платят мне достаточно, чтобы на эти деньги перебиться зимой.

Последнее было чистой ложью, но, так или иначе, я еще не созрел для того, чтобы протянуть руку за подаванием. К тому же я помнил его меновую торговлю, при которой не было случая, чтобы его деловой партнер не остался в накладе.

— Ну смотри. Понадобится — всегда можешь рассчитывать. — Он швырнул на стойку несколько банкнот. — Ладно, мне нужно бежать. Пока.

И тут же, не успев я тоже встать, ко мне на цыпочках приблизился бармен.

— Простите, — сказал он, — мне показалось, что человек, с которым вы тут сидели и беседовали, Фред-Продавец звезд?..

Мне удалось изобразить совершенное недоумение.

— Парень, который только что ушел? Да нет, это всего-навсего Морковка, мой старый школьный товарищ.

Сами знаете, как порой бывает: то не встречаешь кого-то годами, а то вдруг носа не можешь высунуть из дому, чтоб не наткнуться на него. После той первой встречи мы с Фредом чуть ли не каждый месяц сталкивались на улице. В основном, конечно, потому, что по дороге на лекции или с лекций я проходил через район, где расположено большинство наших театров. Иногда он успевал лишь кивнуть или помахать мне, но нередко приглашал пропустить стаканчик и поболтать. Казалось, мое присутствие придает ему смелости чуть приподнять маску и показать свое истинное лицо, в точности как это было в начальной школе.

Мне-то от его доверия не было никакой радости. Его глубочайшее презрение к человечеству и безграничная самоуверенность придавали горький привкус самым изысканным коктейлям.

Однажды я спросил:

— Как по-твоему, что будет, если я перескажу все это журналистам?

Он только что поведал мне омерзительную историю о том, как он, стравив нескольких директоров,

поднял гонорары двух-трех актеров на такую астрономическую высоту, что один крупный театр, не смотря на аншлаги, находится на грани банкротства.

Он язвительно захихикал.

— Попробуй. Может, и заработаешь пару монет, что, судя по всему твоему виду, тебе очень даже не помешало бы — извини за бестактность. Только сначала крепко подумай, старик. Я, конечно, буду все отрицать, а наши суды обычно налагают большие штрафы за клевету.

Он отхлебнул из бокала.

— К тому же мне это безразлично. Я собираюсь продать свое агентство.

Вот так новость! Я даже растерялся.

— Продать? Но ведь ты на нем...

— Зашибаю кучу денег, что да, то да. Но у меня теперь на уме другое, и там я сорву еще и не такой куш. Я, видишь ли, займусь звездами, ха-ха.

Больше из него ничего не удалось вытянуть, хотя на этот раз, вопреки обыкновению, я очень старался. Ну что ж, в свое время я узнал. Как и все остальное человечество.

Десятью годами раньше этот номер бы не прошел. Его прожект просто подняли бы насмех. Десятью годами позднее тоже ничего бы не получилось. К тому времени там уже побывали наши посланцы и доставили нам веские доказательства невыполнимости обещаний Фреда. Он точно рассчитал время и выбрал нужный момент. К тому же тогда, в виде исключения, пост генерального секретаря ООН занимал человек насквозь продажный, а баланс сил в мире был настолько неустойчив, что вряд ли какая-нибудь держава решилась бы наложить вето на договор.

Вы небось и сами помните огромные шапки, появившиеся вдруг во всех газетах?

СКАЗОЧНЫЕ УЧАСТКИ ПОЧТИ ДАРОМ. ЧЕМ РАНЬШЕ ЗАПИШЕШЬСЯ, ТЕМ ЛУЧШЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ. ПРОДАЖА ПОД ЭГИДОЙ ООН

Где-то далеко внизу — типовой купон для ответа с адресом новой Морковкиной конторы. А посередине — текст, расписывавший местность, где продаются участки, оборудованные всеми удобствами дачные поселки, уже существующие в архитектурных проектах блестящие увеселительные комплексы. Такая возможность выпадает раз в сто лет, не упускай ее, постарайся первым в своем квартале заполучить купчую на бумаге с золотой окантовкой! Правда, была тут одна закавыка, но ее-то как раз и подавали как самое большое преимущество. Роскошные виллы, театры, рестораны, залы для игры в бинго и спортивные стадионы предполагалось строить на Марсе.

Через подкупленного генерального секретаря и путем политических интриг — они расследуются до сих пор — Фредрик протащил в ООН резолюцию, согласно которой всю поверхность других планет нашей солнечной системы следует рассматривать как собственность Мирового сообщества. Затем за сколько-то миллионов он арендовал весь Марс. Сроком на двести лет.

Абсурд? О нет, напротив, это было гениально. Ведь все знали, что первые астронавты скоро будут играть в гольф на соседней планете. Что уже разработана технология создания земных условий под пластиковыми колпаками. Что первые пассажирские космические корабли уже существуют, если не на мысе Канаверал, то во всяком случае на чертежных досках.

Конечно, многие смеялись, но еще больше было таких, кто с иронической улыбкой все же приобретал за пару жалких грошей большой участок в Стар-Сити *, а вдруг в этом все-таки что-то есть...

Чем обещать все задаром Фердинанду и Изабелле, Колумбу следовало бы перед отъездом в свое первое путешествие учредить маклерскую контору по продаже недвижимости — он стал бы миллионером. Фред-Продавец звезд наживал миллиарды. Через несколько месяцев он повысил цены на участки, но, как ни странно, это лишь увеличило спрос, поскольку убедило даже маловеров в серьезности предложения. То, что первые покупатели стали продавать свои участки, наживаясь на этом, лишь усилило коммерческий ажиотаж, встал даже вопрос о том, чтобы участки стали предметом биржевой игры.

Впервые даже я чуть не попался на удочку Морковкиных торговых методов. Хоть участки и подорожали, стоили они все-таки дешево, и я мог наскрести нужную сумму. В газетных объявлениях был указан телефон, и я позвонил. Я набирал номер раз тридцать пять. В конце концов я обратился на телефонную станцию с просьбой поставить меня на очередь. Соединили меня через шесть часов, и тогда еще пришлось пробиваться через десяток секретарей и двух заместителей, пока сам Великий Человек не заорал в трубку:

— А, это ты, старик? Заходи, заходи, есть о чем потрепаться!

Фред-Продавец звезд занимал десять верхних этажей в высотном доме; не додумайся я предварительно позвонить ему, меня не пустили бы дальше самого нижнего, где происходила непосредственно продажа участков. Впрочем, возможно, субъекта в

* Star City — Звездный город (англ.).

таком потертом костюме не пустили бы даже туда. Ну а теперь учтивые стражи указывали мне нужные лифты и проводили через контрольные посты, пока я не добрался до самого директорского кабинета.

Морковкин письменный стол был ненамного меньше футбольного поля, а обе его секретарши, несомненно, зарабатывали бы в Голливуде почти столько же, сколько им платили здесь. Обстановка отличалась той роскошью, какую создает лишь сочетание неограниченных средств с совершенным отсутствием вкуса. Достаточно сказать, что бар был выполнен в виде золотого глобуса, представлявшего Марс. Мой старый школьный товарищ кивком приказал двум красавицам удалиться и радушно повел рукой в сторону батареи бутылок.

— Спасибо, — сказал я, — но...

Я не успел договорить. Двое мужчин появились в комнате, хоть дверь и не открывалась. Уж не знаю, как это произошло. Только что мы с Морковкой стояли вдвоем у глобуса с бутылками — и вот нас уже четверо. Дальнейшее произошло так быстро, что я даже не успел запомнить, как выглядели пришельцы. Ну а если попытаться описать их одежду, то, пожалуй, больше всего она походила на полицейскую форму. И то не очень: ткань, хоть и черная, блестела, а револьверные кобуры сильно отличались от установленного образца.

— Вы — Фред-Продавец звезд? — начальственным тоном спросил один из пришельцев.

Фредрик поначалу так же растерялся, как и я, но быстро овладел собой.

— Я не принимаю посетителей без предварительной договоренности, — процедил он сквозь зубы.

Человек в черном протянул ему газету.

— Это ваше объявление?

— Да. Но если вы хотите обратиться ко мне по делу, вам следует...

Тут в разговор вмешался второй пришелец. В его голосе тоже звучал металл.

— По какому праву вы беретесь продавать землю, которая вам не принадлежит?

— Что значит «не принадлежит»? Какая наглость! Послушайте, вы! Я могу предъявить вам бумаги...

Снова ему не дали договорить.

— Бумаги! — фыркнул пришелец. — Наш договор значительно древнее и к тому же подписан исконными владельцами. Это дело мы разберем в штаб-квартире. Вы арестованы.

Они схватили Морковку за руки, и в то же мгновение все трое исчезли — молниеносно, бесшумно, необъяснимо.

Наверное, с полминуты я стоял в оцепенении, потом бросился к дверям и позвал на помощь.

А после этого я три месяца провел в тюрьме. Беспрестанные допросы, камера-одиночка, прокурор и полицейские, добивавшиеся от меня, куда я спрятал труп. С тех пор прошло много лет, но некоторые и по сей день считают, что это я убил Продавца звезд.

Могу только повторить то, что говорил уже тысячу раз: я понятия не имею, кто были те похожие на полицейских люди и куда они исчезли вместе с Морковкой.

Но лично я думаю, что его следует искать среди звезд.

Вечер в Тиволи

Уже наступили сумерки, когда я наконец запер дверь конторы и сбегал по лестнице. Посмотрел на часы: девятый час. Если я хочу успеть встретить Ину в полдевятого, как обещал, придется брать машину.

Тут как раз подъехало свободное такси, я вскочил в него и назвал шоферу адрес. Ина обладает многими достоинствами, но в терпеливости ее обвинить нельзя. Я по опыту знал, что опоздание на несколько минут могло испортить весь вечер. Я начинаю уже узнавать Ину поближе, но мы ведь... гм, что? Женаты? Помолвлены? Да нет, у шведов есть выражение: «быть женатым по-стокгольмски» — пожалуй, нам это подходит больше всего. Хотя мы давно живем вместе, нам и в голову не приходит легализовать (опять типично шведское, эдакое квадратное слово) наши отношения. Будущее, несмотря ни на что, настолько неопределенно, что было бы полной безответственностью рожать сейчас детей. Мы с Иной решили подождать, пока полностью не будем уверены, что нашим детям обеспечена спокойная жизнь.

Вы уже, конечно, догадались, что я родом не из этой страны. Что Ина не шведка, можно опреде-

лить по имени, но если бы вы ее встретили, вы могли бы поклясться, что она с Эстермальма*: говорит без малейшего акцента и, кроме того, чуть переделала имя и теперь называет себя Айна. Я тоже ошведился — тем же манером — и превратился в Ленарта.

В двадцать пять минут девятого мы переехали через мост Юргордсбрун, и через несколько минут машина остановилась около Тиволи. Ина уже стояла — а как же иначе! — у входа. Она приветливо улыбнулась, когда, расплатившись с шофером, я вылез из такси.

— Трудный был день, милый? — спросила она.

— Довольно-таки. Ты же знаешь, летом самый разгар. В октябре станет поспокойнее.

Ина понимающе кивнула. Большое преимущество иметь — знаете, я все-таки буду говорить «жена», это слово ближе всего по смыслу, — жену, интересующуюся твоей работой. Ина всегда мне помогала с тех самых пор, как я начал свое нынешнее дело, и много раз ее выдумка и наблюдательность выручали меня из действительно щекотливых ситуаций.

Прежде чем подойти к кассе и купить билеты, я чмокнул Ину в щеку.

Теплый августовский вечер привлек в Тиволи массу народа. Было бы любопытно просто погулять и понаблюдать за публикой, но сегодня у нас была определенная цель. Поэтому мы настойчиво прокладывали себе путь сквозь толпу мимо музыкального павильона и стойки с примитивными развлечениями. Ина держала меня за руку и щебетала как влюбленная девочка.

— Как хорошо, что ты захотел пойти со мной. Когда я звонила тебе сегодня днем, у тебя был та-

* Аристократический район Стокгольма.

кой измученный голос. Но эти восторженные рецензии...

— Безусловно, — прервал я ее, — нам обоим полезно развеяться. А если еще и газеты не врут, это может быть по-настоящему интересно.

«Это» представляло собой небольшой домик, к которому мы как раз подошли, наискосок от площадки старинных танцев. Обычно там показывали представления с голыми девочками и другие так называемые «рады соломенных вдовцов» — о этот красочный и все же неудобоваримый язык! — но сейчас домик претерпел решительные изменения. Фасад его украшали солнце, планеты и кометы, нарисованные светящимися красками, а над входом висел гигантский щит с надписью: «ПУТЕШЕСТВИЕ В КОСМОС». Первое представление состоялось накануне вечером, и два журналиста, случайно оказавшиеся среди публики, написали хвалебные отзывы, хотя в них кое-где и проскальзывали иронические нотки.

Бесплатная реклама и хвастливая вывеска сделали свое дело — у кассы стояла длинная очередь. Бедняга-зазывала у павильона напротив безуспешно пытался заманить народ на «Водолаза Рикардо и его фантастическое подводное шоу».

Ина сжала мою руку и нежно улыбнулась.

— Купи билеты, дорогой, а я подожду здесь, — сказала она. — Я ведь знаю, как ты равнодушен ко всему, что касается космических путешествий, так что придется уж мне пожертвовать собой.

Я фыркнул, но даже и не подумал напомнить ей, что инициатива исходила от нее. Ина не меньше моего увлекается... как же это называется?.. ага, научной фантастикой. И опять мне пришло в голову, как замечательно, когда партнер разделяет твои ин-

тересы. Особенно, если партнер так красив... Я удовлетворенно вздохнул и украдкой посмотрел на нее. Даже взъерошенная, на сей раз золотистая, копна волос и густой слой косметики не могли скрыть ее красоту. Сам я выгляжу до неприличия банально, зато Ина... Один взгляд ее голубых глаз мог кого угодно...

— Сколько? — резкий голос кассира прервал мои размышления.

— Два, пожалуйста.

Я протянул две десятки и получил взамен две зеленые бумажки. Нам повезло. Представление должно было вот-вот начаться, и, продав еще только два билета, кассир, длинный, худой человек, закрыл окошечко и встал у входа проверять проданные им только что билеты.

Места были нумерованные, но мы с Иной предпочли сесть в последнем ряду. Я с интересом огляделся. Зал действительно изменился со времени моего последнего посещения пару лет назад. Сцена была на месте, но потолок приобрел куполообразную форму, а два средних ряда убрали. Перестройка наверняка стоила кучу денег, но, судя по очереди у кассы, она должна была окупиться.

— Посмотри-ка, — прошептала мне в ухо Ина, — что бы это могло быть? (Я не говорил вам, какой красивый голос у Ины? Даже ее шепот заставляет сильнее биться мое сердце. Нет, кажется, не говорил. Но это так. Я имею в виду голос.) — Она кивком головы показала на большой аппарат, установленный на месте убранных кресел.

Я поглядел в ту же сторону и увидел большой черный шар на блестящем металлическом штативе. Короткие стержни, торчавшие в его верхней части, придавали ему отдаленное сходство с миной. Насколько я мог судить, ни шар, ни штатив не были

подключены к сети, хотя, конечно, проводка могла быть скрыта в полу.

Длинный закрыл дверь и прошел к сцене. (Ина подмигнула мне, и я понял, что мы подумали об одном и том же — сейчас мы увидим настоящий театр одного актера.) Его пронзительный голос вызывал почти неприятное чувство, а говорил он с заметным, но до странности трудно определяемым акцентом. Звук «р» он произносил почти как «л», и испытывал затруднение в произнесении звуков «с» и «ы». В остальном же его краткое вступление было безупречно, напоминая заученный урок.

— Дамы и господа! — начал он. — Представление называется «Путешествие в космос», и название это полностью соответствует тому, что вам предстоит испытать. Все вы хорошо знаете, что пройдет еще много времени, прежде чем мы с вами сможем предпринять такое путешествие в действительности. Но, поверьте, первые земные космические пилоты видели то же, что вскоре увидите вы.

Он показал рукой на черный шар.

— Многие большие планетарии уже имеют возможность показать картину звездного неба на куполообразном потолке с помощью проектора, похожего на этот. Разница лишь в том, что мой улучшенный вариант проектора создает практически полную иллюзию присутствия. Я буду комментировать показ, обращая ваше внимание на самые интересные детали, поэтому прошу вас задавать вопросы лишь после того, как я дам знак.

Урок был окончен. Он чопорно поклонился и нажал кнопку. Лампы погасли.

Иллюзия была действительно совершенной, настолько, что публика — а нас в зале было около 90 человек — изумленно охнула. Потолок внезапно исчез. Над нами простиралось темно-синее ночное

небо. Легкие летние облачка тщетно пытались закрыть полную луну. Я скосил глаза на черный шар. У основания стержней слабо мерцал фиолетовый свет, но лучи проектора оставались невидимыми. Как будто мы внезапно оказались на улице.

Но что это? Ина сильно сжала мою руку — на нас резко опускались облака. Или — или мы летели им навстречу? Я потряс головой, стараясь освободиться от ощущения стремительного взлета. Шум в зале показал, что не я один застигнут врасплох. Облака остались позади, небо потемнело. Нам навстречу стремительно приближался светящийся, все увеличивающийся диск.

— Луна, естественно, стала первой целью космических полетов землян. — Пронзительный голос звучал так неожиданно, что я чуть не подпрыгнул. — После того как была разрешена проблема посадки — а проблема эта оказалась не такой уж сложной, — не представило затруднений найти подходящие посадочные площадки. Когда мы приблизимся к затемненному участку, вы сами увидите, насколько ровна и как бы отшлифована поверхность.

Я наклонился к Ине, но настойчивый голос не дал времени ни на размышления, ни на комментарии.

— От первой высадки на Луну до полетов человека на другие планеты шаг еще достаточно велик, но нам, к счастью, не нужно ждать новых открытий и технического прогресса, — продолжал он, а гигантский шар тем временем, крутясь, проносился мимо, понемногу уменьшаясь в размерах. — Мы сразу можем отправиться на Марс и убедиться в том, что каналы существуют на самом деле, хотя существа, построившие их, исчезли много тысяч лет назад.

А может, вы предпочитаете Венеру? Уверю вас, это очень скучное место. Правда, там под плотным слоем облаков есть пригодная для человека атмосфера — вопреки утверждениям ученых, — но вулканы и бесконечные болота затрудняют посадку. К тому же гигантские ящерицы, составляющие фауну планеты, не столь общительны, сколь голодны.

Уверенный тон рассказчика начинал действовать мне на нервы. Но, с другой стороны, именно благодаря этому «Путешествие в космос» казалось таким правдоподобным. Теперь я понимал, почему журналисты не пожалели восторженных слов. Становилось жутковато. Как вообще было возможно?..

— Нет, давайте вместо этого перенесемся в еще более отдаленное будущее, — продолжал голос. — Достичь звезд в ракетных кораблях невозможно, по крайней мере пока продолжительность жизни пилотов не превышает ста лет. Но, не вдаваясь в подробности относительно гиперпространства и сверхсветовых скоростей, могу сообщить вам, что существуют возможности перемещаться в пространстве значительно быстрее. Встреча с чужими солнцами доставит вам такое эстетическое наслаждение, о котором вы даже не подозреваете. На расстоянии всего немногим более четырех световых лет находится, например, Проксима Центавра.

Купол как будто осветился молнией — и вид звездного неба изменился. Вдалеке сияло новое солнце, вокруг которого вращались четыре планеты. Ближайшая могла быть Землей — синие моря, зеленые и золотисто-коричневые материки.

В зале царил мертвая тишина — казалось, все разом перестали дышать. Вид был поистине великолепен. О проекторе никто и не вспоминал. В это мгновение мы находились в космосе и видели то, что раньше не было дано увидеть ни одному человеку

на Земле. Человек на сцене тоже ненадолго замолчал. Наконец его скрипучий голос разрушил чары.

— Только когда человечество научится преодолевать эти безграничные пространства, оно сможет войти в контакт с галактической культурой. Жители этих четырех планет на несколько тысячелетий опередили Землю в техническом отношении. Но раса, которая захочет вступить в сообщество, должна сначала доказать, что она достойна этого — она должна своими силами достичь места встречи. Строгие галактические законы запрещают любой открытый контакт с существами, не способными оторваться от своей планеты.

На черном, усыпанном мерцающими звездами небосводе что-то происходило. От третьей планеты отделилась светлая точка и начала приближаться к нам. Что бы это могло быть? Неужели?.. Да, как это ни невероятно... космический корабль! Я чуть не рассмеялся, разглядев, что он имеет так хорошо знакомую, описанную множеством «очевидцев» форму летающего блюдца. Какими бы способами ни пользовался этот субъект для создания своего фантастического представления, ему нельзя отказать в последовательности.

Теперь корабль занимал почти столько же места на небе, как раньше Луна, и его можно было рассмотреть во всех подробностях. Под диском, вращавшимся с немыслимой скоростью, висело что-то вроде гондолы, и умелый... как бы это лучше выразить?.. наезд камеры приковал всеобщее внимание к слабо освещенной изнутри рулевой рубке. Вдруг за прозрачной поверхностью иллюминатора появилось... появилось...

Темноту прорезал истошный женский крик, и

что-то тяжело ударилось о пол. Луч света, словно только и ожидая этого сигнала, выхватил из темноты лицо рассказчика.

— Вы видите одно из тех существ, которые обитают на планетах Проксимы Центавра, — торжественно произнес он. — Отсюда надвигается опасность — опасность, которая может привести к уничтожению человечества.

— Немедленно включите свет! — закричал возмущенный мужской голос, поддержанный со всех сторон быстро нарастающим шумом протеста. Вскоре можно было различить и другие реплики: — Зачем это все надо? Вызовите полицию!

Зажглись лампы, и ужасное видение на потолке исчезло — почти. Владелец возмущенного голоса — властного вида мужчина, с налившимся кровью лицом (судя по выговору, он был с юга, из Сконе) — вскочил со своего места и погрозил кулаком человеку на сцене.

— Вы что, собираетесь людей до смерти напугать своими фокусами? — заорал он. — Там женщина в обморок упала, ей требуется помощь... — Он не договорил, потому что в это время женщина поднялась без чьей-либо помощи и растерянно огляделась вокруг.

Длинный на сцене стоял неподвижно, не обращая, казалось, никакого внимания на происходящее. Его лицо, начиная от почти непропорционально высокого лба до волевого подбородка, покрылось смертельной бледностью. Но горящий взгляд черных пронизывающих глаз заставил публику в конце концов затихнуть. И когда он вновь заговорил, голос его уже не звучал резко и монотонно, в нем появилась теплота и что-то похужее на сочувствие.

— Я прошу извинить меня, если последняя картина кого-то из вас папугала. Можете считать, что

с моей стороны это было попыткой сделать показ более реалистическим. Но прежде чем мы с вами расстанемся, я хотел бы рассказать небольшую историю.

Краснолицый и женщина сели на место. В зале царила такая тишина, что можно было услышать, как... как же это говорят?.. птаха... нет, как муха пролетит.

— Вы захотели отправиться со мной в космос, значит, вы интересуетесь астрономией. Возможно, некоторые из вас увлекаются также научной фантастикой... — он запнулся на непривычном слове, — фантастикой, эти вещи, как правило, взаимосвязаны. Поэтому я прошу у вас еще несколько минут терпения.

Давайте в шутку предположим, что на самом деле существует галактическая культура, представители которой научились перемещаться в пространстве со сверхсветовой скоростью. Предположим далее, что одной из рас, входящих в эту культуру, уже не хватает места на родной планете и ее ближайших соседях. Единственным выходом для них является колонизация. Но как осуществить такую колонизацию, если большинство подходящих для жизни планет уже заселено существами, стоящими на такой же или еще более высокой ступени развития?

Голос человека, не став громче, зазвучал с большей силой.

— Предположим также, — продолжал он, — что галактический закон, как я недавно вам говорил, запрещает открытый контакт с расами, привязанными к своим планетам. Совершенно естественно, что тем самым запрещены и открытые боевые действия. Следовательно, нужно попытаться найти в законе лазейку...

Напряжение в зале незаметно достигло прежнего

уровня. Ина подалась вперед, приоткрыв рот, как будто боясь пропустить хоть слово.

— Представьте себе, а вдруг в этом древнем галактическом законе действительно есть такая лазейка? Вдруг этот закон не запрещает содействовать тому, чтобы низшая раса сама себя уничтожила?

Показалось мне или на самом деле нотки сочувствия в его голосе усилились?

— Давайте теперь — опять-таки чисто теоретически, конечно, — примерим эту ситуацию к Земле. Генеральный штаб Проксимы Центавра — если мы предположим, что именно там обитает раса, одержимая идеей колонизации, — не может послать космический флот с ядерным оружием. Это было бы сразу объявлено преступлением против закона и вызвало бы объединенный отпор других цивилизованных планетных систем. Но существует другой выход!

Засылка лазутчиков в человеческом облике на Землю не может рассматриваться как открытый контакт. То, что такой шпион тайными намеками заставляет молодого студента по фамилии Эйнштейн заинтересоваться определенной областью науки, тоже не раскрывает тайну галактической культуры.

Однако одного оружия, каким бы ужасным оно ни было, не достаточно. Инстинкт самосохранения в нормальных условиях препятствует любой расе прибегать к боевым действиям, ведущим к самоуничтожению. Но предположим, колонизаторы изобрели аппарат — назовем его глушителем мыслей, — излучение которого изгоняет инстинкт самосохранения из сознания человека, мгновенно переключая его мысли на менее опасные проблемы.

Голос упал до шепота и все же проникал в самые отдаленные уголки зала.

— Не смешно ли, что наш небольшой мысленный эксперимент так точно совпадает с нынешним положением человечества? Запасы атомных и водородных бомб увеличиваются с каждым днем, и тем не менее массы сегодня ничуть не обеспокоены возможностью атомной войны. Какой-нибудь офицер, сидящий в глубоко спрятанном бункере, может в любой момент нажать кнопку — и ракеты с ядерными бомбами уничтожат половину континента. И, несмотря на это, лишь ничтожное меньшинство испытывает беспокойство, меньшинство, у которого инстинкт самосохранения настолько силен, что даже глушитель мыслей не в состоянии полностью свести его на нет. Эти люди выступают с докладами по телевидению, организуют общественные дебаты, пишут воззвания и статьи в газетах. Но никто не слушает их докладов, никто не приходит на дебаты, а в газетах предпочитают спортивные страницы.

Глаза говорящего горели, как и раньше, голос звучал с прежней силой, но настроение слушателей начало меняться — у нас было время прийти в себя и собраться с мыслями.

— Все это слишком фантастично, — произнес кто-то. Ага, опять этот краснолицый из Сконе. — Даже если мы предположим, что космическим шпионам удалось бы смешаться с людьми, им наверняка было бы очень трудно захватить с собой эти... как вы их назвали?.. глушители мыслей. Такие лучи, если их вообще можно получить, потребовали бы гигантской установки...

— Откуда вы знаете? — возразил высоколобый. — Мы ведь предположили, что колонизаторы в своем техническом развитии намного опередили землян. Возможно, источник излучения не больше пишущей машинки. Возможно, он и сделан под пишущую машинку и, спрятавшийся в каком-нибудь месте, мо-

жет обрабатывать территорию, равную по величине, скажем Швеции. В таком случае достаточно было бы иметь по одной установке в каждой столице.

Прямо у меня над ухом раздался залиvistый смех. Это была Ина. Она подняла руку, прося внимания.

— Но в вашем научно-фантастическом рассказе человечество безвозвратно погибло, — сказала она, — так чего зря волноваться?

Человек словно ждал этого вопроса.

— Может быть, ситуация не настолько безнадежна, — ответил он, устремив взгляд своих угольно-черных глаз на Ину. — Если хоть одного шпиона разоблачат, это будет рассматриваться как открытый контакт и повлечет за собой суровое наказание всей колонизаторской расы. Достаточно было бы даже, чтобы население Земли просто узнало, что оно подвергается постороннему воздействию.

Сделав многозначительную паузу, он продолжил:

— Кроме того, вполне вероятно, что другая солнечная система — ну, скажем, Альтаир, — провела о планах Проксимы Центавра и сочла их слишком жестокими. Галактический закон запрещает и посланцу Альтаира установить открытый контакт с расой, которой угрожает уничтожение. Поэтому он тоже должен замаскироваться и попытаться предупредить человечество доступными ему способами.

Голосов протеста с каждой минутой становилось все больше.

— Вся ваша дурацкая болтовня просто нелепа! — крикнула девушка в голубом плаще. — Какая польза будет для инопланетян, если мы сами себя уничтожим атомными бомбами? Я читала, что в этом

случае Земля станет необитаемой на многие тысячи лет.

— Существуют две возможности. — Человек повысил голос, стараясь перекричать шум. — Существа с Проксимы Центавра, возможно, переносят радиоактивность лучше, чем люди. Может, это является даже условием их существования. Не исключено также, что продолжительность их жизни настолько велика, что тысячелетнее ожидание вовсе их не пугает...

Недоверчивый смех заглушил последние слова говорившего. Моя попытка подвигнуть публику на прощальные аплодисменты оказалась несостоятельной. Все встали и заторопились к выходу. Длинный бледный человек на сцене был забыт. Уголком глаза я заметил, как он печально пожал плечами и направился к своему проектору.

— Иди вперед, — прошептала Ина. — Я вдруг вспомнила, что хотела... спросить его кое о чем.

Я молча пошел к выходу. Судя по часам, представление заняло меньше времени, чем я думал, несмотря даже на последующую дискуссию. Четверть одиннадцатого. Поработать еще несколько часов или отдохнуть до завтра? Я остановился на последнем. В такое время контора обойдется и без меня.

Ина догнала меня у ворот.

— Все в порядке? — спросил я.

— Ты же знаешь, — самодовольно улыбнулась она. — Я только взглянула на него...

Больше говорить не требовалось. У нас есть поговорка, которая звучит примерно так: «Не заглядывай слишком глубоко в глаза женщине, а то сгорьшишь». Дело только в том, что если речь идет о женщине с Проксимы Центавра, то это уже не по-

слова, а серьезное предупреждение. От посланца Альтаира сейчас уже осталась только горстка пепла. Какое счастье, что я не забыл увеличить силу излучения глушителя мыслей, уходя из конторы. Теперь никто и не придаст особого значения исчезновению «космического путешественника». Он, вероятно, обосновался в стране и снял помещение таким же методом, что и я. Как никак, принцип глушения мыслей известен половине систем Млечного Пути.

Мы медленно шли к мосту. Ина взяла меня за руку.

— Как здесь красиво, — прошептала она. — Нарт, любимый, я все-таки очень счастлива. Радиоактивность достигнет минимального уровня всего через несколько лет, и тогда нам не нужны будут скафандры, и мы сможем произвести на свет кучу крепких сыновей. Я почти вижу их маленькие розовые щупальца.

— Угу, — ответил я мечтательно. Но тут вспомнил кое-что и не мог удержаться от смеха. — Забавно, что этот идиот упомянул именно Эйнштейна. Помнишь нашу встречу с ним?

Мат в один ход

Космическая ракета с Земли совершила посадку на Марсе строго по плану. И телекамера заработала строго по плану. Потом произошло нечто незапланированное. Телепередача оборвалась — внезапно и по непонятной причине.

Впрочем, причина была как раз понятна. Когда ком протоплазмы весом в двести килограммов перекатывается туда-сюда поверх ракеты и телекамеры, а затем начинает развинчивать их на части и шаривать контакты и трубки, самая совершенная конструкция имеет право выйти из строя.

Ком протоплазмы, а точнее, марсианин по имени Стрр-Шпрр 148Б столкнулся с загадкой. Но поскольку он, как и все марсиане, был парень башковитый, он быстро смекнул, зачем посланы на Марс ракета и камера и как они действуют. За один миг — вы бы даже не успели произнести слово «снбрллвсбч», которое по-марсиански означает «бутылка», — он переделал телекамеру так, что она стала работать на прием. Правда, для этого ему пришлось изготовить несколько новых деталей, а он лишь приблизительно мог представить себе, как они выглядят, но ему это оказалось раз плюнуть. На то он и был марсианин.

Вышло так, что первая передача, которую он поймал, велась с международного чемпионата по шахматам. Собственно, это было лишь короткое сообщение в программе «Новости» и длилось оно две-три минуты, но их хватило, чтобы Стрр-Шпрр 148Б пришел в полный восторг. Как всякий марсианин он

обожал игру в любых ее формах, но шахматы оказались интереснее всех известных ему игр. За несколько секунд он постиг все самое важное, что нужно знать о шахматной теории и практике, и теперь жаждал испытать себя за доской.

По нашему разумению, проще всего было бы пойти к кому-нибудь из свсих и обучить его правилам благородной игры, но одноклеточный ком протоплазмы рассуждает иначе. Впрочем, и вы рассуждали бы иначе, будь вы еще очень молоды и всего в двести килограммов весом...

Итак, вместо этого Стрр-Шпрр 148Б построил собственную ракету. Пустяшное дело, особенно если у тебя перед глазами образец — космический аппарат, который доставил на Марс телекамеру. Закончив, он тут же вылетел на Землю и совершил посадку примерно через месяц в окрестностях того города, где лучшие шахматисты планеты оспаривали титул чемпиона мира.

Разумеется, в течение всего времени полета он не выключал телевизора, но язык ему все еще не давался. Лексику-то он усвоил быстро, а вот с произношением было труднее. Голосовые связки, которыми он обзавелся специально для этой поездки, никак не могли приспособиться издавать несвойственные марсианам гласные звуки.

Из-за этого Стрр-Шпрр 148Б не мог себе позволить сразу же по высадке принять человеческий облик, как он намеревался сначала, но он не унывал. Будучи существом одноклеточным, он мог придавать своему телу любую форму, какую захочет, так что все равно ничто не помешает ему попасть на чемпионат. Вопрос лишь в выборе маскировки.

Не станем осуждать его за то, что он не допускал и мысли о выступлении в своем естественном облике — огромной глыбы студенистой массы. Сколь

прилежно ни смотрел он телевизор, он слишком мало знал о существах, населяющих Землю, чтобы решиться на такой рискованный эксперимент. К тому же фильмы о войнах и гангстерах, а их он насмотрелся, внушили ему определенное — хоть и не очень большое — уважение к человеческому оружию.

В некоторых кругах впоследствии выдвигались несправедливые обвинения, что, дескать, тайлся он по более серьезной причине. Что, возможно, он намеревался, удовлетворив свою страсть к игре, между делом завоевать Землю. Такие подозрения представляются мало обоснованными. С другой стороны, он, несомненно, легко мог создать оружие, по сравнению с которым водородная бомба показалась бы игрушечным пистолетом, а мясомолочных продуктов на него не напасешься...

Но как бы там ни было, Стрр-Шпрр 148Б приземлился в рощице неподалеку от шоссе, так и не приняв решения. Подо что же ему замаскироваться? Он вывалился из ракеты и огляделся в поисках подходящего образца. Дерево? Камень? Нет, они неподвижны и потому не годятся. По шоссе, завывая сиренами, ехала автоколонна. Может, ему принять форму легкового автомобиля? Нет, он быстро прикинул, что даже если растянется до предела, его не хватит и на колеса, и на шасси, а на шофера и подавно не останется протоплазмы — к тому же он ведь пока не решался выступать в роли человека. А автомобиль, едущий без шофера, как он подозревал, будет слишком уж бросаться в глаза.

Но тут он увидел существо, которое стояло неподалеку и ело, — увидел и чуть не подпрыгнул от радости. Как раз то, что нужно: животное, чьи привычки и поведение были ему досконально известны и чей облик он сумеет скопировать без труда.

Животное, которое может, не привлекая внимания, отправиться в город и, надо думать, проникнуть также в зал, где происходит чемпионат. В то самое мгновение, когда автоколонна затормозила у рошницы и солдаты, поднятые по тревоге в связи с чрезвычайным сообщением радарной службы, сняв автоматы с предохранителя, осторожно приблизились к ракете, он изменил обличье.

Через час Стрр-Шпрр 148Б сидел в запертой клетке. По ту сторону решетки военные и ученые готовились забросать его вопросами. (Увидев его корабль и главное его телевизор, они не сомневались, что он овладел человеческой речью.) Но первый вопрос задал марсианин.

— Как вы догадались, что это я? Мне казалось, что я так хорошо замаскировался.

— Замаскировались вы превосходно, — заверил майор, который его поймал. — Вы допустили лишь одну небольшую оплошность, однако по ней мы поняли: что-то неладно. Ну а как только мы заперли вас в клетку, вы были настолько любезны, что приняли свой подлинный вид.

— Какую же оплошность?

У Стрр-Шпрр 148Б по-прежнему не ладилось с речью, но ему почти удалось придать голосу жалобные потки.

Майор улыбнулся.

— Дело в том, — сказал он, — что, хотя вы явно тщательно подготовились к визиту, вы перепутали кое-какие важные вещи. Ваша маскировка была превосходна, и место вы выбрали удачное — никого не удивит лошадь, пасущаяся на лугу у дороги. Но... — майор заулыбался еще шире, — так, как вы: два шага вперед и шаг в сторону, — ходит только шахматный конь.

Провидец

В этот маленький городок я прискакал на закате. Он выглядел примерно так, как я и ожидал. Несколько домов, салун, гостиница. Зевнув, я приказал позаботиться о моей лошади. Одежда моя пропахла пóтом, револьверные кобуры натерли поясницу.

Портье приветствовал меня раболепным поклоном. Да, конечно, свободная комната есть, и он распорядится, чтобы мне приготовили ванну. Потом он спросил, кто я такой.

Я услышал собственный ответ:

— Джек Уайт.

Он вытаращил глаза.

— Простите, мистер Уайт, я не узнал вас. Вы приехали, чтобы?..

— Я приехал, чтобы принять ванну и выспаться, — грубо перебил я.

В кармане брюк я нащупал серебряный доллар и швырнул ему. Портье поймал монету на лету и еще раз поклонился.

— Никого ко мне не пускать, — бросил я через плечо. — Никого, ясно?

Деревянная лестница закричала, когда я тяжелым шагом усталого человека поднимался к себе в комнату. «Принять ванну и выспаться, — думал я, — как заманчиво это звучит. Но, конечно, что-нибудь помешает. Как всегда».

И действительно, не успел я вставить ключ в замочную скважину, как соседняя дверь отворилась и в ней появилась Лола. Я называю ее Лола, хотя уже встречал ее под именами Сары, Сэди и Энн. Блондинка с великолепной фигурой, глубоким вырезом и грудным голосом. Она бросилась мне на шею, и глаза ее наполнились слезами.

— Джек, любимый, — прошептала она, — неужели это ты?

Лучше всего бы втащить ее к себе в комнату и запереться изнутри, но это, разумеется, было невозможно. Я сурово сказал:

— Ты знаешь, зачем я приехал.

И, словно по команде, на лестнице появился мужчина средних лет. Бляха шерифа у него на груди подтверждала мои предчувствия.

— Джек! — Он задыхался: слишком быстро взбежал по лестнице. — Так ты получил мою телеграмму? Банда Эллертона в городе, Джек, и сейчас они окружают гостиницу. Братья Бигби, Лисица Райт, Одноглазый Джо... в общем ты знаешь.

О да, я знал и легко мог представить себе, что будет дальше. Крики с улицы «Джек, сдавайся!», мои медленные, торжественные шаги навстречу судьбе, перестрелка, Лисица Райт в засаде на крыше дома напротив, а в переулке — Одноглазый Джо, готовый всадить пулю мне в спину. Все, что произойдет дальше, известно заранее.

Я без колебаний принял единственно правильное решение. Нажал на кнопку и выключил телевизор. Экран погас, шериф и Лола исчезли. Другой рукой я отсоединил от сети провода электродов, вживленных в мой мозг.

Передачи по развлекательной программе тотального воздействия становятся все бездарнее и банальнее.

Неудавшееся вторжение

Однажды в июне, в среду, ровно в двенадцать поль-ноль по Гринвичу внезапно заработали все радиоприемники на Земле. Каждый переносной передатчик, каждая радиола, каждый транзистор вдруг разразились пронзительным воем; звук становился то выше, то ниже и переходил с диапазона на диапазон. Шум был нестерпимый, и уже в двенадцать часов пять минут повсюду — и в городах, и в сельской местности — царил полный хаос. В магазинах радиотоваров звуковые волны вдребезги разнесли витрины, а вой из приемников заглушался стонами и воплями людей, у которых лопнули барабанные перепонки.

Что самое удивительное, заработали даже не включенные в сеть приемники. Любой аппарат, в котором был хоть один исправный транзистор, трубка или электронная лампа, выл так же громко, как и все остальные. Люди набрасывались на свои радиолы с секачами для рубки мяса или другими орудиями в этом же роде. Некоторые пытались уйти за пределы слышимости, но это оказалось не так-то легко, потому что и в самых труднодоступных альпийских селениях, и в горных пещерах, на пляжах и на уединенных тропинках — прибежище влюбленных — всегда найдется хоть один человек с транзистором.

В городах все полицейские машины были брошены на пресечение паники. Но они были бессильны — ведь из их собственных радиотелефонов раздавался все тот же непостижимый вой. Один телерепортер в Токио стяжал себе вечную славу тем, что на экране телевизора демонстрировал — без слов, их все равно никто бы не расслышал, — как быстрее всего можно вывести из строя радиоаппаратуру. А одно негритянское племя в Конго выследило и убило коммивояжера, который месяц назад продал вождю давно устаревший приемник с наушниками.

Потом на Землю высадились инопланетяне.

Нападение было тщательно подготовлено. За много месяцев до того, как первый космический корабль стартовал с Венеры, Верховный главнокомандующий приказал построить военную базу на обратной стороне Луны. На этой базе, которая была так хорошо замаскирована, что ее не засек даже самый дотошный луноход, тут же начал работу Старший переводчик со своим штабом. Много недель подряд они ловили земные радио- и телепередачи и в конце концов овладели большинством языков Земли. После этого Старший переводчик с законной гордостью доложил Верховному главнокомандующему, что пора переходить к следующему этапу завоевательной операции. Он состоял в прослушивании информационных программ и политических обзоров с целью выяснить, какими оборонительными средствами располагает человечество и каковы его наиболее уязвимые места. Это удалось неожиданно быстро. Верховный главнокомандующий выделил группу военных инженеров, которая по указаниям Старшего переводчика создала непобедимое для землян оружие, и дал команду приготовиться к атаке. Ровно в шестнадцать ноль-ноль по Гринвичу вой прекратился столь же внезапно и необъяснимо, как и на-

чался. Одновременно в шести земных столицах приземлилось по космическому кораблю, и из них высыпали гости с Венеры, спеша вступить во владение новой планетой.

Пришельцы не ожидали встретить организованное — да и вообще какое бы то ни было — сопротивление. Перед вылетом с базы на Луне Верховный главнокомандующий обрисовал им положение вещей, и многим упоение победой настолько вскружило голову, что они даже не захватили с собой оружия. Тем больше они растерялись, когда уже через несколько минут после посадки их окружили боевые порядки пехотинцев, обрушившие на них дождь пуль и гранат. В отличие от гражданского населения военные не ломали радиоприемников и связь у них работала безукоризненно. Весть о происходящем немедленно дошла до всех без исключения, даже мельчайших воинских частей, и к месту посадки кораблей были стянуты целые армии. Даже те из пришельцев, кто предусмотрительно облачился в боевые панцири, недолго могли устоять против автоматных очередей и ракет. Уцелевшие побросали свои лучевые пистолеты и подняли вверх щупальца в знак того, что они сдаются. Лишь одному экипажу ценой жертв и героических усилий удалось поднять в воздух свой корабль. Они нажимали на рычаги управления щупальцами, зелеными от крови, а между тем все их мужество было напрасно: когда они уже подлетали к базе на Луне, корабль настигла управляемая на расстоянии ракета типа «Авангард».

Как ни парадоксально, Верховный главнокомандующий узнал о случившемся от диктора земного телевидения. Слуховые усики Старшего переводчика работали на полную мощность; он стоял рядом с Главным командующим и давал синхронный перевод сообщения на язык венериан.

—... и Вашингтон подверглись сегодня днем падению космических кораблей, происхождение которых пока не установлено. Астрономические обсерватории и радарные службы в разных странах обнаружили корабли задолго до их приземления, и на всякий случай к расчетным точкам посадки были стянуты войска. Бои были ожесточенными, но непродолжительными. Пять кораблей попали в руки оборонительных войск целыми и невредимыми, шестой был полностью разрушен в космическом пространстве. Взято значительное количество пленных, в ближайшее время они будут подвергнуты допросу. Предполагается, что нападение как-то связано с таинственными радиосигналами, которые...

Старший переводчик выключил телевизор и грустно посмотрел на Главнокомандующего. В ответном взгляде он прочитал укор.

— Как это могло получиться? Настоящая катастрофа! Наш десант разгромлен, пять кораблей новейшей конструкции в руках врага. Если теперь люди вздумают напасть на нас, мы, можно сказать, беззащитны. А ведь вы уверяли, что вся жизнь на Земле погибнет, как только мы пустим в ход новое оружие.

Старший переводчик безнадежно вздохнул.

— Ничего не понимаю, — сказал он, чуть не плача. — Очевидно, мы допустили какую-то ошибку в конструкции. Наше оружие должно было вызвать громкий вой во всех земных радиоприемниках. Я ведь все время слышал в информационных программах и обзорах, что самая смертельная опасность для всего живого на той планете — это сильная и непрекращающаяся РАДИОактивность.

В плену дождя

Я сидел на своем обычном месте за стойкой, поближе к кассе, и тут вдруг вбегают этот парень. Я немного удивился, что ко мне заглянул клиент. Во-первых, время всего три часа, во-вторых — дождь как из ведра. Потoki воды низвергались на оконную витрину с большими белыми буквами «БАР ДЖО».

А впрочем, люди бывают разные, и если уж ему не страшно было вымокнуть ради выпивки, то мне и подавно не жалко его обслужить. Я вопросительно поднял брови.

Он закрыл за собой дверь и подошел к стойке. Теперь я заметил, что он старше, чем показался на первый взгляд. Ему лет тридцать, рыжие волосы, зеленые глаза. С синего плаща текли струи воды, на ковре образовались лужицы.

— Ну? — спросил я не без раздражения. — Что для вас?

Он бросил тревожный взгляд в окно, потом умоляющий на меня.

— Будьте так добры, — сказал он, — спрячьте меня где-нибудь.

— Полиция? — коротко спросил я.

— Да... нет... не знаю. Но я не преступник, клянусь вам. Будьте так добры...

Обычно я никогда не ввязываюсь в сомнительные истории, но, вероятно, была как раз Неделя Отлич-

ного Обслуживания — ничто другое не могло бы заставить меня нарушить свои принципы.

— Иди сюда, — сказал я и открыл дверцу в стойке; он прошмыгнул на мою сторону.

Я поднял крышку люка. Мы вдвоем вытащили наверх четыре бочонка пива — люк у меня точно рассчитан на четыре бочонка. Парень залез в люк, и я опустил крышку.

Потом я побежал в мужскую уборную и открыл маленькое окошко, выходящее на задворки. Не успел я вернуться на свое место за стойкой, как в бар вошли еще двое. Оба в макинтошах полувоенного покроя, с тем анонимно-официальным видом, по которому в любой стране можно узнать полицейского в штатском.

И действительно в руке у одного из них мелькнул и тут же скрылся в кармане какой-то металлический жетон.

— Где он? — спросил полицейский.

— Кто?

— Молодой человек, который только что вошел в бар. Мы видели, как он спрятался здесь, и он отсюда не выходил, так что не вздумайте темнить.

Я почесал в затылке и сделал вид, будто припоминаю.

— Рыжий, в синем плаще?

Парочка закивала, как две марионетки на одной веревочке.

— Он прошел сюда. — Я указал на мужскую уборную.

Один из полицейских ринулся к двери и распахнул ее. При виде открытого окошка и задворков он злобно выругался.

— Смылся, — констатировал он. — Попробуем догнать.

Не затворив за собой дверь, он выскочил на ули-

цу. Второй полицейский бросил на стойку карточку с какими-то цифрами.

— Если еще раз его увидите, позвоните по этому телефону. Поможете нам поймать его — получите вознаграждение.

Он небрежно отдал честь и поспешил вслед за своим коллегой.

Через минуту я извлек парня из тайника. Он отряхнул плащ и, казалось, собрался уходить.

— Не торопись, — посоветовал я. — Сейчас тебе безопаснее побыть здесь. Выпей и отдышись. Виски?

Он нерешительно кивнул.

— Денег у меня не густо...

— Ладно, дам в кредит, — перебил я и налил ему рюмку шотландского виски, которую он осушил одним глотком. Когда он ставил рюмку на стойку, руки у него дрожали.

— Ну а теперь выкладывай, — сказал я. — Что ты натворил?

Он вздохнул и показал на улицу.

— Вот это.

Я посмотрел в окно. Дождь перестал, сквозь разрывы в облаках проглядывало солнце. Как всегда в это время дня, машин на улице было мало, но близился час, когда все наперегонки ринутся в пригороды.

— Что «это»? Уж не дождь ли?

Я улыбнулся — ведь это была шутка, но его она не рассмешила.

— Да, дождь.

— Ты сумасшедший, — догадался я.

— Объясните это тем типам, что гнались за мной.

Люди, повторяю, бывают разные, а этот парень, пусть даже он и чокнутый, показался мне занятым. К тому же я упивался сознанием собственного бла-

городства: ведь я только что помог человеку в беде. Я откупорил банку пива, налил два стакана и один подвинул к нему.

— Выкладывай, — сказал я еще раз.

— Зовут меня Клод Рейнз, — начал он. — Я ирландец, родом из Дублина. Еще в детстве...

Я жестом остановил его и повторил его имя.

— Кажется, был такой актер...

— Клод Рейнз. Да, был. Мы однофамильцы, а моя мамаша обожала его, не пропускала ни одного его фильма и назвала меня Клодом в его честь. Рассказывать дальше?

Я кивнул.

Клод поведал мне, что с тех пор как себя помнит, он ненавидит дождь. В Дублине дождь идет ежедневно, но Клоду выпало на долю мокнуть гораздо больше, чем другим, потому что стоило ему высунуть нос из дому, как начинался ливень.

— Еще в первом классе меня за это дразнили. На переменах я старался под любым предлогом остаться в классе, а если выходил во двор — тут же разверзались хляби небесные. Я так и не выучился играть в футбол, потому что все матчи, в которых я пытался участвовать, приходилось прекращать из-за дождя. У меня не было товарищей. Соседским ребятишкам не хотелось играть на улице под проливным дождем.

Разумеется, сказал он, никто всерьез не верил, что он и правда как-то влияет на погоду, но у него все это вызвало дикую ненависть к дождевым тучам. Хуже всего было летом. Папаша его весьма преуспевал и мог ежегодно на месяц выезжать с семьей на курорты. Но куда бы они ни ездили, люди говорили, что не припомнят такой плохой погоды, как в это лето. Рекордное количество осадков и наводне-

ния преследовали их семью всюду, хотя до и после их отдыха светило солнце.

— Постепенно я приспособился урывать себе иногда солнечную минутку, но это требовало поворотливости, — продолжал он. — Если, когда я появляюсь на пляже, на небе ни облачка, пройдет по меньшей мере полчаса, а то и сорок пять минут, пока упадут первые капли. Тогда я уйду домой и дождусь, чтобы небо опять прояснилось, и потом могу урвать еще полчаса.

Клод учел это, когда пришло время выбирать профессию. Он окончил торговое училище и основал фирму, выполняющую заказы по почте, что давало ему возможность большую часть года проводить за границей, закупаая товары.

Он отхлебнул пива.

— Разумеется, я специализировался на товарах из солнечных стран. Однажды — это было в Паттани, в Таиланде, — я успел до дождя пролежать на пляже целых тридцать пять минут и считал это большой победой. А потом мне попала на глаза заметка о здешних местах, где пляж тянется на много миль и наибольшее количество солнечных дней на материке. Впервые я приехал в этот город...

— Три года назад? — договорил я за него.

Клод смерил меня долгим взглядом.

— То, что я рассказываю, уже не кажется вам бредом сумасшедшего?

Я пожал плечами. Я приобрел этот бар четыре года назад, тогда оборот его составлял семьдесят тысяч и казалось, что есть прямой смысл вложить в него все свои сбережения. А потом три сезона подряд пошли прахом из-за непрерывных дождей, и теперь мои дела обстояли далеко не блестяще.

— Продолжай, — сказал я.

— В первый день на этом побережье мне удалось позагорать больше часа, так что я, ясное дело, остался здесь. Это было время, когда прибывают первые туристы, и я оставался до осени, пока не разъехались последние. Следующей весной я приехал снова. Все те, кто отдыхал здесь в прошлом году, предпочли отправиться в другие места, но вместо них приехали новые люди. Возможно, их было меньше, чем тогда, но все же больше, чем в этом году.

Стаканы у нас были пустые, и я откупорил новую банку пива.

— А при чем тут полиция?

— Подождите, дойду и до этого. Нынешней весной я прочел в газетах, что власти выделили средства на обширное метеорологическое исследование. Цель его — выяснить причины ухудшения климата. В вычислительную машину закладываются все мыслимые данные, начиная от направления ветров и кончая статистикой туристов.

Как оказалось, неделю назад Клода пригласили в министерство туризма. Электронный мозг наконец-то отыскал фактор, общий для последних трех лет, и этим фактором оказался мистер Рейнз. Он был единственным туристом, приехавшим сюда снова после отпуска, загубленного непрерывным дождем. Чиновник министерства оправдывался, но оставался непоколебимым в своем решении. Разумеется, это всего лишь случайное совпадение, твердил он, но поскольку на карту поставлены миллионы и под угрозой вся индустрия туризма, министерство не может позволить себе ни малейшего риска. Клода просят уехать и даже предоставляют бесплатный билет до любого пункта, какой он укажет.

— Ну и что же ты ответил?

— Отказался наотрез. Меня не могли обвинить ни в чем противозаконном, а что касается дождя, то

я ловко прикинулся и просто посмеялся над эдакой чепухой. Но исследование было проведено тщательнее, чем я предполагал. Когда всплыла моя фамилия, сыщики изучили мое прошлое чуть ли не день за днем. Чиновник показал мне отчет. Там были записаны даты и названия мест, где происходили наводнения и выпадало рекордное количество осадков.

И все-таки Клод отказывался покинуть город. Чиновник выразил сожаление, но вынужден был его отпустить, и ирландец полагал, что на этом все и закончится.

— На самом же деле теперь-то все и началось. В последние два дня я трижды чуть не попал под машину, и после неудавшегося наезда машины мгновенно исчезали. А вчера утром, через пять минут после того, как я ушел на пляж, в моем гостиничном номере взорвалась бомба. И со вчерашнего вечера эти два типа в штатском преследуют меня по пятам. Сегодня ночью я спал под пальмой, а дождь лил как из ведра.

— Почему бы тебе не принять от них в подарок билет на самолет?

— Я боюсь. После той бомбы у меня появилось подозрение, что на уме у них вовсе не высылка, а кое-что похуже. Я даже не решаюсь сам поехать в аэропорт и купить себе билет, впрочем, все равно почти все мои деньги остались в гостинице.

Несколько минут мы молчали; он задумался, я тоже погрузился в размышления.

— Послушай, да ты — жалкий дилетант, — сказал я наконец. — Сидишь здесь и ждешь, когда тебя пристукнут, а ведь твой талант мог бы принести миллионы и тебе, и мне.

Он в растерянности вытаращил на меня глаза.

— Миллионы? Каким же образом?

— Неужто не понимаешь? Как по-твоему, на какую сумму раскошелится наше министерство туризма, если ты пообещаешь им поселиться на каком-нибудь конкурирующем курорте?

На мгновение лицо его просветлело, но тут же омрачилось снова.

— Я не решаюсь вступать с ними в контакт. Хорошо еще, если я выберусь отсюда живым.

— Контакты я беру на себя.

Он покачал головой.

— Забудем об этом.

— Как хочешь. Есть и другие способы. В мире немало стран, для которых недостаток влаги — национальная катастрофа. Если мы предложим им твои услуги, можем получить в уплату нефтяные скважины.

На сей раз он клянул.

— Но поверят ли они мне?

— Да ведь ты мастер своего дела. И пусть удовлетворяют все требования, не то — еще несколько лет засухи. А если говорить серьезно — у меня есть рука в министерстве туризма, да такая, что мне ничего не стоит раздобыть копию отчета о твоём прошлом. Не сомневайся, этого будет достаточно. Ну что скажешь? Согласен быть моим компаньоном?

Я протянул ему руку, и он пожал ее.

— Тогда сделаем вот что. Я закрою бар, мы пойдем ко мне домой, и ты хорошенько выспишься. Завтра утром мы найдем способ, как тебе выбраться отсюда, а потом начнем зашибать деньги. Ну что, подходит?

— Еще как, — сказал он, вставая. — Подожди минуточку, мне надо облегчиться: пиво-то дает себя знать! А потом мы продолжим разговор.

Когда он скрылся в уборной, я прокрался к телефону. Три года этот субъект разорял меня, теперь

у меня появилась надежда снова встать на ноги. Я набрал номер, который мне дал полицейский, и сказал без обиняков:

— Он здесь. В «Баре Джо».

На другом конце провода положили трубку, не ответив, но я готов поклясться, что и двух минут не прошло, как парочка в макинтошах ворвалась в бар. Я показал на уборную.

Уж кому не везет, тому не везет. Несмотря на всю мою осторожность, парень, верно, что-то услышал: окошко, выходящее на задворки, было распахнуто, а рыжего ирландца и след простыл. Дождь пошел опять, еще сильнее, чем прежде.

Думаю, что они его не поймали. Во всяком случае вознаграждения я не получил. Не знаю, как удалось ему перейти границу, не имею понятия и о том, куда он направился.

Но последние две недели в Сахаре идут проливные дожди.

Ящик

Он построил совершенный дубликатор. На это ушло тридцать лет. Одно вскользь брошенное во время лекции слово послужило первым толчком, а смерть родителей обеспечила деньги. Как только было прочитано завещание, он сообщил в университете о своем уходе.

В течение трех десятилетий он жил как отшельник, размышлял, читал, экспериментировал. Три десятилетия ночных бдений, нерегулярного питания и сидения за столом сделали его сутулым и близоруким, а в волосах раньше времени пробилась седина.

С утренней почтой он получил письмо от своих адвокатов. Последняя акция была продана, последний участок земли превращен в деньги.

И вот он, старый изможденный человек, сидит и созерцает свое творение. Совершенный дубликатор.

Посетитель, заглянувший к нему в лабораторию, принял бы аппарат за морозильник — длинный белый ящик с крышкой, несколькими лампочками, стрелками и кнопками. Длинный белый ящик, которому предстоит преобразить мир.

Совершенный дубликатор изготовлял копии. Абсолютные, трехмерные копии живой и мертвой материи. Стоит лишь поднять крышку, опустить в ящик чашку в цветочек с отбитой ручкой, нажать

на кнопку «старт», и через минуту вы вынимаете две чашки в цветочек с отбитыми ручками. Столь же просто один котенок превращался в двух. Хотите получить больше чашек или котят, повторите процедуру.

Материал для копий дубликатор добывал из воздуха. Являясь как бы электронным вариантом философского камня, он перестраивал атомы в нужную модель, не обращая ни малейшего внимания на научные законы и аксиомы, записанные в учебниках. Расход энергии был минимальным: работу дубликатора вполне обеспечивала парочка солнечных элементов.

На начальном этапе своих изысканий он часто мечтал об этом дне. В лаборатории толпятся представители мировой прессы, а профессора, краснея, признаются в своей бессилии объяснить процесс. Но годы добровольного одиночества изменили его фантазии. Ему не нужны стали аплодисменты, восхищенные репортажи могли остаться ненаписанными. В свое время мир все равно узнает о его величии.

Десять лет назад в его дверь постучался последний посетитель — товарищ по университету, случайно оказавшийся в тех местах, — но впущен не был. Его контакты с внешним миром ограничивались одним телефонным разговором в неделю с продуктовой лавкой в деревушке и несколькими купюрами в корзинке, выставленной на веранде и предназначенной для посыльного из лавки.

К концу работы его существование превратилось в борьбу со временем. Еще неделю назад было не ясно, успеет ли он закончить задуманное прежде, чем истратит последние крохи своего наследства. Но он успел, и вот дубликатор перед ним. Совершенный дубликатор. Две кофейные чашки с отбитыми ручками на крышке аппарата и два абсолютно одинако-

вых котенка, играющие с клубком шток в углу комнаты, свидетельствуют об его успехе. Тридцать лет изнурительного труда наконец-то будут по достоинству вознаграждены.

Больше часа сидел он почти неподвижно. В ту же секунду, когда дубликатор заработал, он осознал один очень невеселый факт. В течение всех этих тридцати лет его планы и мечты заканчивались именно на этом. Он не имел ни малейшего представления, что делать дальше.

Когда в свои двадцать с небольшим он начинал работу, конечная цель не вызывала никаких сомнений. Изобретение принесет ему богатство, неисчислимое богатство — каким образом, его не волновало. Крёз и Соломон поблекнут рядом с ним. Богатство даст ему власть, а богатство и власть принесут счастье.

Теперь эти фантазии он мог бы с легкостью осуществить. В кармане у него, правда, лишь несколько монет, но через несколько часов этих монет станет столько, что вполне можно будет обменять их на пару слитков золота, которые в свою очередь... Или частным лицам запрещено иметь в обращении золотые слитки? Он не знал этого точно, да, по правде говоря, его это не интересовало. Может ли богатство вернуть ему молодость? Может ли оно дать ему настоящих друзей, если он решится нарушить свое одиночество? Вряд ли.

Ну а власть? Посвятить ближайшие годы завоеванию мира? Добыть оружие и патроны и скопировать самого себя, создав непобедимую миллионную армию? Он мысленно представил себе бесконечные шеренги марширующих чучел, сторбленных, в очках со стеклами толщиной в сантиметр, и содрогнулся от отвращения.

Оставалось только стать благодетелем человечества. В белом ящике были еда для голодающих, лекарства для больных, роскошь и изобилие для бедных. Он мог бы даже создать уменьшенную копию дубликатора, а потом размножить его в большом аппарате.

Это-то уж по-настоящему преобразит мир, не так ли? А что останется на долю человека, которому уже не к чему будет стремиться, незачем строить планы? Скука и апатия, общество, которое сначала застынет в своем развитии, а потом покатится назад. Кому будут нужны знания, если все, что пожелаешь, можно найти под крышечкой дубликатора? Конечно же, пути, которыми пойдет человечество, если каждый получит в свое распоряжение дубликатор, могут быть различными, но все они приведут к катастрофе.

Он встал со стула и окинул взглядом лабораторию.

Тридцать лет ушло на то, чтобы построить дубликатор. Чтобы разрушить его кувалдой, потребовалось всего тридцать минут.

Все наверх!

«Самое странное,— часто думал он потом,— что все казалось очень просто и естественно». Он ни чуточки не испугался, не поразился, хотя и несколько удивился, увидев того человека на опушке. Вообще первым обнаружил незнакомца Бустер, бульдог. Залаял, подбежал и начал обнюхивать. Человек улыбнулся собаке.

— Не бойтесь,— крикнул владелец бульдога.— Собака не укусит, она просто любопытна.

Теперь человек улыбнулся уже ему.

—... не боюсь,— заверил он.

Дул холодный ветер, под лучами мартовского солнца растаяла лишь небольшая часть снежного одеяла на опушке. Тем не менее на человеке не было ничего, кроме голубых плавок. Он сидел, прислонившись к валуну, и, казалось, наслаждался солнцем, больше всего напоминая туриста, расположившегося на солнечном берегу.

— Вам не холодно? — не удержался от вопроса хозяин собаки.

Ему самому показалось, что это прозвучало глупо, и, чтобы скрыть неловкость, он продолжил:

— Вы живете здесь поблизости? У меня небольшой домик по ту сторону холма.

— Мне не холодно,— услышал он в ответ.— И я не живу здесь поблизости.

Собака спокойно улеглась у ног незнакомца. Тот

наклонился и почесал ее за ухом, но продолжал смотреть на хозяина, как бы ожидая дальнейших вопросов.

— Вы понравились Бустеру. Обычно он с подозрением относится к незнакомым. По-моему, он вообще раньше никогда так себя не вел. Может, у вас тоже есть собака?

Человек по-прежнему улыбался. Это внушало какое-то необъяснимое к нему доверие.

— Нет, у меня нет собаки. У меня есть...

Незнакомец замолчал и развел руками. Может быть, иностранец? Во всяком случае он не мог подобрать слова для обозначения своего домашнего животного.

— Кошка?

— Нет, не кошка.

Даже голос внушал доверие. Только много недель спустя он понял причину. Голос незнакомца был просто-напросто точной копией его собственного.

— Мне следовало бы представиться. Инженер Лундберг. Мы с Бустером совершали воскресную прогулку и сейчас направляемся домой. Не хотите ли составить нам компанию и перекусить?

Слова вырвались у инженера прежде, чем он успел подумать. У Лундберга не было привычки приглашать домой незнакомых, а с полуголыми мужчинами, сидящими в сугробе, следовало бы быть особенно осторожным. Но парень небось замерз, хотя и отрицает это, а то, как воспринял незнакомца Бустер, явно говорило в его пользу, так же как его улыбка и голос.

Человек встал.

— Меня зовут Сири,— сказал он.— Я хочу составить вам компанию.

Сири?

Инженер ждал, что Сири достанет свою одежду, он ведь мог, скажем, быть «моржом», поэтому и сидел в сугробе, наслаждаясь солнцем. Но Сири — Сири? — тут же подошел к нему, и инженер, удержавшись от комментариев, направился к дому.

— Простите за навязчивость, вы швед или приехали из какой-нибудь другой страны?

Лундберг не заметил в речи незнакомца ни малейшего акцента, но то, как тот искал слова, посеяло в нем сомнения. Да еще краткие ответы Сири, за которыми ни разу не последовало ни одного вопроса.

— Я не швед. Я приехал из...

Опять жест руками, но на этот раз он устремил взгляд в небо.

— Сверху?

— Сверху.

Абсолютно уверенно. Без тени сомнения или попытки объяснить.

Если когда Лундберг и должен был бы испугаться и попытаться улизнуть, чтобы предупредить полицию или вызвать «скорую», так именно сейчас. Но вместо этого он разразился хохотом.

— Понимаю,— фыркнул он.— Ты, конечно, прилетел на летающем блюде. Но как же ты научился говорить по-шведски? Заочно? Или на Марсе все говорят по-шведски?

— Я не говорю по-шведски,— поправил инженера незнакомец.— Ты говоришь. Я понимаю.

Бустер заметил белку и залаял. В следующую секунду раздался еще один лай, на этот раз он исходил от Сири. Собака тут же кинулась к нему и приглушенно заворчала. Самое смешное, что в ворчании ее слышался явный вопрос. Незнакомец ответил новым ворчанием, и этот странный разговор продолжался еще с минуту. Бустера словно околдо-

вали. Огромный бульдог прыгал и танцевал, не отрывая от Сири взгляда, полного восхищения. Короткий лай Сири, и бульдог остановился.

— Бустер говорит,— сказал Сири.— Я понимаю. Я говорю. Бустер понимает.

Инженер Лундберг взглянул на своего гостя. Среднего роста, довольно загорелый, темные волосы, голубовато-зеленые глаза, на вид лет тридцать. Самому инженеру недавно исполнилось сорок.

— Да, но... это невозможно,—запротестовал он.— Ты хочешь сказать, что у Бустера есть свой язык, и ты выучил его, как только услышал?

Он замолчал и попытался припомнить, что говорилось до сих пор. Сири действительно не произнес ни одного слова, которого бы сначала не употребил он сам, отметил Лундберг. А словарный запас Сири за время разговора явно расширился.

Чтобы проверить свое предположение, инженер сказал:

— Если я правильно понял, ты прибыл на космическом корабле. Это заставляет сделать ряд допущений, одинаково невероятных. Либо ты прилетел с соседней планеты, несмотря на заверения астрономов в том, что они необитаемы, либо из другой солнечной системы. Но так как скорость света превысить нельзя... я читал, что нашим самым современным ракетам понадобились бы сотни лет...

Лундберг вдруг потерял нить разговора, поразившись парадоксальности ситуации: морозным мартовским воскресным днем он обсуждал космические путешествия с совершенно незнакомым человеком в плавках. Человек хоть, слава богу, на вид безобидный. Даже симпатичный.

Сири, внимательно его слушавший, семенил рядом по узкой лесной тропинке. Он возразил:

— Ты неправильно меня понял. Я прибыл, но не

на космическом корабле. И скорость света можно превысить, если у тебя есть...

И вновь жест, означавший, что у него не хватает слов.

— Ладно, как хочешь. Поговорим об этом после обеда. Вот здесь я и живу. Входи и чувствуй себя как дома.

Да, вот такая выходит история с географией. Вытащил голову, хвост увяз. Я ведь знаю, что будет дальше, да больно уж медленно события развиваются. Ни к чему эти два болтуна не придут.

Погоропить их, что ли? Забежать немного вперед?

Теперь уже ясно, что Сири (и правда, странное имя, но ничего не поделаешь, зовут его именно так) действительно пришелец из космоса. Еще яснее это становится дома у Лундберга, где Сири бродит по комнатам и изучает обстановку, как будто никогда ничего подобного не видел — а ведь и, верно, не видел.

А кроме того, Сири отказался от предложенного Лундбергом обеда — жареной картошки и вареной колбасы.

В конце концов Сири удалось объяснить, почему он не ест. Он получает энергию непосредственно из солнечного света. Поскольку этот свет должен быть профильтрован через воздушный слой, а Земля оказалась как раз на его пути, он воспользовался случаем, чтобы здесь «перекусить». Космический корабль ему не нужен. Его народ уже многие тысячелетия путешествует в космосе с помощью телепортации. На более дальние расстояния телепортация осуществляется поэтапно, но все равно происходит практически мгновенно.

— Внизу, на поверхности планеты, конечно, другое дело,— уточнил он.— Там мы вынуждены использовать машины, если очень спешим.

— Автомобили?

В первый раз с момента их встречи Сири, казалось, не понял вопроса. Его хозяин достал газету и словарь и показал ему изображение автомобилей и двигателей внутреннего сгорания.

— Но это же неразумно,— прокомментировал Сири.— Подумать только, какими примитивными методами вы пользуетесь. Судя по всему остальному, что я у тебя видел, мне казалось, что вы достигли гораздо большего. Ты хочешь сказать, что вы используете нефть, чтобы привести в движение эти чудовища? Разве они не загрязняют воздух?

— Еще как,— мрачно кивнул инженер Лундберг.— Но что же нам делать, если нет другого выхода?

— Выход есть. Машина, которой пользуемся мы и которая есть почти на всех цивилизованных планетах, намного лучше. Хочешь узнать, как она работает?

— Ты и мысли читать умеешь?

Сири улыбнулся.

— Нет, не умею. Наша способность инстинктивно понимать чужие языки врожденная, как и наш способ перемещения на другие небесные тела. Но это во всяком случае не телепатия. Не знаю даже, можно ли этому научить. Если бы у меня было больше времени...

Эта реплика Сири вызвала беспокойный вопрос со стороны Лундберга.

— Я надеюсь, ты не собираешься сейчас уходить? Мне нужно задать тебе миллион вопросов.

В ответ пожатие плечами.

— Понимаю. Но не успею тебе больше ничего

рассказать. Мне надо понасть на собрание, я и так задержался здесь слишком долго.

Подняв руку, Сири приостановил поток протестов.

— Знаешь что,— сказал он,— дай-ка мне бумагу и карандаш. Пожалуй, я успею сделать чертеж нашей машины. Если тебе этот чертеж покажется слишком сложным, у вас наверняка найдутся ученые, которые помогут тебе разобраться в конструкции.

Лундберг вытащил из ящика стола письменные принадлежности. Поискал в кармане сигареты, вспомнил, что оставил их на столе в кухне, и вышел.

Пока он чиркал спичкой о коробок, он услышал, как хлопнула входная дверь.

Гость ушел, но на столе остался лист бумаги. Лундберг, дрожа от нетерпения, склонился над ним.

Сири сдержал слово.

На бумаге был тщательно нарисован велосипед.

Эх, не очень-то здорово получилось. Столько слов, а результат ничтожный. Меня начинает брать сомнение, правду ли говорил Сири. Я имею в виду велосипед. Неужели это и есть эпохальное изобретение? А что они делают там, на его родной планете, когда им нужно перевезти рояль? Или они играют только на контрабасе и флейте?

Тут и Лундберг начал приходить в себя. Он вспомнил целый ряд неприятных фактов — например, то, что хотя поблизости и нет сумасшедшего дома, зато есть приют для алкоголиков. А ведь хорошо известно, какими очаровательными людьми могут быть некоторые алкоголики, если постараются. Хотя Сири вообще-то даже от пива отказался, но он, наверное, надеялся, что ему предложат что-нибудь покрепче.

Нет, так закончить нельзя. Вся история повисла в воздухе. Давайте продолжим еще немного.

Второй раз за день инженер Лундберг разразился хохотом. Ну и основательно же его надули. Его, который всегда бывает так сдержан, даже подозрителен по отношению к незнакомым.

Внезапно он поддался какому-то импульсу и прошел в столярную мастерскую, где еще осенью поставил свой старый велик. Все еще улыбаясь, он перекинул ногу через раму, оперся рукой о стену и уселся на неудобное седло. Потом закрыл глаза, стараясь отвлечься от сугробов на маленьком дворике и инструментов на верстаке в полумраке мастерской.

Вот так все и началось, фантазировал он. Народ Сири сосредоточил свои способности на духовных упражнениях, а не на технических. Велосипед явился кульминацией их технического развития. Для того, чтобы попасть на другую планету, они просто начинали думать о том месте, куда хотели переместиться.

Как оно может выглядеть, это место? Воздух там должен быть непременно, хорошо бы и тепло было — для разнообразия. Скажем, пустыня — и два солнца для верности. Если сосредоточиться как следует...

Падение на песок заставило его открыть глаза. В полном зимнем облачении он сидел на вершине холма и смотрел на простирившуюся перед ним пустынную местность. Он заметил, что отбрасывает две тени.

По тропинке у подножия холма шел человек в набедренной повязке. Рядом с ним ковыляло шестиногое лохматое существо. Пораженный открывшимся перед ним видом на вершине холма, человек крикнул:

— Кууланг матьянгаба вева?

Значение слов было совершенно понятно инженеру Лундбергу.

— Матьянгаба вева, — заверил он дружелюбно.

Источники

- Carl Johan Holzhausen, Och hoppets färg är grön. Delta Förlags AB, Stockholm, 1977.
- Jerry vill ha ett marsvin, в сб. Science fiction på svenska, en antologi med svensk science fiction sammanställd av Sam Lundwall, Delta Förlags AB, Stockholm, 1977.
- Sam J. Lundwall, Alice, Alice! Delta Förlags AB, Stockholm, 1974.
- Skuggor, в сб. Science fiction på svenska, en antologi, 1977.
- Per Lindström, Livet går vidare, там же.
- Fredrik Kilander, Rättegång, там же.
- Börje Crona, P som i Persson, в сб. Stjärnornas Fred, Delta Förlags AB, Stockholm, 1977.
- Kosmisk musik, в сб. Kosmisk musik, Delta Förlags AB, Stockholm, 1977.
- Stjärnornas Fred, в сб. Stjärnornas Fred.
- En kväll på Gröna Lund, в сб. Kosmisk musik.
- Matt i ett drag, там же.
- Visionären, в сб. Stjärnornas Fred.
- Invasion, в сб. Kosmisk musik.
- Vädermöda, в сб. Stjärnornas Fred.
- Lådon, там же.
- Alle man på däck, в ж-ле Jules Verne magasinet, December, 1979.

Содержание

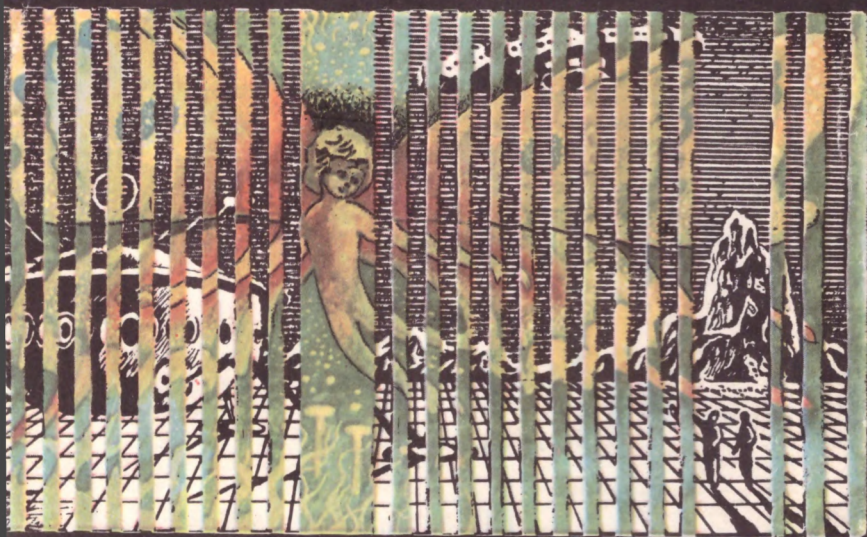
Ю. Кузнецов. Мир, каким его видят шведы	5
Карл-Юхан Хольцхаусен. Цвет надежд — зеленый. <i>Пер. Л. Горлиной</i>	20
Джерри хочет морскую свинку. <i>Пер. А. Афиногеновой</i>	207
Сам Люндваль. Мир Алисы. <i>Пер. М. Теплова</i>	234
Тени. <i>Пер. М. Николаевой</i>	374
Пер Линдстрём. Жизнь продолжается. <i>Пер. С. Белокриницкой</i>	387
Фредрик Чиландер. Судебный процесс. <i>Пер. М. Николаевой</i>	404
Бёрье Круна. Пилюля злосчастья. <i>Пер. С. Белокриницкой</i>	413
Космическая музыка. <i>Пер. А. Афиногеновой</i>	429
Фред-Продавец звезд. <i>Пер. С. Белокриницкой</i>	439
Вечер в Тиволи. <i>Пер. А. Афиногеновой</i>	449
Мат в один ход. <i>Пер. С. Белокриницкой</i>	464
Провидец. <i>Пер. С. Белокриницкой</i>	468
Неудавшееся вторжение. <i>Пер. С. Белокриницкой</i>	470
В плену дождя. <i>Пер. С. Белокриницкой</i>	474
Ящик. <i>Пер. А. Афиногеновой</i>	483
Все навёрх! <i>Пер. А. Афиногеновой</i>	487
Источники	495

Зарубежная

фантастика

2 р. 10 коп.

ЦВЕТ НАДЕЖД
-ЗЕЛЕНЬИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МИР · МОСКВА

